

Альманах XI
библиофила

**«Альманах библиофила»
рассказывает
о книгах и книжниках
прошлого и современности,
библиотеках и библиофилах,
о поисках и находках в книжном мире,
о делах минувших и современной жизни
книголюбов
в разных концах нашей страны
и в других странах**

Альманах библиофила

Выпуск XI

Главный редактор
Е. И. Осетров

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

С. С. Аверинцев, В. И. Безъязычный,
В. П. Ерохин (*ответственный секретарь*),
Н. Х. Еселев, В. В. Кожин, И. А. Котомкин,
В. Я. Лазарев, А. Э. Мильчин, А. И. Овсянников,
Л. А. Озеров, П. В. Палиевский, В. Г. Утков

Художник
В. В. Вагин

Книга

и Жизнь

Дмитрий Лихачев
МОСТ В БУДУЩЕЕ

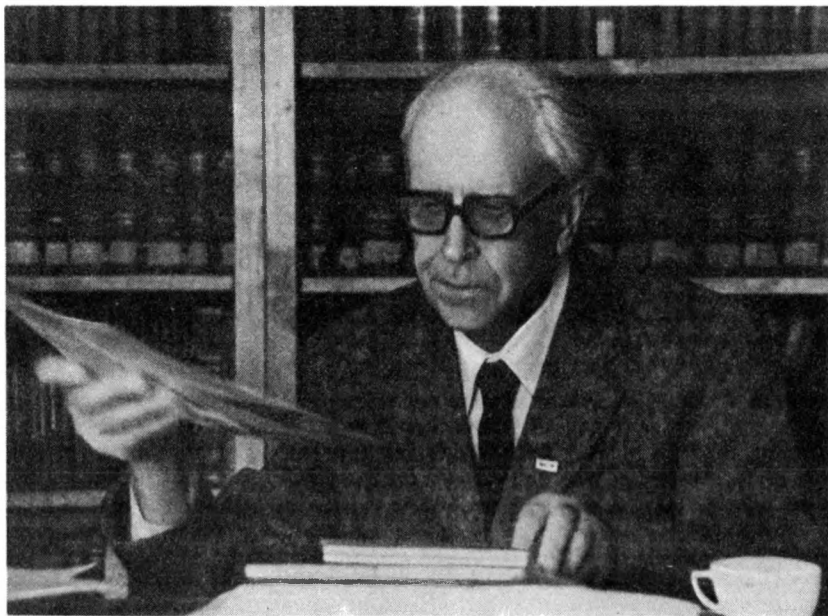
Беседу вел Константин Ковалев

Русской литературе, а следовательно, и русской книге уже почти тысяча лет. «Глаголь добро», «добро есть жизнь» — такие строки завещаны нам в нашей родной азбуке. Миллионы и миллионы букв, выстроившись в послушную цепочку «устава», «полуустава», скорописи, составляют страницы летописи национальной русской культуры. Представить себе все богатство книжного наследия Руси — немыслимо. Даже если мы постараемся напрячь память, то в первую очередь вспоминаются те произведения, которые стали хрестоматийными: «Повесть временных лет», «Слово о законе и благодати», «Слово о полку Игореве», «Задонщина», «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, вирши Симеона Полоцкого. Но на самом деле наследие это так огромно, что даже трудно составить его полное описание.

Понять значение духовного порыва древнерусского автора сквозь века, почувствовать истинное дыхание и пульс жизни пращуров наших помогут труды академика Дмитрия Сергеевича Лихачева: «Поэтика древнерусской литературы», «„Слово о полку Игореве“ и культура его времени», «Человек в литературе Древней Руси», «Возникновение русской литературы» и многие, многие другие...

Наша беседа с Дмитрием Сергеевичем началась с разговора о некоторых существенных моментах, связанных с изучением культурного наследия прошлых времен на современном этапе.

— Однажды, Дмитрий Сергеевич, вы заметили, что в былые времена бабушки дарили своим внукам распространенную тогда игрушку — миниатюрный деревянный набор построек Троице-Сергиевой лавры. Ребенок из этих разрозненных кубиков собирал цельную конструкцию древнерусского строения. Вы говорили, что таким образом как раз и воспитывалось особое чувство архитектуры, и в первую очередь древне-

Академик Д. С. Лихачев

русской архитектуры, знание и любовь к близкой и понятной тогда старине. Можно ли создать подобную модель в области литературы, то есть, можно ли воспитать у современного читателя особое чувство древнерусской литературы, приблизить ее к нашему пониманию?

— Для этого, без сомнения, есть определенный путь.

— *Через что же он лежит?*

— Через раскрытие эстетических ценностей памятников всех предыдущих поколений. Видите ли, сейчас мы воспитаны на культуре XIX века. И прежде всего это относится к литературе. Понимание же культуры для каждого современного человека должно быть самым широким. Нужно уметь понимать сущность и романтизма, и классицизма, и барокко. Культура не стареет. В сути ее движения и развития лежит не изменение, а сохранение ценностей прошлого, открытие нового в старом. Так и лучшие образцы древнерусской литературы невольно участвуют в повседневной жизни XX века. Древние писатели, таким образом,—наши современники, поскольку их читают с интересом и сейчас. Для нынешнего читателя

необходим широкий культурный кругозор. Чем шире кругозор, тем больше у человека способности понимать и принимать ценности культуры даже не столько прошлого, сколько настоящего. Косность, подозрительность, нетерпимость ко всему чуждому «старому» или чуждому новому происходит именно от узости культурного кругозора.

— Но для преодоления косности необходимо ощутить, почувствовать всю реальность культурной ценности ушедшего времени?

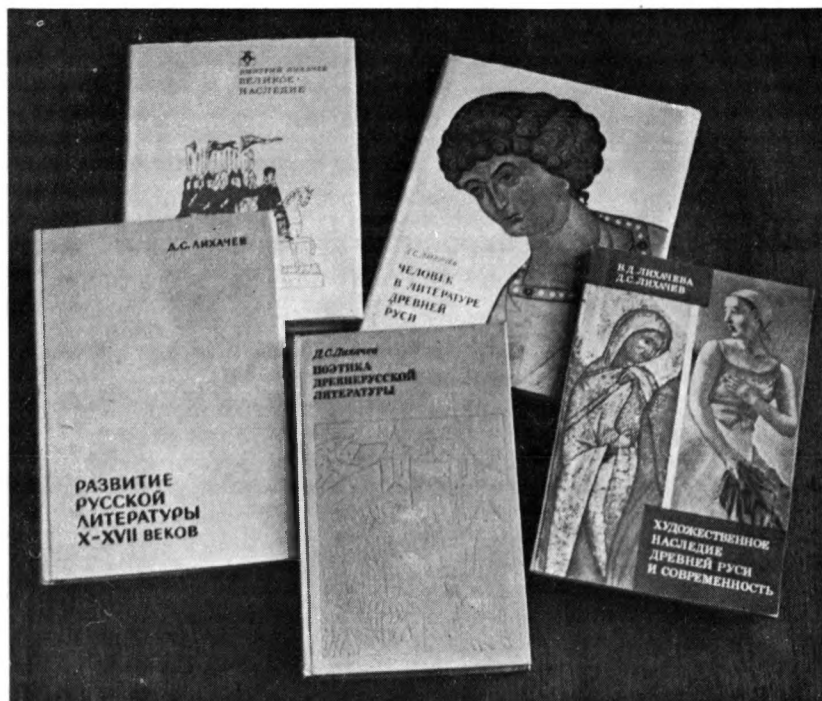
— Если мы оглянемся вокруг, то заметим, что эстетические принципы средневековой литературы не умерли, а сосуществуют с эстетикой новой литературы. Народы многих развивающихся стран живут, мыслят на уровне средневекового эстетического сознания. К нему нужно устремить наши взоры, его следует глубоко воспринять. Это — один из первых шагов на пути постижения культуры прошлого. Мы по-настоящему сознаем только свое современное национальное искусство, а теперь (и этого требует время) должны сознать искусство всех эпох и народов, зная, что каждая эпоха, каждый народ находились на своей, специфической, своеобразной стадии культурного развития.

Представьте себе, что будет, если каждый человек станет серьезно понимать различие, скажем, между романтизмом и классицизмом, если он будет «натренирован» или просто способен увидеть это различие. Тогда возможно настоящее приятие ценностей других культур. Так вырабатывается своеобразная этническая и в то же время этическая терпимость. гуманизм, рождающие миролюбие, уважение к другим народам. И тогда ни у кого не возникнет неприятия, например, негритянского искусства. Особенно же после его «открытия» для европейской цивилизации, после того колоссального влияния, которое оно оказало на нашу музыкальную, художественную культуру.

Перед наукой всего мира стоит гигантская задача — сохранить культурные памятники африканских и азиатских народов. Та же задача — сохранить и ввести в современную жизнь — стоит и в отношении истории культуры (и, в частности, литературы) нашей страны.

— В этом смысле родная речь, родное слово, литература, книга приобретают решающее значение...

— Конечно. Русскому человеку легче всего осознать эстетическую ценность наследия именно Древней Руси, так как в переводе с другого языка памятник «не звучит», часто на первый взгляд чужд, непонятен. Мы привыкли читать слово буквально и больше ничего за ним уже не видим. Средневеко-

Книги академика Д. С. Лихачева

вая же литература гораздо глубже связана со словом. В древнерусской книге слово точно, емко, язык лаконичен, мысль отточена, фабула насыщена, передача сюжета ясна и простодушна. Летописи на Руси всегда лапидарны, на книжных миниатюрах нет ничего лишнего. Но если проникнуться глубиной слова, как ее осознавали наши предки, то можно ощутить внезапное понимание того главного, что оно несет. В новой литературе — я имею в виду, в частности, литературу XIX века — многим писателям даже при помощи целых глав не удавалось так весомо высказать самое глубинное и самое задушевное.

Мы иногда не хотим представить себе, что существовало совсем другое эстетическое сознание. «Богомазы», — иронично говорят иные о древних русских иконописцах, как будто их уровень сознания был настолько примитивен, что они не могли

соблюсти не только элементарные композиционные законы живописи, но и не умели воспроизводить обычные пропорции человеческого тела. Сейчас ценность древнерусской иконописи уже общепризнанна, но все же частенько говорят, будто некоторые мастера «не умели рисовать», им не хватало «техники», что ли. А было как раз наоборот. Уровень сознания был настолько высок, что передача духовного опыта не представлялась возможной в виде слепого копирования красот окружающего мира. «Техника» и суть иконописи были на высоком уровне, а колоссальный опыт привел живописцев к богатому языку символов. Миниатюры книг, фрески — все это было отражением целой эстетической системы, а не простым «неумением».

— *Нельзя ли эту мысль сформулировать приблизительно так: уровень эстетического сознания во все эпохи был высок. Он лишь изменялся с эволюцией культуры и техническим прогрессом?*

— Это блестяще понял Пушкин, который впитал в себя многовековые традиции русской культуры. Вспомните эпизод смерти князя Олега «от коня своего». Какова сцена! По лаконичности, догадливости — она в лучших старых языковых традициях. И сказано все исключительно коротко, а как трогает душу, остается в памяти! Другое дело — «Война и мир» Толстого. Совсем иной эстетический мир. Чтобы проникнуть в его художественную «систему», нужна целая наука...

— *Значит, по-настоящему культурный человек может понять, принять к сердцу, скажем, и Даниила Заточника, и Андрея Платонова?*

— Такое понимание расширяет духовные, эмоциональные возможности человека. Через Древнюю Русь можно приблизиться к западному средневековому искусству, современной культуре Запада в ее лучших традициях. Развитие эстетического сознания значительно продвигает вперед культурное общение между народами, служит делу мира. Как война — аномальное состояние человечества, так и невежество — болезнь. В обоих понятиях одна изначальная нравственная суть...

— Григорий Сковорода однажды заметил: тот, кто дома ума не набрался, и объездив весь свет — не наберется. Главным средством для знакомства с культурой остается все-таки книга. Но даже подержать в руках древний рукописный фолиант удастся единицам. Я был свидетелем такого эпизода: женщина, увидев огромных размеров рукописный

сборник начала XVII века в тугом кожаном переплете, воскликнула: «К такой книге даже прикоснуться страшно». Подобные раритеты — достояние музеев. А ведь необходимо, чтобы читатель полистал именно такую, редкостную книгу. Может быть, выход из положения — факсимильные издания? Как вы относитесь к такого типа книгам, как недавние «Киевская псалтырь» или «Сказание о Мамаевом побоище»?

— Прекрасно, что это осуществлено. Но это — капля из огромного моря древнерусской литературы.

— Значит, нужно искать другой выход? Можно ведь интересно издавать старинные тексты на древнерусском языке, воспроизводя его шрифт, а параллельно — давать перевод. Так часто выпускали подобные книги в XIX столетии.

— Мы осуществляем такую программу совместно с издательством «Художественная литература» во многотомном своде «Памятники литературы Древней Руси». Всего надеемся выпустить 10—12 томов. Увидел свет очередной сборник, куда включены памятники XII века. Таким образом, цикл, в который входят произведения литературы домонгольской Руси, завершен. Читатели смогут с еще большей полнотой познакомиться с творениями древнерусских авторов, полными оптимизма, полными поисков деятельного, бескомпромиссного, верного идеалам истины героя. Еще раз мы убеждаемся в том, что в старину литература не носила развлекательного характера. Книги обучали человека истории. Исторический монументализм домонгольской литературы был своеобразной школой, в которой учились находить смысл существования человека и человечества, стремились постичь сущность, назначение Русского государства.

— Параллельные тексты позволяют, очевидно, еще больше приобщиться к нам язык древности?

— Конечно. Это своего рода учебник древнерусского языка. И главное, чему он может научить, — лаконизму. Необходимо, как мне кажется, подготовить и выпустить удобный словарь языка Древней Руси. Сейчас Институт русского языка АН СССР осуществляет многотомное издание подобного словаря. И все же — он не полон. Впрочем, дело и не в полноте. Крайне нужно издание учебного, однотомного словаря, которым можно было бы пользоваться повседневно, так, как мы пользуемся словарями иностранных языков. Почему бы не выпускать маленькие, удобные для работы словарики? А то получается, что свой родной, исконно русский язык мы почему-то «обошли».

А миниатюры? Ведь без этих «иллюстраций» нельзя по-настоящему читать древнерусскую книгу. Их нужно тоже как следует воспроизвести. И в первую очередь — Радзивилловскую летопись XV века — уникальное собрание миниатюр, Лицевой свод XVI века, где иллюстрации находятся за редким исключением на каждой странице, весь цикл книг, связанных с Куликовской битвой. Ведь слово выступало главным образом в своей зрительной сущности. Произведения читались по многу раз и текст необходимо было украшать инициалами, заставками, писать хорошим почерком, чтобы страница приняла красивый вид...

— В этом смысле древнерусский храм тоже представлял собой гигантскую иллюстрированную книгу. Человек, входя в него, как бы раскрывал эту книгу и, глядя на фрески, иконы, — не спеша прочитывал ее. Многие персонажи фресок держат в руках книги или свитки, также предназначенные для чтения. Дионисий, расписывая Рождественский собор Ферапонтова монастыря, в люнетах изобразил тогдашних еретиков, которые только тем и отличаются от всех остальных, что держат в руках длинные свитки со своими толкованиями. Ведь за этим тоже стоит литература...

— Безусловно. И книжная миниатюра — также толкование, комментарий. Кстати, изучая миниатюры, мы можем понять и степень осведомленности читателя тех времен, характер его восприятия, его образованность, стиль мышления и т. д. Миниатюрист — такой же читатель. Он рисует, как понимает, или же — чтобы другой читатель понял. Таким образом, искусство оформления книги в средневековье

Битва с монголо-татарами.
Миниатюра из «Жития Ефросинии
Суздальской»
Собрание Пушкинского Дома

представляет собой своеобразное литературоведение эпохи.

— А можно ли попробовать воскресить круг чтения «среднего» человека Древней Руси? Ведь в домонгольское время, как известно, существовали частные книжные собрания.

— Это более чем трудно. Если говорить о литературе светской, то до нас она почти совсем не дошла. Некоторые же экземпляры имеются буквально в одном-двух списках. Говорит ли это о том, что книг не было? Скорее — утверждает обратное: их зачитывали так, что они пропадали. То же самое происходит с наиболее популярными книгами в современных библиотеках.

— Тем не менее, вы писали, что кроме богословской литературы на Руси в XI—XIII веках были известны «Хроники» Григория Амартола и Иоанна Малалы, сочинения Иосифа Флавия и поэма византийца Акриты. Б. В. Сапунов в своем исследовании «Книга в России в XI—XIII вв.» собрал сведения о том, что на Руси читали в переводах произведения Гомера, Платона, Аристотеля, Плутарха, Пифагора, Ксенофонта, Демокрита, Еврипида, Геродота, Демосфена, Эпикура, Зенона, Козьмы Индикоплова...

— «Книжный» человек располагал такого рода литературой. Хотя он мог читать все это не только в переводе. Ведь человек считался «книжным», если он хорошо знал богословие, языки, прежде всего — греческий, имел своеобразный ораторский талант, что считалось специфической особенностью человека того времени. Ораторские речи постоянно произносились на вече, на судах, перед битвами, на посольских приемах. Речи были подобны летописям — они были краткими, содержательными, запоминающимися.

— Документы относят к таким «книжникам» князя Владимира, Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха, Илариона, Климента Смолятича и некоторых других. Не значит ли это, что «не книжные» люди — это были все остальные, что их было слишком много? Интересно, что «вежей» называли именно «книжника», а «невежей» — наоборот.

— О грамотности особая речь. В Древней Руси грамотность была распространена сильнее, чем в XVI или XVII веках. Образование — это не только лишь умение читать или писать. Образование — это скорее общая система знаний. Многие ли были приобщены к ней? Почти все. Человек получал знания через коллективное чтение. Книгу не просто читали, ее рассказывали, как фольклорное произведение. Действительно, как это нехорошо — читать книгу только для себя! А в Древней

Руси, даже когда человек читал в одиночестве, то читал вслух. Многое знал наизусть. Произведения таким образом входили в сознание человека, даже если он по нашим меркам был неграмотен...

— «Изборник» 1076 года дает, можно сказать, первые рекомендации читателю: «Добро есть, братие, почитание книжное... Когда читаешь книгу, не торопись быстро дойти до другой главы, но поразмысли, что говорят книги и словеса те и трижды обращайся к одной главе...» Подобные мысли можно найти во множестве в древнерусских книгах, но, к сожалению, мы не можем большинство из них читать даже в переводах — их нет.

— Вопрос этот очень важный. До сих пор пока еще не изданы замечательные произведения: Пролог, Елинский и Римский летописец, Великие Четьи Минеи Макария, Измарагд, переводная Хроника Манассии, или Диоптра. Не известны широкому читателю полные собрания сочинений Максима Грека, Аввакума, Симеона Полоцкого. Почти совсем не выходили в последнее время жития, произведения ораторской прозы. А ведь древнерусская книга «паче злата»...

— К слову, о первых профессиональных писателях Руси. Вы называете в их числе Пахомия Логофета, жившего в XV столетии. Почему?

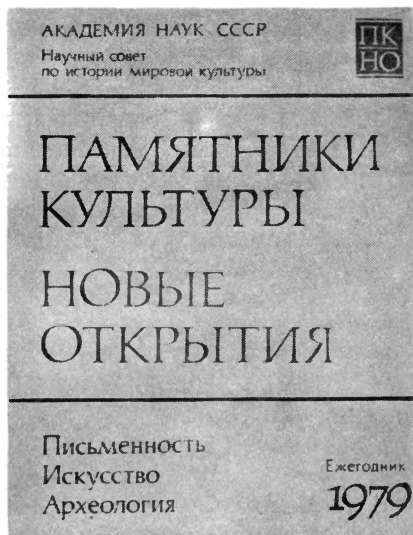
— Критерий прост: систематическая деятельность Пахомия по составлению сборников, по переводу и переписке книг. То есть — работа за деньги. Ранее автор был в некоторой степени анонимен. Переписка книг была делом духовной жизни. Для Пахомия же это — ремесло, которым он зарабатывал себе на хлеб...

— Дмитрий Сергеевич, если вернуться к нашим дням, — из каких книг состоит ваше домашнее собрание?

— Я никогда не стремился к сбору древностей, и библиофилом также назвать себя не могу. Сбором старых книг мы занимаемся в нашем Древлехранилище Института русской литературы Академии наук СССР. Мою личную библиотеку в основном составляет специальная литература: почти все, что связано с изданием летописей или о них, все, что связано со «Словом о полку Игореве», есть и его первое издание, осуществленное А. И. Мусиным-Пушкиным, книги серии «Литературные памятники»...

— Число книг этой серии, если я не ошибаюсь, уже приближается к тремстам?

— Да. А произведений, которые они охватывают, уже давно за 500. Кстати, это во всемирном масштабе уникальное издание с наиболее полными комментариями к каждому

Ежегодник «Памятники культуры.
Новые открытия»

памятнику, которые помогают проникновению читателя в иные культурные сферы. Это прямое осуществление того, о чем мы с вами уже говорили.

— Дмитрий Сергеевич, расскажите, пожалуйста, о последнем выпуске ежегодника «Памятники культуры. Новые открытия», главой редколлегии которого вы являетесь.

— Осуществляет выход в свет ежегодника Научный совет по истории мировой культуры АН СССР. Издание это очень нужное. Мы расширяем само понятие «памятники культуры». То, что раньше не представляло интереса, не привлекало к себе внимания, теперь — достояние исследователей.

«Памятники культуры» — сборник, который предлагает широкому кругу исследователей, изучающих культурное наследие прошлого, квалифицированную, нужную информацию. Каждая крупница знаний представляет ныне интерес не только для специалистов, но и для любого образованного человека. Привлечь же внимание к незаметным «объектам» необходимо, чтобы можно было осознать их культурную ценность.

Таким объектом изучения может быть и личная библиотека ученого, артиста, художника, и небольшое книжное собрание крестьянина XIX века, и надписи на стенах древних зданий, и резная миниатюра, и предметы обихода Древней Руси, и архитектура «русского модерна», и даже пометки на полях книги. Открывая все новые и новые ценности вокруг себя, мы обогащаем нашу «культурную память».

Кстати, о личных библиотеках. Книжная коллекция отражает личность владельца, его интересы. Расформировывать такое собрание при поступлении в фонды хранилища — это все равно, что разбирать произведение архитектуры на отдельные камни. Сейчас мы, например, по крохам восстанавливаем библиотеку В. Н. Татищева. Только с ее помощью можно будет более точно объяснить многие его интересы, убеждения.

Особенно важен раздел его библиотеки, где была собрана французская литература. Опубликовали рассказ о блестящем собрании книг режиссера Г. М. Козинцева. На многих книгах остались важные пометки, сделанные его рукой. Вы знаете, записи на книгах вообще представляют отдельный интерес. Как, скажем, режиссерские пометы А. Н. Бенуа на недавно найденной партитуре оперы «Пиковая дама».

Наш ежегодник в какой-то степени стимулирует работу небольших музеев различных городов страны. Новые культурные памятники, как известно, открываются чаще всего именно там. Важно дать простор автору находки для широкого ознакомления с ней нашего читателя. Вещи не вечны. В периферийных музеях они порой и пропадают. Публикация же позволит сохранить памятник для нас.

Я хочу добавить, что страницы ежегодника мы часто предоставляем молодым ученым. Для некоторых из них — это первая публикация. Чаще всего материалы написаны на самом высоком научном уровне, доказательны, обоснованны, интересны. Тот или иной памятник исследуют многие маститые ученые, но мы оставляем право первого выступления в печати за автором находки, даже если он менее авторитетен.

Последний выпуск «Памятников культуры» познакомил читателей с интересными сведениями об армянской рукописной книге, с письмами Дельвига, Алексея Константиновича Толстого, Ференца Листа, Вяземского, Жуковского, с дневниками Андрея Белого, ранними стихами Анны Ахматовой, с собранием книг видного государственного деятеля России середины XVIII столетия П. И. Мусина-Пушкина, с коллекцией бетховенских рукописей Азанчевского, с произведениями художника Федора Зубова, неизвестными картинами Луиса де Колери в музеях СССР и многим другим.

В дальнейшем мы будем вводить в сборник все новые и новые рубрики. Надеемся, что это повысит интерес к изданию. Особое значение будет придаваться качеству иллюстраций, которые необходимо выполнять и в цветном варианте...

— В упомянутом вами Древлехранилище Пушкинского Дома собрана богатейшая коллекция рукописных книг. С каждым годом она пополняется новыми находками. Вы как-то писали об экспедициях за старинными книгами. В 1979 году, например, сотрудниками сектора древней русской литературы был найден сборник изречений, составленный в конце XVIII века, где есть кое-что и для книголюбов: «...егда же чтение прилежно и всем сердцем со многим прилежанием прочитай словеса, а нетиися токмо листы обращаться». Расскажите, пожалуйста, об этой библиотеке.

*Выставка последних находок экспедиций Древлехранилища
Института русской литературы
(Пушкинского Дома) АН СССР*

— Наши экспедиции отправляются ежегодно — на Мезень, Печору, Северную Двину, в Прионежье, в Витебскую область. Открытия делаются и на Алтае, и на Урале, и в Сибири. При переселении в Сибирь огромное количество рукописей крестьяне везли с собой. (Поэтому Новосибирское собрание рукописных книг сейчас — одно из крупнейших в стране.) Находки возможны и в самих хранилищах.

Начало собранию Пушкинского Дома было положено в 1949 году трудами В. И. Малышева. С тех пор количество найденных рукописей перевалило за 10 тысяч. О наиболее ценных находках уже писалось. Это — отрывки из Евангелия XI—XII веков, Пустозерский автограф «Жития протопопа Аввакума», написанный в соавторстве с Епифанием, «Слово о Рахмане» конца XV столетия, фантастические идеи этого произведения опередили по своей смелости и по времени «Утопию» Томаса Мора, судный список по делу Максима Грека.

Сейчас мы особое значение придаем приобретению и включению в состав Древлехранилища родовых крестьянских библиотек, сохранившихся на Севере.

— На выставке в Дрeвлехранилище я уже видел некоторые книги из таких собраний. Примечательны находки самодельных предметов крестьянской «типографии»: печатки для тиснения обложек, перо для разрисовки, разлинованная доска для подкладывания под чистый лист, станок. Они так сохранились, что и сейчас пригодны для работы... Дмитрий Сергеевич, а каковы наиболее интересные поступления последних лет?

— Не так давно поступила «Космография» Джовани Ботеро XVI века. В переводе с польского на русский в те времена она звучала так: «Ян Ботер Бенесиус. Театрум света всего, на котором: Азия, Европа, Африка и Америка». На книге — своего рода экслибрис 1681 года. Надпись гласит, что она из личной («келейной») библиотеки митрополита Казанского Адриана. Очень любили на Руси сборники. Ведь в одной книге можно было переплести сразу многие необходимые для чтения произведения. Объединялись обычно писания различных жанров: повести, жития, предания, сказания, истории. Мы часто находим подобные конволюты.

Попадают к нам в руки и простые крестьянские письма XVII, XVIII столетий. В своем роде это замечательные документы, отражающие быт того времени.

К числу самых последних поступлений можно отнести Минею служебную (на июль месяц) XV века, на полях которой остались замечания на русском и польском языках, сборник сочинений Нила Сорского конца XVI — начала XVII столетия, Апостол XVI столетия.

Заметьте — вся работа по исследованию этих памятников проводится минимальным количеством научных сотрудников. В Ленинграде нас лишь 10 человек, а в Москве — пятеро...

Исследование древнерусской книжности, литературы — сложная, но первостепенная задача. О культуре Древней Руси, например, профессор Джеймс Биллингтон говорит как о культуре «интеллектуального молчания». Но мы с каждым днем все более убеждаемся, что словесное искусство нашей древности никогда не было «молчаливым». Более того, ясно, что русская литература от X века до наших дней развивалась непрерывно, представляла собой единое целое, единый процесс. А общекультурный, общечеловеческий характер искусства Руси — известен. Теперь даже некоторые западноевропейские издания, посвященные шедеврам мировой живописи, открываются репродукциями рублевской «Троицы»...

Александр Прохоров

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ СВОД ЗНАНИЙ

Беседу вел Александр Шахматов

Годы девятой и десятой пятилеток, отмеченные многими знаменательными событиями в жизни нашего общества, большими и важными делами, были, в частности, временем напряженной работы над третьим изданием Большой Советской Энциклопедии. Когда вышел ее заключительный, тридцатый том, Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев направил Главной редакции Большой Советской Энциклопедии, коллективам издательства «Советская энциклопедия», московской типографии № 2, бумажной фабрики имени Янониса приветствие, в котором отмечалось:

«В Большой Советской Энциклопедии, представляющей собой систематический свод научных знаний, нашли широкое отражение огромные успехи родины Октября в экономике, науке и культуре, в построении развитого социалистического общества.

Материалы Большой Советской Энциклопедии воссоздают многоплановую картину всего современного мира, показывают неуклонный рост и укрепление стран социалистического содружества, развитие мирового коммунистического и рабочего движения, национально-освободительной борьбы народов».

Об этом крупнейшем издании, о работе над ним рассказывает в беседе с корреспондентом «Альманаха библиофила» председатель научно-редакционного совета издательства «Советская энциклопедия», главный редактор БСЭ, лауреат Ленинской, Государственных и Нобелевской премий академик А. М. Прохоров.

— Александр Михайлович! Теперь, когда завершено третье издание Большой Советской Энциклопедии, советские и зарубежные читатели получили 30 томов универсального свода знаний, основанного на теории и методологии марксизма-ленинизма. Каково, на ваш взгляд, его значение для современности?

— Каждое из трех изданий БСЭ служило своеобразным зеркалом эпохи. Если первое (1926—1947) отражало этап построения основ социализма в стране, а второе (1950—1958) — победу социалистического строя, то нынешнее издание, вышедшее в 1969—1978 годах, с полным основанием можно назвать энциклопедией развитого социализма.

За последние десятилетия в нашей стране появилось также около трех десятков энциклопедий по отдельным отраслям знаний, все союзные республики создали или подготовили к печати энциклопедии на своих языках. Это — яркое свидетельство бурного роста национальных культур, образующих единое русло культуры социализма.

Нас радует и воодушевляет высокая оценка труда советских энциклопедистов, данная в приветствии Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Леонида Ильича Брежнева, назвавшего завершение третьего издания БСЭ замечательным событием в духовной жизни нашей страны. Успех был достигнут благодаря высокому уровню науки, техники и культуры многонационального Советского Союза, мощи его интеллектуальных сил.

Ныне во всем мире издаются сотни энциклопедий — универсальных и специальных — на самые различные темы. Но можно без всякого преувеличения сказать, что во всей энциклопедической литературе БСЭ занимает особое место. Ее, а также энциклопедии социалистических стран, прежде всего отличают последовательная научность, стремление наиболее полно и объективно освещать события действительности в их многообразии и движении.

Нелегко даже в таком фундаментальном издании, как наша БСЭ, охватить весь гигантский запас информации, непрерывно пополняемый в период небывалой динамичности социальных процессов и возрастания научно-технического потенциала. Искусство энциклопедизма и состоит в значительной мере в том, чтобы отобрать самое ценное, самое важное, сконцентрировать в одном универсальном труде множество разнообразнейших справочных данных.

И не просто их зафиксировать, «сфотографировать». Энциклопедия — не картотека справок, а система научного осмысления информации. Искусство отбора материала надо

Академик А. М. Прохоров

соединить с правильным истолкованием событий и фактов с позиций марксистско-ленинского мировоззрения.

Советские энциклопедии и энциклопедии других социалистических стран открыто придерживаются классового, партийного подхода к освещению прошлого и настоящего, ибо коммунистическая партийность адекватна научности, выражает самую передовую идеологию — идеологию рабочего класса, отстаивает правое дело.

Характерно, что научную объективность БСЭ признают не только наши друзья и единомышленники. Известная шведская буржуазная газета «Дагенс нюхетер», оценивая статью «Швеция» в 29-м томе БСЭ, писала: «Взгляд на политическую Швецию серьезен и трезв... Искажений действительности не приходится опасаться».

— *Хоть и говорят, что нельзя объять необъятное, было бы интересно услышать от вас характеристику всего издания.*

— Во второй половине шестидесятых годов выявилась настоятельная потребность в третий раз издать Большую Советскую Энциклопедию. К тому времени (1967 год) после окончания предыдущего издания БСЭ прошло девять лет, а со дня выхода его первого тома — восемнадцать. За эти годы произошло немало важных изменений в жизни СССР, во всем мире. Коренным образом преобразовалась политическая карта планеты. Развитие науки и производства приобрело тот мощный размах, который именуется научно-технической революцией. Появились новые отрасли знания и промышленности. Наука стала непосредственной производительной силой.

Третье издание БСЭ осуществлено издательством «Советская энциклопедия» по поручению Центрального Комитета КПСС и под его постоянным руководством. Принятое в начале февраля 1967 года постановление «О выпуске третьего издания Большой Советской Энциклопедии» определило идейно-политическую и научную программу многотомного труда.

В постановлении ЦК КПСС указывалось, что в области литературы и искусства энциклопедия призвана показать воспитательное значение и преобразующее влияние нашей культуры, закономерно развивающийся процесс сближения национальных по форме и социалистических по содержанию культур народов СССР.

При освещении вопросов естествознания и техники особое внимание должно было уделяться наиболее передовым, новейшим направлениям, имеющим решающее значение для научно-технического прогресса. Предлагалось шире раскрыть философские проблемы естествознания, рост влияния физичес-

ких и химических наук на все отрасли естествознания и техники.

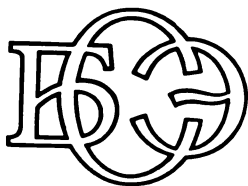
Новое издание БСЭ неукоснительно следовало этой программе. Оно представляет широкую и наглядную панораму всего современного мира в его природном и социальном многообразии, в динамике его исторического развития с древнейших времен до наших дней. Третье издание Большой Советской Энциклопедии — это самая современная энциклопедия мира как по своему теоретическому уровню, так и по новизне информации.

Статьи по общественным наукам занимают в новой энциклопедии 56 процентов ее объема, по естественно-научным дисциплинам — 44. Разумеется, что наиболее обширные сведения даны об успехах экономики, науки и культуры Советского Союза, о развитии его государственности, углублении социалистической демократии, о повышении благосостояния советских людей. В сотнях тысяч цифр, дат, фактов политической, экономической, культурной жизни отражены всемирно-исторические победы, достигнутые под руководством Коммунистической партии, социалистический образ жизни, облик новой исторической общности людей — советского народа.

В статьях нового издания БСЭ значительное место занимает освещение международных отношений, борьбы СССР и других социалистических государств, всех прогрессивных сил за разрядку, за мирное сосуществование стран с различным социальным строем. Энциклопедия показывает коренные изменения политической карты мира, распад колониальной системы империализма, образование новых независимых государств.

Сложные задачи решены советскими энциклопедистами при освещении бурно происходящей научно-технической революции. В третьем издании появились не только новые понятия, здесь представлены новые направления наук и даже новые науки.

Немало сведений дано по различным разделам экономики, планирования, управления, экономического прогнозирования, научной организации труда. Подробно раскрыты понятия исторических наук. Даны статьи по политической, экономической, военной истории, истории общественной мысли, культуры, религии. Есть материалы по археологии, этнографии, исторической географии, историографии, источниковедению. В

*Издательская марка
Большой
Советской
Энциклопедии*

третьем издании БСЭ более полно дано представление о юридической науке, психологии, педагогике. Показаны история их развития и нынешний день. Особое внимание уделено развитию этих наук в СССР.

Яркое отражение в Энциклопедии нашли успехи, достигнутые нашей страной в области культуры. Многочисленные статьи посвящены народному образованию и просвещению, печати, радио, телевидению, учреждениям культуры: клубам, библиотекам, музеям.

БСЭ раскрывает развитие всех видов литературы: общественно-политической, научной и научно-технической, учебной и справочной, художественной и детской. Представлены различные области искусства: архитектура, изобразительное искусство, в том числе книжная графика, музыка, балет, драматический театр, эстрада, цирк.

В статьях рассказано о развитии книгоиздательского дела в мире и нашей стране, о полиграфии и книжной торговле, движении книголюбов. В отличие от второго издания, третье включает в себя статью «Библиофильство», которая, вероятно, представляет особенный интерес для читателей вашего альманаха. В ней отмечается, что помимо большого значения для умственного и духовного развития самого собирателя, библиофильство выполняет немалую общественную роль, способствуя образованию выдающихся собраний произведений, сохранению редких изданий и отдельных экземпляров книг, замечательных по качеству печати, иллюстраций, переплетов, книг, имеющих автографы или записи их бывших владельцев и читателей, представляющие исторический и научный интерес. Многие библиофильские собрания легли в основу крупных публичных библиотек. Рассказывается история библиофильства от глубокой древности до наших дней, во всем мире и в нашей стране.

Весьма познавательна статья «Книга», где даны общие сведения о предмете, об отраслях культуры и производства, связанных с созданием и изготовлением книги, ее распространением и изучением: издательском деле, книгопечатании и полиграфии, книжной торговле, библиотечном деле и библиотечном ведении, библиографии и книговедении. Затем следуют разделы «Рукописная книга», «Печатная книга», «Структура и типология современной книги».

Помещены статьи о специализированном издательстве «Книга», о сборнике «Книга. Исследования и материалы», о журналах «Книга и пролетарская революция» и «Книга и революция», выходявших в 20—30-х годах, о книговедении и книгопечатании, о книгохранилищах и Всесоюзной книжной

палате, о газете «Книжное обозрение» и книжном знаке — экслибрисе. Все эти термины объяснены в 12-м томе.

В каждом томе есть статьи, так или иначе связанные с книгой. Одни из них посвящены известным книжникам (таким, как первопечатник Иван Федоров) и библиотекам, другие раскрывают понятия «инкунабула», «ксилография», «линотип», «фототипия»... БСЭ знакомит читателей с крупнейшими издательствами.

И наконец, во второй части 24-го тома, в разделе «Общественные организации» говорится о Всесоюзном добровольном обществе любителей книги, призванном пропагандировать среди трудящихся книгу как средство коммунистического воспитания, содействовать с ее помощью распространению политических, научных и технических знаний, повышать культуру чтения, активно влиять на формирование читательских вкусов, способствовать совершенствованию издательского дела, наиболее эффективно использовать книжные богатства.

Широк в БСЭ традиционный для энциклопедий раздел биографий. Дано более 20 тысяч биографических справок о политических, государственных, военных деятелях, ученых и писателях, композиторах и музыкантах, артистах, художниках, архитекторах всех времен и народов. Особенно следует отметить тот факт, что БСЭ является единственной в мире энциклопедией, где представлены биографии рабочих и крестьян — новаторов производства, инициаторов социалистического соревнования в городе и деревне, знаменитых тружеников советской промышленности и сельского хозяйства. Опубликовано биографии всех дважды Героев Советского Союза и дважды Героев Социалистического труда.

— *Вторая книга 24-го тома полностью посвящена нашей стране. Расскажите, пожалуйста, о ней поподробней.*

— Том «Союз Советских Социалистических Республик» вышел летом 1977 года в канун 60-летия Великого Октября, в дни всенародного обсуждения проекта новой Конституции СССР. Выпустив его, мы продолжили установившуюся традицию — издавать через каждые десять лет специальный том о нашей стране к юбилею Великого Октября.

Основное внимание в книге уделено отражению основных этапов пути, пройденного Советской страной за героические шесть десятилетий, освещению борьбы трудящихся нашего многонационального государства, руководимых Коммунистической партией, за построение развитого социалистического общества.

Читатель найдет в томе большой справочный материал. Ряд данных, иллюстрированных цветными картами и вкладка-

ми, характеризует географическое положение, естественные ресурсы, климатические условия, растительный и животный мир страны. В издании изложена отечественная история с древних времен до наших дней.

Немало полезных сведений читатели почерпнут в разделах «Наука», «Культурное строительство. Литература и искусство». В книгу включены сведения о союзных республиках и входящих в их состав автономных республиках, областях и округах. Приведены состав руководящих органов КПСС и Союза ССР, биографические справки о выдающихся деятелях нашей страны, а также хронология исторических событий.

Статья «Внешняя политика СССР», написанная членом Политбюро ЦК КПСС, министром иностранных дел СССР А.А. Громыко, излагает основные принципы миролюбивой деятельности КПСС и Советского государства на международной арене, историю ленинской внешней политики по отдельным ее периодам.

— *Энциклопедисты нашей страны добились большого успеха, выпустив очередное издание БСЭ. И хорошо бы вспомнить сейчас о том, как все это начиналось...*

— Традиции отечественного энциклопедического дела берут свое начало в XIII веке, когда на Руси появились словари «непонятных слов». С XVI века словари перешли на алфавитное расположение материала и получили название азбучников. В XVIII веке начали выходить так называемые реальные географические, исторические и другие словари. В следующем веке предпринималось несколько изданий энциклопедических словарей, однако завершить удалось далеко не все.

В конце XIX—начале XX века в России появились энциклопедии, занявшие видное место в мировой справочной литературе: Брокгауза и Ефрона, братьев Гранат, Ф. Ф. Павленкова и другие. Для Энциклопедического словаря Гранат две статьи, являющие собой образцы энциклопедических произведений, написал В. И. Ленин: «Аграрный вопрос в России к концу XIX века» и «Карл Маркс».

Впервые идея подготовки большой универсальной советской энциклопедии возникла в 1923 году в существовавшем тогда Госиздате. Она получила поддержку Центрального Комитета Коммунистической партии и Советского правительства. Главным редактором первой БСЭ был академик О. Ю. Шмидт.

Почти сразу же после завершения первой БСЭ, в феврале 1949 года, было принято решение о выпуске второго издания. Его главным редактором был назначен президент Академии наук СССР С. И. Вавилов, директором издательства—

А. И. Ревин. В 1951 году главным редактором стал академик Б. А. Введенский.

Второе издание было выпущено значительно быстрее, нежели первое. Заключительный, 50-й его том — «Союз Советских Социалистических Республик» — увидел свет в 1957 году.

— *Не могли бы вы, Александр Михайлович, рассказать о работе творческого и редакционного коллектива, создавшего третью БСЭ?*

— К работе над БСЭ-3 были привлечены лучшие интеллектуальные силы страны. В Главную редакцию БСЭ вошли видные ученые и работники культуры, государственные и общественные деятели. По каждой отрасли знания был сформирован коллектив научных консультантов — в их общем числе около двухсот академиков и членов-корреспондентов АН СССР и академий союзных республик, почти четыреста докторов и более ста кандидатов наук.

Президент АН СССР А. П. Александров с начала третьего издания БСЭ является членом Научно-редакционного совета издательства. Основные разделы энциклопедии в качестве членов ее Главной редакции и членов Научно-редакционного совета вели академики: математику — Ю. В. Прохоров, физику — А. М. Прохоров и Б. М. Вул, химию — И. Л. Кнунянц, биологию — Б. Е. Быховский и М. С. Гиляров, различные разделы техники — И. И. Артоболевский, В. А. Кириллин, В. П. Глушко, географию — С. В. Калесник, историю — Е. М. Жуков, экономику — Н. Н. Иноземцев, этнографию — Ю. В. Бромлей, археологию — Б. А. Рыбаков и другие. Нужно также отметить активную работу академиков В. А. Амбарцумяна, А. Ф. Белова, В. М. Глушкова, А. А. Имшенецкого, А. Ю. Ишлинского, М. И. Кабачника, Б. М. Кедрова, Ф. В. Константинова, Б. Е. Патона, А. М. Румянцева, В. И. Смирнова, В. А. Трапезникова, Е. К. Федорова, М. Б. Храпченко.

Конечно, невозможно здесь упомянуть всех видных ученых, которые в качестве авторов, редакторов-консультантов, рецензентов внесли свой эффективный вклад в создание БСЭ. Их сотни.

Вместе с институтами Академии наук СССР третье издание БСЭ создавали самые высокоавторитетные организации и учреждения — Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, МГУ и другие университеты, различные министерства и ведомства, советские и партийные органы, творческие союзы.

Необходимо сказать и о том, что в работе над БСЭ участвовали крупные зарубежные ученые. Среди наших авто-

ров и консультантов — иностранный член АН СССР лауреат Нобелевской премии П. Дирак (Англия), американские ученые дважды лауреат Нобелевской премии Л. Полинг и лауреат Нобелевской премии Г. Сиборг, иностранный член АН СССР ученый из ГДР М. Штеенбек, японский ученый Л. Эсаки. Многие статьи направлялись на консультации в зарубежные академии наук. Всего в создании БСЭ приняли участие представители 44 стран.

Уже на первом этапе подготовки нового издания энциклопедии ярко проявилась помощь широкой общественности. В многочисленные учреждения, а также отдельным ученым и специалистам был разослан 51 тематический словник. В ответ пришло свыше трех тысяч отзывов и рецензий, содержащих 52 тысячи предложений, в том числе более 40 тысяч о включении новых слов, 8 тысяч — об исключении ненужных. Значительная часть предложений была принята.

Количество слов-статей во втором и третьем изданиях БСЭ одинаково, а количество томов разное: третье на 21 том меньше. БСЭ-2 содержит 4900 авторских листов, а БСЭ-3 — 3500. Сокращение достигнуто благодаря уменьшению среднего размера статей. Плотность же информации в новом издании существенно повысилась по сравнению с предыдущим, в нем не допускалось появление имевшихся в прежних изданиях громоздких монографических статей, вытеснявших сотни и сотни справочных заметок. Короче говоря, и тексты, и иллюстрации в БСЭ-3 — лаконичнее, а тематика — богаче.

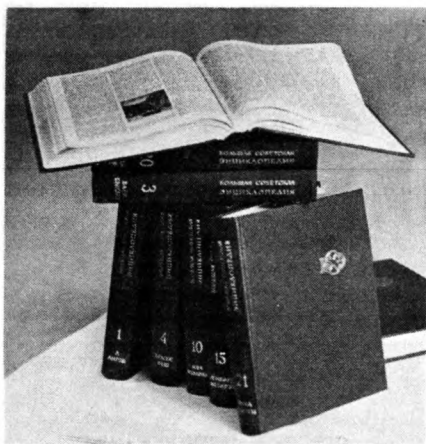
Вообще, уменьшение объема прослеживается ныне по всем универсальным энциклопедиям мира: чем компактнее энциклопедия, тем она удобнее в работе. Поэтому помимо сокращения среднего размера статей в третьем издании сделана удачная попытка достичь компактности с помощью полиграфического исполнения.

Набор БСЭ-3 производился специально созданным для нее шрифтом «Кудряшовская энциклопедическая гарнитура» кегль 7. Этот размер применялся в СССР впервые, он хорошо читается и дает значительную экономию в емкости по сравнению со шрифтом кегля 8, которым набирались прежние энциклопедические издания. Убористей стала верстка страницы: применение верстки в три колонки с расширением формата страницы дало экономию 1,5 печатных листа на том. Все это позволило увеличить емкость страницы с 7200 до 9000 печатных знаков.

Вместе с нами, авторами и редакторами, достигнутый успех в выпуске третьего издания БСЭ разделяют коллективы ряда полиграфических предприятий, картографических фаб-

рик и научно-исследовательских институтов целлюлозно-бумажной промышленности.

Основная наша полиграфическая база — Московская типография № 2 Союзполиграфпрома. Ее коллектив, награжденный за ударную работу орденом Трудового Красного Знамени, освоил при печатании БСЭ ряд новшеств. Успешно применен шрифт 7-го кегля. Плоскопечатные машины заменены листовыми ротационными, которые были выпущены Рыбинским заводом полиграфических машин. Специально для БСЭ-3 была создана

Тома БСЭ

поточная механизированная линия по изготовлению книг от листоподборочных машин до вставочных.

Непосредственное участие в выпуске БСЭ принимала ордена Трудового Красного Знамени и ордена Октябрьской Революции 1-я Образцовая типография имени А. А. Жданова. Географические карты для энциклопедии готовило Главное управление картографии и геодезии при Совете Министров СССР, а печатала их фабрика № 5 в Москве.

Разработка новой «Кудряшовской энциклопедической гарнитуры» велась Всесоюзным научно-исследовательским институтом оборудования для печатных изданий, картонной и бумажной тары. Матрицы гарнитуры изготовил Шадринский завод полиграфических машин.

Материалы и бумагу для БСЭ разрабатывали и поставляли управление «Союзглавбум», Главное управление материально-технического снабжения и сбыта Госкомиздата СССР и Всесоюзная контора этого управления, Центральный научно-исследовательский институт бумаги, бумажная фабрика имени Ю. Янониса (Каунас), ленинградская бумажная фабрика «Гознак», картонная фабрика имени М. И. Калинина (Горьковская область), ордена «Знак Почета» Щелковская фабрика технических тканей (Московская область).

— Третье издание Большой Советской Энциклопедии стало не только значительным событием в духовной жизни нашей страны, но и выдающимся явлением в ряду всемирно

известных универсальных энциклопедий — таких, как «Британника» и «Американа», «Гран Ларусс» (Франция) и «Брокгауз» (ФРГ). Свидетельство тому — переводы БСЭ за рубежом.

— Зарубежная общественность проявила к новой БСЭ огромный интерес. Это объясняется возрастающим авторитетом Советского Союза в международных делах, развитием научных и культурных связей, желанием зарубежного читателя получать объективную информацию об СССР.

Самой первой взялась за перевод БСЭ известная американская издательская фирма «Макмиллан», задумав выпустить нашу энциклопедию как для США, так и для других англоязычных стран. Фирма не ждала, когда завершится издание в СССР, и стала выпускать ее том за томом. Некоторое неудобство в пользовании (переведенные на английский язык слова начинаются с иной буквы и требуют иного алфавитного порядка) устранялось особыми указателями и искупалось оперативностью подготовки БСЭ.

Американские издатели объясняют свою оперативность тем, что читатели в США предъявляют спрос на литературу, которая позволила бы им судить, «каковы русские» и каковы их взгляды на вопросы настоящего, прошлого и будущего человечества. А газета «Нью-Йорк таймс» прямо писала: «Это выдающееся издание первым открывает читателю, не знающему русского языка, доступ к огромному массиву сведений о Советском Союзе, его народе, его учреждениях, его философии».

Да, наша советская энциклопедия вполне может удовлетворить интересы американского читателя. И не только американского. Идет выпуск БСЭ в Греции. Товарищ Л. И. Брежнев в предисловии к своей книге «Мир — бесценное достояние народов», изданной в Греции, писал: «Я приветствую тот факт, что общество „Академос“ намерено опубликовать на греческом языке Большую Советскую Энциклопедию».

— В заключение, Александр Михайлович, познакомьте, пожалуйста, наших читателей с нынешним состоянием дел и перспективами издания энциклопедической литературы.

— Закончив выпуск третьего издания БСЭ, Научно-редакционный совет и издательство «Советская энциклопедия» продолжили трудоемкую работу по подготовке и выпуску новых энциклопедий и словарей. Имеется план на очередную, одиннадцатую пятилетку и на период до 1990 года.

Прежде всего необходимо назвать регулярно выпускаемый «Ежегодник БСЭ». В нем, как известно, излагаются важнейшие события в мире и СССР за минувший год.

Снабженный обновленными данными, переиздается энциклопедический справочник «Союз Советских Социалистических Республик». Новыми изданиями выходит энциклопедия «Великая Октябрьская социалистическая революция».

С 1979 года идут массовые тиражи уникального в СССР издания — однотомного «Советского энциклопедического словаря». Он содержит около 80 000 статей, его объем — 465 авторских листов (1600 страниц). Специально для него создан новый сорт тонкой бумаги, освоено новое полиграфическое оборудование.

За последнее время достоянием читателей стали такие интереснейшие энциклопедии, как «Русский язык», «Энциклопедия политической экономии», «Олимпийская энциклопедия», «Физика микромира», «Ультразвук», «Четырехязычный энциклопедический словарь по физической географии», «Цирк» и ряд других.

Совместно с Институтом Латинской Америки АН СССР выпускается двухтомный энциклопедический справочник «Латинская Америка»; первый его том уже увидел свет, второй находится в стадии производства. В содружестве с Институтом Африки АН СССР будет выпущен аналогичный энциклопедический справочник «Африка».

В издательстве готовятся новые отраслевые энциклопедии и энциклопедические справочники. Среди них — «Космонавтика», «Философский энциклопедический словарь», «Математическая энциклопедия» (тома 3—5), «Ветеринарный энциклопедический словарь», «Фотокинотехника», «Балет», «Литературный энциклопедический словарь», «Лермонтовская энциклопедия», «Книговедение». Последние три издания представят большой профессиональный и любительский интерес для литераторов и издателей, для большой армии книголюбов, библиотечных работников и книгораспространителей.

В наших ближайших планах — крупные энциклопедические словари по таким отраслям науки, как физика, математика, химия, биология, а также политехнический, сельскохозяйственный, географический, юридический, по архитектуре и изобразительному искусству, «Народы мира», «Кинословарь», «Курорты» и многие другие.

Завершаются энциклопедии «Искусство стран и народов мира», «Мифы народов мира», «Музыкальная».

Работы впереди много. Опираясь на богатый опыт, приобретенный при выпуске третьего издания БСЭ, советские энциклопедисты, без сомнения, с нею успешно справятся. Наша общественность получит новые энциклопедические издания, достойные эпохи развитого социализма.

Лодонгийн Тудэв

ДОБРЫЙ УМ И ЩЕДРАЯ ДУША

Беседу вела Людмила Букина

Встречаются люди, жизнь которых как бы вмещает в себя судьбу и жизнь целого народа, в их биографии ярко и точно отражается биография всей страны. К таким людям принадлежит и Лодонгийн Тудэв — писатель, общественно-политический деятель.

Лодонгийн Тудэв — первый секретарь ЦК Ревсомола Монголии, член Президиума Великого Народного Хурала, Председатель Общества книголюбов МНР. Немало титулов и званий, за которыми стоит напряженный труд, ежедневная работа не только за письменным столом, в сосредоточенной тишине кабинета, но и в самой гуще жизни. И все-таки сначала была книга...

Советские читатели знакомы с творчеством Лодонгийн Тудэва — пожалуй, наиболее популярным является его роман «Горный поток». И если раньше имя Л. Тудэва воспринималось в связи с прозаическими произведениями, то в 1978 году мы впервые встретились с Лодонгийном Тудэвом — поэтом, автором сборника стихов «Вершина», вышедшего в издательстве «Молодая гвардия».

Современные социологи, составляя анкеты, включают в них вопросы, которые могли бы дать весьма точное представление о человеке. Но в них, как правило, отсутствует вопрос, чрезвычайно важный для литератора: «С чего началось ваше приобщение к книге?» На этот вопрос я и попросила ответить Лодонгийн Тудэва.

— Это вопрос очень сложный. Можно, конечно, дать на него тривиальный ответ, указав название первой прочитанной книги. Но когда я задумываюсь об этом, в памяти невольно оживают далекие дни, которые для всей Монголии были днями становления, периодом великих начинаний и перемен... Поэтому, если позволите, я несколько уточню формулировку вопроса: как начиналось мое приобщение к книге?..

Дело в том, что в сороковые годы, когда азбучные истины остались для меня позади и можно было приступить к серьезному чтению, книг было очень мало. Я закончил начальную школу в Гоби-Алтайском сомоне, в аймачном центре, во время войны. Понятно, что в военные годы книг издавалось очень мало, поэтому мы читали все, что появлялось, самую разную литературу: и художественную, и политическую, и даже брошюры об овощах — что такое капуста, картофель... В те годы советские специалисты, работавшие в составе научной экспедиции в Гоби, — Банников, Мурзаев и другие — выпускали массовую библиотечку, которая пользовалась большой популярностью. Правда, читали о капусте школьники с превеликим удовольствием, а вот попробовать никто не решался. Слишком необычным казалось это блюдо в те времена.

Лодонгийн Тудэв

— Таким образом, круг чтения был, с одной стороны, широким, а с другой — весьма ограниченным?..

— Да, а ведь когда книг мало — к ним появляется особый интерес, аппетит необыкновенный... Тогда мы не знали, что такое пресыщение информацией, под давлением которой человек невольно поставлен перед проблемой выбора: что читать? И нередко вместо того, чтобы разрешить эту проблему, просто включает телевизор.

Да, в то время каждая новая книга, попавшая в руки, была событием чрезвычайным, настоящим открытием... Такой книгой стал для меня роман Николая Островского «Как закалялась сталь» — он был переведен и напечатан на старомонгольском языке. Думаю, то глубокое впечатление, которое произвела на меня книга, во многом определило дальнейшую мою жизнь и судьбу. Конечно, это не значит, что я прямо поставил перед собой программу стать похожим на Корчаги-

на,—слишком разными были время и окружающая жизнь. Но его образ стал доминирующим, и все те пласты сознания, внутренней жизни, которые столь подвижны в отрочестве, перемещались и формировались, безусловно, под знаком вполне определенного положительного героя, который в этом возрасте, наверное, есть у всех и которому вольно или невольно стремится подражать каждый мальчишка. Потом эстафету Корчагина принял Тимур из замечательной повести Аркадия Гайдара, переведенной на монгольский язык и напечатанной уже на новом алфавите,—в годы второй мировой войны у нас была произведена замена письменности, был введен русский алфавит, что в огромной мере способствовало развитию книжного дела и, таким образом, сделало книгу доступной для широких масс.

Что же касается старомонгольской литературы, то здесь разговор особый...

— *В Монголии во все времена книга считалась предметом священным.*

— Да, исторические факты говорят о том, что преклонение перед книгой было развито у монголов очень сильно с древних времен. Более того, в старые времена книга возводилась в культ, имевший сильный религиозный налет. Так, например, считалось большим грехом, если человек переступит через лежащую в юрте книгу. Это—знак непочтительного отношения.

— *И этому можно найти объяснение: ведь книга была редкостью, почти недоступной для простого монгола. К тому же большинство книг были религиозного содержания.*

— Книга считалась роскошью—и это понятно. Кочевой образ жизни не позволял иметь хотя бы небольшую библиотеку, потому что книга, кроме всего прочего,—вещь тяжелая. Да и бумага не выдерживала больше одной перекочевки. Безусловно, кочевая жизнь оказалась злейшим врагом старомонгольской культуры, она безжалостно уничтожала ее. Другим врагом был военный образ жизни, который уничтожал также и культуру высокоорганизованных народов.

Множество книг было сожжено, исчезло бесследно... Но слово сильнее войн: известному памятнику старой монгольской литературы более 700 лет. Это—«Сокровенное сказание монголов».

Однажды мне довелось услышать от некоего западного историка—не стану называть его имени—недоуменный вопрос: «Как, разве у монголов есть древняя литература?!» В ответ на этот вопрос я написал поэму «О книгах-драгоценностях».

Не всем известно, что монголы создавали книги не только традиционным способом. Не знаю, есть ли у других народов поэт, чьи стихи с любовью и тщательностью вышили бы степные пастушки. Такая книга существует в Монголии — на шелковых страницах нитками разного цвета вышит поэтический текст. Подобные книги бережно хранили, они были, в отличие от бумажных, долговечными, не боялись ни дождя, ни дорожной пыли, поэтому их можно было взять с собой в кочевье.

До нас дошла одна замечательная книга, которая сотворена из девяти драгоценных материалов: золота, серебра, жемчуга, бирюзы, лазурита, кораллов...

Есть книга весом в одну тысячу пятьсот лан, каждая страница ее весит несколько килограммов, и понадобился бы целый караван верблюдов, чтобы ее перевезти.

Но, разумеется, таких книг было мало и они оставались недоступными для простого народа.

— Как известно, на левом берегу Волги была найдена в 1930 году «Золотоордынская рукопись на бересте». И хотя рукопись плохо сохранилась, отсутствуют многие фрагменты, все же по наличию в ней знаков монгольского квадратного письма ученые определили, что она относится к первой четверти или трети XIV века.

Что же касается содержания, то оно резко отличается от того, которое было присуще феодальной поэзии того периода. В «Золотоордынской рукописи на бересте» нет проявления воинственности, призыва к насилиям и грабёжам, воспевания разгульной жизни. Автор даёт беседу матери и сына, который отправляется на службу к богатому ноёну. Примечательно, что сын думает не о предстоящей службе, а о том, что волнует каждого простого труженика,—о весенних перекочевках, о сочных пастбищах для

Обложка книги Л. Тудэва

скота... Слова матери исполнены нежности и заботы. Все это выпадает из руслу светской феодальной литературы, ученые склонны полагать, что «Золотоордынская рукопись на бересте» — несколько обработанная запись популярной в свое время народной песни.

Но особенно привлекает внимание нетрадиционный для монголов материал, использованный при создании рукописи. Ведь береста — принадлежность сугубо славянской культуры, донесшая до нас первые памятники письменности. Что вы думаете по этому поводу?

— Не только на Волге, но и в Монголии, в Архангайском аймаке, также была найдена берестяная книга. Она начертана старой монгольской письменностью. И я всегда думаю: Россия дала одну из первых книг Монголии. Ибо именно у русских монголы научились создавать книги на бересте. Некоторые ученые склонны считать, что первые монгольские книги появились на китайской бумаге, судя по книгам, найденным в Китае, но я полагаю, что книги на бересте появились раньше. В связи с этим я хотел бы задать вам вопрос, который, может быть, прозвучит несколько неожиданно: могла ли славянская письменность в глубокой древности быть общей для народов, живущих на огромной территории от Скандинавии до Хангая?

— Да, эта гипотеза, действительно, очень смелая...

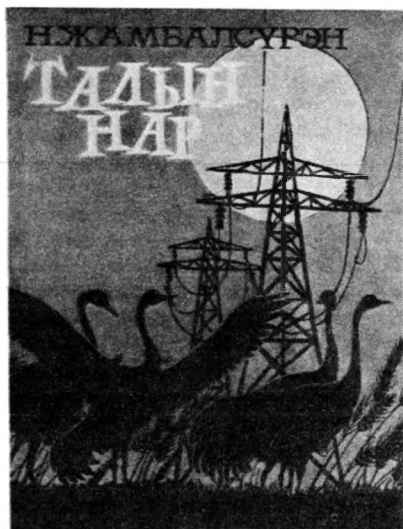
— Я хотел бы сказать: да, могла. Потому что между славянским и руническим письмом существует много общего. Но это вопрос, требующий специального рассмотрения.

— Во всяком случае, ясно одно: возникновение литературы в Монголии уходит в глубокую древность, ко временам создания «Сокровенного сказания монголов», написанного, по предположениям ученых, в 1240 году.

— Традиции «Сокровенного сказания» были продолжены в известных летописях Саган Сэцэна, Лувсанданзана, Гомбожава и других в период с XIV до начала XX века. И, конечно, огромные изменения в развитии монгольской культуры вообще и литературы в частности произошли после 1921 года, когда феодализм был уничтожен и власть перешла в руки народа. На повестку дня встали новые проблемы, новые цели и задачи.

— Вероятно, уже тогда начался процесс взаимовлияния монгольской и советской литератур?

— Да, ведь Монголия одна из первых среди азиатских стран осуществила перевод знаменитой речи Ленина на III съезде комсомола — «Задачи союзов молодежи».

Книги монгольских писателей

В 1921 году, через месяц после Народной революции, у нас был создан Революционный союз молодежи, который уже в 1922 году стал членом Коммунистического Интернационала Молодежи. Речь Ленина в те годы неоднократно цитировалась в выступлениях наших молодых революционеров, и в 1925-м — напечатана отдельным изданием. В 1980 году она седьмой раз вышла отдельной книгой.

Рычагом огромной силы в деле духовного возрождения монгольского народа стала советская культура. Принцип активности, на который обратил особое внимание монгольских писателей А. М. Горький, нынче стал главенствующим в литературе.

— *Новое время принесло новые веяния, но традиционная любовь к книге осталась в Монголии неизменной?*

— Эти традиции многократно усилились, так как книга стала достоянием общенародным. Огромное внимание уделяется периодической печати. Ревсомол выпускает два журнала и две газеты, так что каждый ревсомолец получает по одному изданию, а нашу «Пионерскую правду» получает каждый второй пионер.

В МНР выходит 12 центральных газет, 24 местных газеты, а также 28 журналов.

Я уж не говорю о книгах... Представьте себе, что значат эти цифры для страны с полуторамилионным населением!

— *Монгольские книги переводятся на многие иностранные языки. Так, произведения классика современной монгольской литературы Дашдоржийна Нацагдоржа переведены почти на все языки мира.*

— Да, но монгольские книги не только переводятся. В иных странах они, к сожалению, беспощадно уничтожаются. В годы так называемой «культурной революции» в Китае сжигали книги Нацагдоржа, Сэнгээ, Дамдинсурэна, переведенные в свое время на китайский язык, а также напечатанные на монгольском языке,—ведь они стали доступны для жителей Внутренней Монголии. У книг, созданных монгольскими авторами, появились не только друзья, но и враги...

— *В вашей стране действует Общество книголюбов, председателем которого вы являетесь вот уже четыре года. Кто может стать членом этого Общества?*

— Туда входят писатели, ученые, исследователи, художники-оформители книг... Но в принципе каждый человек может стать членом Общества при одном непременном условии: он должен иметь хотя бы небольшую личную библиотеку, а также значок Нацагдоржа, который вручается ученикам общеобразовательных школ, проявившим интерес к литературе, освоившим литературу сверх программы, бережно и заботливо относящимся к книгам.

Одна из задач Общества книголюбов — приобщение к чтению, распространение знаний о книге. Об этом шла речь на XVII съезде МНРП в докладе ЦК партии, где было подчеркнуто, что мы должны равняться на Советский Союз и другие социалистические страны по всем показателям, в том числе и в отношении литературы.

— *Специфика вашей страны, раскинувшейся на огромной территории, но малонаселенной, требует, очевидно, особых форм работы с читателем?*

— Да, безусловно. У нас проводятся заочные и очные читательские конференции, встречи с писателями, обсуждение книг. В последние годы активизировалось движение владельцев домашних библиотек. Некоторые, например, собирают миниатюрные книги или книги на старомонгольском языке... Организуются выставки, все больше развивается книжная графика, экслибрис.

Что же касается специфических форм работы, то к ним можно причислить встречи с авторами на радио, на экранах телевизоров, на страницах периодических изданий. Однажды даже был организован «литературный суд», где критик являл-

ся «судьей», а читатели — «защитником» и «свидетелями».

Кроме того, привилась так называемая «почтовая книга». Из ЦК Ревсомола одновременно в разные направления отправляются книжные экспрессы, в состав которых входят 6—10 различных книг — политические, художественные, научные, различные популярные издания, переводная литература. Книжки приходят в наиболее отдаленные районы, на стойбища, расположенные высоко в горах или в степи. Вместе с книгами путешествует толстая тетрадь, в которую читатели записывают свои впечатления. Обычно книги возвращаются зачитанными, с большой биографией и географией. Авторы наиболее интересных записей получают премии, их отзывы публикуются в печати. Такая работа дает хорошие результаты в условиях кочевой жизни.

Периодически объявляются конкурсы на лучшую книгу. Столичные авторы пишут брошюры на самые насущные темы, рукописи редактируются и передаются в аймачные издательства. Их печатают молодежные бригады типографий за счет своих внутренних резервов. Обычно это один — два печатных листа. Потом брошюры собираются в Улан-Баторе в отдельную книгу и выпускаются под общей обложкой — получается как бы небольшая библиотечка для молодежи. Лучших авторов мы поощряем.

— *Далеко не каждый писатель включает в свои избранные произведения первую написанную им вещь...*

— Что касается моей первой написанной книги, то мне она особенно дорога — может быть, потому, что судьба ее сложилась необычно. Получив двойное педагогическое образование, я готовился стать учителем начальных классов...

— *Что значит «двойное»?*

— Всего лишь то, что закончил сначала педагогическое училище, а потом — педагогический институт... Итак, моя работа начиналась со слов, которые произносят все учителя, зайдя в класс: «Здравствуйте, дети!» Так я назвал и свою первую книгу. Собственно, «книга» — это слишком громкое слово для тоненького сборничка, который насчитывал десяток стихотворений. Но дело в том, что в то время книги для детей почти не выходили, детская литература стала развиваться только с середины 50-х годов.

Итак, на одном из литературных обсуждений я прочитал эти стихи, и, признаться, был немало удивлен, когда услышал, что мне предлагают их издать. Союз писателей находился тогда в Доме правительства, на обсуждение собрались именитые мастера — все это, конечно, создавало обстановку тор-

Орган Союза писателей МНР
журнал «Цог»

жественности и внушало мне, начинающему литератору, вполне понятный трепет. Я никак не мог поверить, что речь идет обо мне, а не о ком-то другом... Художников-оформителей тогда не было... Кто-то заметил на полях рукописи мои наброски — я немного рисую — и мне предложили самому оформить свою книжку. Затем возник вопрос: где издать стихи? Ведь опыта издания детских книжек тоже не было. Поэтому решили передать ее в издательство, которое выпускало брошюры для бойцов...

Книжка вышла крошечным тиражом — всего 50 экземпляров, и сразу исчезла, я с большим трудом достал себе один экземпляр. Рецензий на нее не было, и на протяжении

целых двадцати пяти лет о ней никто не вспоминал. Казалось, она бесследно исчезла. Поэтому для меня было полной неожиданностью, когда в 1979 году я увидел свои стихи напечатанными в книге для внеклассного чтения.

— Таким образом, через четверть века стихи ожили и даже стали хрестоматийными. Теперь понятно, почему вам так дорог именно этот сборничек, хотя сейчас у вас издано около сорока книг... В книжных магазинах Улан-Батора скоро появится ваш новый роман — «Первый год Республики», который с нетерпением ждут монгольские читатели. Собственно, название уже само по себе дает некоторое представление о содержании книги.

— Да, она написана к 60-летию МНР, в романе отражена жизнь республики на протяжении одного года — с весны 1924-го по весну 1925 года. Весь роман — документальный, написан в совершенно новом для меня стиле. В нем нет вымышленных имен, действуют только исторические персонажи: Чойбалсан, Цэрэндорж — первый глава молодого государства, Данзан — главный военкомандующий Республики, известный правый уклонист. Дашдоржийн Нацагдорж выступает

одновременно как секретарь Реввоенсовета, секретарь ЦК Ревсомола, председатель Центрального Совета монгольской пионерской организации, он же — актер молодежного театра, ну, и, конечно, поэт.

Знакомые сюжеты, знакомые люди... Поэтому работать было легко. Но возникало много и забытых ныне персонажей, и никому не известных людей, которые в свое время сыграли ту или иную роль в процессе становления страны. Описывается исторический первый партийный съезд, первый Великий Народный Хурал, и наряду с этим — то, о чем теперь мало кто помнит и знает, — деятельность миссионеров, подсланных к нам, которые пытались проповедовать христианскую религию. Они открывали школы и медицинские пункты — и одновременно переводили и издавали «Библию». Немало было японских и китайских шпионов, которые всячески старались подорвать престиж народного правительства, пытались выдвинуть нового богдыхана.

Там все первое: первый аэроплан, первый фотограф, первый раз организуется посадка деревьев, впервые люди стали получать отчество. Раньше человек имел только имя, данное ему при рождении, и если в округе был еще кто-нибудь с таким же именем, то различия устанавливались просто: Лувсан-хромой и Лувсан-горбатый... Это унижало человеческое достоинство.

Все это найдут читатели в романе «Первый год Республики».

— *Как я понимаю, проза стала главенствующей в вашем творчестве и напрочь вытеснила поэзию, не так ли?*

— Стихи для меня связываются с юностью, ожиданием чего-то нового от каждого дня и каждого человека... Нет, сейчас стихи пишу очень редко. А вот что касается самого первого литературного пристрастия, то до сих пор мечтаю написать хорошую книгу для детей — для того нового поколения, которое уже не представляет свою жизнь без книги.

Людмила Букина

* * *

Кожура абажура оранжевым светом полна.
Вдоволь хлеба и соли, и жизни, и вдоволь вина.
Что еще тебе нужно? По крыше гуляет листва—
Это ночь. Это осень. И дождь. И в углах синева.

Открываешь окно—наполняется влагой ладонь.
Повернешься—в печи полыхает огонь.
Тихо сядешь к столу. Осмелевших мышей хоровод
Тянет песню ночную, шуршит и уснуть не дает.

Запах сонной земли, облетевших цветов и травы
К потолку поднимается, выше твоей головы.
Ветхий томик откроешь и думаешь: что же теперь?..
Молча смотришь, надежно ли заперта дверь.

Да, надежно. Но шторы полны сквозняком.
День за днем. Ночь за ночью. Листок за прочтенным
листочком.

Библиотеки

и библиофилов

МЛАДШИЙ РУБАКИН

I

Александра Николаевича Рубакина — одного из старейших советских ученых и писателей, которому уже перевалило за восемьдесят, как-то неловко было называть «младшим». Однако это было справедливо, ибо «старшим» был его отец, Николай Александрович Рубакин — великий книговед и библиограф, выдающийся популяризатор науки, оставивший глубокий след в русском просветительстве, в истории русской книги, русского библиотечного дела.

Если сравнивать их по основным вехам жизненных путей, может показаться, что не было между ними ничего общего, что трудно найти людей более полярных по своим характерам и биографиям, нежели отец и сын Рубакины.

Николай Александрович Рубакин самого себя звал «сиднем», его любимым псевдонимом был «книжный червь». И в самом деле, большую часть жизни он просидел за письменным столом. Книга была не только главным, а пожалуй, единственным его увлечением, интересом, делом. Всю вторую половину жизни — больше сорока лет — он прожил безвыездно в Швейцарии, не позволяя себе ни на день отвлечься от своей работы. Старший Рубакин считал себя стоящим вне политики. Над этим немало иронизировал В. И. Ленин в своих благожелательных отзывах о библиографических работах Рубакина.

А жизнь его сына сложилась совсем по-другому. Он родился в Петербурге 5 декабря 1889 года и после окончания известного своим «свободомыслием» Тенишевского училища поступил на физико-математический факультет университета. Впрочем, окончить этот факультет в России ему не удалось. Хотя поступил он в университет в 1906 году, когда первая русская революция уже шла на спад, увлечение революционной деятельностью быстро его отвлекло от университетских занятий. Уже в следующем году он был арестован и сослан на три года в Сибирь. Из ссылки младший Рубакин сбежал за

А. Н. Рубакин

границу. Там в Швейцарии жил его отец и было бы естественно, чтобы их судьбы сомкнулись — тем более, что они всегда духовно и душевно были близкими людьми. Но Александр Николаевич Рубакин по-своему распорядился своей судьбой. Он уехал в Париж и окончил там физико-математический факультет. Ему не пришлось по душе техника, он заново поступает — уже на медицинский, оканчивает его и начинает жизнь очень далекую от какого бы то ни было спокойствия.

Эта жизнь была столь стремительной, настолько заполнена странствиями и приключениями, что впоследствии в предисловии к книге воспоминаний «Над рекою времени» А. Н. Рубакин написал: «...иной читатель, читая мои воспоминания,

может подумать, что я был каким-то авантюристом, всю жизнь таскавшимся по разным странам в поисках приключений, или профессиональным революционером. Нет, я не был таковым. Мой настоящий удел, призвание в жизни — это научная работа и... литература».

Но до того, как он занялся тем и другим, младшему Рубакину пришлось пережить немало.

Был разгар первой мировой войны, во Франции находился русский экспедиционный корпус, и Александр Рубакин посчитал своим долгом добровольно поступить в него врачом. Он был на фронте во Франции и Македонии, тонул на подбитом немцами транспорте, был тяжело ранен — словом, с избытком хлебнул испытаний войны. И не жалел об этом. Через много лет, вспоминая свою жизнь, он писал, что сознательно отказался от возможности спокойной жизни в нейтральной Швейцарии, где он был бы со своим отцом. Его тянуло к людям, он хотел быть среди них и с ними.

После окончания войны Александр Николаевич Рубакин живет во Франции, работает в клинике. Перед ним открываются все возможности для научной и практической карьеры. Однако от этой жизни Рубакин отказывается спокойно и

осознанно. Даже в медицине он из чистой клиники все больше уходит в социальную гигиену — занятие, не дающее заработка, доставляющее немалые неприятности: речь идет о том, чтобы изучать и публиковать материалы о жалкой жизни больных стариков, об огромной детской смертности в рабочих семьях.

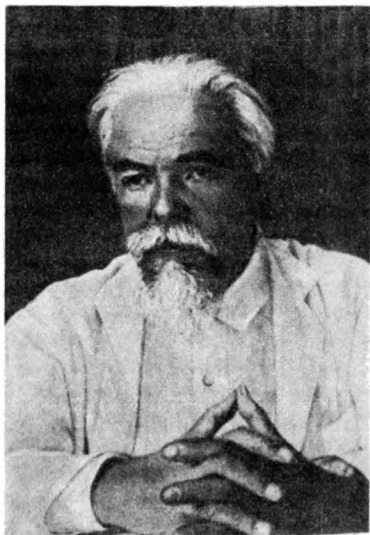
Начало двадцатых годов было отмечено разнузданным антисоветизмом на Западе, напряженными отношениями между Францией и молодой Советской Республикой. А. Рубакин, вместо того чтобы натурализоваться во Франции, в 1923 году получает советский паспорт, работает в представительстве советского Наркомздрава. В 1926 году вступает во Французскую компартию, преподает в Рабочем университете. После нападения гитлеровской Германии на СССР бежит из Парижа. Его арестовывают петеновские власти, сажают в тюрьму, затем отправляют в концентрационный лагерь в Северной Африке. Лишь в 1944 году, после высадки англо-американских войск, он был освобожден и смог уехать в Советский Союз. Тут, наконец, Александр Николаевич Рубакин получает широкие возможности для большой научной работы в области социальной гигиены и истории здравоохранения. Он защищает диссертацию на звание доктора наук, становится профессором. В его научном активе более 200 трудов, вышедших не только на русском, но и на многих европейских языках. Он становится общепризнанным авторитетом во вновь создаваемой науке о старости — геронтологии.

Таков краткий очерк жизни младшего Рубакина. Кажется, нет почти ничего, связывавшего эту жизнь с тем, что было главным в жизни его отца, — с книгой. Однако это далеко не так. В жизни и деятельности Николая Александровича Рубакина его старший сын занимает очень большое место. Без всякого преувеличения можно сказать, что Александр Николаевич Рубакин был во многом прямым продолжателем дела своего отца и в советском книговедении занимает достойное место.

II

Нет, они все же были очень схожи — отец и сын, — как бы ни были различны их судьбы.

Прежде всего, они оба были писателями. Конечно, очень несхожими по своим вкусам, целям, жанрам. Старший Рубакин рассматривал свою писательскую деятельность прежде всего как просветительскую. Его первые рассказы и очерки стали значительным литературным событием. «Два колеса»,

Н. А. Рубакин

«Бомба профессора Штурмвальда», «Воскресение мертвых», «Искорки» и другие были немедленно замечены всеми влиятельными деятелями русской журналистики — начиная с «властителя дум» народнической интеллигенции Н. Михайловского и кончая нововременским критиком В. Бурениным. Рассказы Н. А. Рубакина заметил и Лев Толстой, просивший передать их автору, что они ему очень понравились.

Однако молодой литератор вовсе не собирался становиться беллетристом и заниматься художественной литературой. В предисловии к сборнику рассказов «Искорка», вышедшему в 1901 году, он пишет: «Автор этой книжки не беллетрист-художник». И это заявление вовсе не было вызвано писательской скромностью. Рубакин действительно относился к рассказам как к еще одной возможности в беллетристической, всем понятной форме изложить свои просветительские взгляды, свои идеи и планы. И он вскоре полностью отказался от мысли писать «художественную литературу», в которой мог бы занять видное место.

Вместо этого Н. Рубакин перешел к прямой просветительно-литературной деятельности, к книгам, рассказывающим об основах мироздания, о науке и технике, о главных явлениях истории. Эти книги были рассчитаны на самого массового читателя, включая и тех, кто только-только научился читать. Литературное наследие Рубакина-популяризатора огромно. 250 книг, написанных им, рассказывали о самых разных областях знания: биологии, астрономии, физики, химии, географии, истории... Успех был колоссален. Тираж его изданий до революции превысил 15 миллионов экземпляров. Без обиняков можно сказать, что Рубакин был подлинно народным писателем. В самые трудные годы молодой Республики Советов, когда был на учете каждый лист бумаги, когда Ленин требовал, чтобы издавались только самые необходимые книги, по постановлению органов Советского правительства огромны-

АЛЕКСАНДРЪ РУБАКИНЪ

ГОРОДЪ

СЪИСК

КНИГА ОУПЕЧАТАНА ВО ХОЛКЧЕ
ВЪ 325 КУМЕРОВАНИИХЪ ЗИ-
ЗЕМЛЯРОВА:
25-КА КЪЛОХЪ КЪЛАЙХОЙ БУ-
МАГЪ, КУМЕРОВАНИИХЪ
ОТЪ 1-25
300-КА БУМАГА ВЕРГЕ АГРЕС
КУМЕРОВАНИИХЪ
ОТЪ 26-325

ОБЛОЖКА, МАЛОУСТРАИИ И ВНИЕТИИ
ПО РИСУНКАМЪ И. ГОМЧАРОВОЙ
ШРИФТЪ ИСЛОЖЕНЪ АВТОРОМЪ

А

Р

ПАРХЪЗ
1920

Титульный лист книги «Город»
А. Рубакина с оригинальным шрифтом,
разработанным автором

ми тиражами печатались книги Н. Рубакина. В 1918—1922 годах в РСФСР были изданы 22 книги Рубакина тиражом в 1 420 000 экземпляров.

Александр Николаевич Рубакин как писатель начинал иначе. Уже в эмиграции, будучи студентом, он пишет стихи и посылает их в Россию, они печатаются в журналах «Русская мысль», «Русское богатство», «Новый журнал для всех». Даже через много лет, оставив поэзию, он возвращался иногда к стихам, чтобы выразить свои чувства. И любопытно, что первой книгой будущего ученого и прозаика была книга стихов «Город», вышедшая в Париже в 1920 году и затем там же переизданная в 1927 году.

Впоследствии он больше никогда не возвращался к стихам. Александр Николаевич начинает выступать в советской периодике как активный и интересный очеркист. Он печатается в еженедельниках «Красная Нива», «Красная панорама», «Зритель». Его корреспонденции, статьи и очерки о жизни во Франции, в Соединенных Штатах остры и точны, они написаны не только со знанием материала, но и литературно ярко.

Вскоре очерки А. Рубакина начинают регулярно появляться и в толстых литературных журналах. Они печатаются в таких изданиях, как «Современник» и «Интернациональная литература».

Удивительно, что даже в самые напряженные годы научной деятельности А. Рубакин продолжал заниматься литературной работой. С 1947 года А. Рубакин — член Союза Советских писателей.

В каком жанре работал в литературе Александр Николаевич Рубакин? Больше всего это была публицистика. Вот здесь можно говорить и о прямой преемственности между отцом и сыном. Собственно говоря, та научная тема, которая стала главенствующей в деятельности доктора Рубакина, и носила публицистический характер. Так же, как его отец, Александр Николаевич всем риторическим словам предпочитал логику статистики. В его статьях и книгах в конкретных, взятых из официальной статистики, цифрах, раскрывались страшные картины социального неравенства, тяжких профессиональных болезней, отсутствия квалифицированной медицинской помощи, массовой детской смертности в странах капитализма, и прежде всего во Франции. Неудивительно, что подобная «медицинская публицистика» за рубежом могла публиковаться и публиковалась, главным образом, в рабочей и левой печати.

Оба Рубакина — и отец, и сын — были писателями не столько увлекающимися, сколько увлеченными. Это придавало даже научным работам Александра Николаевича наступательный характер. Он разговаривал со своим читателем, убеждал его и при этом ориентировался не только на специалистов, а и на более широкую аудиторию. Характерна в этом смысле книга А. Н. Рубакина, посвященная медицинским и социальным аспектам геронтологии. Книга опиралась на результаты научных исследований и экспериментов, на социальную и медицинскую статистику. Но автор назвал ее совсем не по-научному — «Похвала старости», и в ней присутствовала такая публицистическая увлеченность, что она мгновенно исчезла с полок книжных магазинов — так же, впрочем, как и второе, уже посмертное, ее издание.

Для читателей художественной литературы, для той огромной аудитории, которая интересуется историей, А. Н. Рубакин был, прежде всего, мемуаристом. Его главные книги: «Французские записи», «В водовороте событий», «Над рекою времени», его многочисленные журнальные очерки носили, по преимуществу, мемуарный характер.

Он встречался со многими замечательными людьми. Ближе всего знал Анри Барбюса и сотрудничал в его журнале; был

хорошо знаком с Роменом Ролланом. Среди его знакомых были и знаменитый автор «Интернационала» Пьер Дежейтер, и писатель Жан-Ришар Блок, и многие другие. В воспоминаниях Александра Николаевича Рубакина большое место занимает В. И. Ленин, с которым он встречался за границей, а также А. В. Луначарский, Е. Д. Стасова, Н. А. Семашко и другие выдающиеся большевики.

Чем бы ни увлекался и чем бы ни занимался младший Рубакин, его связь с отцом никогда не порывалась. Он был с ним близок в юности. Гимназистом и студентом он черпал свои познания не столько из уроков учителей, сколько из рассказов отца и его огромной библиотеки. После побега из ссылки в 1907 году Александр Николаевич некоторое время жил у отца в Лозанне. Старший Рубакин мечтал о том, чтобы сын остался с ним, стал его ближайшим помощником. Это не состоялось, младший Рубакин пошел своим путем.

Но что бы с ним ни происходило за сорок лет жизни за рубежом, он продолжал поддерживать со старшим Рубакиным самую тесную связь. Это выражалось не только в том, что он часто ездил в Лозанну, а потом в Кларан, жил там иногда месяцами. У отца он никогда не «отдыхал». Да и характер у Николая Александровича был не такой, чтобы давать сыну отдыхать. Сам неустанный труженик, не признававший даже выходных дней, он втягивал в свою работу всех близких, всех друзей и знакомых. Александр Николаевич Рубакин всю жизнь был постоянным помощником своему отцу. Когда жил у него, подбирал ему книги, вел переписку. А в Париже выполнял бесконечные поручения отца, был его подлинным «полпредом».

Старший Рубакин о себе не оставил никаких воспоминаний. Это противоречило бы его представлениям о своих задачах. Вероятно, он посчитал бы время, потраченное на это, напрасно погубленным. И если мы знаем сейчас сложную, интересную жизнь этого человека, то в большой мере благодаря его сыну — Александру Николаевичу Рубакину.

При жизни отца он нигде публично не рассказывал о нем. Но после смерти Николая Александровича Рубакина в 1946 году, младший Рубакин стал его главным биографом и пропагандистом его дела — причем не только в силу «сыновнего долга». А. Н. Рубакин питал к книге и книговедению огромное влечение. Он разделял большинство взглядов отца на роль книги в самообразовании, на книгособирачество, на задачи библиотек. Ему казалось недопустимым, чтобы многолетняя подвижническая работа его отца оказалась забытой на родине.

В двадцатых — начале тридцатых годов в советских книговедческих журналах «Красный библиотекарь», «Библиотечное обозрение» и других появился термин «рубакинщина»... Поводом к нему послужила теория «библиопсихологии», над которой много лет увлеченно трудился Н. А. Рубакин. В этой теории было много намешано. В ней были очень важные многолетние наблюдения над читателями и чтением, но были и довольно наивные и идеалистические представления о роли книги в социальной жизни.

Время расставило все по своим местам, отбросив ненужное, сохранив ценнейшее, возвратив книголюбю, библиофилу его изначальный высокий смысл. В те же годы критике подвергалась не только «библиопсихология», но и все сделанное Рубакиным, вся его многолетняя просветительская самоотверженная работа.

Рубакин не мог, да и не умел отвечать на подобную критику. Сын тоже ничем не мог тогда защитить отца от несправедливых нападков в печати. Но, пользуясь своими связями с руководителями советского просвещения, он делал все возможное, чтобы на нормальной работе Рубакина не сказались эти наскоки. Рубакин продолжал получать и пенсию, назначенную ему Советским правительством, и посылаемые ему бесплатно книги, выходившие в Советском Союзе.

А дальше наступили трагические годы войны...

Но все же последние годы жизни Николая Александровича Рубакина были освещены радостью Победы. Ему было 83 года, и он понимал, что кончаются отпущенные ему сроки. Ему еще хотелось работать. Известие о том, что сын освобожден из фашистского плена и находится в Москве, было для старшего Рубакина великой радостью. В письмах к нему отец развивал планы создания Института библиопсихологии, публикации своих рукописей.

Свою библиотеку старший Рубакин решил передать Советскому государству с тем, чтобы она в Ленинской библиотеке была сохранена как единый фонд. Но это было не так-то просто, учитывая многочисленные и сложные формальности швейцарских законов. Цель была достигнута только благодаря настойчивости Александра Николаевича.

23 ноября 1946 года в Швейцарии, в возрасте 84 лет Н. А. Рубакин умер. Через полтора года вся его стотысячная библиотека была полностью перевезена в Москву и в Ленинской библиотеке образован отдельный фонд под знаком «Рб». Урна с прахом Николая Александровича Рубакина из Лозанны была перевезена в Москву и захоронена в стене Новодевичьего кладбища. На маленьком скромном надгробье, изображающем

книгу, Александр Николаевич попросил выгравировать любимый девиз отца: «Да здравствует книга — могущественнейшее орудие борьбы за истину и справедливость». Еще несколько лет ушло у Александра Николаевича, чтобы выручить из Швейцарии архив отца. После многих и нелегких хлопот почти весь архив был получен и помещен в отдел рукописей Ленинской библиотеки.

А. Н. Рубакин, работая в научных учреждениях, активно участвуя в развитии геронтологии и социальной медицины, в то же время продолжал дело своего отца. После войны первые статьи о великом русском просветителе были написаны именно Александром Николаевичем. Благодаря ему в начале шестидесятых годов появляются в советской печати первые исследования деятельности Н. А. Рубакина. Начинают переиздаваться и некоторые его научно-популярные книги. А в 1962 году в Советском Союзе широко отмечалось столетие со дня рождения Николая Александровича Рубакина. Этой дате были посвящены многочисленные публикации и статьи почти во всех крупных газетах страны, во всех литературных и книговедческих журналах.

В 1967 году в серии «Жизнь замечательных людей» вышла книга Александра Николаевича — «Рубакин». Среди других книг о Рубакине ее отличает не только исключительное знание всех подробностей жизни выдающегося просветителя, но и глубокое понимание его характера.

В книге сына о своем замечательном отце нет и тени слепого преклонения и апологетики. Перед читателем встает человек не только сложной жизни, но и сложного, далеко не легкого характера. Александр Николаевич писал эту книгу, будучи почти в возрасте отца, но имея за спиной больший, чем у него, жизненный и политический опыт. Ее писал коммунист, чьи убеждения были закалены многими годами борьбы и труда. Поэтому в книге содержалась и критика некоторых наивных теорий Н. Рубакина, и обстоятельная оценка его огромного труда для России, для многих поколений людей.

Книга крайне интересна и по своему жанру. Она представляет органический сплав систематизированного описания деятельности отца с личными воспоминаниями, с живыми портретами тех людей, которые окружали Рубакина. В книге Александра Николаевича собрано множество любопытнейших деталей эпохи, раскрываются взаимоотношения отца с людьми...

«Рубакин» имел большой читательский успех, в 1979 году он вышел вторым изданием. Этой книге, конечно, суждена долгая жизнь, ибо без нее не может обойтись ни один

исследователь деятельности Н. А. Рубакина, ни один историк русской культуры.

В 1975 году завершился главный труд Александра Николаевича: вышел составленный и прокомментированный им двухтомник избранных сочинений Н. А. Рубакина. Здесь были собраны основные работы Рубакина, не утратившие свое значение и сегодня — в частности, работы о самообразовании и библиотечном деле. Издание было сделано так же добротное, как любил готовить книги старый Рубакин: с биографией автора, вступительной статьей, комментариями, именным указателем.

III

Младший Рубакин иногда шутя говорил, что отягощен генами отца — страстью к собиранию библиотеки. Конечно, это было шуткой. Как бы Александр Николаевич ни любил книги — а он их любил сильно! — у него не было никаких возможностей, да и надобности, чтобы создавать подобие отцовской библиотеки. Все, что собиралось десятилетиями в Париже, пропало, и новая библиотека А. Н. Рубакина началась «с нуля» в 1944 году, когда он, после невзгод военной поры, проехав через добрый десяток стран Ближнего и Среднего Востока, оборванный, с одной котомкой, прибыл в Москву и получил небольшую комнату для жилья. И на другой же день приобрел первую книгу...

Когда я познакомился с Александром Николаевичем, его квартира на Новослободской была заставлена шкапами и стеллажами, полными книг. Это была настоящая, большая библиотека, собранная обдуманно и очень тщательно. В том, как она собиралась, в очень большой степени сказались «гены отца». А говоря серьезней, создавая свою домашнюю библиотеку, Александр Николаевич руководствовался теми же принципами, какими руководствовался его отец. Может быть и сам того не сознавая, младший Рубакин создал небольшую модель книжного собрания, имеющего знак «Рб».

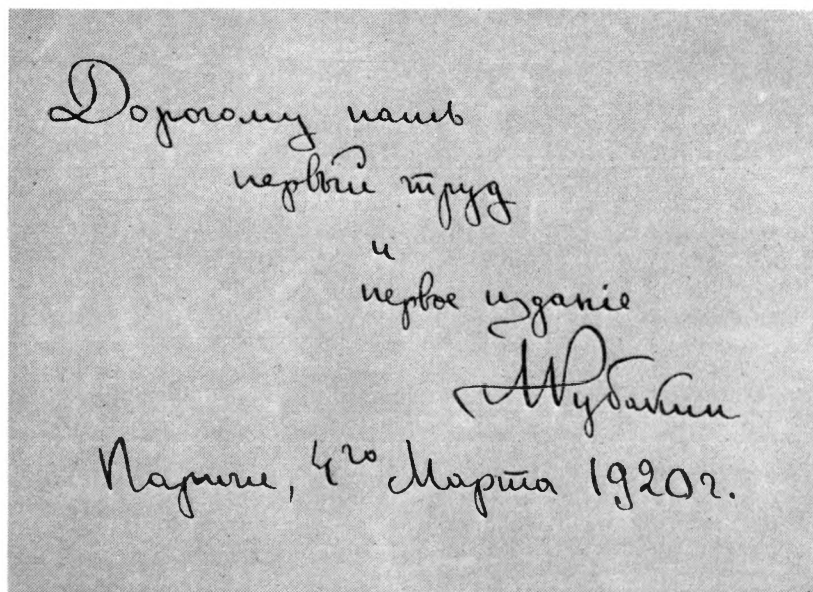
В 1907 году, уезжая из России и передавая свою огромную библиотеку в дар Петербургскому отделу Всероссийской Лиги образования, Николай Александрович Рубакин выступил с речью, в которой изложил свои взгляды на библиотечное дело и книжное собирательство. Он говорил: «Что такое книжное дело? Это дело — та же жизнь, это дело идет вовсе не в тиши ученого кабинета... Это дело — не книгоедство и не психопатическое коллекционирование, оно вовсе не сводится к глотанию

книжной пыли и смакованию книжного хлама...» И дальше: «Одно дело — библиотеку подобрать, и совсем другое дело — библиотеку собирать. Собирать — это значит принимать в состав библиотеки всякую книгу. Это значит — попросту копить всякие книги, то есть организовывать книгохранилище».

Свою библиотеку Александр Николаевич подбирал, исходя из отцовских принципов. Она была, прежде всего, рабочей. Ее основу составляли книги, нужные для большой научной, литературной и общественной деятельности владельца. Это были — словари и самого разного рода справочные издания. Для справочников, считал Александр Николаевич, не должно быть никаких ограничений. Он собирал словари и справочники на разных языках, по разным вопросам и независимо от года издания. Привыкнув всю жизнь иметь дело с цифрами медицинской и социальной статистики, с научной терминологией, младший Рубакин испытывал отвращение к любой неточности в книге. Он готов был отринуть любую, даже известную книгу, если находил в ней перевернутые фамилии, неверные даты. Он относил это за счет непрофессионального и даже «халтурного» отношения к работе литератора. «Ну, не знаешь! — удивленно говорил он, — ну, нет у тебя дома нужных справочников — пойди в библиотеку да посмотри!» Огромное место в его библиотеке занимали литературные словари, словари личных имен, словари аббревиатур, названий жителей городов и много других, о которых далеко не каждый писатель и знает... И признавался, что просто «любит читать» энциклопедии и любые справочники.

Интересно было его отношение к «художественной правде» и «правде факта» в исторической художественной литературе. Он охотно признавал право романиста давать факту и историческому лицу свое собственное освещение и толкование, домысливать — словом, идти дальше документа. Но отрицал право литератора менять фамилии, смещать даты, если в литературном произведении речь идет о реальных исторических фактах. Александр Николаевич совершенно серьезно уверял, что подобное возникает в книгах не как результат творческого воображения писателя, а только из-за его лени порыться в справочниках...

Научные и литературные интересы Александра Николаевича Рубакина были обширны и разносторонни. Но он исходил из того, что домашняя библиотека должна иметь совершенно точные границы. «Нельзя держать у себя в библиотеке книгу, которую, раз прочитав, больше не захочешь взять в руки», — говорил он. Любитель и знаток художественной литературы, Александр Николаевич был убежден, что

Надпись А. Н. Рубакина на книге «Город», подаренной отцу

настоящая книга обязательно познается при перечитывании. И держал у себя только такие книги, которые любил перечитывать. Иногда их отдельные места, иногда полностью. Он любил стихи и, как мы знаем, некогда их писал. Но принципиально не держал у себя книг тех современных и даже классических поэтов, которых не любил и не перечитывал.

Иронически относился Александр Николаевич к тому, что он называл «архитектурными украшениями» библиотеки. Речь идет о так называемых «престижных» книгах: о редкостных малотиражных изданиях, дорогих альбомах репродукций; о книгах, ценность которых измерялась только тем, что в мире оставались лишь считанные их экземпляры. Нет, он не отрицал, конечно, правомерность и такого подбора. Но только лишь в том случае, если это было результатом художественных и книговедческих интересов владельца библиотеки. Со смехом, а чаще с негодованием, он рассказывал о таких владельцах личных библиотек, которые хвастались редкими изданиями, даже не прочитав их. И он был преисполнен почтения к таким знаменитым книжникам, как Н. П. Смирнов-

Сокольский, И. Н. Розанов, А. К. Тарасенков, которые не только собирали свои библиотеки целеустремленно, но и сумели сделать свое дело достоянием всех, в этих книгах нуждающихся. Он имел в виду их деятельность как библиографов.

Человек разносторонних интересов и огромной работоспособности, младший Рубакин не мог, конечно, ограничиваться только теми книгами, которые находились в его личной библиотеке. Для «одноразовых» книг — как он их называл — он всегда обращался в публичные библиотеки. Любимой его библиотекой была главная библиотека страны — Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина. Ее он ценил и любил не только потому, что там он мог обращаться к очень хорошо знакомому и дорогому ему фонду со знаком «Рб». Он ценил ее массовость. В Москве находится немало библиотек с большими и ценными собраниями. В оценке работы библиотеки Александр Николаевич любил ссылаться на слова В. И. Ленина, который призывал «видеть гордость и славу публичной библиотеки не в том, сколько каких-нибудь изданий XVII века или рукописей X века, а в том, как широко обращается книга в народе, сколько привлечено новых читателей, сколько книг роздано на дом, сколько детей привлечено к чтению и пользованию библиотекой».

Мне было интересно узнать у Александра Николаевича его точку зрения на болезненный для многих владельцев личных библиотек вопрос: давать ли другим книги из своей библиотеки? Я получил ответ, который не мог быть иным. безусловно и обязательно! Да иначе и не мог ответить сын Рубакина, воспринявший у отца его взгляды на значение книги. Как известно, Николай Александрович Рубакин больше всего на свете любил книги. Он к ним относился, как к близким существам. Порванная или запачканная страница вызывала у него почти физическое страдание. И тем не менее, всю свою долгую жизнь Н. А. Рубакин книги давал всем, кто в них нуждался. Его огромной библиотекой в Швейцарии пользовались все слависты мира, вся революционная русская эмиграция. Известно, что Владимир Ильич Ленин работал в рубакинской библиотеке, регулярно получал из нее книги. Рубакин от читателей своей библиотеки требовал только одного: чтобы книга возвращалась и чтобы она была в полной сохранности.

IV

Какое место занимал младший Рубакин в современном советском библиофильском движении, приобретшем в нашей стране такой огромный массовый характер? На мой взгляд,

очень значительное. Александр Николаевич был и не мог не быть активнейшим библиофилом по существу своего характера, отношению к книге, семейным традициям. Он с гордостью говорил, что представляет собой третье поколение библиофилов. Ведь его отец наследовал не только свою страсть к книге, но и библиотеку своей матери — Лидии Терентьевны.

Свою задачу в движении книголюбов Александр Николаевич видел в том, чтобы пропагандировать идеи отца, внушать — устно и печатно — убеждение, что первейшая ценность книги состоит в ее содержании. При этом он высоко ценил и любил культуру книгоиздания, искусство книги. Александр Николаевич был превосходным рассказчиком. Перед любой аудиторией — самой маленькой и самой большой — он говорил свободно, интересно, щедро делясь теми впечатлениями и знаниями, которые он накопил за свою жизнь.

А жизнь эта была долгой. В возрасте, когда окончил свою жизнь его отец, Александр Николаевич продолжал еще активно работать над новыми книгами. Он ездил по нашей стране и за рубеж, сам водил автомобиль, был подвижен, активно участвовал в жизни всех многочисленных организаций, в которых состоял. Выступления его в писательской аудитории всегда вызывали большой интерес. Последний из рубакинской библиофильской династии, Александр Николаевич не дожил нескольких дней до своего девяностолетия. Он оставил после себя прочную память как ученый, писатель и пропагандист дела своего великого отца.

ИЗ КНИГ В. Г. КОРОЛЕНКО

Описать библиотеку В. Г. Короленко, насчитывавшую до четырех с половиной тысяч книг¹, сегодня не представляется возможным по той причине, что она давно уже не существует в полном составе. В начале Великой Отечественной войны книжное собрание писателя, ввиду сложившихся обстоятельств, было разобрано: одну часть библиотеки, меньшую, но к счастью самую ценную, удалось вывезти на восток, и она уцелела; другая, большая, оставалась в Полтаве и погибла в огне пожара. Библиотечный каталог этой части книг неизвестен.

С детских лет и до конца жизни В. Г. Короленко сохранял в своем сердце трепетную и верную любовь к книге. Известное его изречение: «Читаю, роюсь в книгах», — характеризует библиофильскую страсть писателя. Отношение Владимира Галактионовича к книге затронула Т. Г. Морозова в своем исследовании «Библиотека в жизни В. Г. Короленко»². Другие аспекты этой темы (в том числе и личная библиотека писателя) до сих пор практически не изучались. Лишь в 1979 году автором этой статьи начата работа по составлению каталога и картотеки уцелевших книг и оттисков, принадлежавших писателю.

«В. Г. Короленко не был коллекционером книг», — справедливо утверждала дочь писателя Софья Владимировна³. Книги были его друзьями и помощниками в работе. «Шкафы с книгами находились не только в кабинете, но и почти во всех остальных комнатах», — рассказывает человек, не раз бывавший в доме писателя⁴. Еще более определенно говорит один из близких к Владимиру Галактионовичу людей, впоследствии переводчик и ученый, П. А. Митропан: «Для В. Г. Короленко книга была воздухом, которым он дышал. Да и вся атмосфера в доме, в семье была пропитана — с той или иной стороны — литературой, прессой»⁵.

В своей разносторонней деятельности Короленко придерживался строгого порядка, четкой организации труда. Это способствовало его успешной работе. «Порядок освобождает душу»,— говорил писатель. В понятие организации труда входила и систематизация личного архива, частью которого была рабочая библиотека писателя.

В библиотеке В. Г. Короленко сохранился первый его литературный труд—книга «Птица» Ж. Мишле, переведенная им (совместно с братом Юлианом) с французского языка и изданная в 1878 году. На обложке сохранилась роспись—«Вл. Короленко», а в тексте есть некоторые его пометы. Это одна из тех книг, что положили начало библиотеке-архиву писателя.

Первые свои архивные материалы (наброски, книги, рисунки, письма) Короленко накапливал еще в ссылке и привез в Нижний Новгород. Именно здесь, начиная с 1885 года, сначала как бы ощупью, а затем все более определенно и последовательно писатель начинает работать над организацией своего архива: этого требовали текущая работа и планы на будущее. Писатель «все строже и систематичнее разделяет отдельные темы собираемых материалов, все тщательнее и полнее собирает эти материалы»⁶. Подбор вырезок из газет и журналов, соби́рание книг, писем, выписок, отправка книг и брошюр в переплет—все это Короленко делал сам, без посторонней помощи. Только под конец жизни стал привлекать к такой работе своих близких.

Среди основных отделов архива была библиотека. Составлялась она разнообразно. Справедливость такого утверждения становится очевидной, когда знакомишься с уцелевшей частью этой библиотеки. А та, полная, ныне не существующая, из каких частей она состояла, как она комплектовалась? С. В. Короленко—дочь писателя—разделяла ее на следующие части:

1. Критические, публицистические и некоторые художественные произведения, необходимые для работы. Подбирались они с большой тщательностью, иногда это делали специалисты по просьбе писателя. Полнотой подбора отличались материалы к «Делу Бейлиса», труды исторического отдела библиотеки, связанные с работой над повестью «Набеглый царь», литература к статьям о творчестве Л. Толстого, Гоголя, Чехова.

2. Журнальная часть, состоящая из тех изданий, в которых Короленко печатался и работал или за которыми внимательно следил («Русское богатство», «Современник», «Отечественные записки» и другие).

3. Книги, присланные авторами (обычно с автографами).

4. Собрание собственных произведений, в том числе и в переводах на иностранные языки.

5. Книги, которыми Короленко пользовался как любимым чтением. Их было немного, вероятно, отчасти потому, что писатель не отказывал желающим почитать, и они обычно их не возвращали?...

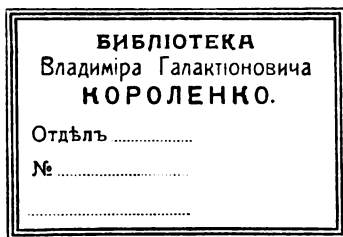
К сожалению, «Докладная» С. В. Короленко не дает ответа на все наши вопросы: сколько книг было в каждом из этих отделов? И если мы знаем, сколько примерно книг было вывезено во время войны, то совсем неясно, сколько их осталось в Полтаве и погибло во время отступления фашистских оккупантов...

...«Святая святых» В. Г. Короленко — его рабочий кабинет. В доме врача Будаговского, куда писатель переехал в 1903 году, он занял под кабинет отдельную большую комнату с солнечной стороны, в два окна, выходявшие в сад. «Здесь он писал, собирал свои литературные материалы, здесь хранился и систематизировался его архив»⁸. В этой комнате, служившей ему и спальней, Владимир Галактионович прожил «самые напряженные и наполненные большой работой годы»⁹.

Обстановка кабинета была скромной, она подчинялась целям работы. Всегда под руками находились книги, требовавшие частого обращения к ним: полки находились рядом с письменным столом. Они и теперь на том же месте, в нынешнем Доме-музее писателя. И теперь на них стоят уцелевшие тома сочинений Белинского, Герцена, Достоевского, Писарева, Салтыкова-Щедрина, Л. Толстого, Тургенева, Г. Успенского... Здесь же, в отдельном шкафу, хранятся произведения В. Г. Короленко, многие из которых отмечены предупреждающей надписью:

«Архив. Никому не выдается».

В кабинете стоит шкаф с комплектом «Русского богатства», в редакции которого работал писатель. Прежняя коллекция журнала погибла в 1943 году; ныне шкаф заполнен комплектом, присланным для восстановления прежнего фонда из Ленинграда. Уцелела только одна принадлежавшая писателю книга «Русского богатства» — № 10 за 1892 год с первой публикацией его рассказа «Ат-Даван». На внутренней стороне верхней крышки переплета, сделанного в «переплетном заве-

Экслибрис В. Г. Короленко

дении А. Шер в Нижнем Новгороде», о чем свидетельствует маленький овальный ярлык, наклеен книжный знак с обозначением отдела и надписью «Никому не выдается». По-видимому, этот экслибрис появился позднее, а раньше стоял штамп: «Владимир Галактионович Короленко». Таких штампов у писателя было два — большего и меньшего размера.

Что представлял собой печатный экслибрис Короленко? Однажды, в 1966 году, он промелькнул перед глазами участников Московского клуба экслибрисистов вместе с книгой «Дело мултанских вотяков». «Этот книжный знак очень редок, — писал тогда В. Осокин. — Он не приведен даже в капитальном труде У. Иваска „Описание русских книжных знаков“»¹⁰.

На самом же деле сохранилось немалое количество оттисков экслибриса Короленко.

Книжный знак Владимира Галактионовича предельно прост. Это четырехугольный ярлык, в линейной рамке размера 5,4×3,5 см, одноцветный, с надписью «Библиотека Владимира Галактионовича Короленко. Отдел..... №.....» и запасной строчкой для возможных помет. Такая простота исполнения соответствовала рабочему характеру книг писателя.

То же самое следует сказать и в отношении переплетов. Как правило, это картонная обложка и кожаный корешок с тиснением фамилии автора, названия книги и двух букв «В. К.» — инициалов владельца. Много переплетов выполнено в Нижнем Новгороде, в той же мастерской А. Шер или наследников А. Шер. Петербургские и полтавские переплетные мастерские не помечены.

В кабинете, над кушеткой, где обычно отдыхал писатель, висела полка, заполненная томами Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона. Короленко часто обращался к ним за справками.

Подлинный комплект словаря погиб...

Заведенная В. Г. Короленко надпись: «Архив. Никому не выдается» — ставилась членами его семьи и после смерти писателя на всех книгах, поступавших в музей. Продолжали наклеивать и экслибрис, смешав, таким образом, личную библиотеку писателя с музейной.

В Музее В. Г. Короленко за долгие годы составила интересная коллекция книг, подаренных многими советскими учеными и писателями, но это собрание не имеет отношения к библиотеке Владимира Галактионовича, хотя на некоторых книгах и оказался экслибрис писателя.

Надпись «Архив. Никому не выдается» помечены, преж-

де всего, произведения В. Г. Короленко на русском и иностранных языках, тщательно собиравшиеся автором, а также оттиски его статей и рассказов; с этой же пометой откладывались и тематические подборки книг и брошюр, которыми писатель пользовался в своей работе.

Собирая свои произведения, Короленко оставлял на них разного рода пометы, указывая, например, время поступления книги или делая заметку: «Для следующего издания». Встречаются надписи, касающиеся истории создания произведений.

Одна из них — на книге «Без языка», где писателем указано, что «эта книга не об Америке, а о том, как Америка представляется на первый взгляд простому человеку из России»¹¹.

«Для следующего издания» (надпись синим карандашом) отложил Короленко и «Бытовое явление» (Спб., 1910). На обложке сохранилось его указание: «См. стр. 48—49». Действительно, все поля этих страниц исписаны авторскими дополнениями.

Есть они и в других местах книги.

Среди шести разных экземпляров произведения «В голодный год» особый интерес представляет издание 1897 года. В нем сохранилось много следов авторской правки зачеркнуты целые страницы текста, а исправления и дополнения даны в виде надписей на полях и отдельных вклеек.

Подобное наблюдается и в рассказе «Тени», включенном в сборник «Очерки и рассказы» 1893 года издания. Сделан по существу новый вариант рассказа, о публикации которого сведений не имеется. По этому случаю уместно вспомнить слова Короленко: «Я, когда оглядываю свою законченную работу, всегда думаю: „А что тут без особенного ущерба можно выкинуть“. И никогда еще не раскаивался и не жалел о сокращениях».

А вот редкий экземпляр первой публикации «Воспоминаний о Н. Г. Чернышевском». Книга издана в 1894 году в Лондоне «Фондом вольной русской прессы» по одной из копий без ведома В. Г. Короленко и была кем-то прислана ему из Англии. Автору пришлось давать по этому поводу объяснения в департаменте полиции...

Заграничные издания произведений Короленко вообще нередки в его собрании.

Среди четырех экземпляров очерка «Дом № 13. Эпизод из кишиневского погрома» одна книга испещрена ругательствами какого-то злобствующего черносотенца, которого это произведение задело за живое¹²...

Как известно, «История моего современника» первоначально печаталась в «Русском богатстве». Подшивка листов верстки этой публикации за 1906—1910 годы сохраняет многочисленные авторские поправки. Особенно много их в главе «Студенческие годы». Здесь осталась надпись дочери писателя: «Мелкие исправления, отмеченные карандашом, внесены в Нивское издание этих глав. И дальше значительные исправления. Считала и отметила С. Короленко. 1.XII.1929».

Произведения писателя, издававшиеся под названием «Очерки и рассказы», начали выходить в 1886 году. Сохранились эти сборники, начиная со второго тома (1893); последний издан в Москве в 1919 году (на обложке рукой Короленко помета: «Получено в конце мая 1919»). Очень редкой является книга «Очерков и рассказов» Короленко, выпущенная «Славянским издательством» в Праге в 1921 году. Сюда вошли «Огоньки», «Марусина заимка», «Ночью». Этот сборник не был учтен библиографами.

Полно подобрана коллекция брошюры «Падение царской власти (Речь простым людям о событиях в России)». География изданий ее обширна: Москва, Самара, Рязань, Екатеринослав, Киев, Вятка, Полтава, Харьков — всего свыше 20 городов. Из Петрозаводска брошюру прислал некто А. Г. Малишевский, указав на обложке даже свой адрес. Московское издательство «Набат» снабдило работу портретом писателя и «Письмом В. Г. Короленко», датированным 17 мая 1917 года, в котором автором поставлены условия издания статьи: печатать бесплатно или с минимальной платой, преследуя благотворительные цели. Брошюра, изданная Полтавской студенческой социалистической организацией, отличается от других некоторыми авторскими изменениями, о чем и говорится в уведомлении «От издательства». Этого издания также нет в библиографии произведений Короленко.

Из 9 томов Полного собрания сочинений В. Г. Короленко 1914 года («Нивское издание») сохранилось 8; все они привезены из Франции, где писатель был застигнут началом мировой войны. На основании авторских корректур в тексты произведений внесены исправления, использованные в позднейших изданиях. В конце некоторых томов указаны страницы, на которых есть эти исправления. Все тома ранее принадлежали зятю писателя К. Ляховичу, о чем свидетельствует его печать с текстом на французском языке.

По отделу произведений В. Г. Короленко нами учтено 324 названия книг, брошюр и оттисков. Все эти экспонаты очень интересны, но рассказать о каждом из них в отдельности

невозможно. Сохранилось два экземпляра рассказа «Премыш», изданного Сытинным (1892). Один экземпляр правлен писателем. Рассказ здесь начинается со слов: «Солнце клонилось уже к лесам, когда...», а весь предыдущий текст вычеркнут. Река здесь наименована — Керженец. Редкой является брошюра Короленко «Слова министра. Дела губернаторов (К характеристике положения печати в „конституционный период“», изданная в Полтаве в 1906 году. В ней говорится о закрытии газет в Полтаве. В тексте сохранились авторские пометы. Помечена также обложка журнала «Право» № 14 за 1905 год: под знаком NB рукой Короленко написано: «Не вошло в изд. „Нивы“». Раскрываем журнал — в нем статья писателя «Современное положение и печать».

Сохранился ли в библиотеке первый рассказ Короленко? Как известно, он был опубликован в журнале «Слово» (1879, № 7) и назывался «Эпизод из жизни „искателя“». Да, сохранился! Дорожа своим «первенцем», Владимир Галактионович одел журнал в переплет; есть в нем и авторские пометы.

Теперь об оттисках. Их — 70. Коллекция достойна того, чтобы изучить ее отдельно. На каждом оттиске Короленко оставил разного рода пометы. Иногда уточняется дата написания произведения. Порой расшифровывается псевдоним.

На каждом оттиске рукой писателя обозначено название журнала, опубликовавшего статью или рассказ, его выходные данные. Многие оттиски предназначались для повторных публикаций, поэтому содержат авторские исправления и дополнения. На оттиске «Случайных заметок» («Русское богатство», 1904, № 6) Короленко перечислил названия, а затем написал: «Из них „Соня Мармеладова“ напечатана в Нивском издании. „Историю газеты“, пожалуй, не стоит, а „Новые возражатели“ можно будет поместить (если будет новое полное издание) вслед за „Соней Мармеладовой“». На оттиске «Рассказы Андрея Струга» («Уличный скрипач», «Некролог») Короленко написал: «Мой перевод с польского (первый мной сильно проредактирован, второй — мною же переведен)».

На некоторых оттисках оставлены такие надписи: «Не отдавать», «Единственный оттиск прошу мне вернуть. В. К.»¹³, «К материалам» и другие. Среди оттисков сохранилась корректура «Судного дня» с замечаниями издательницы А. М. Коломенкиной. Рядом Владимир Галактионович оставил свои комментарии: «верно», «нет, это можно оставить», «не согласен»... Сверху рукой писателя помета: «К новому изданию».

В конце XIX — начале XX века произведения Короленко выходили во многих странах, чаще всего в переводе на французский, немецкий, итальянский, на славянские языки.

Сохранилось свыше 70 таких книг; на многих Короленко оставил различные пометы и надписи.

Переводы на французский язык осуществлялись Л. Гольшманом и Э. Жобером. На книге «Слепой музыкант» (Париж, 1894) — дарственная надпись: «Несравненному автору от глубокого почитателя его таланта, переводчика Л. Гольшмана. Париж, 21 сентября 1894 г.». К книге приложена вырезка из французской газеты с отзывом о переводе. В 1895 году в Париже появилось новое издание «Слепого музыканта», и переводчик «за себя и Э. Жобера» посылает книгу «неподражаемому автору с чувством живейшей благодарности за высокое наслаждение, испытанное при переводе этих чудных страниц».

Очень много переводов на итальянский язык. Сохранились два издания «Слепого музыканта» на английском языке — бостонское и лондонское, оба 1890 года. Перевод осуществлен С. Степняком-Кравчинским и В. Весталлем. Есть дарственная надпись переводчика и на голландском издании рассказа «Без языка». По авторским пометам можно судить о том, что В. Г. Короленко с интересом знакомился с присылаемыми книгами, собственноручно надписывал по-русски названия своих произведений и берег их. Если было два одинаковых экземпляра, он это отмечал на обложке. Произведения писателя переводились также на язык эсперанто. На некоторых экземплярах — автографы переводчиков.

Огромный резонанс вызвало участие Короленко в защите вотяков, обвиненных в убийстве с целью жертвоприношения. Печатные источники, сохранившиеся в библиотеке, говорят о том, что Короленко обстоятельно изучал историю этого вопроса. Много помет оставил он в книгах И. Смирнова «Вотяки» (1890), П. Богаевского «„Мултанское моление“ вотяков в свете этнографических данных» (1896) и других. Сохранилось несколько экземпляров книги «Дело мултанских вотяков, обвинявшихся в принесении человеческой жертвы языческим богам» (М., 1896), в составлении которой Короленко принял деятельное участие. В одном из них — исправления, замечания, тематический указатель в конце книги, даже рисунок — все говорит о том, что и после выхода издания в свет Короленко продолжал жить этой темой, уточнял содержание. Несколько книг по данному вопросу прислали авторы Э. Ф. Беллин и П. Луппов, о чем свидетельствуют их автографы. «Судебно-медицинская экспертиза в деле мултанских вотяков, обвиняемых в принесении человеческой жертвы языческим богам» (Харьков, 1896) Э. Беллина носит следы многих подчеркиваний красного карандаша Короленко.

Свыше 30 книг и брошюр касаются религиозной тематики. Наличие их в библиотеке писателя требует изучения и оценки. Некоторые из них подтверждают краеведческие интересы Короленко к различным культовым объектам (соборам, монастырям, кладбищам). Многочисленные пометы — синим и черным карандашом — сделал Короленко, читая книгу «Кузька, мордовский бог. Повесть из истории мордовского народа» (Н. Новгород, 1898). Эту книгу он затем рецензировал. Повидимому, во время посещения Саровского монастыря в 1890 году Короленко получил серию брошюр, составленных по писаниям святителя Тихона Задонского. Их сохранилось 9, на них — нравоучительные надписи и даже просьбы «защитить словом правды от наветов пустомель-либералов»...

Драгоценны пометы В. Г. Короленко на произведениях русской и западной классики: по ним можно судить об отношении Владимира Галактионовича к разным писателям и о том, какие мысли и литературные образы вызвали его реакцию.

На творчество В. Г. Короленко оказали значительное влияние произведения русских революционных демократов. Высоко отзывался писатель о В. Г. Белинском в своей известной статье «Памяти Белинского» (1898). Пометы черным и синим карандашом в двухтомнике «Избранных сочинений» Белинского (Спб., 1898) говорят о том, что Короленко к ним обращался не однажды. В конце обоих томов, на форзацах, он дал указатель тех страниц, на которых оставил пометы. Часть их касается высказываний Белинского о Гоголе.

Долго и тщательно изучал Короленко сочинения и переписку Гоголя, создав одну из лучших своих историко-литературных статей «Трагедия великого юмориста» (1909). О тщательности такого изучения свидетельствует 5-й том Сочинений Н. В. Гоголя (Спб., 1893), где помещены «Выбранные места из переписки с друзьями». Здесь множество (свыше 50) карандашных помет: отчеркиваний, подчеркиваний, надписей, порой очень пространных, восклицательных и вопросительных знаков; на странице 19-й есть вклейка с семистрочным замечанием. А в конце тома — обычный постраничный указатель помет.

Исключительный интерес представляют пометы на книгах Герцена, Достоевского, Салтыкова-Щедрина, Л. Толстого, Тургенева, Писарева, Г. Успенского, так как они имеют непосредственную связь с критическими работами Короленко. От замечаний на книжных полях писатель переходил к выпискам цитат в тетради, присоединяя к ним иногда и свои комментарии. Так, в частности, он работал, когда готовился писать

Титульный лист сборника
Н. Телешева
с дарственной надписью автора

статьи и заметки о Льве Толстом. Интересны его записи на полях «Войны и мира». Они касаются образов, созданных Толстым, его философских рассуждений, стиля.

Короленко оставил пометы и в книге «Новая Америка» (часть I). Заинтересовавшие его страницы отмечены в тематическом указателе: 225 — Нравы Нью-Йорка, 248 — Нравств[енность] и законы, 379 — зак[он] и правосудие... По-видимому, эта книга связана с работой над повестью «Без языка».

В библиотеке В. Г. Короленко было Собрание сочинений Г. Ибсена. Сохранился только 6-й том (СПб., 1897) с ценной заметкой на последней чистой странице книги. Неполный текст ее таков: «Высоч[айшее] повел[ение] должно быть объявлено от

Высоч[айшего] имени, а не от имени Академии, т. е. Собр[ания] академиков, и может выразить только отмену посл[едствия] выборов, а не отказ академиков от своего мнения...» и еще несколько строчек, в которых не все слова разборчивы. Почему эта заметка оказалась в книге? Думается, случайно, из-за отсутствия под рукой чистой бумаги. Нет сомнения, что запись была сделана под свежим впечатлением от возмущившего Короленко известия об отмене царем решения выбрать в почетные академики М. Горького.

О широте интересов писателя говорят его пометы в книге Ф. Н. Плевако «Речи» (М., 1909, т. 1), в «Сибирском сборнике» (приложение к «Восточному обозрению» за 1890 год. Иркутск, 1891), в переводном романе Г. Эберса «Серapis» (Короленко вынес ему такой приговор: «Перевод плох, издание очень небрежно»).

Пометы Владимира Галактионовича остались также на некоторых сочинениях А. К. Толстого, Г. Гейне, В. Гюго, Г. Успенского (Сочинения Глеба Успенского в двух томах. СПб.,

1889, т. 2, особенно в серии статей «Крестьянин и крестьянский труд»). С большим вниманием был прочитан 4-й том Полного собрания сочинений графа А. К. Толстого (Спб., 1908), куда вошел дневник, а также письма к друзьям.

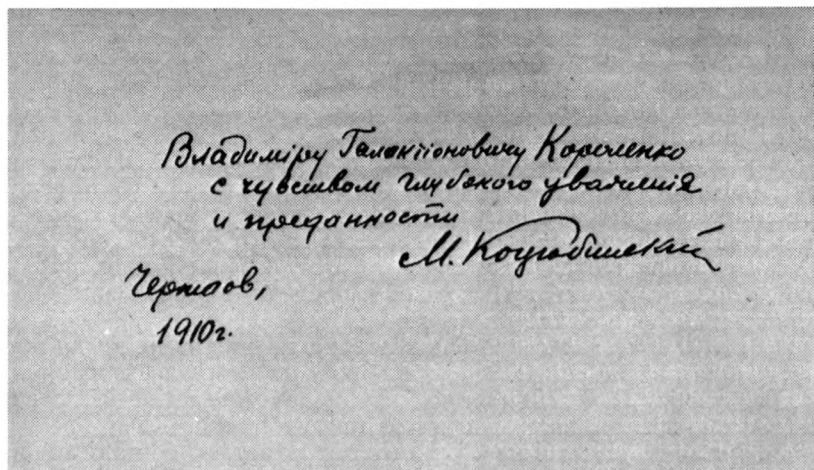
Книга Кеннана «Сибирь и ссылка» (Спб., 1906, отдельный оттиск журнала «Всемирный вестник») напоминала Владимиру Галактионовичу о встрече в 1886 году в Нижнем Новгороде с ее автором, американским путешественником и исследователем Сибири Джорджем Кеннаном. На книге помета: «Архив. Никому не выдается». По свидетельству Софьи Владимировны, этой книгой отец пользовался в последние дни жизни, она находилась на столике возле его кровати.

В 1919 году в Москве была издана и, очевидно, тогда же поступила в библиотеку Короленко небольшая книжечка И. Белоусова «Т. Г. Шевченко». Ее издал Московский Совет рабочих и крестьянских депутатов под рубрикой «Кому пролетариат ставит памятники». В книге нет помет, но ее наличие в библиотеке Короленко свидетельствует о непреходящем интересе к творчеству великого кобзаря.

Свою библиотеку В. Г. Короленко пополнял до конца жизни, и до последних дней у писателя оставалась профессиональная привычка читать новую книгу, журнал или статью с карандашом в руке, делать записи. Работа над изучением этих записей только начата. Исследователей ожидает здесь много интересного. Особую ценность представляют издания, поступившие от авторов и снабженные их дарственными надписями. В этой драгоценной коллекции есть книги известных писателей — современников Короленко: К. Бальмонта, В. Бонч-Бруевича, И. Бунина, В. Вересаева, М. Горького, М. Коцюбинского, А. Куприна, Д. Мамина-Сибиряка, Панаса Мирного, Г. Мачте-та, А. Серафимовича, К. Станюковича, Н. Телешова, К. Тимирязева, И. Тобилевича, А. Чехова, Шолом-Алейхема и других. За каждым автографом — история взаимоотношений Короленко с тем, кто присылал ему свои книги, а это зачастую еще неизвестные страницы истории отечественной культуры.

Короленко был первым писателем, с которым повстречался начинающий поэт К. Бальмонт и от которого услышал «первые приветственные слова». «Любимому писателю» он подарил 7 своих сборников. На чистых страницах «Сборника стихотворений» (1890) остались вписанные от руки стихи «Ночь прошла... Я проснулся при свете роскошного дня» и «Когда б я богом был (Из Сюлли Прюдома)».

Автографы М. Горького в библиотеке Короленко частично уже описаны. Первые книги Горький прислал своему учителю

Автограф М. Коцюбинского
на сборнике «Рассказы». Спб., 1911

в 1898 году, они не сохранились. Уцелело четыре других. Среди них—воспоминания Горького о Льве Толстом с надписью «учителю и наставнику» (датирована 28 февраля 1921 года). В этой книге есть пометы Владимира Галактионовича: отчеркивания текста, подчеркивания, знак NB, поправка в цитате из стихотворения Фета.

Дружеская связь Короленко и Мамина-Сибиряка подтверждается, в частности, восемью книгами уральского писателя, подаренными с 1888 по 1902 год. «Одному из любимейших и симпатичнейших писателей» подарил пять своих книг Григорий Мачтет. Сохранилось девять книг поэта-революционера П. Ф. Якубовича (Мельшина). В некоторых из них автор восстановил выброшенные цензурой строки. Сборник «Стихотворения» (6-е изд. Спб., 1910, т. 1) испещрен пометами Короленко, которые дают богатый материал для исследования истории взаимоотношений Якубовича и Короленко.

А. Куприн прислал «глубокоуважаемому Владимиру Галактионовичу Короленко на добрую память» 6-ю книгу сборника «Знание» (1905), где опубликован его «Поединок». Книга подарена в мае, а в июле Короленко писал в печатном отзыве, что это произведение «беспощадно изобразило нравы военной среды». В надписи А. Серафимовича на томе «Рассказов» (Спб., 1903) отмечается, что Короленко был первым учителем писателя. В своей надписи Телешов свидетельствовал Коро-

ленко свое «высокое уважение». Шолом-Алейхем прислал книгу своих произведений, изданную в Варшаве, как приветствие к 50-летию Короленко.

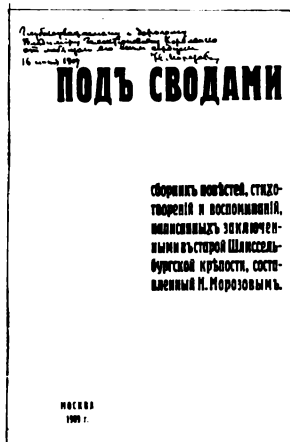
Все автографы (а их сохранилось 280) описать невозможно. Скажем только еще об одном. Он принадлежит известному революционеру и ученому Н. А. Морозову, приславшему Короленко составленный им сборник произведений шлиссельбургских узников «Под сводами» (М., 1909) и посвященный революционерке Л. А. Волкенштейн. Автограф «глубокоуважаемому и дорогому Владимиру Галактионовичу Короленко от любящего всем сердцем Н. Морозова», датированный 16 июня 1909 года, дает ключ к изучению отношений между ними. Автографов Морозова сохранилось немного, поэтому находка в Музее Короленко имеет большую ценность.

К сожалению, не все книги, брошюры и оттиски, возвращенные в Полтаву после войны, уцелели. О многих ценных изданиях с пометами Короленко мы знаем теперь только по записям в инвентарной книге. Исчезли некоторые книги с автографами М. Горького, Ф. Волховского, А. Кони, Г. Мачте-та, В. Гольцева, Ф. Батюшкова, Н. Телешова, К. Бальмонта, В. Лесевича... Потери эти достойны сожаления.

Тем не менее уцелевшая часть библиотеки писателя еще значительна и является бесценным сокровищем не только Дома-музея В. Г. Короленко, но и всей русской культуры. Ее научное значение велико. Предстоит интересная и благодарная работа над составлением каталога уцелевших книг и изучением каждой из них.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Эта цифра названа в «Докладной записке в Наркомпрос РСФСР о состоянии архивных и музейных материалов В. Г. Короленко и их хранении», составленной С. В. Короленко в 1944 году; копия ее хранится в архиве музея писателя в Полтаве.
- ² Морозова Т. Г. Библиотека в жизни В. Г. Короленко.— В сб.: Библиотеки СССР. М., 1962, вып. 21, с. 136—147.
- ³ Короленко С. В. Докладная записка, с. 21.
- ⁴ Донской Я. Е. В. Г. Короленко. Очерк полтавского периода жизни и деятельности писателя. 1900—1921. Харьков, 1963, с. 47.

Сборник, подаренный
В. Г. Короленко
его составителем —
Н. Морозовым

- ⁵ Письмо П. А. Митропана от 2 мая 1976 года, хранящееся в архиве автора статьи.
- ⁶ Короленко С. В. Докладная записка, с. 2.
- ⁷ Там же, с. 20—21.
- ⁸ Короленко С. В. Переезд В. Г. Короленко в Полтаву и история его Музея.— Путеводитель по Музею В. Г. Короленко. Харьков, 1955, с. 5.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Осокин В. Экслибрис Короленко.— Веч. Ленинград, 1966, 26 июля.
- ¹¹ Надпись опубликована в Собрании сочинений В. Г. Короленко. М., 1954, т. 4, с. 489.
- ¹² Опубликованы в бюллетене «Семидесятилетие со дня рождения В. Г. Короленко». Полтава, 1923, с. 11.
- ¹³ Оттиск рассказа «Парадокс» (Рус. богатство, 1894, № 12).

Полтава

А. Р. Палей

НАШИ КНИГИ

Отраден сердцу запах тленья
Осенней блекнувшей листвы.
Не так ли примете нас вы,
О, будущие поколенья?

Над ароматом наших строк,
Таких простых для вас и странных,
Помедлите недолгий срок,
Как в чуждых и далеких странах —

И отойдете. Но на миг
Неясное очарованье,
Как нежное благоуханье
На вас повеет с наших книг.

М. Брыль

ПЕРВАЯ В КИЕВЕ

В апреле 1843 года на одном из домов по Александровской улице (ныне имени Кирова) в Киеве появилась вывеска с необычной надписью — «Аптека для души». Так отставной капитан Павел Петрович Должилов окрестил свое книготорговое предприятие и «кабинет для чтения» при нем.

Популярный книготорговец Павел Петрович собрал огромную для того времени библиотеку, в которой насчитывалось свыше 9 тысяч томов. Сердцевиной ее являлись лучшие образцы русской художественной литературы XVIII и первой половины XIX века, которую он безмерно любил, гордился ею и страстно пропагандировал. С русской литературой соседствовало немало изданий на иностранных языках.

В распоряжение читателей были предоставлены многочисленные, самые популярные тогда в России литературные альманахи, в том числе украинские издания «Ластівка», «Молодик», «Сніп» и другие. Здесь насчитывалось свыше 20 преимущественно прогрессивных периодических изданий, среди которых был и некрасовский «Современник».

Главное достоинство должиковской библиотеки было не столько в ценном собрании, которое регулярно пополнялось лучшими произведениями, сколько в том, что к этим сокровищам имели свободный доступ все книголюбы, независимо от их социального положения.

«Кабинет для чтения» имел коммерческий характер (за пользование книгами и периодическими изданиями взималась плата — один рубль пятьдесят копеек в месяц). Однако Должилов, стремясь привлечь читателей из простого народа, шел на серьезные уступки.

В правилах пользования литературой «кабинета» Должилов огласил, что «за чтение книг мы готовы принимать не одне денежные, но разного рода платы, смотря по взаимному соглашению, и, между прочим, не деньгами, а книгами, лишь

бы только способствовать распространению охоты к чтению». Более того, в этих же правилах владелец библиотеки выразил готовность давать книги для чтения бесплатно несостоятельным молодым людям, «в коих заметим призвание к чему-либо высокому — полезному».

Он установил премии за своевременное возвращение книг и бережное отношение к ним, а также «за содействие в привлечении новых читателей. В «кабинете» можно было переплести свои собственные книги, получить консультации по вопросам литературы и искусства.

При «Аптеке» был создан своего рода заочный абонемент: ее книгами могли пользоваться не только киевляне, но и иногородние читатели.

Неутомимый книготорговец уделял много внимания пропаганде и рекламе печатной продукции: часто публиковал в единственной тогда местной газете «Киевские губернские ведомости» списки имеющихся у него произведений, информировал население о новых поступлениях литературы, издавал каталоги. Особенно большой интерес в книжном мире вызвал каталог, выпущенный им в 1849 году, с необычайно длинным названием: «Аптека для души, или Систематическая алфавитная роспись книг, составляющих кабинет чтения новостей русской словесности, с описанием содержания некоторых сочинений и мнения о них наших критиков. Павел Должигов...» — и далее перечисляются все его титулы и занимаемые должности. Должиговский каталог занял заметное место в истории отечественной библиографии.

Этот оригинальный труд открывается предисловием автора «Два слова к читателю», в котором Павел Петрович выражает свои мысли о состоянии книгораспространения в стране, излагает свои многолетние наблюдения за различными читателями и дает им некоторые рекомендации, приводит правила пользования книгами в его «кабинете для чтения» и делится своей мечтой о том времени, когда русские люди станут покупать книги «для себя и своих близких».

Автор клеймит позором состоятельных людей, которые скупаются «издержать хотя бы один собственный рубль на приобретение книги, бросая зато иногда на пустяки десятки, сотни рублей». Одновременно восхищается отношением простых людей к литературе и отмечает, что у них «книги весьма уважаются». И наконец, тут сообщается, что «кабинет» покупает или в порядке обмена приобретает рукописные и старопечатные издания.

В каталоге представлены 4400 названий книг, из них почти половину составляла художественная литература, в том

числе 1300 изданий романов и повестей, 190 — поэтических сочинений, 200 — драматических произведений. Читателям предлагались сочинения классиков русской литературы — от Ломоносова, Фонвизина, Державина до Пушкина, Гоголя, Лермонтова, книги которых, как писал Должиков, «составляют честь и гордость нашей литературы, ее красу, ее избранное сокровище».

Под соответствующими рубриками каталог рекомендовал издания по философии, языкознанию, правоведению, географии, математике, естествознанию, медицине, домоводству и физкультуре. В него была включена богословская и так называемая увеселительная литература.

Все названия опубликованы в алфавитном порядке с подробными библиографическими данными о книгах. Часто они сопровождались краткими аннотациями, выдержками из отзывов критиков. Нередко, когда Должиков не соглашался с их мнением о том или ином произведении, он помещал свой отзыв.

Интересно отметить: несмотря на то, что книжная лавка и «кабинет для чтения» при ней являлись коммерческими предприятиями и их хозяин был заинтересован реализовать как можно больше печатной продукции, он в каталоге предупреждал читателей о некоторых книгах, которые не заслуживали внимания.

Своим содержанием должиковский каталог отличался от существовавших дотоле рекламных росписей книготорговых предприятий. Вполне справедливо известный советский библиограф Н. В. Здобнов определил, что каталог «Аптека для души» был единственной для того времени памяткой «перерастания торгово-библиотечной библиографии в рекомендательную».

Рассказывая о деятельности П. П. Должикова в отечественном книжном деле, необходимо вспомнить и ту сложную, кропотливую работу, которую он проделал для пополнения фондов Петербургской публичной библиотеки книгами, ставшими библиографической редкостью. О сложности розыска таких изданий в условиях тогдашнего Киева свидетельствует его статья «Кое-что о русских библиотеках и о букинистической торговле книгами в Киеве», опубликованная в журнале «Российская библиография». В ней он с горечью отмечает, что «импровизированные жрецы (библиотекари. — М. Б.) из пособников к расширению света просвещения становятся гасителями его». По невежеству, как пишет Должиков, ценнейшие рукописные и старопечатные книги они размещают в темных кладовых и на чердаках, часто сбывают весь накопившийся

так ими называемый «книжный хлам» за весьма недорогую цену—1 рубль 50 копеек за пуд.

В другой статье, напечатанной в газете «Киевлянин», он рассказывает, с какими трудностями пришлось столкнуться при розыске отдельных номеров «Московских ведомостей» за 1780 год, отсутствовавших в Петербургской публичной библиотеке. Для этого он обходил толкучки и рынки, не гнушался рыться в разных темных кладовых и на чердаках, где газеты валялись под слоем густой пыли, среди всевозможного домашнего хлама.

Несмотря на это, Павел Петрович с большой радостью сообщает в той же статье, что он направил в Петербург 163 списка редких изданий, разысканных им таким же путем, из которых Публичная библиотека выбрала 1200 названий, недостававших у нее. В заключение он заявляет, что продолжит эту нелегкую работу и надеется, что его букинистические прогулки «будут и в будущем бесполезны».

Будучи озабочен судьбой редких книг, Должигов предлагает срочно принять меры, противодействующие чудовищному их истреблению,—первым делом составить и разослать всем библиотекарям для руководства алфавитные списки изданий, признанных редкими. Кроме того, он считает, что следует внести в библиотечный устав пункт о том, чтобы запретить библиотекарям продажу книг без особого разрешения, «дабы не допустить до истребления труднонаходимые и редкие издания».

В журнальной статье Должигов поднимает еще одну важную проблему. Он пишет, что в стране не обобщаются сведения о деятельности библиотек, по которым можно было бы судить, достигают ли они своего назначения, «увеличивается ли на Руси число любителей и любителей чтения, где именно больше, а где их совсем нет, к какому роду преимущественно читатели». Эти и другие сведения необходимы, по мнению автора, для правильного развития библиотечной сети, расширения круга читателей и изучения спроса на литературу.

В стремлении распространять «охоту к чтению», в озабоченности за судьбы библиотек и каждой ценной книги—во всей этой неутомимой, многогранной деятельности отражены просветительские цели Павла Петровича Должигова, которые вызвали глубокое уважение к нему любителей чтения и порождают симпатию у нынешнего поколения библиофилов.

Людмила Лунина

СТРАНИЦА

Старинной вязью древних слов
покрыта желтая страница.
Что ей в тиши музейной снится,
послу медлительных веков?
Звон сабель, ржанье, посвист
стрел,
плач увозимых полонянок,
сплетенье борющихся тел
в пожара отблесках багряных?
Или неведомый монах,
печальный очевидец сечи,
запечатлевший в письменах
тепло и краски древней речи?
Когда кружило воронье
над Родиной, подобно пеплу,
он тоже в руки брал копье,
а боль и горечь в сердце крепили
и поднимались, как волна,
и губкой все вбирала память,
чтобы поведать после нам,
соединив с пером пергамент.
Пока чадающий огонек
горит в его унылой келье,
он бодрствует над жизнью строк,
как женщина над колыбелью.
Чтоб даже за путиной лет
быть путеводной нитью тонкой,
нести живого слова свет
сквозь подземелье дней —
потомкам.

Поиски

и находки

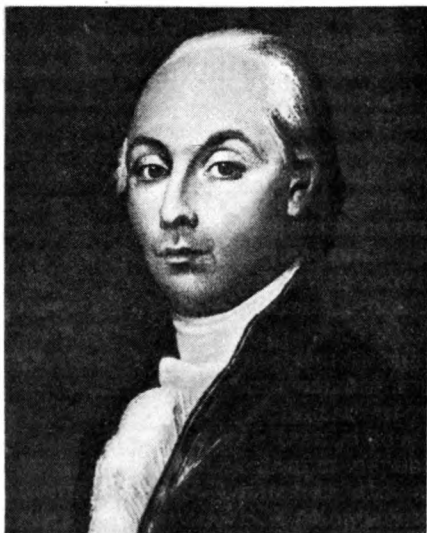

НЕНАПИСАННАЯ КНИГА РАДИЩЕВА

8 сентября 1790 года Александр Николаевич Радищев, некогда советник таможенных дел в Санкт-Петербурге, а ныне «бунтовщик хуже Пугачева», был выведен из одиночного каземата Петропавловской крепости, где пребывал, закованный в кандалы, с 30 июня. На плечи ему накинули «гнусную нагольную шубу», снятую тут же со стражника, и отправили в сопровождении офицера на восток. Предстоял дальний путь через всю страну—Урал, половину Сибири, до далекого и страшного своей невероятной глушью Илимского острога, куда Радищев по повелению императрицы ссылался «на десятилетнее безысходное пребывание».

Начало пути было тяжелым. Измученный допросами кнутабойцы Шешковского, заключением в крепости, разлукой с семьей, ожиданием смертной казни, к которой был приговорен 24 июля (только 4 сентября он узнал о замене ее ссылкой), Радищев находился в тяжелом состоянии. Однако уже в начале пути он почувствовал благотворные перемены—в Новгород пришло повеление снять с него кандалы, снабдить «пристойным и покрытым тулупом» и всем необходимым для дальнего пути. В городах, которые проезжал Радищев, он ощущал доброе отношение к себе со стороны губернских властей. Секрет был прост—президент Коммерц-коллегии, граф А. Р. Воронцов, влиятельный вельможа, высоко ценивший таланты Радищева, «написал ко всем губернаторам тех мест, где должен проезжать сосланный, чтобы с ним обходились снисходительнее»¹. Он же снабдил Радищева в дорогу деньгами и взял на себя заботы об оставленной в столице семье изгнанника².

Могучий ум Радищева не был сломлен жестокими испытаниями. Уже из Нижнего Новгорода 20 октября он пишет Воронцову, что если бы не разлука с семьей и тревога о детях, то «опричь сего мне кажется, что я нахожусь в обыкновенном

А. Н. Радищев.
Портрет неизвестного художника

каком-либо путешествии... стараюсь замечать положение долин, буераков, гор, рек... все привлекает мое внимание»³. Радищев просит снабдить его термометром и ртутным барометром для метеорологических наблюдений. Вскоре он начинает вести путевой дневник, в котором конспективно записывает свои впечатления. С каждым днем записи становятся подробнее, все больше появляется в них разнообразных замечаний о местах, через которые едет изгнанник. Радищев отмечает характер строений в селах и городах, породы деревьев в лесах, торговые пути, цены на товары, ширину рек, переправы, рельеф местности, расстояния между селами, промы-

слы и многое другое. Вместе с тем он не забывает записывать в дневнике сведения об условиях жизни людей, об исследовании их состояния, болезнях, бедности крестьян («мужики бедные, избы худые»), замечает орудия казни и пытошные столбы в казенных помещениях.

В слободе Белюковской он видит развалины деревянной крепости и коротко отмечает: «Пугачеву делали отпор. Ирбит за то сделан городом»⁴. Много внимания Радищев уделяет в своих дорожных записях жизни отдельных народов, встречавшихся ему на пути в Сибирь и затем из Сибири — татар, вотяков, казахов, эвенков и других. Сочувственно относится к их обычаям, укладу жизни, быту. Глаз его зорок, а сердце чутко к народным страданиям...

Путешествуя по Сибири, живя в ее городах, Радищев мог точно так же, как и до ссылки, сказать: «Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала».

Содержание дневниковых записей ясно свидетельствует, что ссылка не изменила Радищева и его «Ответ любопытствующему о нем», написанный уже в Сибири, полностью отвечал его настроениям, мыслям и взглядам:

Ты хочешь знать: кто я? что я? куда я еду?
Я тот же, что и был и буду весь мой век:
Не скот, не дерево, не раб, а человек!
Дорогу проложить, где не бывало следу,
Для борзых смельчаков и в прозе и в стихах,
Чувствительным сердцам и истине я в страх
В острог Илимский еду.

Путевые записи Радищева, обилие в них разнообразных сведений, которые явно рассчитаны на последующую расшифровку по памяти, пристальное внимание к жизни народа по дороге в Сибирь, к его бедам и чаяниям невольно наталкивают на мысль о том, что Радищев надеялся в благоприятное время развернуть скупые дневниковые записи в описание своего вынужденного путешествия на восток страны: «Дорогу проложить, где не бывало следу, для борзых смельчаков и в прозе и в стихах». И это тем более правдоподобно, что интерес к Сибири у Радищева был давним. В одном из писем к Воронцову он писал: «С малолетства во мне жила страсть к дальним путешествиям; мне давно хотелось повидать Сибирь. Желание мое исполнилось, хотя и весьма жестоком путем»⁵.

С продвижением Радищева глубже на восток намерение литературно оформить свои впечатления менялось, становилось шире, обрастало дополнительными замыслами. Все определеннее становилось отношение Радищева к стране своего изгнания, все яснее он начинал провидеть ее великое будущее.

НА БЕРЕГАХ ИРТЫША

Миновав крупные губернские города — Владимир, Нижний Новгород, Казань, Пермь — Радищев в начале декабря 1790 года перевалил в районе Екатеринбурга Уральский хребет и очутился в Сибири. Коротким зимним днем возок с изгнанником пересек Иртыш, миновал обывательские домишки нижнего Тобольска и, поднявшись по Никольскому взвозу, остановился у дворца наместнического правления.

В Тобольске Радищев пробыл до 30 июля 1791 года, то есть — более семи месяцев. Он отдохнул от трудной дороги, окончательно оправился от потрясений, к нему приехала сестра его покойной жены Е. В. Рубановская с двумя младшими детьми Радищева — Екатериной и Павлом, и брат Моисей Николаевич; Рубановская вскоре стала гражданской женой Радищева.

«В Тобольске Радищев, как и все сосланные одного с ним звания, пользовался совершенною свободою»,— пишет его сын П. А. Радищев⁶. Пример тобольской жизни других ссыльных подтверждает слова сына. Ссылные дворяне, хотя и лишённые дворянства, чинов и званий,— П. П. Сумароков, М. А. Пушкин и другие — жили в Тобольске свободно, занимались литературой, принимали деятельное участие в тобольской печати, публиковали свои произведения, занимались редактурой, переводами, были приняты в домах губернской администрации. Это, конечно, не исключало того, что за ссыльными, в том числе и за Радищевым, был установлен полицейский надзор.

Не могло не сказаться на отношении к ссыльному и покровительство крупного вельможи, государственного деятеля, каким был А. Р. Воронцов. В Сибири хорошо знали, как переменчива судьба ссыльных — нередко бывало, что «несчастный» из дворян возвращался в столицу на важный пост. Характерен случай и с самим Радищевым: киренский исправник, в ведении которого был Илимск, начал притеснять Радищева, угрожать ему, а когда пришла весть об освобождении его из ссылки, «этот исправник приехал его проводить и был так испуган, что кланялся ему в ноги, просил прощения и умолял не погубить его, полагая, что Радищев едет прямо в министры»⁷.

Радищев бывал на званных обедах, посещал спектакли тобольского театра, познакомился с авторами журнала «Иртыш, превращающийся в Иппокрену», издававшегося в Тобольске с 1790 года, с учителями недавно открытого Главного народного училища — молодыми образованными людьми, приехавшими из Петербурга, с преподавателями семинарий, с лучшими представителями тобольского купечества. Радищева как равного принимают семьи правителя наместничества А. В. Алябьева, вице-губернатора И. О. Селифонтова. Через последнего, минуя официальные каналы, Радищев ведёт свою переписку. Оба эти администратора были людьми просвещёнными, имели прекрасные библиотеки.

Среди тобольских знакомых Радищева с уверенностью можно назвать штаб-лекаря Ивана Петерсона — автора двух медицинских книг, изданных в Тобольске в 1791 и 1794 годах, губернского прокурора И. И. Бахтина — автора вольнодумных произведений, печатавшихся в «Иртыше...», А. П. Резанова — председателя тобольского магистрата, генерала М. М. Черкашенина — председателя уголовной палаты, М. И. Путковско-го — советника казенной палаты. Мы не имеем точных сведений о том, был ли Радищев знаком с Корнильевыми —

*Тобольск. Вид с нижнего посада.
Акварель Е. М. Корнеева, 1802*

владельцами бумажной и стекольной мануфактур и тобольской типографии, первопечатниками сибирскими, особенно с Дмитрием Корнилевым, выпустившим в 1790 году «Исторический журнал, или Собрание из разных книг любопытных известий, увеселительных повестей и анекдотов», в котором напечатано много материалов о Сибири, ее настоящем, прошлом и будущем. Документально подтвержденных данных о знакомстве автора «Путешествия» с этой замечательной тобольской семьей не имеется, но судя по тому, что Радищев в своих записках упоминает тобольскую типографию и ее издания, есть основания для предположения, что Радищев был знаком с Корнилевыми.

Ни в одном из городов, где бывал Радищев на пути в ссылку, его связи с местными жителями не были такими широкими и значительными, как в Тобольске. Характерно, что от пребывания в этом городе в архиве Радищева найдена только одна короткая запись, примечательная тем, что при необходимости из нее можно развернуть подробное описание Тобольска, его истории, природных условий, рельефа, экономики, быта, обычаев его жителей. Радищева не покидает осторожность, боязнь подвести людей, скомпрометировать их связями с ним. Именно этим мы объясняем отсутствие имен тобольских знакомых в записях Радищева. Но город, жизнь в нем оставили в душе Радищева глубокий след и, возвращаясь

из Илимской ссылки через Тобольск, он запишет в дневнике: «Сей город навеки будет иметь для меня притяжительность»⁸.

Не прошло и года после того, как Радищева, больного, закованного в кандалы, повезли в Сибирь. Близкие и друзья прощались с ним навек, будучи уверены, что он не вынесет суровых условий «десятилетнего безысходного пребывания» в глухом углу Сибири. Да и сам Радищев, конечно, страшился сибирской ссылки... И вот, кажется, совсем неожиданно, в последнем письме Радищева из Тобольска Воронцову мы находим примечательные слова, восхваляющие Сибирь, слова, которые так часто цитируются в наше время:

«Как богата Сибирь своими природными дарами! Какой это мощный край! Нужны еще века, но как только она будет заселена, ей предстоит сыграть великую роль в летописях мира!»⁹

Что же произошло?

Перемена взгляда на Сибирь была обусловлена прежде всего складом ума и характера самого Радищева, который не терпел бездеятельности, пассивной созерцательности и был, по словам его давнего друга А. М. Кутузова, человеком «необыкновенных свойств». Уже по дороге в Сибирь, едва почувствовав себя здоровым, Радищев не мог относиться к окружающему не творчески, об этом свидетельствуют его дорожные записи. А когда в Тобольске он встретил атмосферу доброжелательности и в ряде новых знакомых — сочувствие своим исканиям и намерениям, его творческие силы, естественно, устремились в сторону более глубокого познания страны, где он вынужден будет жить долгие годы, познания ее во всем многообразии природных богатств, территориальных особенностей, населения, будущего, тем более, что он питал давний интерес к Сибири. Немало способствовали развитию этого интереса к Сибири и понимание ее значения для Российского государства, и надежда остаться в Тобольске, а не ехать дальше в Илимский острог, появившаяся у Радищева на берегах Иртыша. На это указывают многочисленные задержки с отъездом из Тобольска на восток и отдельные намеки, содержащиеся в письмах Радищева к Воронцову¹⁰.

Тобольск в те годы был весьма примечательным административным центром по своему экономическому, социальному и культурному облику. В стольном граде Сибири, как ни в каком другом окраинном городе Российской империи, имелись благоприятные условия для творческой работы...

Более чем полугодовое пребывание Радищева в Тобольске имело огромное значение для понимания им роли Сибири в истории и будущем Российского государства.

СТОЛЬНЫЙ ГРАД СИБИРИ

С какой стороны ни подъезжали к Тобольску, всегда был виден на высокой горе Алафейской белокаменный Кремль, единственный в Сибири. Он гордо стоял над Иртышом, господствовал над нижним городом — скопищем невысоких каменных и деревянных домов, над крышами которых, как корабли среди застывших волн моря, возвышались многочисленные тобольские церкви. Таким представился Тобольск и Радищеву, когда впервые открылся его взгляду.

Тобольск издавна носил титул «стольного града Сибири». Славился он своими ремесленниками — кожевниками, мыловарами, портными, гончарами, оружейниками, медниками, серебряниками. В середине XVIII века в городе появились мануфактуры.

Еще в начале столетия в городе открывается первая в Сибири и одна из первых в государстве общеобразовательная школа. Затем в Тобольске возникают геодезическая школа и первая сибирская духовная семинария, число учащихся в которой к началу 90-х годов приблизилось к 300. В 1780-е годы в Тобольске, Таре, Березове, Тюмени, Туринске, Омске, а также других селениях наместничества действуют славяно-русские школы. И хотя уровень обучения в них был невысок, они все же сыграли положительную роль в распространении грамотности среди населения. Тобольская цифирная, а с 1732 года — гарнизонная — школа была одной из самых крупных в государстве. В ней обучались дети служилых людей из Тары, Туринска, Тюмени, Верхотурья, Пелыма, Сургуты, Березова, Кетска. В конце XVIII века в ней числилось до 500 человек. В 1789 году в Тобольске открылось четырехклассное Главное народное училище. Было развито в городе и домашнее образование, хотя официально домашние школы, в которых, как правило, преподавали ссыльные, запрещались.

В почете была в сибирской столице и книга. В городе сосредоточивались значительные по тем временам книжные собрания. Особенно богатой была библиотека Тобольской духовной семинарии, в которой имелись книги на русском и нескольких иностранных языках, в частности и на восточных, редкие рукописи. Свои библиотеки были у купцов, духовенства, чиновников тобольских административных учреждений.

Начиная с XVII века и до начала XIX века жители Тобольска имели возможность смотреть различные представления — от скоморохов и вертепа до оперы и светского театра с профессиональной труппой. В городе было построено специальное здание со зрительным залом на 560 мест. Радищев, живя в

Тобольске, не один раз бывал в этом театре, смотрел популярную в то время комическую оперу А. О. Аблесимова «Мельник-колдун, обманщик и сват», комедию Екатерины II «О, время!» и комедию «Немой» аббата Брюэ Дав Августина и Г. Палапрата¹¹. Имелись в городе гарнизонные и домашние оркестры, «музыкальная школа». Не обошелся Тобольск и без художников, которые не только расписывали потолки в жилых домах, что считалось очень модным у жителей города, и стены в церквях, но и занимались портретной живописью.

В конце XVIII века в Тобольске началось книгопечатание. После Указа о вольных типографиях тобольский купец В. Я. Корнильев, занимавший важное место в купеческо-промышленной иерархии тогдашнего Тобольска, в апреле 1789 года открыл частную (вольную) типографию с двумя печатными станками. Из этой типографии вышли три журнальных издания — кроме двух, названных выше: «Библиотека ученая, экономическая, правоучительная, историческая и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателей» — книги по медицине, ветеринарии, агрономии, юриспруденции, ботанике, истории, а также повести «Училище любви» и «Емилия», переведенные с французского. Деятельность тобольской вольной типографии Василия и Дмитрия Корнильевых — весьма заметное явление в отечественном провинциальном книгопечатании. За шесть лет существования типографии — с 1789 по 1795 год — было издано, вместе с журнальными выпусками, 49 отдельных томов. Ни одна провинциальная типография того времени не выпускала столько книг и журналов. Вокруг тобольской типографии и ее изданий в эти годы сосредоточилась группа интеллигентных жителей Тобольска, часть из которых была ссыльными.

ЗАМЫСЛЫ ИЗГНАННИКА

«Путешествие из Петербурга в Москву» воспринимается прежде всего как острый социальный памфлет, критически оценивающий действительность тогдашней России. Екатерина II в своих замечаниях на книгу Радищева писала, что «сочинитель оной заполнен и заражен французским заблуждением, ищет и всячески выискивает все возможное к умалению почтения к власти и властям, к приведению народа к негодованию противу начальников и начальства...»

Форма *путешествия* выбрана Радищевым не случайно. В те годы такого рода литературные произведения были широко распространены. Однако книга Радищева имеет только чисто

внешнее сходство с подобными изданиями, заполненными чаще всего описаниями чувств самого путешественника, воспоминаниями о пережитом, пассивным созерцательным восприятием окружающего, независимо от того, где и когда путешествует автор. В «Сентиментальном путешествии» Л. Стерна, наиболее ярком и характерном произведении такого рода, мы почти не находим реалий жизни, деталей окружающей его действительности, хотя Стерн и точно указывает маршрут своего путешествия — Франция и Италия...

К литературе, подобной книге Стерна, радищевское «Путешествие» не имеет прямого отношения, хотя в отчете на вопрос Екатерины II, откуда взялась мысль сочинить столь возмутительную книгу, Радищев и отвечал, что он хотел подражать Стерну. В этом ответе больше насмешки, чем правды. Да и сама императрица прекрасно понимала это. По свидетельству своего статс-секретаря А. В. Храповицкого, прочитав радищевское «Путешествие», она пришла в ярость и «сказать изволила, что сочинитель бунтовщик, хуже Пугачева...».

Помимо личных впечатлений, которые несомненно легли в основу «Путешествия», Радищев использовал и литературу о реальных путешествиях. Существуют свидетельства, что он читал «Хождение Игнатия Смольянина», включенное в «Историю Российскую» В. Н. Татищевым, знаком был с «Путешествием А. А. Матвеева во Францию в 1705 году», читал записки В. Н. Зиновьева «Журнал путешествия по Италии, Германии, Франции и Англии в 1784—1788 годах», «Путешествие по Северу России» П. И. Челищева, «Письма из-за границы» Д. И. Фонвизина. Радищев был хорошо знаком и с замечательным описанием Бухары, Хивы, Тибета и Индии Ф. С. Ефремова¹². Хорошо знал Радищев описания путешествий, издаваемых отечественной Академией наук, — С. Г. Гмелина, И. И. Георги, И. И. Лепехина, П. С. Палласа и других, а также книги зарубежных путешественников по России.

Глубокое знание литературы о путешествиях не только помогло Радищеву написать его знаменитую книгу, но и заложило прочный фундамент для его последующих работ, задуманных и частично осуществленных им в период сибирской ссылки. Отправляясь в Сибирь, он имел уже определенный и, вероятно, немалый запас сведений о ней из книг путешественников и по торговым документам Коммерц-коллегии, и, хотя Сибирь, несомненно, страшила его как место ссылки, однако, в нем не угасал зародившийся интерес к этой части отечества. Поэтому, как только Радищев почувствовал,

что к нему возвращаются силы, он стал делать заметки в дневнике, чтобы накопить материал для будущей книги о путешествии в Сибирь.

Эта мысль не является новой.

Еще в 1924 году такое предположение пытался обосновать на страницах «Пермского краеведческого сборника» профессор П. С. Богословский. Сопоставляя дорожные записи Радищева на пути в Сибирь и «Путешествие из Петербурга в Москву», он показывает их идейную и литературную связь и приходит к выводу, что Радищев «мечтал литературно обработать свои дорожные записи» и, «если бы ему это удалось, то его „Путешествие в Сибирь“ представляло бы несравненно больший историко-литературный интерес, чем „Путешествие из Петербурга в Москву“, так как, сохраняя основные идеи последнего, оно в своей фактической части было бы основано на более широком круге наблюдений и непосредственном изучении жизни русского народа»¹³.

Существует и другой взгляд, высказанный недавно в работе А. Татаринцева «Радищев в Сибири», что путевые записи Радищева по дороге в Сибирь и из Сибири «представляли собой впрок заготовленный материал для многих творческих замыслов и непосредственного использования его в практической общественно-политической деятельности и личной жизни». Этот же автор полностью отрицает возможность у Радищева замысла создания нового «Путешествия» и высказывает еще одно предположение: путевые дневники, размышления в письмах и в ряде сочинений Радищева на сибирские темы свидетельствуют об «устремленности Радищева к капитальному труду о Сибири»¹⁴.

«КАК БОГАТА СИБИРЬ...»

Категоричность в вопросах возможного использования Радищевым своих путевых записей и мыслей, высказанных в письмах, вряд ли уместна. Мы можем говорить об этом только предположительно, основываясь на имеющихся в научном обороте материалах самого Радищева.

Сибирские впечатления отложились в сознании Радищева и побудили его к литературной работе, несмотря на заверения Воронцову, что писать он больше не будет. Писать он начал чуть ли не с первых верст своего страдного пути в Сибирь, в Илимске им были написаны кроме философских и поэтических произведений — «Письмо о китайском торге», «Сокращенное повествование о приобретении Сибири», историческая

повесть «Ермак», от которой известен только небольшой отрывок, «Описание путешествия на Тунгуску», о котором Радищев упоминает в одном из писем к Воронцову в 1794 году и которое до нас не дошло.

Не исключена возможность и того, что «Сокращенное повествование» представляет собой начало работы над капитальным трудом о Сибири. Прежде всего, в дошедшем до нас виде оно производит впечатление незаконченности. Кроме того, включенный в «Сокращенное повествование» материал значительно шире, чем это обусловлено названием. В нем содержится сжатое описание рельефа Западной и Восточной Сибири, перечисляются народы, населяющие Сибирь, с попыткой дать им этнографическую и историческую классификацию, затрагивается геологическое строение Сибири, ее древняя история. Очень точно и правильно характеризуется Кучум, которого обычно называли «царем Сибирским»: Радищев пишет, что Кучум — «не истинный владетель Сибири, но пришелец и завоеватель», что полностью согласуется с исторической истиной. Радищев высоко оценивает подвиг русского народа на востоке нашей страны. Говоря о присоединении Сибири к Российскому владению, он пишет: «...здесь имеем случай отдать справедливость народному характеру. Твердость в предприятиях, неутомимость в исполнении суть качества, отличающие народ российский»¹⁵.

Радищев и в этом отрывке остается верен себе, прежде всего он обращает внимание на народный характер начального этапа освоения сибирских просторов русскими людьми, а затем обращает свой взор в будущее: «...предприимчивость и ненарушимость в последовании предпринятого есть и была первой причиною к успехам россиян: ибо при самой тяготе ига чужестранного сии качества в них не воздремали. О народ, к величию и славе рожденный, если они обращены в тебе будут на снискание всего того, что соделать может блаженство общественное!»¹⁶

Скорее всего в пути до Тобольска Радищевым владела мысль о написании именно путешествия в Сибирь, на это указывает весь строй путевых записок, акценты на тех же мотивах, что и в «Путешествии из Петербурга в Москву». За время пребывания в Тобольске и в дальнейшей жизни Радищева в Сибири его литературные замыслы начали претерпевать изменения. Короткая записка о Тобольске может свидетельствовать о замысле написать специальную работу об этом старинном сибирском городе, сыгравшем огромное значение в освоении сибирских просторов. Возможно, мысль о написании путешествия в Сибирь и впоследствии не оставляла Радищева,

утверждать противное мы не можем. Но несомненно и то, что новое «Путешествие» было бы иным, чем прежнее, и не по социально-политическим взглядам и симпатиям автора — нет, они остались без изменения, — а по более широкому социально-экономическому фону, историко-географическим экскурсам, вниманию к природным ресурсам Сибири, к людям и народам, ее населяющим, описанию ее зон, вплоть до ландшафтных картин. Эта книга могла бы стать одним из замечательных комплексных описаний восточной части нашего отечества. Мы можем только сожалеть, что Радищеву не удалось полностью осуществить свои литературные замыслы, возникшие на основе сибирских впечатлений.

Многие материалы Радищева безвозвратно утеряны, часть из них еще, вероятно, таится в недрах сибирских и центральных архивов. Неизвестны нам и многие письма Радищева из Сибири к сыновьям и родственникам, к академику Э. Лаксману, Г. Шелехову и другим лицам. Существовали также какие-то не известные нам записи Радищева, сделанные им в Тобольске. Упоминание о них мы находим в ряде свидетельств его родственников¹⁷. Не знаем мы и о том, какие материалы оставил Радищев в Иркутске, выезжая из Сибири. Ящики с этими материалами сначала хранились у генерал-губернатора Нагеля, потом у иркутского комиссара Новицкого, дальнейший их след потерян. Возможно, они еще обнаружатся в сибирских архивах. Наконец, внимательное изучение «Биографии А. Н. Радищева», написанной его сыном П. А. Радищевым, который семилетним мальчиком приехал с Е. В. Рубановской к отцу в Тобольск и пробыл с ним всю дальнейшую сибирскую ссылку, свидетельствует не только о том, что при написании биографии отца он пользовался его рассказами и дневниковыми записями, — мальчик не мог бы запомнить все многочисленные подробности и детали пребывания отца в Сибири, — но, вероятно, и еще какими-то рукописными материалами, которые, к сожалению, нам не известны.

Последовательность устремлений Радищева подтверждается и тем, что, живя в Сибири, он не перестает изучать книги, написанные различными авторами о Сибири. По его просьбе Воронцов высылает ему в Тобольск парижское издание книги Ж. Б. Лессепа «Путешествие Лессепова по Камчатке и по южной стороне Сибири» (1790). Проштудировав эту книгу, Радищев охарактеризовал ее отрицательно, как «произведение человека, странствующего на почтовых». В Тобольске же он читает книгу «Участь Иоганна Людвиг Вагнера, испытанная им во время государственной его ссылки русскими от 1759 до 1763 года, описанная им самим, с присовокуплением дополни-

тельных сведений о Сибири и царстве Казанском». Автор этой книги — прусский шпион, сосланный в Туруханск. Радищев внимательно знакомится с этой книгой и заключает: «„Воспоминания Вагнера“ оказались во многом недостоверными». В Иркутске Радищев прочитал описание путешествий Г. И. Шелехова и высоко оценил их. В письмах из Илимска он сетует на то, что в дни юности пренебрегал изучением естественных наук, особенно минералогии и ботаники, и просит Воронцова прислать ему книги путешественников-естествоиспытателей: сочинения Штеллера и Гмелина, «Опыт минералогического описания уральских рудных гор» И. Ф. Германа, «Минералогические, географические и другие смешанные известия о Алтайских горах, принадлежащих Российскому владению» И. М. Ренованца, труды И. П. Фалька и И. А. Гильденштедта, а также книги по ботанике, промыслам и хозяйству.

Радищев сообщает Воронцову в письмах множество сведений по экономике, географии, сельскому хозяйству, торговле и другим сферам жизни Сибири. Но особенное внимание его привлекают пути сообщения по Сибири и пути соединения ее с европейской частью России, поиски выхода сибирских сокровищ и богатств на запад. Здесь он смотрит далеко вперед. В одном из писем к Воронцову он сообщает о баснословно низких ценах на деликатесные по российским понятиям продукты:

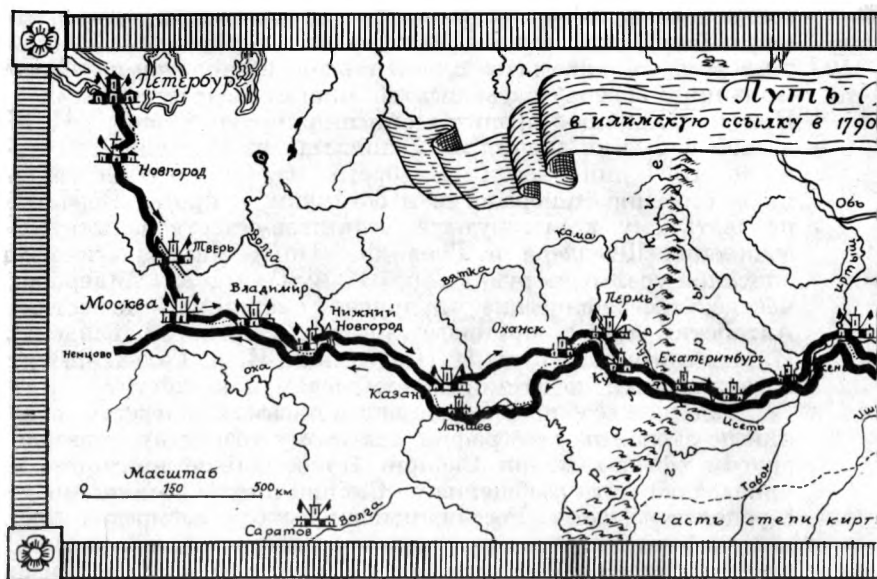
«...Люди мои едят стерлядей. За 5 к. можно купить 20, хотя небольших, но столько, что 10 человек сыты будут»¹⁸. И далее сетует «на недостаток сообщения водяного с Россией», что не позволяет природным богатствам Сибири выйти на широкий европейский рынок.

СКВОЗЬ ЗАВЕСУ ВРЕМЕНИ...

«...Взор проникает сквозь густую завесу времени, от очей наших будущее скрывающую, я зрю сквозь целое столетие», — писал Радищев.

Он был прав в этом своем гордом утверждении. Дар предвидения был свойствен Радищеву. И когда мы говорим о его интересе к Сибири, мы имеем в виду не только намерение изгнанника написать новое «Путешествие», но главным образом его мысли и идеи о будущем этой огромной и сказочно богатой страны.

К тому времени как Радищев попал в ссылку, уже существовала обширная литература о Сибири. Многие отечественные и зарубежные путешественники посещали ее. Одни реалистически отражали действительность тогдашней Сибири,

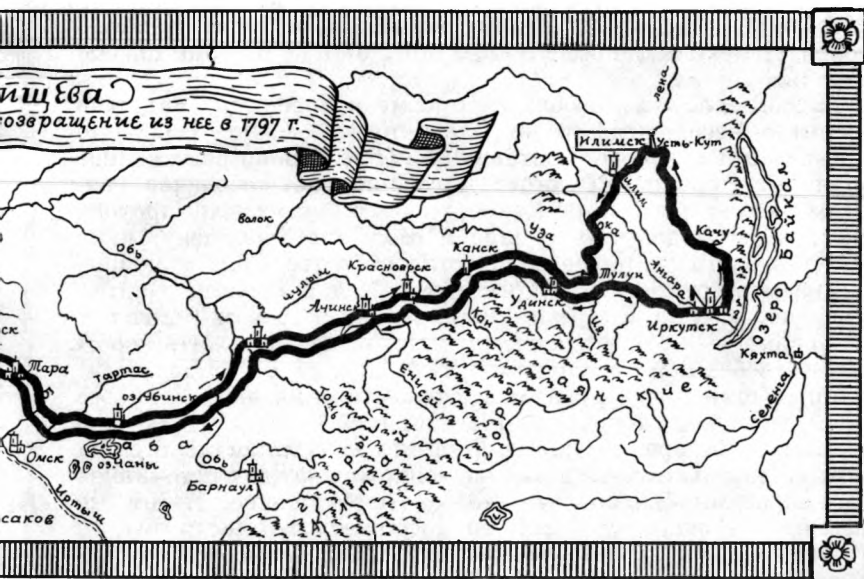

Карта пути Радищева в ссылку

другие поражались могуществом и разнообразием ее природы, третьих привлекала экзотика далекой и неизвестной страны, четвертые интересовались путями торгового проникновения в Сибирь, пятых прельщала возможность легкого обогащения, шестые, в силу различного рода политических мотивов или элементарного невежества, рисовали фантастические картины жизни в Сибири, клевета на Россию и русский народ. В замечательном труде академика М. П. Алексеева «Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей» (Иркутск, 1941), охватывающем только XIII—XVII века, приводится около 50 таких свидетельств. XVIII век был еще богаче описаниями путешествий по различным местам Сибири.

Пожалуй, никто из зарубежных или отечественных путешественников по Сибири не увидел великого будущего этой русской территории, никто из них так точно не предсказал значения Сибири для судеб России и мира, как Радищев.

Его взгляды на Сибирь покоятся на глубоком знании предмета. В Тобольске Радищев накапливает материалы по ее

возвращения из нее

истории, экономике, природным богатствам, хозяйственным вопросам. Он пишет 15 марта 1791 года, то есть через два с небольшим месяца после прибытия в Тобольск: «Время моего здесь пребывания, я, по возможности, стараюсь употреблять себе в пользу приобретением беспристрастных о здешней стороне сведений»¹⁹. В этом же письме содержится рассуждение Радищева о Сибири, ее климатических зонах, населении, административном устройстве. Рассуждения эти свидетельствуют о глубоком понимании вопросов, об умении видеть далеко вперед. Радищев пишет, что в его комнате на стене висит «генеральная карта России, в коей Сибирь занимает почти 3/4». Глядя на эту карту, он приходит к выводу, что административное разделение Сибири того времени неверно, что необходимо его менять, «следуя в том чертам природою между народами назначенной, гораздо бы учебнее и любопытнее было, если бы Сибирь разделена была (на карте, разумеется), на округа, естественною означенные. Тогда бы из двух губерний вышла иногда одна, а из одной пять или шесть. Но к сочинению таковой карты, язвительно добавляет Радищев, не

исправниково искусство нужно, но голова и глаза Паласса, Георги, Лепехина, да без очков, и внимания не на одни цветки и травы»²⁰.

В последнем из Тобольска письме к Воронцову Радищев говорит о необходимости исследования и освоения северного морского пути, чтобы «поставить Сибирь в непосредственное общение с Европой». Радищев расспрашивает тоболяков, связанных с севером, о наиболее удобных путях для прохода сквозь льды Ледовитого океана и сообщает Воронцову: «...по тем сведениям, которые я получил об устье Оби, о заливе, называемом русскими „Карское море“, и о проливе Вайгач (вероятно, пролив Югорский шар, между островом Вайгач и материком.— В. У.), в этих местах нетрудно проложить короткий и свободный ото льдов путь». Наряду с Ломоносовым Радищев становится предтечей осуществления идеи Великого северного морского пути, воплотившегося в действительности только в наше время. Однако Радищев не останавливается на этом, не довольствуется лишь изучением печатных источников и расспросами бывалых людей, он идет дальше. В том же письме к Воронцову Радищев сообщает, что, если бы он остался в Сибири, то «охотно предложил свои услуги для поисков этого пути, несмотря на все опасности, обычные для предприятий такого рода»²¹.

Самое пристальное внимание он уделяет и торговым связям России с зарубежными странами через Сибирь. Этим он занят, живя более двух месяцев в Иркутске, крупнейшем на востоке страны торговом городе. Через Иркутск осуществлялась торговля с Китаем и Монголией, делались попытки связей с Японией, из него уходили купеческие караваны к Охотскому морю, на Камчатку, здесь был центр Российско-Американской компании, с главой которого, Г. Шелеховым, Радищев познакомился. Вероятно, много мыслей рождалось у Радищева во время жизни в Иркутске, в общении с иркутянами, о будущем этого города, о его роли в развитии торговли с сопредельными странами, в изучении просторов Восточной Сибири, Якутии, Анадыря, Камчатки... К сожалению, известные исследователям иркутские материалы очень скупы. Что хранилось в ящиках, оставленных илимским изгнанником генерал-губернатору Нагелю, мы не знаем. Известно пока только то, что Радищев пребывание в Иркутске использовал для накопления материалов к «Письму о китайском торге», которое начал писать уже в Илимске.

ИЛИМСКОЕ ЖИЛЬЕ

Переезд из Тобольска в Иркутск занял у Радищева более двух месяцев. В письмах из Томска и Иркутска он делится с Воронцовым многими проблемами, касающимися сельского хозяйства, природы, административного устройства этой части Сибири. В Иркутске он получил посланные туда заранее Воронцовым книги, инструменты и деньги (1000 руб.). Иркутский генерал-губернатор И. А. Пиль принял семью Радищева очень тепло и радушно, о чем сообщал Воронцову в письме 19 октября 1791 года: «Первое попечение мое будет всем им оказывать всякое воспомоществование и удовольствие не только во время пребывания его здесь, но и в самом определенном ему месте... Ныне же ежедневно все они бывают у меня в доме»²².

В большом письме Воронцову из Иркутска Радищев касается вопросов образования молодежи в Сибири, одновременно с этим он высказывает мысли о необходимости уничтожить сословные препятствия к образованию:

«Почему же солдатский сын не может быть священником, если сын священника может быть солдатом?»

Радищев был противником табели о рангах и заключает письмо весьма ядовитой фразой: «Индусские касты являют в одном и том же народе зрелище и самого подлого невежества, и умозрительной философии»²³.

После приезда в Илимск, начало жизни в котором было для Радищева очень тяжелым и физически, и морально, уже через месяц, он дает в письме подробную характеристику этого глухого места, его экономики, промыслов («здесь мало ремесленников»), сравнивает цены на продукты в Иркутске и в Илимске. В другом письме Радищев сообщает о населении Илимска, количестве домов в нем, говорит о делении жителей на сословия, касается вопросов охоты на белку, цен на ее шкурки в зависимости от различных природных и экономических условий.

В Илимске Радищев устранивается по-хозяйски. Он строит себе дом, заводит корову с телятком, барана, даже оленя, сам косит сено для своих животных, затевает огород, сооружает теплицу со слюдяным покрытием, намерен завести пашню «в десяток десятин». Дни его проходят в трудах и заботах. Он продолжает изучать край. Радищев совершает поездки к устью Илима, а также по Тунгуске «для приобретения некоторых нужных познаний в естественной истории», вместе с сыном изучает флору окрестностей Илимска, собирает в горах целебные травы, занимается врачеванием.

Первое лето илимского изгнания Радищев проводит в деятельном ознакомлении с природой этого далекого и малоизвестного края. В письмах его содержатся сведения о климате Приилимья, о сельскохозяйственных работах и их результатах, о торговых делах, связанных с Илимском как перевалочной базы, где товары перегружаются на плоты и спускаются до Енисейска. Радищев узнает, что близ Илимска есть очень богатая залежь железной руды, раздобывает ее образчики, пишет о возможных местонахождениях серебра, свинца, меди. Он пытается сам — «благодаря своему горну» — делать пробы руд.

Уделяет Радищев внимание и этнографии — по его просьбе звенки исполнили полностью шаманский обряд. Этот обряд, по его мнению, с одной стороны — плутовство, а с другой — «один из многих способов проявления чувства перед всемогуществом существа непознаваемого, чье величие проявляется в самых малых вещах»²⁴.

20 февраля 1797 года Радищев с семьей покинул Илимск. Павел I освободил узника из Сибири, ограничив его местопребывание «под надзором полиции в своих деревнях». Радость освобождения Радищев выразил в коротком стихотворении:

Час преблаженный!
День вожденный!
Мы оставляем,
Мы покидаем
Илимские горы,
Берлоги, норы!

На обратном пути, в «Записках путешествия из Сибири», Радищев продолжает вести наблюдения за сибирской действительностью.

В Тобольске его подстерегает несчастье — простудившись в дороге, умирает Елизавета Васильевна Рубановская, вторая жена Радищева. Он удручен гибелью близкого человека. Записи о пребывании в Тобольске конспективны, однако в них много критических замечаний о злоупотреблениях местных чиновников и их интригах.

Последняя сибирская запись сделана Радищевым в Тюмени. Он отмечает высокий уровень кожевенного ремесла в этом сибирском городе, а также наличие многих других ремесел в округе...

ВЕЛИКИЙ ПРЕДТЕЧА

Радищев был подлинным патриотом своей Родины. Глубокой верой в Россию, в конечную победу своих идеалов звучат

его последние слова. (Страшась угрозы новой ссылки, он принял смертельную дозу яда. Последние страдания были невыносимы, Радищев не мог говорить, но он нашел в себе силы написать: «Потомство отомстит за меня!»—И в этом оказался пророком...) Радищев—великий предтеча свободы, провидец будущего. Не перестаешь удивляться его ясному и точному видению через века.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Радищев П. А. Биография А. Н. Радищева.—Цит. по кн.: Биография А. Н. Радищева, написанная его сыновьями. Подготовка текста, статья и примечания Д. С. Бабкина. М; Л., 1959, с. 70—71.
- ² Радищев А. Н. Полн. собр. соч. М; Л., 1952, т. 3, с. 344 (далее: Радищев А. Н., т. 3).
- ³ Там же, с. 345.
- ⁴ Там же, с. 260.
- ⁵ Там же, с. 462.
- ⁶ Радищев П. А. Цит. соч., с. 71.
- ⁷ Там же, с. 84.
- ⁸ Радищев А. Н., т. 3, с. 283.
- ⁹ Там же, с. 387.
- ¹⁰ См.: Утков В. Радищев и тобольские вольнодумщики.—В сб.: Утков В. Люди, судьбы, события. Новосибирск, 1970, с. 193—228.
- ¹¹ Радищев А. Н., т. 3, с. 627.
- ¹² См.: Травников С. Н. А. Н. Радищев и русские «Путешествия XVIII века».—В кн.: Идеино-художественное своеобразие русской литературы XVII—XIX веков. М., 1978, с. 117—125.
- ¹³ Богословский П. С. Сибирские путевые записки Радищева, их историко-культурное и литературное значение.—В кн.: Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1924, вып. 1, с. 13, 22.
- ¹⁴ Татаринцев А. Радищев в Сибири. М., 1977, с. 211, 250.
- ¹⁵ Радищев А. Н. Избр. соч. М., 1952, с. 484.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Письмо П. А. Радищева Н. А. Некрасову и И. И. Панаеву 18 декабря 1868 года.—В кн.: Семенников В. П. Радищев. Очерки и исследования. М., 1923, с. 438.
- ¹⁸ Радищев А. Н., т. 3, с. 379.
- ¹⁹ Там же, с. 355—357.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же, с. 388.
- ²² Там же, с. 631.
- ²³ Там же, с. 406.
- ²⁴ Там же, с. 463.

Константин Ковалев

ЗА ШЕКСПИРОВСКОЙ СТРОКОЙ

В архиве известного советского издательского работника Петра Ивановича Чагина, сохраненном его женой Марией Антоновной, находятся книги с автографами, неопубликованные письма многих прозаиков и поэтов нашей страны. Среди бумаг есть и послания Б. Пастернака, К. Федина, отправленные П. И. Чагину между 1941 и 1945 годами. Вместе со статьей Б. Пастернака об английской поэзии, где высказываются примечательные мысли о творчестве Шекспира, они приносят некоторые новые данные в изучение работы поэта над переводами.

Дружба Пастернака и Чагина началась еще до войны. Будучи в то время директором Гослитиздата, П. И. Чагин осуществлял публикацию многих его стихов и переводов. На одной из фотокарточек, подаренных позднее Чагину, Пастернак писал: «Мы вместе прошли часть жизненного пути. Без Вас это было бы труднее. Спасибо! С любовью Б. Пастернак».

Первые месяцы Великой Отечественной войны... Пастернак до октября 1941 года оставался в Москве. В то время продолжалась его интенсивная работа над переводами из Шекспира, начатая несколько лет назад. Последняя доработка «Гамлета». И вот новый труд — «Ромео и Джульетта».

...Нестройное собрание стройных форм,
Холодный жар, смертельное здоровье,
Бессонный сон, который глубже сна.

В октябре поэт приезжает в Чистополь. Семья его поселилась в доме на улице Володарского, «в самом конце ее, напротив городского сада». Комната соседствует с коммунальной кухней, дверь в которую почти всегда открыта, и оттуда «круглосуточно» доносятся звуки старого патефона. Но именно чистопольский период был плодотворен для Пастернака-переводчика.

Воодушевленный просьбами известного литературоведа М. Б. Храпченко о необходимости именно в это грозное время продолжить работу над шекспировскими трагедиями, поэт уже через два месяца оканчивает перевод. В начале декабря в маленькой столовой, где постоянно собирались писатели, можно было застать такую картину: Пастернак сидит без пальто, ест остывшие пустые щи и одновременно просматривает листочки бумаги, что-то исправляя в них. Это были листки с заключительными строфами «Ромео и Джульетты». В письме к П. И. Чагину, датированном 12 декабря, Б. Пастернак сообщает: «Дорогой Петр Иванович!

Б. Л. Пастернак

Я ответил Вам телеграммой: „Перевод готовлю“. Вот объяснение. Когда я сюда приехал, у меня было два обязательства, перед Вами (Словацкий) и перед Храпченко (пер. „Ромео и Джульетты“). Это соглашение было заключено раньше, незадолго до войны. Комитет по дел[ам] иск[усств] только авансировал работу, предоставив мне свободу выпуска перевода, где я захочу.

Война застала меня за вторым актом. Естественно, я забросил перевод.

В начале октября Михаил Борисович (Храпченко.— К. К.) удивил меня увереньем, что работа не утратила желательности и важности. Он просил продолжать ее.

В Чистополь я попал к концу октября. Вчера я вывел последнюю строчку перевода. Вчерне „Ромео“ готов, его осталось отделать и переписать.

...Не возьмете ли Вы нового перевода? Снеситесь консультативно с „Комитетом“ и сообщите мне свое решение. Дела мои не блестящи, не протомите меня с ответом.

Теперь о Словацком. Я с завтрашнего дня засяду за него. Я с таким же успехом мог бы заняться им, как и „Р[омео] и Дж[ульеттой]“, но хорош бы я был, если бы Словацкий остался без приложенья. В положении этой неясности Шекспир казался мне риском более разумным. В этом смысле Ваша телеграмма была для меня радостной неожиданностью¹...

Итак, проза, просьба. Подстрочный материал надо пополнить до задуманного редакцией объема. Буду ждать досылки подстрочников.

Другая просьба. Помогите мне в пристройке переводов в наши журналы, лучше сказать, возьмите великодушно этот труд на себя. Я не знаю, куда какие перевезли. Списываться с ними отсюда затруднительно. Дайте тем из них, которых заинтересует Словацкий, мой адрес, и таким образом меня с ними свяжите.

В заключение извините меня за невольную проволочку. Она была вызвана общей неизвестностью, я скоро это заглажу.

Жму Вашу руку и желаю всего лучшего. Жив ли Ваш сын?² Уверен, что Вы мне не откажете в скором и подробном ответе, который буду ждать с нетерпением.

Привет В[ашей] супруге
Ваш Б. Пастернак».

К этому письму примыкает и телеграмма, посланная П. И. Чагину из Чистополя (от 6 января 1942 года):

«Красноуфимск. Государственное издательство. Чагину. Перевод готовлю. Отвечаю письмом. Пастернак».

Из содержания посланий видно, что Пастернак кроме всего обещает «с завтрашнего дня» засесть за перевод стихов польского поэта Юлия Словацкого. И действительно, находясь в Чистополе, и позднее, он переводит большой цикл его стихотворений, поэмы, трагедию о Марии Стюарт.

Законченный вчерне перевод «Ромео и Джульетты» требовал доработки. Но параллельно поэт воплощает свой давнишний замысел — перевод шекспировской трагедии «Антоний и Клеопатра», заказанный ему МХАТом. Судя по всему, черновики перевода пьесы появились сразу после окончания «Ромео и Джульетты». Вот письмо к П. И. Чагину, где речь идет об «Антонии и Клеопатре»:

«Он вчерне готов, а месяца через полтора надеюсь привезти его отделанным.

В Вашем добром желании я уверен...

Поздравляю Вас с нашими победами. Привет Вашей супруге...

Ваш Б. Пастернак».

К. А. Федин и П. И. Чагин

Грандиозен был план поэта заново переложить на русский язык трагедии и стихотворения Шекспира. Приблизить речь героев к народной, разговорной, выписать детально яркие, характерные черты каждого персонажа, вложить в уста действующих лиц не только глубокую по философичности фразу, но и точное поэтическое слово — такая задача стояла перед переводчиком. Необходимо было серьезно изучить творчество великого английского поэта, эпоху, мировую шекспироведческую литературу.

Борис Леонидович в Чистополе пользовался библиотеками, которые успели вывезти его коллеги-писатели. Он читал книги на английском, немецком, французском языках. Из них наиболее дорогим для поэта стало двухтомное издание Шекспира на языке оригинала. На полях этого редкого издания остались варианты перевода отрывков и строф шекспировских пьес, замечания, пометки Пастернака. Большую помощь оказала поэту книга В. Гюго о Шекспире на французском языке. Частенько знакомые заставляли его за чтением Гюго — в пальто в малоотапливаемой комнате.

Сам Пастернак лучшими русскими переводами «Ромео и Джульетты» считал «перевод Михаловского в трехтомнике Гербеля и перевод Аполлона Григорьева», хотя, как отмечал поэт, последний «страдает чрезмерной русификацией текста».

26 февраля чистовой вариант пьесы был готов. На этот день назначается чтение трагедии автором перевода.

Чтение происходило в зале Дома учителя. Денежный сбор полностью был переведен на подарки бойцам Красной Армии. Под вечер в городе произошла авария электростанции, и Пастернаку пришлось читать при свете двух керосиновых ламп. Зал был почти полон. Собралась вся писательская колония и много местной интеллигенции...

На этом вечере присутствовал и К. Федин, который с восторгом отозвался о мастерстве Пастернака-переводчика. На другой день он сообщает в письме к П. И. Чагину:

«Пастернак закончил перевод „Ромео и Джульетты“ и читал его с большим успехом. Действительно, многое в нем сделано великолепно. Он переводит Словацкого,— по Вашему заказу. Советую Вам снестись с ним непосредственно...

Ваш Конст. Федин».

С чтением стихов и переводов Б. Пастернак вместе с другими писателями выступает на многих литературных вечерах в Чистополе, затем в Москве — в ВТО и в Клубе писателей. Когда «Ромео и Джульетту» прочитал В. Н. Яхонтов, то он не только был восхищен новым переводом, но и загорелся желанием сыграть всю пьесу один — в виде моноспектакля...

Весной 1943 года Борис Леонидович возвращается к доработке «Антония и Клеопатры».

«Дорогой Петр Иванович!..— пишет он П. И. Чагину 1 марта 1943 года.— Для отделки Антония, вчерне готового, мне понадобится еще месяц, и было бы жалко бросать работу и ехать в Москву улаживать дела, до Вашей помощи весьма плачевные...»

И почти через два месяца (23 апреля 1943 года):

«Ведь рано или поздно „Ромео“ появится. „Антоний“ готов, и я его скоро привезу».

С нетерпением ждал окончания перевода «Антония и Клеопатры» В. И. Немирович-Данченко, мечтавший поставить свою любимую пьесу на сцене. Он так и не успел осуществить этот замысел, хотя план постановки уже был им разработан.

8 июля Пастернак читал трагедию в зале ВТО и во вступительном слове отметил, что считает ее самой реалистической из пьес Шекспира, которую по «объективности» можно сравнить с «Анной Карениной» Толстого и «Госпожой Бовари» Флобера...

Газета «Литература и жизнь» за 7 августа 1943 года писала:

«Пастернак закончил перевод „Антония и Клеопатры“. Нам кажется, что это самый удачный из его переводов... Он умеет передавать в словах дыхание живых людей, их движения, их непосредственные чувства. И именно поэтому так близок оказался ему Шекспир. Это больше чем перевод. Это встреча поэта с поэтом».

Последние два военных года Пастернак заканчивает переводы шекспировских трагедий «Генрих IV» и «Отелло». Продолжается его переписка с Чагиным. Из некоторых писем этого времени можно проследить характер работы поэта над новыми произведениями.

«Дорогой Петр Иванович!

С выздоровлением! Но это письмо деловое,—об этой радости как-нибудь в другой раз.

Скоро, говорят, выйдет „Ромео“. (Пьеса в переводе Б. Пастернака была выпущена ОГИЗом отдельной книгой летом 1944 года.—К. К.) Распорядитесь, пожалуйста, чтобы мне отпустили за наличн[ый] расч[ет] 100 экз[емпляров] книжки, она мне оч[ень] требуется для театров и за границу,—среди этой сотни несколько нарядных, на хорошей бумаге и в переплете.

Еще раз горячо поздравляю Вас с благополучным исцелением. А я перетрухнул. Как можно так пугать людей!!³ Сердечный привет Марии Антоновне.

Ваш Б. Пастернак.

26.V—44».

«Дорогой Петр Иванович!

Вот заявление о Шекспире⁴. Достаточно ли оно многословно и глупо, чтобы казаться мотивированным и академичным?..

Если оно не годится, не давайте ему хода, но вопрос, пожалуйста, поставьте на рассмотрение сами, и поскорее, прошу Вас.

Поторопите, пожалуйста, также брошюровку „Избранных“⁵ и печатанье „Отелло“.

„Генрих“ готов, я его переписываю, думаю дней через 10 приеду сдавать и за ответом.

От души всего лучшего Вам и Марии Антоновне.
Искренне преданный Вам

Б. Пастернак.

6.VIII—1945».

...Так протекала эта интересная и напряженная работа. Шекспировское слово окрасилось в новые тона, новые ритмические и звуковые сочетания, свойственные лучшим традициям русского народного языка. Шекспир, Ралей, Байрон, Китс, Бен Джонсон, Шелли—их стихи, переведенные Пастернаком, стали достоянием русского читателя. И больше всего, конечно, Шекспир. Он—основоположник, он—корень, он—законодатель. Как точны замечания Пастернака о творчестве Шекспира, о его роли в английской поэзии! Как по-новому, предельно ясно предстают они перед нами в этом отрывке из его статьи о переводах английских поэтов на русский язык⁶:

«Возможности английской метрики неизмеримы. Немного-сложность английского языка открывает богатейший простор для английского слога. Сжатость английской фразы—задаток ее содержательности, а содержательность—залог музыкальности, потому что музыка слова состоит не в его звучности, а в соотношении между его звучанием и значением. В этом смысле английское стихосложение предельно музыкально.

Когда-то мнимо неоспоримое влияние Байрона на Пушкина я считал действием на Пушкина самой английской формы. Встречался ли я с гением Китса или блеском Суинберна, за любой английской индивидуальностью мне мерещился чудодейственный повторяющийся придаток, который казался главной и скрытой причиной их притягательности, независимо от их различий. Это явление я относил к действию самой английской речи. Я ошибался.

Шекспир—величина слишком ошеломляющая, чтобы служить объяснением любой странности, происходящей в его соседстве или в далекой преемственности. Английская литература есть по преимуществу шекспировская, как всякая русская есть пушкинская. Таинственный возбудитель, составляющий придаточную прелесть всякой английской строки, называется не ямб или пятистопник, а Вильям Шекспир, и во всех присутствует, и через все говорит.

Несущественно, что русское ответвление этой стихии, протянувшееся через Жуковского, Лермонтова, Аполлона Григорьева, Блока и несколько новейших, зарождено Байроном, подобно тому, как Гейне был проводником германских влияний. Вместе с Байроном названный побег вышел из шекспировского ствола...

Снятие копий возможно только с фигур, прочно сидящих в своей графической сетке. Переводу с языка на язык поддаются лишь правильные размеры и тексты с обычным словоупотреблением... Чужой художественный беспорядок трудно изобразить без того, чтобы в беспорядочности не заподозрили самого изображения. За редкими исключениями вольные размеры в переводе производят впечатление хромоты и ритмической неправильности. Такие же трудности представляют стилистические капризы слога — ирония, афористика, вулгаризмы. Красноречия на чужом языке лучше не передавать совсем, или для его передачи отправляться в область далеких от текста, но ближайших по естественности параллелей...

Эти мысли поэта лежат и в основе всей его переводческой деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Чагин, который организовывал издание переводов Словацкого, телеграммой уведомлял Пастернака, что работу необходимо продолжать.
- ² Как выяснилось значительно позднее, он погиб на фронте.
- ³ Чагин писал Пастернаку о своем выздоровлении после длительной болезни.
- ⁴ Речь идет, очевидно, о заявке на публикацию переводов шекспировских трагедий отдельным изданием (двухтомник был выпущен издательством «Искусство» в 1949 году).
- ⁵ Сборник избранных произведений Б. Пастернака готовился к печати также по предложению Чагина. «В него должно быть включено все „самое описательное“,» — говорил о нем Пастернак.
- ⁶ Эта статья была написана как отзыв на готовившийся в пятидесятые годы к изданию сборник английской поэзии в русских переводах.

МУЗЕЙ ВЕЛИКОЙ КНИГИ

В Москве возник общественный музей «Слова о полку Игореве», музей одного произведения, одной книги. Это — своеобразное, уникальное явление в культурной жизни нашей великой Родины. Ни с чем не сравнима бесконечная емкость великого, удивительного творения древнерусской литературы. С момента первой публикации поэмы в 1800 году исследователи не устают находить в ней все новые достоинства и глубины. Историки, лингвисты, литературоведы, археологи, этнографы, музыканты, поэты, художники пристально всматриваются в эту неисчерпаемую сокровищницу и вновь извлекают из нее порой неожиданные для себя ценности...

Говоря языком современной физики, я сравнил бы «Слово» с глыбой сверхтяжелой, сверхплотной материи. Очень велик удельный вес каждой строки, каждого абзаца этого шедевра отечественной и мировой литературы. У нас есть все основания гордиться тем обстоятельством, что это именно наш, русский народ подарил миру такое дивное чудо поэзии! «Слово о полку...» даже как-то трудно представить себе просто книгой. Скорее это — некие золотые, богатырские ворота, открывающие дорогу к глубинам народного духа. Вот почему на протяжении десятилетий (а может быть, и веков, если считать с 1185 года) множество читателей поэмы вникают в ее суть, спорят о ней, восхищаются ее красотой и мудростью, благодарят ее за доставленную радость, соревнуются в своей любви к ней. Как тут было не появиться музею?

Народ говорит: «Одна пчела меду не натаскает». Заинтересованные в постижении великой поэмы, люди самых разных специальностей много раз поднимали в печати вопрос о необходимости создания музея «Слова», стараясь объединить свои усилия.

К сожалению, государственного музея, который мог бы охватить и скоординировать всю ведущуюся вокруг поэмы

*«Погодинская изба», где размещен музей
«Слова о полку Игореве»*

углубленную исследовательскую работу, в Москве пока не существует. Поэтому, по инициативе москвичей-поэтов и при содействии активистов Общества охраны памятников истории и культуры, был создан наш общественный музей. Интерес к

нему обнаружился с первых же дней существования. Писатели и журналисты, инженеры и техники, рабочие и студенты, художники и артисты потянулись на огонек жарких, взволнованных разговоров, связанных с любимейшим произведением родной литературы. Молодой музей обрел себе приют (вероятно, временный) в знаменитом памятнике архитектуры, так называемой «Погодинской избе» — резном деревянном тереме, расположенном неподалеку от Новодевичьего монастыря. Стены терема украсились застекленными стендами с подаренными музеем изданиями «Слова», картами Игорева похода, картинами, фотографиями, вырезками из журналов и газет... Как положено, избран Совет. Составлено Положение о музее, разработан план. У актива три основных задачи: исследовательская работа, собирательская и пропагандистская. Самой главной формой деятельности молодого музея сделались заседания актива, с обсуждением подготовленных докладов и сообщений, с приглашением ученых и писателей, переводчиков и исследователей «Слова».

Как известно, древнерусская поэма донныне таит в себе массу загадок: исторических, языковых, географических, литературоведческих... Сколько ни трудились мудрые знатоки старины, все еще остается неясным: кто написал поэму, где протекала река Каяла, как следует переводить на современный язык «зегзицу», «паперси», «шерешеры»... Загадочны некоторые образы «Слова»: Боян, Троян, Карна, Жля, Див, Тматороканский болван, дебрь Кисанова... Исполнена таинственности романтическая дева-Обида и рыщущий волком князь Всеслав. Неясны многие символы и метафоры. Не разгаданы так называемые «темные места».

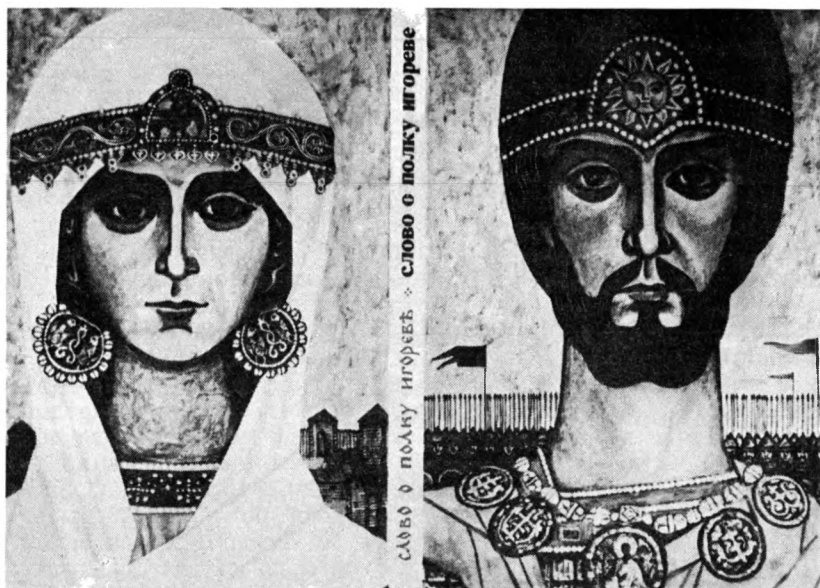
Удивительна сверхгениальная инструментовка поэмы, ее поразительная звукопись: «потоптаны поганые полки половецкие», «трубят трубы в Новеграде, стоят стяги в Путивле»... Порой представляется, что автор изучил массу специальных трудов об искусстве слова, о науке поэзии, подобных позднейшей книге Буало «L'art poétique» («Поэтическое искусство»). Он многое знает о секретах художественного мастерства такого, что недоступно и современным авторам. Откуда это у него?! Украшения скифского золота, которые находят археологи в курганах, поражают нас тонкостью и изяществом работы, безукоризненностью пластики. Искуснейшие ювелиры наших дней оказываются не в состоянии, даже с помощью микроскопов, повторить мельчайшую древнюю зернь и филигрань. Нечто подобное демонстрирует нам и «Слово о полку Игоре». Современные поэты, сделавшие метафору кумиром поэзии,

могут лишь завистливо ахать, когда прикасаются к образному строю «Слова»! Как зримо, как убедительно разворачиваются здесь снизки самых ярких и неожиданных сравнений: «Не десять соколов...—но свои вещие персты...», «Кровавого вина не достало...», «Сватов напоили и сами полегли...», «Изронил жемчужную душу из храброго тела через золотое ожерелье...», «Жаждой им луки запряло, тую тулы заткало...» Разве не заслуживает самого напряженного внимания вопрос: кем мог быть человек, создавший такой шедевр, из каких источников черпал он свои словесные блески, где жил, у кого учился?.. Какими книгами народной мудрости пользовался он в своем труде?.. Уж не сам ли удалой князь Игорь создал поэму о своем походе? Эта гипотеза не раз обсуждалась в музее... Сколько тут и других проблем, загадок, предположений, путей поиска! Целое исследование можно было бы посвятить, например, одному эпитету: «бебрян» рукав. Нынешние филологи доказали, что это вовсе не бобровый рукав, как предполагали ранее. Бебряная ткань—это мягкая, шелковая ткань, а не бобровый мех, который естественно, лишь исцарапал бы раны. А почему именно шелковым рукавом стремилась оберечь раны мужу-князю Ярославна? Есть предположения, что шелковая ткань, продукт биологической функции шелковичного червя, целебна для человека. И, по-видимому, автор знал об этом. Постигая энциклопедию народной мудрости, какой является поэма об Игоровом походе, мы вправе делать порой переходные мостки к задачам наших дней. И об этом не раз говорилось на заседаниях актива музея. Сам собой родился вывод: нужны исследования биологов и медиков о лечебных свойствах шелка, нужны предложения в печати о целесообразности использования шелковых тканей прежде всего в медицинских целях... Вот пример емкости лишь одного слова в «Слове»! Разумеется, это—лишь капля, свидетельствующая об огромности моря. Но эта деталь показывает, сколь велики возможности новых открытий, неожиданных постижений, заключенных в глубинах гениальной поэмы. Они-то и влекут к себе людей.

Изучение «Слова о полку Игореве» превратилось в подлинную народную науку. Понятно, почему с такой живой заинтересованностью проходили десятки заседаний актива музея. Подробное сообщение о содержании этих заседаний было сделано нами, в частности, на встрече с членами Комиссии по «Слову о полку Игореве» Союза писателей СССР. В завязавшемся разговоре приняли участие поэт Василий Казин, писатели Владимир Чивилихин, Василий Осокин, Дмитрий Жуков, доктор философских наук полковник Игорь

Малышев, переводчик поэмы Владимир Стеллецкий. Председательствовал на встрече Евгений Осетров. Очень интересным было выступление Василия Казина, рассказавшего о том, как высоко ценил метафорическую систему «Слова» Сергей Есенин. В. Казин сообщил, что, обосновывая важность яркой образности стиха, Есенин всегда обращался за доказательствами к поэтике «Слова о полку Игореве», которое он блестяще знал наизусть, причем не в переводе, а древнерусском подлиннике.

Таковы лишь некоторые ракурсы эстетической проблематики «Слова». Не менее важны и интересны связанные с ней языковедческие задачи. Как переводить «Слово» на современный русский язык? Что следует оставлять нетронутым в тексте, а что уточнять? Каковы границы нынешних семантических сдвигов, вызывающих необходимость замены слов и оборотов в древнерусской поэме? Что принять за эталон наиболее адекватного перевода? В спорах по этой тематике проведено много заседаний в течение истекших трех лет. И надо сказать, споры эти оказались небезрезультатными. Выработана определенная концепция, связанная с проблемой перевода. В схематичном изложении суть ее такова. Обнаруженные в недавнем прошлом археологом А. Арциховским новгородские «берестяные грамоты» (обстоятельное сообщение об этом сделал историк В. Прищепенко) дают нам возможность по-новому взглянуть на взаимоотношение разговорного языка наших предков и современной устной речи. «Грамоты» со всей очевидностью показывают, что здесь нет непроходимого барьера. Практически нам понятно почти все, что записано в берестяных письмах. Затрудненность же понимания литературных памятников давних веков объясняется наличием в них грамматических форм старославянской письменности, привнесенной от родственных южно-славянских народов. Следовательно, в принципе задача перевода «Слова» на современный литературный язык должна быть сведена к минимуму: к прояснению «славянизмов». И действительно, стоит в первых же абзацах поэмы устранить глагол «бѣшет» и переключить на чисто русскую колею усложненность славянских суффиксов «аше», «яше», «аста», «иста» и т. п., — как все становится яснее и прозрачнее. Очевидно, идеальным переводом может стать тот, который сохранит максимум подлинного текста и наиболее умело и искусно счистит налет невоспринимаемых русской речью книжных лингвистических заимствований. Выкристаллизовывая свой четкий теоретический принцип перевода «Слова», актив музея счел необходимым для себя познакомиться со всеми наиболее значительными работами в этой области. На

Суперобложка к изданию «Слово о полку Игореве» работы А. Семенова

заседаниях читались вслух и обсуждались переводы и переложения В. Жуковского, А. Майкова, Д. Лихачева, Н. Заболоцкого, Н. Рыленкова, Н. Гербеля, К. Бальмонта, А. Вельтмана, А. Степанова, А. Югова и другие.

Разумеется, в анализе поэмы мы не упускали из виду главное: ее огромное общественно-историческое значение, ее идейную заряженность, боевитость, ее высокую роль в патристическом воспитании народа. Раскрыть связь поэмы с общественными тенденциями формирующегося Русского государства, ее нацеленность в борьбе за единство народа — было и остается нашей первостепенной задачей. Большое место в работе музея заняла тема: «Влияние „Слова“ на организацию победного отпора ордынцам в годы, предшествующие Куликовской битве». В связи с 600-летием победы на Куликовом поле активисты музея подготовили ряд сообщений и докладов на эту тему, фотовыставку, статьи — для московских газет и журналов. Удалось неопровержимо, что называется, с документами в руках доказать, что роль поэмы в подготовке Куликовской победы неизмеримо огромна. Об этом красноречиво свидетельствует весь текст «Задонщины», «Сказания о Мама-

евом побоище», «Слова о житии Дмитрия Донского» и другая литература той эпохи, порожденная успехами на ратном поле. «Суть поэмы,—как правильно указывал К. Маркс,—призыв русских князей к единению как раз перед нашествием собственно монгольских полчищ». Такая мобилизующая роль, естественно, была очень не по душе чужеземным захватчикам. Их руками, по всей вероятности, и были уничтожены многочисленные списки боевой поэмы. И все же патристическое влияние «Слова» неудержимо распространялось по уделам древней Руси. Наиболее очевидно это влияние сказалось в поэтике «Задонщины», написанной под сильнейшим воздействием «Слова», содержащей множество цитат из него. Поскольку автор «Задонщины» (написанной не позднее 1393 года) Сафоний Рязанец столь блестяще знал «Слово о полку...», а сам он был современником и сподвижником князя Дмитрия Ивановича Московского (Донского), есть все основания предполагать, что и князь, и все его ближайшее окружение хорошо знали великую поэму. Может быть, именно под влиянием крылатой фразы князя Игоря Новгород-Северского, сказавшего: «Лучше уж убитым быть, нежели полоненным быть», обращает свой призыв к воинам и Дмитрий Московский: «Стоит нам, братья, положить головы свои, да не будут взяты в плен города наши!» Не приходится удивляться, почему столь тесно связал в своем творении Сафоний Рязанец двух полководцев двух разных веков: единая стояла перед ними задача — защита Отечества. «Слово о полку Игореве», таким образом, выступило на политической арене древней и средневековой Руси в роли бойца-агитатора, споспешествовавшего укреплению оборонного могущества нашей страны. Можно предположить, что эту благородную роль поэма играет с первых же дней своего существования. Возможно, именно под ее воздействием сплоченным, монолитным отрядом выступили в битве на Калке русские князья, возглавляемые Мстиславом Галицким. И вовсе не их «удельная разобщенность», как порой традиционно трактуют историки, явилась причиной тяжкого поражения, а наличие у ордынцев, пришедших с Дальнего Востока, «пороков» (т. е. пороха), иначе говоря — огнестрельного оружия. Подобная гипотеза нашла поддержку во многих выступлениях на заседаниях общественного музея. Сравнительный анализ таких произведений, как «Повесть о нашествии Батыя на Рязань», «Повесть о Калкской битве», «Сказание о Мамаевом побоище», «Задонщина», «Слово о житии Дмитрия Донского» и трудов современных историков (в частности, Н. Школяра) убеждает в правдоподобии нашего предположения, требующего, разумеется, дальнейшей тща-

тельной проверки и уточнения. Стойкое сопротивление русских князей на Калке превратило победу ордынцев в «пиррову победу», заставив полководцев Чингисхана — Субедэя и Джебе — отступить вспять, на восток, и в течение тринадцати лет готовить новую волну нашествия. Ничем иным их внезапный отход объяснить невозможно... Так, внимательное рассмотрение исторических обстоятельств в свете того луча, который бросает на них великая поэма «Слово о полку Игореве», делает для нас ясными и понятными многие страницы далекого прошлого. Вот почему значение усилий по исследованию и пропаганде великого памятника древнерусской литературы трудно переоценить. «Слово» и в самом деле оказалось тем «магическим кристаллом», который помогает нам заглянуть в туманную даль времен, заглянуть в процессы создания национального характера и национальной культуры.

Как известно, все самые значительные творения последовавших за XII столетием веков испытали на себе прямое воздействие гениальной поэмы. Все самые крупные деятели искусства оказались в мощном магнитном поле ее влияния. Об этом шла речь на многих наших заседаниях. Разрабатывался вопрос, например, о связи творчества Пушкина с фактом первой публикации поэмы. Несомненно, первое крупное произведение молодого Пушкина «Руслан и Людмила» написано под сильным впечатлением поэтики «Слова». Весь героический дух этого творения, вся его национальная окрашенность созвучны «Слову о полку...». Даже словарный состав «Руслана и Людмилы» обнаруживает непосредственную связь со «Словом». Тут мы находим следы и прямого заимствования: «Боян» и «Лукоморье», «Кошей» и «гридница» — все это слова из текста древнерусской поэмы. Пушкин всю жизнь питал живейший интерес к «Слову», оставил страницы тонкого анализа поэмы, предполагал сделать перевод. В связи с этим трудно не упомянуть об одном любопытном экспонате музея, подаренном нам московским художником В. Бабицыным. Речь идет об изданной в 1883 году в Москве книге с интригующим названием: «Слово о полку Игореве, в переводе Александра Сергеевича Пушкина. С предисловием Е. В. Барсова». Ныне известно, что найденный в бумагах покойного Пушкина перевод древнерусской поэмы одно время приписывался именно ему. Это и дало основание исследователю поэмы Е. В. Барсову выпустить столь удивительную книгу. Дальнейший анализ, однако, показал, что настоящим автором перевода был В. А. Жуковский. Тем не менее, книга представляет собой несомненную библиографическую ценность и редкость... Одной из последующих тем

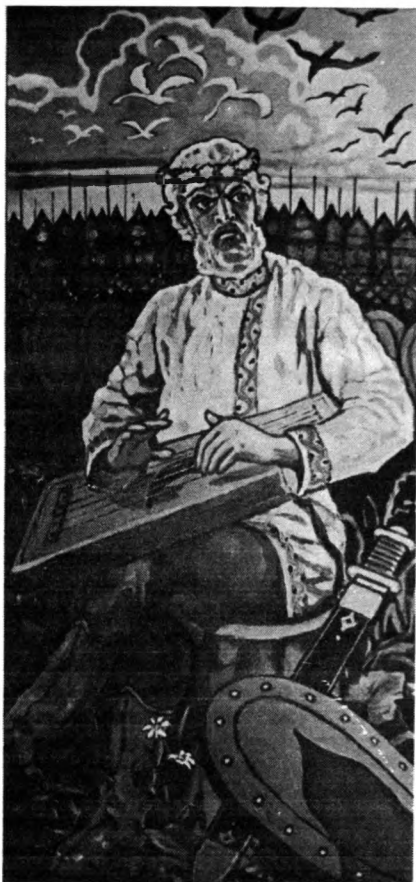

в работе музея оказалось сопоставительное исследование перевода Жуковского и его собственной поэмы «Певец во стане русских воинов». Нам стало ясно, что и эта прекрасная патриотическая поэма создана под непосредственным влиянием «Слова».

В докладах на заседаниях музея рассматривались проблемы влияния «Слова» на творчество К. Рыльева и других поэтов-декабристов (сообщение инженера С. Аброскиной), влияние древнерусской поэмы на В. Хлебникова (доклад режиссера П. Чевельчи), воздействие поэзии «Слова» на художника Н. Рериха (сообщение экономиста В. Дедюры). Подробно останавливались мы на вопросах творческого воздействия великой поэмы на тематику произведений М. Лермонтова, Н. Гоголя, Н. Языкова, А. Островского, А. Блока, С. Есенина, В. Маяковского, М. Глинки, А. Бородина, В. Васнецова, И. Голикова, В. Фаворского, на произведения многих советских писателей, композиторов, художников.

С большим интересом встретил актив музея сообщение академика Б. Рыбакова о его многолетней работе по изучению гениального памятника древнерусской литературы. В завязавшемся живом диалоге с видным ученым активисты музея обращали внимание на необходимость оберегать от необоснованных критических нападок и очернения как всю поэму в целом, так и отдельные образы ее славных героев. Появившаяся в последние годы тенденция негативного пересмотра значения и роли похода, предпринятого Новгород-Северским князем, стала широко обнаруживаться в ряде статей и книг. Всеобщий интерес к бессмертному творению древнерусского гения породил, в свою очередь, и ряд статей и книг, которые часто отличаются спорностью, бездоказательностью, необъективным отношением к данным современной науки. Беседа с академиком Б. Рыбаковым показала, что драгоценный шедевр нашей отечественной культуры «Слово о полку Игореве» нуждается и в дальнейшей активной пропаганде, и в защите от искажающих толкований.

Большой разговор породила также лекция профессора В. Сидельникова о фольклорных корнях великой поэмы. Вызванный лекцией интерес к древнерусским источникам «Слова» перерос в многочасовую беседу обо всех главнейших исторических и культурных творениях древних веков Руси, споспешествовавших созданию такого шедевра, как «Слово». Речь шла о дохристианских памятниках языческого мировоззрения, о легендах и преданиях наших предков. О поездке на места археологических раскопок древнейшей в СССР Костенковской культуры, в Воронежской области, поведал на одном

«Вещий Боян». Рис. И. Кобзева

из заседаний работник Одинцовского горкома КПСС, активист музея В. Кожухов. Его сообщение строилось на задаче: проследить историческую глубину развития корней отечественной культуры.

С интересом встречено было сообщение историка М. Изотова и инженера-энергетика Б. Макарова о проблематике не столь давно обнаруженной за рубежом древнеславянской летописи, так называемой «Влесовой книги», породившей противоречивую дискуссию в печати. Подлинность или неподлинность этого произведения остается загадкой, требующей всестороннего рассмотрения, и не может не волновать нас.

В поисках однозначного ответа на вопрос о местонахождении реки Каялы — места битвы Игорева полка с половцами — музей рассмотрел соответствующую научную литературу и провел несколько диспутов, в которых приняли участие исследователь и переводчик «Слова» А. Степанов, полковник, кандидат технических наук Б. Зотов, писа-

тель В. Осокин, художник Н. Гончаров и другие. Активист музея В. Поливанов совершил три выезда на Дон для проверки своей гипотезы о путях похода Новгород-Северской рати. «Трофеями» его поездок оказались наконечник копья и стремя, относящиеся к XII веку.

Самым различным сторонам общественной жизни молодого Русского государства эпохи «Слова» и последующих времен были посвящены многие доклады и сообщения активистов

музея. Кандидат исторических наук Л. Демин построил свой доклад на рассмотрении династических взаимоотношений удельных князей Древней Руси. Сотрудница Госкомиздата РСФСР С. Козлова сделала сообщение на тему: «Карл Маркс о „Слове“». Историк В. Прищепенко рассказал о сходстве и различии двух памятников XII века: «Слова о полку Игореве» и «Витязя в тигровой шкуре». Он же предложил вниманию аудитории сравнительный анализ «Слова» и «Песни о Роланде». «Было ли „Слово о полку Игореве“ в утраченной библиотеке Ивана Грозного?» — так звучала тема сообщения писателя В. Осокина. «„Слово о полку...“ и Тарас Шевченко» — этот вопрос осветил экономист В. Дедюра. Об изучении «Слова» в Индии рассказал аспирант Университета имени Патриса Лумумбы Пробрин Наг Чаутхури.

Доброй традицией, не угасавшей в течение всех этих лет, была постоянная связь музея с творческой интеллигенцией Москвы и Подмоскovie. Как бы иллюстрируя высокие достижения народного искусства, в стенах музея выступали многолетний исполнитель роли князя Игоря в Большом театре народный артист СССР А. Иванов, заслуженная артистка РСФСР певица Э. Маслова, пианистка, заслуженная артистка РСФСР Т. Гусева, балалаечник М. Рожков, гуслир Б. Лакшин, композиторы Ю. Дунаев и В. Чачин, певцы В. Кобзев и Г. Сальников, а также многие другие. Музей проявил инициативу по проведению однодневных выставок советских художников, работающих в теме исторической героики. Свои произведения активу музея показали скульптор Г. Провоторов и живописец С. Рубцов, художницы С. Блинкова и Л. Шавырина. Ряд полотен принесли в дар молодому музею заслуженный деятель искусства РСФСР К. Прохоров, Н. Гончаров, И. Архипов.

О музыкальной основе «Слова о полку Игореве» сделал интересное сообщение исследователь Л. Кулаковский. Посетив спектакль Большого театра «Князь Игорь», активисты музея провели у себя обсуждение оперы Бородина. С инсценированным чтением великой поэмы выступили в музее учащиеся школы № 19 города Люберцы. Состоялась встреча с читателями библиотеки № 105, Московским клубом туристов, участниками Клуба интересных встреч в Центральном Доме журналистов. Активисты музея были приглашены на Пушкинские праздники в Захарово, на многие вечера, посвященные 600-летию победы на Куликовом поле. Музей организовал несколько поездок по историческим местам Подмоскovie: в Александров, Загорск, в бывший Радонеж...

Широкая пропаганда достижений народной культуры, к которой с первых же дней Октябрьской революции призывал В. И. Ленин, всегда была одной из основных задач в работе общественного музея. Популяризации величайшего памятника отечественной и мировой культуры «Слова о полку Игореве» посвящены все перспективные планы музея. Эта работа представляется нам важной и нужной — особенно ввиду приближающейся славной годовщины: 800-летия создания великой поэмы.

Паул Михня

СЛОВО

1. Слово

Не волшебство ли мой закон:
достаточно всего лишь слова —
и я в апрель перенесен
и с песенною почкой снова.

И лишь сцеплю ее в душе
с минутой краткою, что тает,
как быстрый маятник уже,
пуская корни, застывает.

2. Улей

И каждый звук — пчела. И в этом гуле
я — не глаза и грудь, живот и руки,
а только ряд названий, только звуки,
слова — и только, или только — улей.

Я — улей слов. И только. И при этом
я гулкое безмолвие — и только.
Иль, может, только сот медовых долька,
что были раньше словом или цветом.

3. Струна

Я та струна, которая поет
при еле уловимом дуновенье,
тишайших голосов круговорот,
многоголосья мира отраженье.

Тот инструмент, молчащий до поры,
но даже под сурдинку — неизменный,
как световой орган для той игры,
которая доступна лишь Вселенной.

*Перевод с молдавского
Михаила Яснова*

Дела

зимування

ПОСЛЕДНЯЯ ЗАГАДКА КРЫЛОВА

«...Этот человек загадка, и великая!»
К. Батюшков

Проницательный Батюшков прав. Жизнь и деяния Ивана Андреевича Крылова во многом покрыты тайной.

Известно, что он был скрытен. Тщательно оберегал свою душу от праздного любопытства. А как хотелось заглянуть в нее и Николаю I, и Гречу, и Шишкову, и графу Хвостову, и «благодетелю» Оленину, и журналисту Погодину, и поэту Вяземскому, и критику Каченовскому, и ученому (исследователю Карамзина) Блудову... Многим! Но никого не пускал в свою душу Крылов. Всю жизнь он мучился, много страдал, часто таился. Спорил, скрывал свои мысли, боролся, ненавидел. И все это было насыщено страстностью... Но с кем он боролся? Кого ненавидел? Во имя чего страдал?.. Вот это-то и было тайной для современников. Они могли только «нащупать» образ Крылова. Время позволяет еще кое-что отвоевать сегодня у этой тайны. Но все же многое погружено во мрак. Шутка сказать — пошло третье столетие со дня рождения этого великого поэта и прошло почти полтора столетия со дня его смерти.

Но вот что интересно — смерть людей примечательных почти всегда тоже необычна. В ней, как в фокусе, сконцентрированы все линии судьбы такого человека, все лучи его воли, главные черты его характера, основы миропонимания, богатство воображения. В мгновениях смерти как бы спроектирована вся прошедшая жизнь.

И смерть Ивана Андреевича Крылова, а вернее, последние его мгновения, тоже были поистине удивительны. Он умер в 1844 году, 9 ноября, на пасмурной дождливой заре, в Петербурге, в своем собственном доме. Это общеизвестно. Но мало кому известно, что на свои похороны он решил пригласить друзей, и очень непривычным способом: книгою басен.

* * *

...В 1841 году, в марте, Крылов вышел в отставку, покинув горячо любимую им Публичную библиотеку, в Русском отделе

*Иван Андреевич Крылов.
Гравюра И. Фридрица по рисунку
А. Оленина*

которой он проработал почти тридцать лет, да не просто проработал, а создал этот отдел. Ему исполнилось 72 года, тяжело было рано вставать, ежедневно ходить по одной и той же лестнице, писать пространные «дипломатические» рескрипты директору библиотеки А. Н. Оленину, беседовать во время дежурств с многочисленными читателями, следить за поступлением в Русский отдел обязательного экземпляра всех печатавшихся в стране книг, пополнять каталоги, продолжать библиографическую роспись русских книг... Да мало ли еще какие занятия были в библиотеке, которая к тому времени стала настоящим очагом просвещения. Более тысячи книг ложилось ежедневно на читательские столы...

Крылов чувствовал, что на все это он тратит очень много душевной энергии. Сколько осталось в архивах библиотеки рапортов, докладных записок, реестров, объяснений, циркуляров, библиографических и критических заметок, написанных рукою Ивана Андреевича!

Вдруг он остро почувствовал, что силы его иссякают, дни кончаются, а нужно успеть выпустить еще главную свою книгу.

Первым делом, выйдя в отставку, Крылов решил поменять квартиру. Почти тридцать лет прожил он в здании Публичной библиотеки, на углу Садовой и Невского проспекта. Казенная квартира была большая, на втором этаже, он мог оставаться в ней и дальше, но шум Гостиного двора, доносившийся из окон, стал его раздражать. А ведь раньше — как любил он прислушиваться к разговорам купцов, перебранке приказчиков, как любил подслушать у окон соленую шутку пьяного торгового люда! Нравился ему и доносившийся из окон шум рессор подъезжавших непрерывно колясок...

А то, услышав окрик какой-нибудь барыни, Крылов спускался вниз и шел потолкаться среди покупателей. Часто заходил он в Бабий ряд поговорить с бойкими бабами, что продавали подушки и перины; торговки были остры на язык. Или шел на Банковскую линию побеседовать с хитрыми менялами. Ему нравилась «простота» их разговора.

Теперь, когда жизнь подходила к концу, поэту прежде всего нужна была тишина. Он купил на Первой линии Васильевского острова большой каменный дом купца Блинова, поселил в него свою крестницу Сашу с мужем и детьми, а вскоре переехал и сам, заняв первый этаж. Старый дом ожил. Весной расцвел сад. Зазеленела малина, распустилась черемуха, покрылись листвой большие ветвистые деревья, прилетели птицы... Все это было по душе Ивану Андреевичу: свист соловья, звуки рояля, детский смех. Он почти перестал бывать

«в свете», забросил горячо любимый им когда-то английский клуб, не выезжал даже в театр. Он работал.

Утро Крылов начинал с «главной книги»: приводил в порядок свои басни, написанные за последние тридцать пять лет. Их было немало — 205. Работал поэт не торопясь, систематически. Вставал довольно поздно. Надевал широкий халат, подходил к окну, подбрасывал корм голубям. Они тотчас залетали в комнату, садились ему на руки, ворковали. Но, поговорив немного с птицами, он еще до завтрака брался за перо и подолгу сидел над баснями. Вчитываясь в каждую из них, Крылов вспоминал, сколько души вложил он в эти свои творения.

Да, он всегда считал, что виртуозность, внешний блеск — это еще полдела, в басню нужно вдохнуть жизнь, перелить всего себя. Он знал: неповоротливость языка убийственна. Никогда народ не примет басню, если выражена она коряво, если слова в ней тяжеловесны, если они не «гуляют» вольно и легко...

Составляя последнюю книгу, Крылов почти ничего не правил. Упорной работой (иногда по 15—16 часов в сутки) он добился того, что из басни его, как из песни, нельзя было выкинуть даже слово. Как радовало это поэта — ведь басни он писал для своего народа, воплощал в них народное понимание жизни.

* * *

Андрей Прохорович Крылов был беден. И, умирая, оставил в наследство сыну своему Ивану всего лишь сундук с книгами. Когда мать большим ключом открывала этот старый, обитый железными скобами деревянный сундук, замок его издавал приятные мелодичные звуки. Иван Крылов, услышав эти звуки, летел со всех ног, понимая, что сейчас открывается какой-то особый загадочный мир... Вскоре он прочитал все книги из этого сундука. Но была одна, лежавшая на самом дне, которую Ваня любил перечитывать, — «Эзоповы басни» с «нравоучениями и примечаниями в переводе С. Волчкова». Мальчик всегда с радостью открывал эту небольшую, красивую, в кожаном переплете книгу. Древнегреческий поэт, живший в VI веке до нашей эры, был не только понятен, но и чем-то близок натуре Крылова. Басни были серьезны и смешны, и Иван то задумывался, то хохотал до слез; постепенно он выучил их наизусть, запинаясь только там, где были иностранные слова, но и эту трудность одолел, выучившись латинскому алфавиту у заезжего француза.

А уже позже, в зрелые годы, Крылов читал басни Эзопа в подлиннике, стараясь постичь великий смысл «эзопова языка». В подлиннике читал он и Лафонтена, и Вольтера, и Руссо, и Гомера, и Геродота...

После смерти Крылова-отца вдове с сыновьями жить было трудно, пришлось продавать вещи. Проданы были и все книги из заветного сундука, каким-то чудом остался только томик Эзопа.

И. А. Крылов всю жизнь берег эту книгу, всюду возил с собой, перед самой смертью читал ее.

В юности он пристрастился к Лафонтену; открыл как-то книгу и стал читать басню «Дуб и трость». Читал, читал, а потом взял да и стал переводить. Нравилось Крылову, что французский фабулист так прекрасно знает жизнь! Басня показалась близкой, просто своей. Ведь и Крылов, подобно героине басни — слабой тростиночке, — не раз попадал в житейские бури. Гнули его к земле, ломали, вихрили жестокие ветры, но сломить не могли. А сколько дубов-великанов, точь-в-точь, как в басне, на его, крыловском веку, было сметено с лица земли, следов не осталось. Ведь он пережил четырех царей...

Ему хотелось, чтобы басня не ощущалась как перевод, а была словно бы рожденной на русской почве. Он не столько переводил, сколько пересказывал Лафонтена. Все в басне, думалось Крылову, должно быть понятно простому читателю, любому крестьянину... Это не означает, что все мысли надо разжевывать, что они должны лежать на поверхности. Нет, «истина, — считал Крылов, — сноснее вполоткрыта». Эту «вполоткрытую истину» он выражал таким языком, который был понятен народу.

Крылов вообще довольно рано понял, что только в народе следует искать источник силы литературы. Иван Андреевич возмущался, когда на собраниях в Академии высокие мужи заводили речь об искусстве и литературе для избранных.

Всю жизнь он изучал язык простых людей, любил бродить по базарам да ярмаркам, вслушиваться в речь торгашей, барышников, коробейников, «калик перехожих»... Красивое ядреное словечко, поговорку, присказку, пословицу, прибаутку тут же записывал в свою карманную книжку. Любил Крылов заглядывать в сборники пословиц и поговорок. Они всегда были у него под рукой. Иногда ему так нравилась какая-нибудь пословица, что он начинал читать ее вслух на все лады (а читать он умел отменно!), и слова обретали вдруг свой исконный, изначальный блеск. Особо ценил Иван Андреевич купленный им на базаре сборник, который назывался «Собра-

ние 4291 древних российских пословиц», выпущенный в 1770 году (сборник этот достоин специального разговора). С этой книгой, как и с Эзопом, он не расставался всю свою жизнь.

Мы несколько отклонились от прямого повествования, но речь здесь о том, что басня «Дуб и трость», великолепно переведенная Крыловым, стала путеводной звездой в его литературной судьбе. Известный баснописец того времени Иван Дмитриев, на суд которого Крылов отдал перевод, горячо одобрил басню и даже сам попросил редактора нового журнала «Московский зритель» Петра Шаликова напечатать ее. И она, вместе с двумя другими («Разборчивая невеста», «Старик и трое молодых»), увидела свет в первом номере этого журнала за 1806 год. И, надо сказать, басни были замечены многими любителями поэзии. Это обрадовало Крылова: значит, действительно, он нашел себя. Но баснописца не устраивал журнал П. И. Шаликова, человека трусливого и нравственно нечистоплотного. Иван Андреевич решил создать собственный журнал, в котором ему было бы сподручно печатать свои басни. Он ставит «начальником журнала» князя А. Шаховского, respectableного драматурга, благонамеренного человека. Издание, естественно, надо посвятить вопросам театра. И товарищи нашлись для «компании»: Д. Языков, А. Писарев, Г. Гнедич, А. Оленин. В январе 1808 года вышел первый номер «Драматического вестника», в отделе «Странички юмора» которого были помещены крыловские басни за подписью «К». Они печатались в каждом номере. За год Крылов напечатал 20 басен. Можно было выпускать книгу. В апреле 1809 года она увидела свет.

Это был тоненький сборничек, очень скромно изданный в типографии Губернского правления небольшим тиражом — 1200 экземпляров. В нем было всего 23 басни. Но зато какие!.. Первая книга сразу же сделала Крылова великим баснописцем, а вскоре и академиком (Российская Академия избрала его своим «действительным членом»).

Крылов, трудившийся от зари до зари, десятки раз переделывал, исправлял, редактировал свои басни. Каждая последующая книга свидетельствовала, что автор не заканчивал работу над произведением даже после того, как оно публиковалось. Кстати сказать, первую свою басню «Дуб и трость» Крылов переделывал 16 раз. Существуют десятки редакций его творений — множество черновиков, не говоря уже о «первых накидках басен на лоскутках, с которых переписывал на листочки», как говорил М. Лобанов, первый биограф Крылова.

* * *

...У меня в руках последняя книга Крылова, экземпляр принадлежит Михаилу Ивановичу Чуванову, известному московскому библиофилу. Я заинтересовалась ею еще пятнадцать лет назад, когда приехала на подмосковную станцию Ухтомская, где живет Михаил Иванович, с журналистским заданием — описать его книжные богатства.

Многое в книге показалось мне загадочным: автографы и надписи на ней, год издания и выпуска в свет, траурная рамка на шмуцтитуле, бедность оформления...

На титульном листе написано: «Басни И. А. Крылова. В девяти книгах». Это самое полное из всех ранее выпущенных изданий. А выглядит эта последняя прижизненная книга баснописца далеко не столь объемной для такого, почти полного собрания. Причина в том, что напечатана она на тонкой бумаге и басни идут подряд. Выглядит книга буднично: в ней — ни одной иллюстрации, нет заставок, виньеток, рамок, набрана простым шрифтом.

Конечно, сразу же вспоминаются предыдущие издания Крылова. Они были красочны, нарядны, богаты. Возьмем, например, двухтомное издание 1834 года: какая здесь бумага, шрифт, какие великолепные иллюстрации А. П. Сапожникова! Кажется, рисунки этого художника, так тонко передающие смысл басен, так прекрасно воскрешающие быт и нравы России, нравились Крылову? Почему же он не взял их для последней своей книги?..

Иван Андреевич только на закате жизни волен был сам распоряжаться изданием своих книг, ранее это право принадлежало торговцу-издателю Александру Филипповичу Смирдину. В апреле 1830 года Крылов заключил договор с А. Ф. Смирдиным на издание своих произведений в течение десяти лет. Все восемь его книг должны были выходить систематически, общим тиражом в сорок тысяч экземпляров. Десять лет издатель печатал в сущности одни и те же 186 басен, но варьировал внешний вид книг.

Первое издание басен Смирдин предназначал для широких кругов читателей. Книга была недорогой и вышла в количестве 12 000 экземпляров. Издание печаталось тремя форматами. Затем оно повторялось ежегодно, делаясь все красивее и дороже. Смирдин проявлял изобретательность, чтобы книги Крылова выходили нарядными, в новых оригинальных обложках, на прекрасной бумаге — ведь содержание их было одним и тем же. Все эти тома попадали на полки аристократических библиотек, за них платили золотом, а для

Иллюстрация А. Сапожникова
к басне Крылова «Василек»

«литературного купца» Смирдина это было очень важно. 175 рублей стоило издание 1834 года с раскрашенными от руки гравюрами А. П. Сапожникова. Это были большие деньги!

Последнюю свою книгу Крылов предназначал самому бедному читателю. Иван Андреевич прекрасно знал, что басни его понимают и любят простые люди, ведь народ признал его своим писателем, называл ласково «дедушкой Крыловым». Белинский говорил о баснописце: «Иван Андреевич больше всех наших писателей кандидат на никем еще не занятое на Руси место народного поэта. Он им делается тотчас же, когда русский народ делается гра-

мотным народом». Басни Крылова имели изустную славу, их знали до того, как прочитывали. Поэт считал, что книга, предназначенная для народного читателя, должна быть дешевой.

Иван Андреевич встречался «домами» с генерал-майором Я. И. Ростовцевым — начальником штаба военно-учебных заведений. Это был человек довольно еще молодой (он родился в 1803 году), энергичный, хорошо образованный, да к тому же еще любивший Ивана Андреевича. Как-то раз, беседуя с Крыловым об издании его последней книги, Я. И. Ростовцев предложил напечатать ее в типографии военно-учебных заведений, над которой он был всевластен. Как не обрадоваться было Крылову, ведь он знал, что Яков Иванович Ростовцев в точности выполнит его волю как автора.

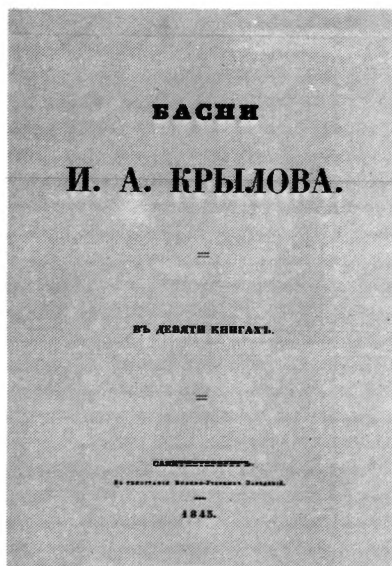
Вероятно, к середине 1843 года авторская работа над последним изданием басен была закончена, что подтверждает цензурное разрешение. На обороте титула читаем: «Печатать позволяется с тем, чтобы по отпечатании представлено было в цензурный Комитет узаконенное число экземпляров. Июня 30 дня, 1843 г. Цензор П. Корсаков». Книга была полностью отпечатана к концу декабря 1843 года. Крылов сам держал все корректуры.

Издание это содержит 197 басен (всего, как известно, Крылов создал 205). Одиннадцать басен написал Крылов с тех пор, как А. Ф. Смирдин начал осуществлять долговременное сорокатысячное издание его сочинений. Они составили девятую книгу собрания.

Для Крылова всегда особенно важно было начало книги, то есть первая басня. Именно она, считал поэт, дает настрой читателю, именно она определяет лицо всей книги. Последнее издание начинается с наиболее известной басни «Ворона и лисица», собственно, как начиналась и его первая книга 1809 года. Иван Андреевич любил эту басню, полагал по строгому счету, что она ему удалась, думал, что она сразу введет читателя в его, крыловский мир. Заканчивается книга его последней басней «Вельможа». Она написана в 1834 году и впервые напечатана в 1836 году в журнале «Сын Отечества». Более уже он басен не писал.

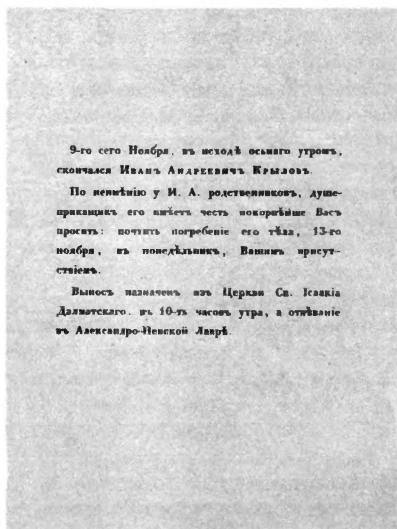
Крылов всегда страшился истощения таланта, ослабления своего острого пера, его просто ужасала возможность самоповторения, а потому он закончил басенное творчество в 1834 году, то есть за десять лет до смерти.

В письме к Варваре Алексеевне Олениной, дочери своего «благодетеля» и начальника А. Н. Оленина, Крылов писал: «Не шутя прочтите мои басни и скажите (если лень не помешает вам ко мне отписать), скажите чистосердечно намного ли я поглупел и как они в сравнении с прежними моими баснями? Ах, как я боюсь, чтоб не стать архиепископом Гренадским, чтоб мне не сказали: „Довольно поучений, монсеньер!..“» Но именно последние басни были настоящей лебединой песнью Крылова, они как бы подводили итог его длительной, мудрой, во многом трагической литературной жизни. В. Г. Белинский, читая басню «Вельможа», признавал:

Титульный лист «Басен» Крылова.
Из собрания И. А. Полонского

Надпись на посмертном издании
басен Крылова

«...талант Крылова еще удивляет своей силой и свежестью: для него нет старости!»

Составляя свою последнюю книгу, Крылов стремился расположить басни так, чтобы читатель почувствовал динамическое нарастание силы авторской мысли, почувствовал новизну и богатство образов.

Расположение басен не всегда соответствует хронологии написания их, зато каждая из девяти книг этого издания отражает Время. Книга за книгой, как глава за главой, воскрешает те или иные исторические лица, события, характеры.

Ответы времени лежат почти на всех баснях Крылова, но вместе с тем они

написаны как бы на все времена. Если каждую из басен прокомментировать, то мы обнаружим прототипы многих знаменитых современников Крылова, включая даже царей, министров, полководцев.

Вообще «зверинец» Крылова в его пору был легко узнаваем, за его «волками», «львами», «лисицами» стояли хищники российского общества. Во времена Крылова басни прочитывались совершенно конкретно, применительно к фактам текущей истории и политической жизни, но позднее они стали шире этих фактов. И потомки Крылова узнают в его баснях уже своих современников.

Предназначая книгу читателям из народа, Крылов и выстроил ее так, чтобы она была доступна любому из них, чтобы им была понятна *правда*, которой он всю жизнь служил. Хотя эту правду он излагал на эзоповом, иносказательном языке, народ понимал баснописца с полуслова.

* * *

Но вернемся к экземпляру Чуванова. Открыв книгу, на шмуцтитуле видим наклеенный листок в траурной рамке, на котором написано:

«9-го сего Ноября, в исходе осьмого утром, скончался *Иван Андреевич Крылов*.

По неимению у И. А. родственников, душеприказчик его имеет честь покорнейше Вас просить: почтить погребение его тела, 13-го ноября, в понедельник, Вашим присутствием.

Вынос назначен из Церкви Св. Исаакия Далматского, в 10-ть часов утра, а отпевание в Александро-Невской Лавре».

Почему же «приглашение на похороны» связано с книгой? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, надо обратиться к последним дням жизни И. А. Крылова.

...Итак, книга басен была отпечатана. Но автор не торопился пускать в продажу готовые экземпляры. Он отдал распоряжение Я. И. Ростовцеву запаковать книги в большие холщовые тюки и положить их на типографский склад. Тот лишь пожимал плечами, считая, что Крылов на старости лет стал «чудить». Но даже «чуждачества» своего друга он уважал и добросовестно выполнил волю автора. Готовые книги лежали на складе. А время само торопило развязку...

Крылов сильно обрюзг и отяжелел, двигался уже с трудом, еле поднимал отекавшие ноги. Но иногда все же выезжал — то на двадцатилетний юбилей Петербургского университета, почетным членом которого он состоял, то на концерт Полины Виардо... Эмоциональность натуры требовала живых впечатлений даже в семьдесят пять лет!

4 ноября 1844 года он был еще здоров, но болезнь пришла внезапно. Вечером он попросил домашних сделать ему протертых рябчиков, обильно полил их маслом и с аппетитом поужинал (известно его пристрастие к вкусной пище). Ночью Иван Андреевич почувствовал острую желудочную боль, болезнь прогрессировала с каждым часом, а врачи разводили руками... Так начался его конец, но смерть не пугала Крылова. Он продолжал шутить с домашними, рассказывать притчи, принимать друзей, беседовать с Я. И. Ростовцевым.

На третий день болезни он решил сделать завещание. Писать он уже не мог и диктовал свою волю. У постели больного находились священник Тимофей Никольский, доктор медицины Фердинанд Галлер, генерал-майор Яков Ростовцев, муж его крестницы Калистрат Савельев.

Все свое имущество, движимое и недвижимое, все свои сочинения с правом издавать их в течение 25 лет «статский советник и кавалер Иван Андреев сын Крылов» завещал Калистрату Савельевичу Савельеву, «аудитору Штаба военно-учебных заведений», начальником которого был Я. И. Ростовцев.

Поздней ночью, за несколько часов до смерти, Крылов попытался развеселить всех сидевших у его постели басней о самом себе. Сравнивал он себя с мужичком, который навалил на воз 400 пудов сушеной рыбы, не рассчитывая, конечно, этим обременить свою худую лошаденку. Он оправдывался тем, что, де, рыбка-то сушеная, а лошадь этого не поняла, да сдуру и окачурилась. «Рябчики-то были протертые,—говорил Крылов,—но лишек-то всегда не в пользу...»

Силы таяли, но Иван Андреевич не терял сознания до последнего вздоха. Он попрощался с близкими, отдал все распоряжения и попросил, чтобы выполнили его *последнюю* волю—порадовали друзей приглашением на похороны книгой его басен.

Это Крылов поручил сделать своему душеприказчику и издателю Якову Ивановичу Ростовцеву. Изнемогая от боли, он, тем не менее, давал указания Ростовцеву о раздаче лежавших на складе книг его басен, о типографской подготовке их для печального дарения.

В ту ночь Ростовцев не сомкнул глаз. Придя в типографию, он упросил наборщиков, чтобы они ручным способом оттиснули на первом чистом листе каждого экземпляра принесенных тут же со склада книг следующие слова:

«9-го ноября, 4 1/2 часов утра. По желанию Ивана Андреевича Крылова присланное душеприказчиком его Яковом Ивановичем Ростовцевым».

С таким объявлением небольшая часть траурных книг была в ту ночь разослана некоторым близким друзьям Крылова. А тем временем, сделав все необходимые распоряжения в типографии, Яков Иванович побегал снова в холодную и темную ноябрьскую ночь к постели Крылова. Около восьми часов утра 9 ноября 1844 года Ивана Андреевича не стало.

Я. И. Ростовцев, навсегда попрощавшись с Крыловым, тут же снова поспешил в типографию, чтобы наборщики сумели сделать новую обложку и новый титул для книги, сумели быстро тиснуть и новую дарственную надпись:

«Приношение на память об Иване Андреевиче, по его желанию. Санкт-Петербург, 1844. 9 ноября 3/4 8-го утром».

Так надпись на книге удостоверяла точный час смерти поэта.

...Свыше тысячи петербуржцев получили 9 ноября 1844 года пакеты, в которых лежал экземпляр басен Крылова с дарственной надписью. Конечно, это был печальный, но незабываемый подарок от покойного.

Надо сказать, что для некоторых экземпляров была сделана специальная траурная обложка из белого картона с

черным ободочком. «Приношение...» было напечатано на этой новой обложке. В небольшой части экземпляров наборщики сумели сделать даже новый титульный лист, на котором стоял год издания не 1843, а 1844. А в некоторых было даже два титула. Такой экземпляр в прекрасной сохранности я видела у журналиста И. А. Полонского.

Бытует несколько книг Крылова с такой надписью на заглавном листе, очерченном траурною каймою: «1844. Через три часа с четвертью, после изъявления желания, чтобы всем знакомым было послано по экземпляру басен, И. Крылов скончался»...

Все эти надписи на баснях Крылова, сделанные Ростовцевым в ту далекую, в ту великую ночь, рассказывают о таком жизненном событии, которое оставляет глубокие, неизгладимые следы в душе каждого, кто наделен хоть толикой воображения. Эти беглые типографские следы, еще не очень продуманные Ростовцевым, растерянным и взволнованным в ту тревожную ночь, сегодня принадлежат уже истории. В них надо долго вчитываться, за ними надо увидеть жизнь, какие-то реалии быта, весь исторический фон, чтобы суметь их вполне оценить. Благодаря этим надписям, мы как бы проникаем в душу Крылова, в его духовную субстанцию, которая была скрыта от многих его современников. Надписи эти правдиво рассказывают о нем, как о человеке добром и близком народу, разгадывают одну из загадок его во многом таинственной жизни.

* * *

Уже современники Крылова понимали значение этой книги, понимали ее уникальность. Ведь она была своего рода посланием уходящего всем живущим. И многим тогда хотелось получить эту уникальную эпистолу, выраженную «полным собранием басен»... А что это именно так, свидетельствует владельческая надпись на экземпляре басен Чуванова.

Эту надпись, сделанную чернилами, уже выцветавшими, и помеченную 1898 годом, оставил прежний, до Чуванова, владелец книги. Он известен: это Федор Романович Остен-Сакен. На экземпляре басен есть его книжный знак. Он пытливно исследовал свою книгу, выяснял, кому она могла принадлежать ранее, изучал судьбу ее.

Ученый, государственный деятель, публицист, литератор, Федор Романович Остен-Сакен родился в 1832 году в старинной дворянской семье. Многие Остен-Сакены были знаменитыми военными деятелями, прославившимися в битве под Аустерлицем, в войне 1812 года. Это были великосветские

Плетнев писал Гроту 18 ноября 1844 г.
 "Энгельгардт подарил мне и тебе по экз.
 "плету биографии Вольховского, писанной Малиновским, а себе выпросил гербарий у
 Ростовцева экзemplар приглашения по похоронам
 Крылова и Китай сего басен / Перешла
 Я. К. Гроту и Н. А. Малиновскому II, № 360.

Надпись Ф. Р. Остен-Сакена на шмуцтитуле издания басен Крылова 1843 г.
 Из собрания М. И. Чуванова

генералы, любившие литературу и искусство, знакомые и с Пушкиным, и с Крыловым. Ф. Р. Остен-Сакен в 1870—1897 годы состоял директором Департамента внутренних сношений Министерства иностранных дел. Он окончил курс по юридическому факультету Санкт-Петербургского университета, но интересы его были связаны с географией и природой Дальнего Востока. Он написал большой и интересный труд об озере Иссык-Куль и древних постройках, обнаруженных на его дне. Ф. Р. Остен-Сакен очень любил путешествовать, но не бездумно, ради удовольствий, а изучая природу, описывая увиденное. Он неоднократно публиковал свои труды о природе и быте Китая, горах Тянь-Шаня, об искусстве и истории Цейлона, о своеобразии берегов Японского моря, о Монголии. Он собрал удивительный гербарий, переданный им в Академию наук. Департамент, в котором он работал, выпустил десятки его трудов, связанных с Сибирью, Средней Азией. Это был человек образованный, пытливого ума, книжник, библиофил, его обширная библиотека славилась в конце XIX века, в нее входили книги и его отца и деда.

На экземпляре басен Крылова из его собрания — следы настоящей исследовательской работы в виде, например, следующей надписи на шмуцтитуле: «Плетнев писал Гроту 18 ноября 1844 г.: „Энгельгардт подарил мне и тебе по экземпляру биографии Вольховского, писанной Малиновским, а себе

выпросил через меня у Ростовцева экземпляр приглашения на похороны Крылова с книгою его басен“ (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, II, стр. 360)».

Вот что стоит за этой надписью. В 1896 году в Петербурге вышло интереснейшее трехтомное издание: «Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым», которое, вероятно, барон Остен-Сакен в то время внимательно читал. Дойдя до второго тома «Переписки», владелец басен Крылова обнаружил письмо, проливающее свет на историю книги. И выписал строки из этого письма на чистую страницу шмуцтитула. Сначала запись была сделана карандашом, а затем обведена им чернилами. Ниже строк из письма Плетнева уже другими чернилами Остен-Сакен сделал такую помету: «Вот, следовательно, происхождение настоящего экземпляра! Но сколько мне известно, дедушка Е. А. Энгельгардт был знаком с Крыловым. 20 марта 1898».

Давайте вчитаемся в письмо, приведенное Ф. Р. Остен-Сакеном. Но вначале надо сказать об его адресатах. Петр Александрович Плетнев (1792—1865) был поэтом, но остался в памяти современников ректором Петербургского университета. Он был крупным ученым-филологом, академиком, прославившимся своими лекциями по древней русской литературе, на которых присутствовал и Пушкин, очень его любивший. Достаточно сказать, что свой роман в стихах «Евгений Онегин» Пушкин посвятил Плетневу. Поэт так отвечает на письмо Плетнева по поводу окончания «Евгения Онегина»: «Ты мне советуешь, Плетнев любезный, оставленный роман наш продолжать...» Пушкин в письмах всегда обращался к нему: «Брат Плетнев!» И действительно, он помогал поэту, как брат. Первый посмертный том пушкинского «Современника» вышел под редакцией Вяземского, Жуковского, Одоевского, Краевского и Плетнева. А с 1838 года П. А. Плетнев — единоличным издателем и редактором «Современника».

Яков Карлович Грот (1812—1893) — крупнейший историк литературы, профессор русской словесности, много лет работавший в Петербургском университете под началом Плетнева. Воспитанник Лицея, более позднего выпуска, чем Пушкин, он обожал великого поэта и оставил о нем свои «Записки». В них содержатся живые воспоминания о том, как воспринимали лицеисты стихотворение «19 октября», посвященное четырнадцатой годовщине этого учебного заведения.

19 октября 1825 года первые выпускники Лицея праздновали в Петербурге, но уже на следующий день, 20 октября, профессор истории Капанский прочитал стихотворение Пушкина об этой годовщине своим новым воспитанникам, среди

которых был и Яков Грот. Впечатления эти и вдохновили Грота выпустить двумя изданиями книгу «Пушкин, его лицейские товарищи и наставники» (1887, 1889). Увидела свет и его большая переписка с Плетневым, великолепно характеризующая литературную жизнь первой половины XIX века. Впоследствии Я. К. Грот, ставший вице-президентом Российской Академии наук, написал и издал три книги о великом баснописце: «Литературная жизнь Крылова», «Сатира Крылова и его „Почта духов“», «Заметки о баснях Крылова». Последняя книга, оконченная в 1869 году, была высоко оценена его современниками.

П. А. Плетнев, который был большим другом И. А. Крылова, оставил о нем интересный очерк, значительно проливающий свет на биографию баснописца. Он живо и сердечно рисует жизнь Ивана Андреевича, рассказывает о «находчивости его ума», его остроумии, его разнообразнейших интересах, любви к искусству, музыке, истории, литературе, математике... В истории литературы считается, что это первый удачный опыт в биографическом жанре. Усилиями П. А. Плетнева (он был редактором) вышло полное собрание сочинений И. А. Крылова (Спб., 1847, т. 1—3), открывающееся биографией, написанной также Плетневым.

Естественно, что он одним из первых получил от Я. И. Ростовцева извещение о похоронах Крылова и экземпляр нового издания его басен в траурной обертке.

Плетнев был одним из немногих, кто непосредственно нес гроб в Адмиралтейскую церковь св. Исаакия Далматского. Он же был и среди тех, кто свидетельствовал, что не важные сановники, знаменитые генералы, высокие царские чиновники, а «народ, столпившийся при погребальном шествии, занял весь Невский проспект», хотя газета «Северная пчела», захлебываясь от восторга, сообщала: «К выносу тела в десять часов утра собрались в Адмиралтейскую церковь св. Исаакия Далматского государственные сановники, ученые, литераторы, дамы, сколько могли вместиться в церкви...» Царское правительство решило и после смерти Крылова всеми способами отгородить баснописца от его народа: были назначены торжественные похороны с роскошным церемониалом погребения. Об этом позаботился самолично Николай I. На похороны были отпущены большие средства из царской казны. Живой Крылов всегда как-то ускользал от милости царя. Мертвый же целиком был теперь в его власти.

«Царские милости» несколько затруднили погребение поэта: в канун похорон, назначенных на 13 ноября, вспомнили, что у Крылова не было дворянского герба. А при таком

высоком церемониале полагалось, чтобы на покрывалах и траурной ленте обязательно стоял фамильный знак. Но откуда он у сына солдата, каковым был Иван Крылов? Думали-гадали... Наконец вспомнили, что среди книг Ивана Андреевича лежал уже изрядно запыленный большой лавровый венок. Тогда и решили дворянский герб заменить знаком венка, а сам венок надеть на седую голову покойного.

Что это был за венок? Ответ связан с именем Е. А. Энгельгардта, о котором говорится в письме Плетнева к Гроту.

...На одном из музыкальных вечеров у В. Ф. Одоевского в январе 1838 года возникла мысль устроить пышное празднование пятидесятилетия литературной деятельности И. А. Крылова. И царь, и правительство одобрили это пожелание русской общественности. Таким образом, юбилей Крылова стал первым литературным юбилеем в истории русской культуры.

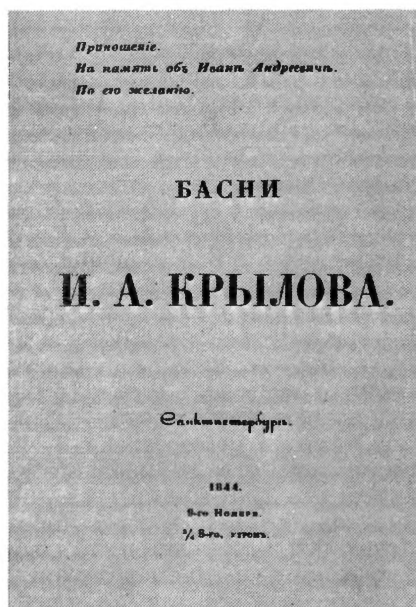
...2 февраля 1838 года, в день рождения поэта, в самом центре Петербурга, в доме Энгельгардта было зажжено 1000 свечей, во всю длину огромного зала стояли праздничные столы, сверкавшие серебром, хрусталем, граненым стеклом. Из царскосельских оранжерей привезли десятки корзин цветов, фруктов, зелени. Именно на этом юбилее объявили Крылова «народным поэтом». Звенела музыка, исполнялись гимны и кантаты, стены дрожали от аплодисментов. Крылов плакал, когда друзья увенчали его голову лавровым венком... Вот этот-то венок и пылился шесть лет среди книг, пока о нем не вспомнили в день похорон.

Юбилей происходил в доме Энгельгардта. Кто же он, хозяин дома?

Егор Антонович Энгельгардт (1775—1862) — писатель, педагог, директор царскосельского Лицея тех времен, когда «в таинственных долинах весной при кликах лебединых, близ вод, сиявших в тишине, являться муза стала» Пушкину. Это были годы с 1816 по 1823. Все лицеисты, в том числе и Пушкин, очень любили своего директора. Он говорил им: «Все воспитанники равны, как дети одного отца и семейства». Он запрещал лицеистам кричать на служителей, бранить и оскорблять любого зрителя или дядьку, даже если он был из крепостных. Это в то время было очень необычным. Энгельгардт принимал лицеистов у себя дома, устраивал им чай и совместные вечерние чтения, совершал с ними дальние прогулки, катался на тройках, бегал на коньках...

11 июня 1817 года Е. А. Энгельгардт надел чугунные кольца на указательные пальцы 28 лицеистов первого выпуска. А впоследствии ласково называл их «своими чугуниками», всю жизнь заботясь о них, выручая порой из беды. Со

Траурная обложка книги
И. А. Крылова
Спб., 1844. Из собрания
И. А. Полонского

многими из них, в том числе и с декабристами, он переписывался, давал им советы, согревал душевным теплом и Кюхельбекера, и Пущина, и Вольховского.

Ф. Р. Остен-Сакен был знаком с Е. А. Энгельгардтом. Так же, как и отец Ф. Р. Остен-Сакена, Е. А. Энгельгардт был уроженцем Риги. Переехав в Петербург, он служил в царских войсках, общаясь с родственниками Остен-Сакенов, затем поступил в Коллегию иностранных дел, от которой много путешествовал. Так же, как Ф. Р. Остен-Сакена, Е. А. Энгельгардта интересовала география Востока и Средней Азии. Он издал со своими комментариями рукопись дневника знаменитого ученого Врангеля, много путешествовавшего по Сибири.

Не «заразил» ли Энгельгардт Ф. Р. Остен-Сакена

любовью к географии? Может быть, от его наследников он и получил экземпляр басен Крылова? Ведь разгадка происхождения «настоящего экземпляра» связана с именем Е. А. Энгельгардта. Именно к нему, Энгельгардту, ведут Остен-Сакена незримые нити поисков прежнего владельца книги. Когда он прочитал в «Переписке», что Энгельгардт выпросил себе через посредство Плетнева у Ростовцева экземпляр «Приглашения на похороны Крылова с книгою басен», то это заставило его глубоко задуматься. Он даже выписал строки из этого письма на своем бесценном экземпляре басен (я уже говорила, что сделано это было им сначала карандашом, а потом им же обведено чернилами.)

Ниже этой записи уже совсем другими чернилами, которые почти выцвели сейчас, сделана приписка: «Вот, следовательно, происхождение настоящего экземпляра!» То есть решение о происхождении своего экземпляра было принято Ос-

тен-Сакеном значительно позже того, как он узнал историю «траурного экземпляра» из письма.

Вслед за Остен-Сакеном и мы скажем: вот, следовательно, происхождение настоящего экземпляра! Он не похож на те, что есть в библиотеках Смирнова-Сокольского, Лидина, Беркова, Полонского. Я. И. Ростовцев посылал всем друзьям и знакомым Крылова (а их было более тысячи) специально подготовленный им «траурный экземпляр» басен. Но таких экземпляров было сделано определенное количество. И, конечно, Ростовцев не мог удовлетворить всех жаждущих получить это своеобразное «извещение о смерти». Кого-то забыл — ведь И. А. Крылов не оставил списка фамилий тех, кому надо преподнести такое «извещение». Так, нам стало известно, что Энгельгардт «выпросил» через Плетнева у Ростовцева «экземпляр приглашения на похороны Крылова с книгою басен». Значит, П. А. Плетнев вручил Е. А. Энгельгардту обычный экземпляр басен, взятый Ростовцевым на складе типографии.

Крылов вообще хотел раздать желающим весь тираж своей книги, раздать бесплатно. А тираж по тем временам немалый — 12 000 экземпляров. Но Ростовцев этого не сделал: надо было покрыть расходы по типографии.

Энгельгардт, получив книгу, вклеил в нее «Приглашение на похороны», которое и сегодня мы можем увидеть и прочесть.

После всех наших рассуждений об истории экземпляра басен Крылова из собрания М. И. Чуванова, сегодняшнего владельца книги, мы можем сказать, что первым владельцем его был Е. А. Энгельгардт, славный «лицейский дедушка», любивший и принимавший у себя «дедушку Крылова».

* * *

Последняя книга Крылова, да еще с «надписями» на ней, сделанными по просьбе умирающего баснописца, — поистине удивительный памятник! Трудно определить, к какому жанру и виду относятся эти «траурные надписи» на книге Крылова. Только ли это простые надписи на книге? Нет, конечно. Это — эпитафия своему народу, выраженная «полным собранием басен». Это — картина последней великой ночи Крылова. Это — своеобразное завещание баснописца потомству. Это — реквием, созданный автором самому себе, первый и главный проект памятника. По всей вероятности, книга была Крыловым задумана именно в *таком* ее виде, задолго до смерти баснописца. Собственно, он шел к ней всю жизнь. Вот почему мы можем сказать, что это главная его книга.

А. Ларин

ГИТАРА В РОССИИ

(Обзор литературы)

«Что за звуки! Неподвижен внемлю
Сладким звукам я...»

М. Лермонтов

Кто не слышал гитару! Ее нежные, чарующие звуки пленяли сердца многих любителей музыки, многих композиторов, поэтов, художников... А кто учтет сотни тысяч простых любителей-гитаристов, отдающих свой досуг этому приятному, портативному, недорогому инструменту!

Литература семиструнной гитары, на которой играли и играют только в России, сравнительно небогата, и поэтому наш обзор окажется довольно скромным. В основном же он будет касаться исторических материалов (книг, брошюр, журналов, очерков, статей, биографий) и частично оригинальной музыкальной литературы (школ, самоучителей, аранжировок), относящихся к XIX и началу XX века. Перечень же изданий, вышедших в более поздние годы, будет ограничен рассмотрением только нескольких весьма обстоятельных работ.

Для начала хотелось бы упомянуть о двух школах для гитары, представляющих большую библиографическую редкость. Это школа Игнатия де-Гельда, чеха по национальности, и школа Д. Кушенова-Дмитриевского. Первая свидетельствует о времени появления семиструнной гитары в России, вторая же, вышедшая вскоре, указывает на отечественное происхождение приема «*barre*».

Школа Игнатия де-Гельда, именуемая: «Усовершенствованная гитарная школа для шести струн, или Руководство играть самоучкою на гитаре», — одно из первых изданий. По свидетельству А. С. Фаминцына («Домра и сродные ей инструменты русского народа». Спб., 1891), она вышла на русском и немецком языках в начале XIX столетия без обозначения года; успеха не имела. По этому же поводу П. Столпянский в книге «Старый Петербург. Музыка и музицирование в старом Петербурге» (Л., 1926) замечает: «Выпустив в свет свой самоучитель, И. фон Гельд сразу заметил, что он допустил большую ошибку: шестиструнная гитара почти вышла из

употребления, все хотели обучаться на семиструнной гитаре». Тогда И. де-Гельд выпускает новую, исправленную школу под названием «Усовершенствованная школа для семиструнной гитары, пополненная новыми всех тонов арпеджиями, прелюдиями и разными музыкальными пьесами, или Легчайший и удобный способ выучиться играть на сем инструменте без помощи наставника ее императорскому величеству всеавгустейшей государыне императрице Елисавете Алексеевне с благоговением повергает верноподданнейший Игнатий де-Гельд». Эта школа вышла в 1802 году и пользовалась большим успехом. О ней, как о ненайденной в библиотеках России, упоминает В. А. Русанов в своих очерках «Гитара и гитаристы» (М., 1899).

Наряду с И. де-Гельдом (который издавал также и фортепьянные ноты) стали проявлять себя и наши отечественные гитаристы, которые не оставили без внимания упомянутую выше школу. Так, известным гитаристом того времени Семеном Николаевичем Аксеновым (1784—1853) в 1819 году была выпущена «Школа для семиструнной гитары Игнатия фон-Гельда, рассмотренная, исправленная и дополненная С. Аксеновым с присовокуплением изъяснения способа игры во всех тонах октавными флажолетами, изобретенного г. Аксеновым».

Издатель «Отечественных записок» П. П. Свиньин поместил на страницах своего журнала пространную статью, посвященную изобретению С. Н. Аксенова, в которой писал: «До сего времени известны были три лада — 4, 5, 7, издающие флажолетные звуки¹, г. Аксенов распространил их на все полутоны, привел в систему и приспособил так, что всякий играющий на гитаре легко может постичь сие открытие, коль скоро со вниманием изучит описание оногo, помещенное в новой гитарной школе...» (Отечественные записки, 1821, № 1, с. 217).

Поскольку спрос на учебные пособия по гитаре все возрастал, стали появляться новые авторы, которые тоже начали издавать школы для обучения игре на гитаре, предлагая свои методы и способы овладения этим инструментом. К таковым можно, например, причислить Д. Кушенова-Дмитриевского, впервые издавшего в 1814 году свою школу-самоучитель игры на семиструнной гитаре. Им было выпущено несколько книг по музыке, переведена с итальянского языка на русский и издана «Музыкальная грамматика» Б. Азиоли², им же издано «Междуделье» — собрание пьес для семиструнной гитары.

Школа Кушенова-Дмитриевского имела значительно больший успех, нежели школа де-Гельда. В 1817 году она вышла уже третьим изданием. Как мы уже упоминали, в этой школе

говорится о российском приоритете в изобретении приема «барре». При объяснении игры левой рукой, в частности, сказано: «В последнем случае кладется большой палец под ручку гитары и служит подпорою пальцу, который, лежа поперек на всех семи струнах, составляет называемую так надставку». Вот эта-то надставка и есть столь распространенный в игре на шестиструнной гитаре прием «барре».

Таким образом, рассмотренные выше школы свидетельствуют о том, что вводились исполнительские приемы, которые являются чисто русскими новациями.

С начала XIX века число последователей игры на семиструнной гитаре множилось, популярность ее росла. В эти годы помимо большого числа любителей-дилетантов блистала целая плеяда выдающихся исполнителей на этом замечательном инструменте и педагогов. Это, прежде всего, А. О. Сихра, М. Т. Высотский, В. И. Морков, Н. И. Александров, А. А. Ветров, В. С. Саренко, Ф. М. Циммерман и многие, многие другие.

Один из культурнейших и образованнейших гитаристов середины XIX столетия М. А. Стахович (1824—1858), близко стоявший к журналу «Москвитянин», опубликовал в 1851—1854 годах «Собрание русских народных песен» с аккомпанементом фортепьяно или семиструнной гитары³. «Собрание...» содержало около сорока не публиковавшихся до того в печати песен, выпущенных в 4-х тетрадах. Их интерпретации были очень близки характеру народного исполнения, правда, их гитарный аккомпанемент был небогат. Аполлон Григорьев в своей статье «Русские народные песни» (Москвитянин, 1854, № 16) высказывается критически по этому поводу. Он, в частности, пишет: «Гармоническая часть в труде г. Стаховича вообще очень слаба... но нам удивительно преимущественно то, что гитарный аккомпанемент крайне сух и беден у г. Стаховича, который сам принадлежит к числу известных гитаристов — учеников покойного Высотского»⁴. Несмотря на критику, эти песни были включены в некоторые последующие сборники, например, Вильбоа (1860), Н. А. Римского-Корсакова (1877), а также использованы М. А. Балакиревым («Увертюра на три русские песни») и Н. А. Римским-Корсаковым («Снегурочка», «Сказка о царе Салтане»). Ценность записанных М. А. Стаховичем песен подтверждает и А. Н. Серов.

Будучи учеником талантливейшего гитариста, композитора и импровизатора Михаила Тимофеевича Высотского, являясь свидетелем и представителем золотого периода гитары, встречаясь со всеми известными гитаристами, слушая их игру,

М. А. Стахович решил на основе личных наблюдений написать статью в виде письма своему другу, тоже ученику М. Т. Высотского, автору известной «Цыганской венгерки» Аполлону Григорьеву. Статья эта (Москвитянин, 1854, № 4) вызвала большой интерес любителей гитары и была повторно напечатана уже в журнале «Якорь» (1864, № 14). Затем книгоиздатель Ф. Стелловский выпустил ее отдельной брошюрой под названием «История семиструнной гитары» (СПб., 1864).

Известный историограф гитары В. А. Русанов так характеризует книгу М. А. Стаховича в своих «Автобиографических воспоминаниях» (в кн.: Заяицкий С. С. Интернациональный Союз гитаристов. М., 1902): «Эта маленькая, серенькая книжка, отпечатанная чуть ли не на оберточной бумаге, окончательно уничтожила мои сомнения и колебания в музыкальности гитары. Прочтя ее, я узнал, что гитара — чудный инструмент в руках серьезного музыканта, что у нее есть свои корифеи вроде Сихры, Аксенова, Высотского и Циммермана. Но главная заслуга этой книжки состояла в том, что я понял и узнал, что семиструнная гитара — исключительно русский инструмент, что в симпатичном ее направлении (записывание и разработка русских песен) есть великие произведения и что вообще ее литература очень богата и музыкальна».

Период расцвета гитары в России продолжался примерно до первой половины XIX столетия. К середине 40-х годов, несмотря на активную деятельность отдельных энтузиастов гитары, интерес к ней стал заметно ослабевать.

К числу энтузиастов, которые задались целью возродить былую славу гитары, принадлежит наш соотечественник Николай Петрович Макаров (1810—1890), поборник шестиструнной гитары, лексикограф, составитель фундаментальных словарей (русско-французского, франко-русского и немецко-русского), автор оригинальнейших книг, главным образом, автобиографического характера, таких как «Две сестрички» (СПб., 1861), «Банк тщеславия» (СПб., 1861), «Победа над самодурами и страдальческий крест» (СПб., 1861). Свои произведения Н. П. Макаров издавал под псевдонимом Гермоген Трехзвездочкин. Это был исключительно энергичный и упорный в достижении своей цели человек.

По свидетельству Н. А. Энгельгардта, внука Н. П. Макарова, опубликовавшего свои воспоминания «Последняя гитара» с использованием печатных трудов своего деда (Исторический вестник, 1910, июнь), «Николай Петрович Макаров начал свой подвиг осенью 1838 года, и начал не с легкого, а с трудного: засел сперва за известный квинтет Джульяни, потом за его Третий большой концерт. Обе пьесы с аккомпанементом

фортепьяно. Аккомпанировала ему жена, ученица Герке. А с тем вместе составил себе программу всевозможных трудностей гитарного механизма и гамм и трелей четырьмя пальцами на двух струнах. Принялся он за побеждение этих трудностей, не побеждаемых никем; принялся рационально, с метрономом, причем упражнялся он от 10 до 12 часов ежедневно, не исключая праздников, иногда по 14 и редко менее 10 часов».

Основные правила техники игры на гитаре, разработанные Н. П. Макаровым, были опубликованы им в 1874 году. Они вышли отдельной брошюрой, изданной в Петербурге, под названием «Несколько правил высшей гитарной игры». По мнению автора, эти правила должны были помочь гитаристам в преодолении технических трудностей.

Интересно вспомнить о международном конкурсе на лучшую гитарную пьесу и лучший инструмент, организованном Н. П. Макаровым в Брюсселе в 1856 году. В интересах этого конкурса он проделал большую организационную работу: сам ездил за границу, выступал с концертами, составил жюри из видных бельгийских музыкантов под своим председательством, ассигновал на конкурс личные средства. О результатах петербургский «Музыкальный и театральный вестник» (1866, № 52) писал: «Окончательное заседание конкурса, назначенного известным любителем-артистом г. Макаровым, было 28-го ноября. Конкурентов было 37. Представленных на конкурс сочинений для гитары—64. Инструментов—7. Первою премию в 800 франков увенчано Концертино, соч. И.-К. Мертца, незадолго перед тем умершего в Вене*. Вторую премию в 500 франков—Большая серенада, соч. профессора гитары в Париже Н. Коста. Из 7 присланных на конкурс инструментов первую премию в 800 франков увенчана гитара венского мастера Шерцера, вторую премию в 500 франков—гитара петербургского мастера Архузена**.

Один из увенчанных конкурентов, как выше сказано, г. Кост, присутствовал лично на конкурсе, играл некоторые из представленных на суд сочинений и, между прочим, свою серенаду, получившую вторую премию. Г-н Макаров также выполнил несколько пьес Мертца. Эта проверка оправдала безукоризненный приговор суда присяжных». Современник

---

* Премия эта была представлена Макаровым вдове покойного. (Прим. автора заметки.)

** Сведения эти сообщены нам известным любителем-гитаристом В. И. Морковым, который просил нас упомянуть здесь, что Шерцер и Архузен почитаются наилучшими гитарными мастерами в Европе. (Прим. автора заметки.)

Н. П. Макарова, описывая чрезвычайно сложные жизненные перипетии этого человека, который остался на старости лет без состояния и без средств существования, говорит о его «фанатической честности, несокрушимой воле и настойчивости»⁵.

На рубеже XX века вышла в свет книга одного из ведущих отечественных ученых-инструментоведов А. С. Фаминцына «Домра и сродные ей инструменты русского народа (балалайка — кобза — бандура — торбан — гитара)» (Спб., 1891), представляющая собой достаточно солидное исследование по истории струнных народных музыкальных инструментов. Книга снабжена довольно интересной библиографией и музыкальным приложением. Глава 6-я книги посвящена гитаре. В ней с научной обоснованностью, исторически объективно фиксируются имена, события, факты, касающиеся этого инструмента. Глава содержит два раздела: «Гитара в Западной Европе» и «Гитара в России».

В первом разделе довольно подробно рассказывается о происхождении гитары. Приводятся иллюстрации старинных гитарообразных инструментов, анализируются источники происхождения слова «гитара», шаг за шагом прослеживается эволюция ее музыкального строя, упоминаются имена известных в то время гитаристов и рассказывается о том, как инструмент стал шестиструнным. Довольно интересные сведения даны о первом в России руководстве по игре на шестиструнной гитаре — школе Игнатия де-Гельда.

Второй раздел книги в основном связан с историей русской семиструнной гитары⁶. В нем высказывается предположение о появлении гитары в нашем отечестве (на основе сведений, приводимых в книге Я. Штелина «*Nachr. von der Musik in Russland*», 1769⁷). А. Фаминцын считает, что гитара в России появилась в середине XVIII в., так как ее изображение встречается на лубочных картинках того столетия. Одна из таких картинок была приобретена Я. Штелиным в 1766 году. На ней представлены пирующие и между ними — игрок на четырехструнной гитаре.

В заключении автор упоминает о прославившемся на всю Россию отечественном гитарном мастере Иване Яковлевиче Краснощекове.

Оценивая в целом книгу А. С. Фаминцына, нельзя не признать, что она — первый опыт научно обоснованной трактовки исторического развития гитары вообще, и в России в частности.

Последующим историографом гитары, внесшим в дело популяризации этого инструмента очень большой вклад, был Валериан Алексеевич Русанов (1866—1918). Будучи сам

незаурядным гитаристом, учеником известного музыканта А. П. Соловьева (1856—1911), он заметно проявил себя и как композитор. Им сочинено и опубликовано немало оригинальных композиций, главным образом малых форм: прелюдии, фантазии на темы русских народных песен, этюды для одной, двух и трех гитар. Известны его сочинения и в форме программной музыки (например, «Polise Verse»). В. А. Русановым написана первая часть школы для семиструнной гитары, изданная А. М. Афромеевым (Тюмень, 1906). Здесь, кстати, заметим, что сибирский гитарист-педагог А. М. Афромеев (1868—1920) является также и первым издателем «Заочных уроков на гитаре», по которым училась вся периферийная Россия. Высказываются предположения о том, что Владимир Ильич Ленин, будучи в сибирской ссылке (в 1897—1900 годах), выписывал заочные уроки Афромеева и учился по ним играть, находя в музыке отдых после напряженной работы.

В. А. Русанов старался объединить народные инструменты в одну семью, организовав с этой целью оркестр при московском Обществе любителей игры на народных инструментах, долгое время занимая пост его руководителя. Первоначально состав оркестра был «неаполитанским» с основным мелодическим инструментом — мандолиной; гитары играли аккомпанирующую роль. Затем в оркестре появились и другие народные инструменты. Для такого состава В. А. Русанов написал более трехсот партитур.

Он пробовал себя и в литературной деятельности, сочиняя рассказы, стихи и даже пьесы. Но особенной его любовью и пристрастием были очерки по истории гитары. Свои сочинения В. А. Русанов печатал в выпускаемом им журнале «Гитарист» (1904—1905). Будучи материально малообеспеченным, ему удалось привлечь к издательскому делу богатого мецената Струве, который пожертвовал на это 2000 рублей. Журнал выходил по подписке, гонораров не выплачивал, и, может быть, поэтому существование его ограничилось только двумя годами. В дальнейшем журнал «Гитарист» был В. А. Русановым передан А. М. Афромееву, который издавал его по 1906 год включительно, а затем переименовал в журнал «Музыка гитариста» (1907—1910). В последующем А. М. Афромеев несколько расширил направленность издания и стал включать в него материалы и о других народных инструментах. Поэтому с 1911 года журнал «Музыка гитариста» стал выходить под новым названием — «Аккорд».

Первое время В. А. Русанов сам редактировал «Музыку гитариста», затем заведовал литературным отделом, а с 1908 года стал просто сотрудником, корреспондентом.

Журнал «Аккорд» просуществовал до 1914 года. Выходил он ежемесячно с музыкальными приложениями, которые, к сожалению, заметно отличались от приложений «Гитариста»: последний, как правило, помещал оригинальные, интересные и библиографически редкие музыкальные сочинения, включая неизвестные рукописи М. Высотского, А. Сихры, Л. Сихры, Н. Александрова. Эти материалы представлялись в редакцию известными гитаристами А. П. Соловьевым, Н. А. Черниковым, С. Н. Галиным и многими почитателями гитары, имеющими архивы. Содержание же нотных приложений журналов «Музыка гитариста» и «Аккорд» стало более пестрым, с превалированием пьес салонного характера, авторами которых были А. Афромеев, С. Сырцов и другие.

Следует заметить, что еще до выпуска журнала «Гитарист» В. А. Русанов задался целью издать серию книг под общим названием «Гитара и гитаристы». К этому делу он привлек С. С. Заяицкого, приват-доцента Московского университета, а также Струве, страстного любителя гитары.

Первая книга, вышедшая в 1899 году, была посвящена М. Т. Высотскому, известнейшему и талантливейшему гитаристу — композитору, аранжировщику русских народных песен (по каталогам Ф. Стелловского и А. Гутхейля числится 84 номера его напечатанных произведений), великолепному импровизатору, обучившему искусству импровизационного аккомпанеента русских цыган, особенно знаменитого Илью Соколова и его преемника Ивана Васильева. Так гитара стала «цыганским народным инструментом».

У М. Высотского было много учеников из разных сословий: князья, графы, бароны, купцы, чиновники, мещане... Несмотря на высокую плату за уроки (до 15 рублей ассигнациями), желающих учиться было много. И что интересно, учил Высотский более своим показом, нежели «вдалбливанием» теоретических основ музыкальной грамоты. В числе его известных учеников были Ап. Григорьев, друг А. С. Пушкина Дельвиг и даже М. Ю. Лермонтов, увлекшийся в свои студенческие годы гитарой и посвятивший М. Т. Высотскому чудесное свое стихотворение «Звуки»⁸:

Что за звуки! Неподвижен внемлю
Сладким звукам я;
Забываю вечность, небо, землю,
Самого себя.
Всемогущий! Что за звуки! жадно
Сердце ловит их,
Как в пустыне путник безотрадный
Каплю вод живых!..

Знаком был Высотский и с А. С. Пушкиным, который очень любил слушать игру на гитаре и посвятил ей много прекрасных строк.

Жил М. Т. Высотский в Москве на Селезневке, в доме 8, принадлежавшем некоему Алексееву, который имел свою небольшую типографию и первый напечатал произведения М. Высотского. Они вышли в восьми «Альбомах» и содержали основные сочинения композитора. Алексеевым же издана в 1836 году школа М. Т. Высотского для семиструнной гитары, в последующем имевшая несколько изданий.

В настоящее время домик, где жил выдающийся гитарист, снесен в связи с реконструкцией улицы. Умер М. Т. Высотский 16 декабря 1837 года. Похоронен на Пятницком кладбище, где ему был установлен памятник. (Памятник этот, по-видимому, до наших дней не сохранился, так как местонахождение его на кладбище точно не установлено.)⁹

Второй книгой из серии «Гитара и гитаристы», которую написал и издал в 1901 году В. Русанов, была «Гитара в России», представлявшая исторический очерк с подробной биографией основоположника игры на русской семиструнной гитаре Андрея Осиповича Сихры. В последнем разделе книги обращает на себя внимание рисунок на обложке сочинения некоего Каменского (из собрания нот А. П. Соловьева). На рисунке — семиструнная гитара в обрамлении виньетки. На верхней деке ясно проступают цифры: 1799. Учитывая, что это, по всей вероятности, не первое сочинение Каменского, можно допустить, что семиструнная гитара появилась в России примерно в 80-х годах XVIII столетия.

Вторая часть очерка носит название «А. О. Сихра, гитарист-композитор, основатель образцового метода игры на русской семиструнной гитаре». В ней приведены биографические сведения о А. О. Сихре¹⁰, дано изображение фамильного герба, описана родословная, корни которой уходят в далекую глубину истории, приведены два факсимиле собственноручных подписей из его сочинений, а также помещен портрет А. О. Сихры, воспроизведенный В. Русановым с картины Г. Г. Чернецова «Сихра и Аксенов» — 1832 года. (В настоящее время эта картина находится в Государственной Третьяковской галерее.)

Далее идет критический опыт разбора сочинений А. Сихры, включая его знаменитую «Школу».

Что же представляет собой школа, составленная А. О. Сихрой? Прежде нужно отметить, что ее автор — хорошо образованный музыкант. Первоначально главным инструментом его была арфа, играя на которой он проявил себя как

исполнитель-виртуоз и получил широкую известность. Играл он также и на шестиструнной гитаре. Причины же, побудившие Сихру оставить арфу и целиком (до конца своих дней) посвятить себя семиструнной гитаре, неизвестны. По всей вероятности, определяющую роль в этом сыграли музыкальные возможности гитары с соль-мажорным строем и органическая близость этого инструмента к русской народной песне.

А. О. Сихра дружил с известными композиторами, такими как Филльд, Варламов, Глинка, Даргомыжский, все время откликался в своих сочинениях на серьезную музыку, хотя и издавал журнал для семиструнной гитары, содержащий пьесы, «приятные для слуха и легкие для игры»¹¹. За свою долговременную педагогическую деятельность он собрал громадный учебный материал. В. И. Морков, известный гитарист, ученик Сихры, неоднократно предлагал ему систематизировать и опубликовать этот материал. И вот, наконец, через много лет работы А. Сихра решил выпустить свою школу в свет, указав в предисловии, что в основу ее положена его 50-летняя педагогическая практика.

А. О. Сихра был весьма плодовитым автором, а также аранжировщиком русских народных песен.

Из множества русских народных песен, аранжированных А. Сихрой, особенно славятся вариации на песню «Среди долины ровныя», слова которой принадлежат перу профессора поэтики и красноречия Московского университета Мерзлякову. Вариации эти по праву считаются шедевром творчества А. О. Сихры, они доступны для исполнения только гитаристам высокого класса.

Кроме своей «Школы...» А. О. Сихра издал знаменитые «Четыре экзерциции», с портретом на обложке, которые он посвятил своему лучшему ученику С. Н. Аксенову.

Третьим сочинением из серии «Гитары и гитаристы», написанным В. А. Русановым, был очерк «М. Д. Соколовский», который вошел отдельной главой в книгу С. С. Заяицкого «Интернациональный союз гитаристов» (М., 1902). В первой части он содержит биографические сведения о гитаристе Марке Даниловиче Соколовском (1818—1883), получившем большую известность благодаря своей блестящей игре: он концертировал во многих городах Европы. Вторая часть очерка повествует о Соколовском-виртуозе, композиторе, а также оценивает значение его деятельности в истории гитары.

Упомянутая выше книга С. С. Заяицкого включает сообщения Интернационального союза гитаристов (сокращенно ИСГ) за 1900—1901 годы, устав этой организации и полный перевод (с немецкого) журнала «Друг гитары» («Der Guitare

Freund»), а также многочисленные биографии и портреты гитаристов (главным образом, русских). Эта книга была издана на средства автора и распространялась бесплатно через музыкальные магазины крупных городов. В настоящее время представляет библиографическую редкость. В ней прежде всего следует отметить биографии А. П. Соловьева, В. А. Русанова, самого С. С. Заяицкого, В. П. Лебедева, А. М. Афромеева, которые иллюстрированы отличными фотографиями и дают исчерпывающие сведения о гитаристах. Кроме того, в книге имеются групповые фотоснимки известных в то время гитаристов, а в приложении к переведенному журналу «Друг гитары» изображено собрание лютневидных инструментов и редких старинных гитар. Даны краткие исторические справки об А. О. Сихре, М. Т. Высотском, Н. П. Макарове и организованном им конкурсе в Брюсселе.

В качестве последнего дореволюционного издания, связанного с гитарой, можно отметить брошюру П. Я. Чебодько «Историческая справка о гитаре» (Киев, 1911), в которой автор приводит краткие сведения, почерпнутые в основном из книги В. Русанова «Гитара и гитаристы» и «Гитара в России».

Из более поздних изданий можно назвать книгу П. Н. Столпянского «Старый Петербург», брошюры А. Мартинсена «Несколько слов о гитаре» (М., 1927) и П. Агафошина «Новое о гитаре» (М., 1928), книгу известного гитариста, ученика А. П. Соловьева и Ф. Ф. Пелецкого, Михаила Федоровича Иванова «Русская семиструнная гитара» (М.; Л., 1948) и книги Б. Вольмана: «Гитара в России» (Л., 1961), «Гитара и гитаристы» (Л., 1968), а также небольшую брошюру «Гитара» (М., 1972) из серии «Музыкальные инструменты». Интересна книга Дм. Рогаль-Левицкого «Современный оркестр» (М., 1956, т. 4). В главе «Струнно-щипковые и плектрные инструменты» есть раздел, посвященный гитаре. Рассказывается о ее истории, строе, тембровых окрасках и возможностях применения в современном оркестре. Приведены строи различных гитар, отрывки из произведений отдельных авторов. Рассматриваются вопросы применения шести-, семиструнной, а также гавайской гитар.

Мы закончили наш обзор, кратко изложив суть предмета. Читатель же, интересующийся гитарой, прочитав этот материал, видимо, заинтересуется и прочтет упомянутые здесь книги и журналы. Но это еще не все: есть рукописи, письма, ноты, рисунки, фотографии, есть, наконец, огромный океан периодической печати... И стоит все это просмотреть, скрупулезно отфильтровать сведения о гитаре, выстроить их в хронологический ряд и осмыслить — как замелькают даты, события давно

ушедшей жизни, и вновь оживет и зазвучит гитара Высотского, Сихры, Аксенова, Моркова, Циммермана, Саренко, Макарова и Соколовского...

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ошибка. Правильно — лады 5, 7, 12.
- ² Б. Азиоли — в то время директор Миланской консерватории.
- ³ См. современное издание: Стахович М. А. Русские народные песни. М., 1964.
- ⁴ Ответ М. Стаховича Ап. Григорьеву опубликован в статье «Антикритика Ап. Григорьева на его статью в „Москвитянине“ в № 16 за 1854 год» (Москвитянин, 1855, № 6).
- ⁵ Несколько тенденциозно характеризует Макарова-музыканта и человека Б. Вольман (Гитара в России. М., 1961).
- ⁶ Раздел II базируется, в частности, и на сведениях, сообщаемых М. А. Стаховичем («История семиструнной гитары». Спб., 1864).
- ⁷ См. также: Штелин Я. История о музыке в России.—Музыкальное наследие. М., 1935, вып. 1.
- ⁸ Мануйлов В. Один из воспетых Лермонтовым. (Гитарист М. Т. Высотский и М. Ю. Лермонтов).—Ленинградский альманах, 1954, кн. 9, с. 323—325.
- ⁹ О М. Т. Высотском в наши дни писали: Ларин А. Замечательный русский гитарист М. Высотский (газета «Музыка», 1937, № 32); Иванов М. Михаил Тимофеевич Высотский (Советская музыка, 1948, № 6); Иванов М. Русская семиструнная гитара (М.; Л., 1948); Сазонов В. Гитара Высотского (Огонек, 1966, № 41); Земенков Б. Памятные места Москвы (М., 1959); Вольман Б. Гитара в России (Л., 1961).
- ¹⁰ Более подробные сведения из жизни А. О. Сихры приведены в моей статье о нем (Музыкальная жизнь, 1975, № 3).
- ¹¹ В Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и в библиотеке Академии наук СССР обнаружено 144 номера ежемесячного «Петербургского журнала» Сихры. (См.: Вольман Б. Гитара в России. Л., 1961).

В ПАРИЖСКОМ ДОМИКЕ ОНЕГИНА

В истории отечественного пушкиноведения, богатой славными именами, есть имя, если и не совсем забытое, то, во всяком случае, не оцененное по достоинству. Между тем человеку, о котором идет речь, русская культура обязана многим: он был создателем первого в мире пушкинского музея — богатейшей коллекции рукописей, книг, памятных вещей, составляющей ныне нашу национальную гордость.

Речь идет об Александре Федоровиче Онегине, посветившем более 50 лет своей жизни служению памяти великого поэта.

В конце прошлого и начале нашего века в русской периодической печати стали появляться восторженные сообщения журналистов, побывавших в уединенном парижском домике А. Ф. Онегина и вынесших оттуда впечатления, которые не забываются всю жизнь. «Трудно себе представить, чтобы в чужой стране можно было собрать такую массу вещей, касающихся величайшего из русских поэтов... Значение собрания таково, что без него невозможно ни полного издания произведений Пушкина, ни составления полной его биографии». Это писалось в 1902 году. «Здесь вы найдете уникальные литературные и художественные, — вторит другой корреспондент через пять лет. — ...Словом, Пушкиниада, какой нигде нет. В этом все видевшие Пушкинский музей — согласны».

Здесь было до семи десятков рукописей Пушкина, прижизненные издания его произведений, книги его друзей и современников. Здесь можно было увидеть скульптурные изображения поэта, выполненные выдающимися мастерами, картины, оригинал посмертной маски Пушкина, модель домика няни поэта в селе Михайловском, модель памятника Пушкину работы М. Антокольского, несколько томов газетных вырезок, относящихся к Пушкину, и многое другое. Помимо «Пушкиниады», в музее находилась лучшая часть личной библиотеки

В. А. Жуковского, его архив, материалы о Пушкине, хранившиеся у него со дня смерти поэта, план последней квартиры Пушкина, зарисованный Жуковским. Там были рукописи и книги друга А. Ф. Онегина—Ивана Сергеевича Тургенева, одна из которых—с дарственной надписью: «А. Ф. Онегину в знак старинной приязни»; автографы Л. Толстого, М. Горького, А. Франса, Чехова, А. К. Толстого, Лермонтова, Гоголя, Бунина, Волошина, Брюсова, Гете, Ницше, Рериха, Шаляпина, Карузо, Бетховена, Листа, Пуччини, Массне, Мечникова, А. Н. Веселовского...

Но откуда явились все эти богатства? Как они попали в Париж? Кто был тот человек, который сумел собрать их и сохранить для русской культуры?

На эти вопросы ответить далеко не просто. Личность Александра Федоровича Онегина уже при жизни была окружена легендами. Человек сумрачный и замкнутый, он не любил говорить о себе,—и на это, как мы увидим, у него были весьма основательные причины. Когда известный ученый—профессор С. А. Венгеров прислал ему анкету для готовящегося биографического словаря, Онегин отказался ее заполнить, сказав, что «она хороша для полицейского сыска». В газетные сообщения о нем проникали непроверенные слухи и домыслы, и мы можем назвать лишь очень немногие научные работы, из которых удалось почерпнуть весьма скудные данные для его биографии. Пришлось обратиться к архивам—и в результате нескольких лет работы нам удалось собрать материалы, раскрывающие в известной степени биографию этого незаурядного человека.

В 1845 году у петербургского дворянина, о котором нам почти ничего не известно, родился внебрачный ребенок. Матерью его была интересная, хорошо образованная француженка, приглашенная в дом на должность гувернантки. Чтобы вести об этом событии не послужила темой для порочащих разговоров, решено было подыскать женщину безупречной репутации, живущую в окрестностях Петербурга, которая взяла бы ребенка на воспитание. Такой женщиной оказалась иностранка, вдова—госпожа Отто из Царского Села. Ребенок ей был вручен, а с нее была взята клятва никому и никогда не рассказывать правду о его появлении в ее доме. Чтобы избежать лишних разговоров, сочинена была легенда о якобы найденном в Александровском парке Царского Села подброшенном ребенке, которого госпожа Отто и взяла на воспитание. При крещении в расположенном вблизи Троицком соборе восприимниками были дворянин В. А. Парамонов и госпожа Отто, давшая ребенку имя Александр, отчество Федорович (не

имевшее никакого отношения к имени отца ребенка) и фамилию Отто,— хотя он и не был усыновлен своей крестной матерью.

Ребенок рос и воспитывался в хороших условиях. Очевидно, его родители давали на это средства. Мальчик обучался русскому языку, французскому, музыке. Французским он овладел настолько, что мог свободно читать, разговаривать, писать. Читать по-русски он начал рано и с годами все более увлеченно предавался самостоятельному чтению. Памятью обладал прекрасной и прочитанное запоминал надолго. Среди его книжек были стихи и сказки Пушкина и Жуковского. Гуляя с ребенком по Царскому Селу, воспитатели рассказывали ему о великом поэте, который учился тут, в Лицее, и ходил по тем самым дорожкам лицейского парка, по аллеям, по лугам, мимо прудов, где «в кристалле зыбких вод» отражались живописные купы деревьев, фронтоны зданий или памятники воинской славы. Имя Пушкина стало с малых лет близким Саше Отто.

Мальчик рос добрым, отзывчивым. В этот период его навещала мать; на ее ласку мальчик отвечал нежностью. Но он не знал, с кем говорит,— матерью своей он привык считать госпожу Отто.

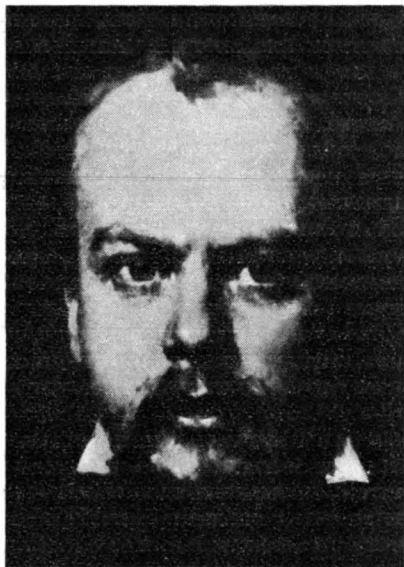
Девяти лет Сашу определили в 3-ю Санкт-Петербургскую гимназию. Здесь ему предстояло узнать, что он незаконнорожденный, неусыновленный, православный с нерусской фамилией,— и в полной мере вкусить унижение от нескромных расспросов, пренебрежения, насмешек. Все это не могло не сказаться на развитии его характера. Он стал сторониться окружающих, сделался вспыльчивым, озлобленным, болезненно самолюбивым. В нем развились резкость, желание уединиться и, вместе с тем, удручающее чувство одиночества,— эти вновь приобретенные черты характера сохранились в нем до глубокой старости.

За семь лет обучения в гимназии он сблизился только с одним соучеником — сыном поэта Василия Андреевича Жуковского — Павлом Жуковским. Мальчик был воспитан на стихах своего отца и его близкого друга А. С. Пушкина. По натуре Павел был необычайно добр, нежен, щедр и отзывчив. Он сумел понять состояние души Саши Отто, с которым подружился с 13-летнего возраста, и, как мог, старался облегчить его.

В 1860 году умерла госпожа Отто. Теперь у Саши оставался из близких только один Павел. Сохранилось письмо П. Жуковского к Отто, написанное 14 июля 1861 года: «Мой милый, дорогой друг Саша!.. Ты так одинок на свете. Тебе так

нужна чья-нибудь дружба и понимающее сердце». Адресату и корреспонденту было в это время по 16 лет.

Будучи уже взрослым, Отто, который стал к этому времени называть себя Александром Онегиным, писал 28 декабря 1887 года человеку, который хорошо знал его с детских лет: «Ты не знаешь моего характера, каким я стал... друзей у меня нет, и дома, и в обществе я один и один. Не весело мне живется.... Сердце у меня от природы, как ты знаешь, всегда чувствительное и легко было подействовать на него... Ничто так не раздражает меня, как насмешка... Именно гимназия воспитала во мне такой дурной характер. Я проклиная эту гимназию и ее воспитание».

А. Ф. Онегин.
С портрета А. А. Харламова.
Публикуется впервые

Через год после смерти крестной матери Саша Отто оставляет ненавистную гимназию. Он перебивается мелкой литературной работой, приносящей ничтожный заработок. Материально помогал ему Павел Жуковский, которого, после смерти родителей, опекали дед (со стороны матери) и крестный отец — император Александр II.

Павел много рассказывал Саше о своем отце. Он приводил его к себе домой, знакомил с отцовской библиотекой и с теми рукописями Пушкина, которые оставались у В. А. Жуковского после смерти поэта. Видел Саша у него и другие материалы. Все было настолько интересно и так поразило его, что забыть виденное он не мог.

Шли годы. Угнетаемый двусмысленностью своего социального положения, неблагоприятной изнурительной работой, Александр Отто постепенно приходит к решению — выехать за границу и там принять другую фамилию — русскую, как бы освободившись от своего прошлого. Расстаться с родиной ему было трудно. В 1866 году, при содействии Павла Жуковского, Саша Отто переезжает в Лондон, где и присваивает себе

новую, также начинающуюся на букву «О», фамилию пушкинского героя — «Онегин». Дальнейшая его жизнь проходит под этой, пока еще не узаконенной, фамилией. Будем и мы теперь продолжать разговор об Александре Онегине, еще недавно бывшем Сашей Отто.

Тяжело ему было в чужой стране, среди чужих людей, говорящих на непонятном для него языке. Одиночество гнетет его все сильнее. Павел Жуковский помогает другу, но вывести его из состояния глубокой депрессии не может. Он обращается за помощью и советом к И. С. Тургеневу, хорошо знавшему и В. А. Жуковского, и самого Павла. Подробно рассказывает о жизни Онегина и его теперешнем состоянии. Тургенев Онегин заинтересовал. 25 ноября 1869 года писатель обращается к своему знакомому литератору В. Рольстону, жившему в Лондоне по одному адресу с Онегиным, и просит через него, чтобы Онегин написал ему о Жуковском, — вернулся ли тот в Мюнхен или рассчитывает задержаться в России. Получив ответ Онегина, Тургенев 27 декабря 1869 года пишет ему самому. Так начинается их заочное знакомство.

На правах старшего (он старше Онегина на 29 лет) Тургенев убеждает его, что по складу ума и характера он обязан и может найти себе применение, необходимо лишь поставить перед собой цель и заняться общественно-полезной деятельностью. Вывести Онегина из его тяжелого состояния удастся Тургеневу не сразу. Переписка между ними не прерывается. Тургенев настойчив. Отношения между ними с каждым письмом становятся все более теплыми. В 1871 году Онегин пытается найти себя на педагогическом поприще. Он просит Тургенева рекомендовать его в качестве гувернера к ребенку в русскую семью. Не считая решение Онегина правильным, Тургенев все же рекомендует его к сыну З. А. Власовой — вдовы действительного статского советника, проживающей в Петербурге. В 1872 году Онегин выезжает из Лондона в Петербург, где приступает к исполнению своих новых обязанностей. Его воспитанник, мальчик Николенька, оказался добрым, разумным ребенком, и Онегин с удовольствием с ним занимается. Они полюбили друг друга. Спокойная и доброжелательная обстановка оказывала на Онегина целительное действие.

В 1875 году Павел Жуковский знакомит Онегина с Александрой Васильевной Плетневой, вдовой ректора Петербургского университета П. А. Плетнева, друга Пушкина и Жуковского. Плетнева любила Павла трогательной материнской любовью, привязанность была взаимной. Павел был уверен, что умная, чуткая, образованная и поэтичная женщи-

на сумеет благотворно подействовать на впечатлительного и одинокого Онегина. Но взаимное понимание пришло не сразу: поначалу Плетневу отпугивали приступы грусти и меланхолии в ее новом знакомом. Лишь позднее она поняла их скрытые причины. «Милое грустное дитя» — называла она его иногда, будучи старше Онегина на 19 лет. Их частые встречи, совместные прогулки по Петербургу, разговоры о литературе, музыке, чтение Пушкина (читал он превосходно), музицирование — все это способствовало дружескому сближению. Плетнева вызвала у Онегина сильное чувство, но, верная памяти мужа, сумела удержать его в рамках дружбы, которую они пронесли до конца жизни, делясь своими радостями и горестями, оказывая друг другу возможную помощь. Общение с семьей Власовых и с Плетневой много способствовало душевному потеплению Онегина. К нему возвращается жажда жизни. Он приобретает пианино, занимается музыкой, пением. Часто выступает на благотворительных вечерах в пользу студентов. Так проходят почти шесть лет его пребывания в Петербурге. В конце 1877 года, завершив занятие с Николенькой, Онегин оставляет Петербург и после кратковременного пребывания в Москве уезжает во Францию.

Следует отметить, что во время пребывания в Петербурге Онегин находился под негласным наблюдением полиции.

Жизнь в России вновь оживила в Онегине литературные интересы. С помощью Плетневой и Жуковского он как бы вновь прикоснулся к эпохе Пушкина. Теперь, поселившись в Париже, после длительных раздумий и разговоров с Павлом, он решает посвятить свою дальнейшую жизнь служению памяти Пушкина. Он приходит к мысли: собрать все, что имеет отношение к жизни и творчеству поэта, чтобы в конце концов передать коллекцию в дар России. И. С. Тургенев и Павел Жуковский приветствуют это решение и обещают помощь.

Сохранился портрет Онегина, относящийся к этому времени. Он интересен не только сам по себе, но и как овеществленный знак его дружеских отношений с Тургеневым. Тургенев сам заказал этот портрет своему другу художнику А. А. Харламову и в 1878 году подарил Онегину.

Тургенев знакомит Онегина с видными представителями отечественной и зарубежной литературы, искусства и науки. От Тургенева же Онегин получил рукописи и книги с дарственной надписью. Дочь А. О. Смирновой-Россет передала Онегину альбом матери, подаренный ей Пушкиным, куда поэт вписал стихотворение «В тревоге пестрой и бесплодной...». Позднее дочь поэтессы графини Е. П. Ростопчиной дарит

Онегину старинную тетрадь в желтом кожаном с тиснением переплете и в таком же футляре. Эта тетрадь, или записная книга, была в начале 1837 года заказана А. С. Пушкиным для своих новых стихов, но так и не была начата. После смерти тетрадь перешла к В. А. Жуковскому, который, записав на одной из страниц историю этой тетради и использовав несколько страниц для своих стихотворений, передал ее в 1838 году с дарственной надписью на память Е. П. Ростопчиной, благоговейно относившейся к Пушкину. С 1842 года Ростопчина вписывала в тетрадь свои стихи, а в 1853 году подарила ее своей дочери Лидии Андреевне. Последняя и передала ее Онегину как «самому глубоко преданному поклоннику нашего великого Пушкина».

Онегин устанавливает связи с букинистами и антикварами Парижа, Петербурга, Москвы и других городов. К нему стекается информация о поступающих в продажу рукописях и книгах Пушкина. Букинисты Парижа продавали русские книги только после того, как их просматривал Онегин. Коллекция растет. В его маленькой квартире становится тесно. В 1882 году он переезжает в новую, расположенную в лучшем районе Парижа, у Елисейских Полей. Впоследствии этот дом стал местом паломничества выдающихся представителей мировой культуры.

Жил Онегин замкнуто, друзей у него было немного: Павел Жуковский, Плетнева и Тургенев. Последние годы жизни Тургенев тяжело болел, и Онегин помогал ему, исполняя секретарские обязанности. Смерть Тургенева 13 сентября 1883 года была для Онегина тяжелым ударом. Он потерял больше чем друга, он лишился человека, сумевшего вернуть его к жизни. Глубочайшей печалью проникнуто его письмо к Павлу Жуковскому: «Да, голубчик мой, страшно... Грустно, милый мой!.. по поводу нашего общего горя...» В этом году, словно желая отвлечь Онегина и не дать ему снова впасть в депрессию, Павел Жуковский передает ему большой пакет с рукописями Пушкина, хранившимися у В. А. Жуковского в течение 15 лет со дня смерти поэта и перешедшими к нему по наследству. Это был ценнейший вклад в рукописное собрание Онегина, и он вынужден был им заняться. Несколько лет спустя (но не ранее 1887 г.) Павел Жуковский передает Онегину материалы, относящиеся к дуэли Пушкина с Дантесом и смерти поэта, к опеке над детьми и имуществом Пушкина и другие, затем картину братьев Чернецовых «Пушкин в Бахчисарайском дворце» и небольшой портрет баснописца И. А. Крылова работы А. П. Брюллова. У Павла Жуковского остается библиотека и архив отца. Предполагая реализовать

библиотеку, он предоставляет Онегину возможность отобрать то, что представляет наибольший интерес. Значительную часть библиотеки закупает известный золотопромышленник А. И. Сибиряков для Томского университета. Оставшаяся часть, лучшая, как писал об этом 8 сентября 1889 года Онегин А. В. Плетневой, перешла к нему после денежного расчета с Павлом. «Я завещаю все Томскому же университету... люблю родину... и издали терпеливо сношу ее черепаший шаг в историю».

В 1887 году Онегин делает первую попытку узаконить в России избранную им фамилию. Нужно было подавать прошение на высочайшее имя. Он просит Павла Жуковского, получившего в это время приглашение от Александра III приехать в Россию погостить в Гатчинском дворце, выяснить, есть ли надежда на успех такой просьбы. Павел действует осторожно и осмотрительно, боясь испортить дело излишней поспешностью. Отношения Павла Жуковского с семьей Александра III складываются добрые. Он получил приглашение приехать и в 1888 году в любое удобное для него время. В этот второй приезд в Россию Павел и рассчитывает добиться благоприятного решения вопроса об узаконении новой фамилии своего друга. Онегин пишет прошение, где приводит услышанную еще в детстве легенду о том, как его, грудного младенца, нашли подброшенным в Александровском парке. Он рассказывает о том, как впервые оказался за границей в 1866 году, и обращается к императору с просьбой узаконить принятую им фамилию, обещая пронести ее с честью.

Из переписки Онегина с Жуковским и Плетневой мы знаем, как развивались события дальше: Павел хлопотал перед Александром III, представил ему прошение Онегина и получил принципиальное согласие. Ему было повелено передать прошение в правительственный комитет, который должен был рассмотреть его и представить на высочайшее утверждение. Однако здесь возникли неожиданные трудности. Комитет, несмотря на принципиальное согласие царя, воздержался от представления прошения на высочайшее утверждение. Связано это было с какими-то неблагоприятными для Онегина слухами, которые он назвал клеветой на него. Понадобились длительные и энергичные хлопоты со стороны Жуковского и Плетневой, пока они не добились благоприятного решения дела. С конца 1889 года Александр Федорович стал законным носителем фамилии Онегин. Он исполнен радости и благодарности к своим покровителям — и в знак признательности готовит и отправляет в Россию свой первый дар — пять гипсовых копий с оригинала посмертной маски Пушкина для

передачи Петербургскому университету, Академии наук, Публичной библиотеке, Александровскому лицей и училищу Правоведения.

Между тем он* упорно работает над расширением и пополнением своей коллекции. Известность ее становится столь большой, что ее начинают называть «Музеем», «Пушкинским музеем», «Пушкинским музеем Онегина». Как и прежде, он живет один, окруженный собранными сокровищами. В письме к академику А. Н. Веселовскому, с которым у него установились откровенные отношения, Онегин писал: «Благодаря газетам, и прямо с улицы почти заходят. Утром приходится все прибрать, после посещения все опять прибрать». Все это Онегин делал сам. Оберегая свой музей, он неохотно разрешал посещения, но безотказно отвечал на все вопросы, относящиеся к его собранию.

В письме к больной Плетневой 19 сентября 1900 года он рассказывал о своем музее, который «сильно разросся» и который он более всего хотел бы показать ей. Он предчувствовал, что сделать это не удастся,—и не обманывался. Письмо было последним. В 1901 году А. В. Плетневой не стало. Это была еще одна потеря, горько оплаканная Онегиным вместе с Павлом Жуковским. Как-то Павел писал Онегину: «Как я рад, что ты мне брат во Плетневой». Отношение к ней обоим было полно обожания, искренней, почти сыновней любви и уважения. Теперь из прежних привязанностей Онегина остался один Жуковский. (Отношения Онегина с матерью, навещавшей его в раннем детстве, пока еще недостаточно исследованы.)

1902 год внес изменения в материальные условия жизни Онегина. О причинах этого мы знаем лишь отчасти. Вообще вопрос о средствах, которые позволяли Онегину не только существовать, но и активно пополнять и расширять свой музей, остается во многом загадочным. Возможно, деловая сторона его собирательства приносила ему какой-то доход, возможно, ему кем-то оказывалась постоянная денежная помощь. В архиве Онегина найдены документы, говорящие о том, что Павел Жуковский с 1886 года систематически посылал ему определенную сумму денег. «Особенно приятно и даже сладостно,—писал он однажды,—что я могу вложить в это письмо лаварскую бумажку для моего старого друга. Будем надеяться на постоянное повторение того же около 20 числа каждого месяца».

В 1902 году Жуковский женился на вдове Вельо, его увлечении юношеских лет. Занятый семейными делами, он уже не мог уделять Онегину столько внимания. «Ему теперь не до меня, активно — инициативно», — пожаловался однажды

Онегин академику Веселовскому в письме от 19 апреля 1902 года. Теперь у Онегина возникает мысль, что наступила пора для передачи музея государственному учреждению, и он делится ею с Веселовским, прося довести до сведения Академии наук. В 1903 году он снова пишет Веселовскому: «...здоров пока вполне... но к концу земного шагаю быстро... Обстоятельства интимных условий материальной жизни моей вполне изменились... Вследствие этого я подумываю, как пристроить свой музей. И лучшего не могу придумать, как отдать его Академии еще при жизни, за известную сумму или пожизненную пенсию, но с условием удержания его при себе до фактической смерти... В Академии,—пишет он дальше,—хотел бы сам присутствовать при размещении. Может быть, сделать комнату Пушкина или, как у художника Ге, посадить в кресло фигуру Пушкина как Петра и обставить... Не случись, как сказано выше, некоторых изменений в моем материальном благосостоянии,—заключает он,—я не искал бы ни сей, ни другой какой бы то ни было сделки с кем бы то ни было, но Академией все-таки все оставил завещанием...»

Академик Веселовский дважды (в 1902 и в 1903 годах) доводил до сведения президента Академии наук предложения Онегина, но Академия не предпринимала никаких формальных шагов. Это очень огорчило и оскорбило Онегина. Когда в 1906 году умер Веселовский, связь Онегина с Академией прервалась. Однако он не оставлял надежды передать свой музей России, и именно Академии наук,—неизменно отвечал отказом на выгодные предложения со стороны научных учреждений других государств.

В 1907 году в Париж приехал министр финансов России граф В. Н. Коковцев. Онегин посетил его и пригласил ознакомиться со своим Пушкинским музеем. В условленное время Коковцев приехал. Музей произвел на него неизгладимое впечатление. В разговоре с хозяином Коковцев узнал о неудачных попытках заинтересовать музеем Академию наук. Узнал и о предложениях, сделанных Онегину представителями других государств. Коковцев обещал доложить царю о всем увиденном и услышанном. Свое обещание он выполнил. По возвращении в Петербург Коковцев в официальном докладе императору подробно изложил впечатления о своем посещении Пушкинского музея Онегина, добавив устно, что если не будут приняты меры по закреплению музея за Россией, он может попасть в руки другого государства. На докладе Коковцева появилась следующая резолюция Николая II: «Следует решить это дело в положительном смысле и как можно скорее привести в исполнение». По поручению царя Коковцев доло-

жил все президенту Академии наук великому князю Константину Константиновичу. Было решено срочно направить в Париж специалиста из Академии для детального ознакомления с Пушкинским музеем и определения его ценности и целесообразности его приобретения вновь организованным Пушкинским Домом. В мае 1908 года в Париж был направлен известный пушкинист Б. Л. Модзалевский, один из основателей Пушкинского Дома. Модзалевский проработал в музее Онегина две недели и за это время не только детально ознакомился с его сокровищами, но успел сблизиться с самим владельцем. Их дружеские отношения сохранились до конца жизни Онегина.

По возвращении из Парижа Модзалевский представил подробнейший отчет, на котором президент Академии наук наложил следующую, весьма примечательную резолюцию: «...благодаря отчету Б. Л. Модзалевского собрание Александра Федоровича Онегина уже не оставляет сомнений в неоценимости его приобретения для России вообще и для Пушкинского Дома в частности. Уверен, что В. Н. Коковцев примет все меры к тому, чтобы собрание было застраховано от всяких случайностей, как будущее достояние отечества А. С. Пушкина».

Условия передачи были согласованы с Онегиным и 30 апреля 1909 года был подписан договор, по которому:

1. Музей оставляется пожизненно на попечении Онегина, который должен хранить его и по возможности пополнять.

2. Наблюдение за сохранностью музея возлагается на российское посольство в Париже.

3. Онегину выплачивается единовременно 10 тысяч рублей и выдается, высочайше пожалованная за неоценимую услугу национальной культуре, ежегодная пенсия в размере 6 тысяч рублей. Музей становится собственностью Пушкинского Дома Российской Академии наук.

Онегин продолжает упорно работать над пополнением своего музея. Весной 1911 года его посетил литературовед А. Б. Дерман, в то время сотрудник симферопольской газеты «Южные Ведомости». Через тридцать лет после этого события, накануне Великой Отечественной войны, в журнале «Огонек» (№ 14 за 1941 год) появилась его статья, где подробно описывается визит к Онегину.

Приехав в Париж на несколько дней, Дерман обратил внимание на объявление в русской газетке «Парижский листок». В нем сообщалось, что у Елисейских Полей, на улице Мариньян, 25 находится Пушкинский музей. Дни и часы работы указаны не были. Естественно, у него возникло

желание познакомиться с музеем. Начал расспрашивать о нем. Один русский эмигрант разъяснил Дерману, что это частный музей некоего Онегина, который неохотно пускает к себе посетителей. Чтобы проникнуть в музей, необходимо иметь рекомендательное письмо, без которого попытка будет безнадежной. Он посоветовал Дерману обратиться к одному русскому эмигранту за рекомендацией. Дерман так и сделал. Он получил письмо, а впридачу газетные вырезки и коробку из-под папирос с изображением Пушкина на этикетке, на которую, как ему сказали, он должен рассчитывать больше, чем на письмо. И вот он на улице Мариньян. На звонок открылась в двери деревянная створка, за которой была железная решетка. Открыл створку старик сильного сложения в распахнутой ночной сорочке. По взгляду его Дерман понял, что перед ним сам Онегин. Он протянул сквозь решетку письмо и сувениры. Тот молча взял, рассмотрел и отпер дверь. Дерман вошел. Квартира из трех комнат была загромождена книжными шкафами, полками, столиками, картинами, бюстами Пушкина. Здесь же стояла и простая железная кровать. На вопрос, что собственно относится к музею, Онегин ответил: «Вот кровать, на которой я сплю,—это не музей, все остальное—музей». Сухо, неприветливо Онегин показывал свои сокровища. Дерман увидел автографы Бетховена, Л. Толстого, А. К. Толстого, А. Франса, И. С. Тургенева и многих других. Показывая папку с рукописью «Графа Нулина», Онегин просиял: «Его сиятельство граф Нулин. Весь». Дерман невольно протянул руку, но был остановлен окриком: «Без рук!» Время от времени хозяин спрашивал, указывая на портреты: «Знаете, кто?» После нескольких правильных ответов Онегин смягчился. Он объяснил, что не любит разговаривать с теми, кто ничего не знает, а такие попадают. «Придет какой-нибудь соотечественник, а сам из всего Пушкина два стихотворения только и знает, да и то Баркова!»

Боясь утомить Онегина, Дерман минут через тридцать собрался уходить, но был остановлен неожиданным вопросом: хозяин интересовался, куда он намерен идти. Дерман собирался в Лувр, и Онегин, прощаясь с ним, пригласил вернуться к нему к 6 часам вечера.

В назначенное время Дерман снова был на улице Мариньян. Он застал Онегина в черном сюртуке, подтянутым, в галстуке. Величественная фигура с огненным взглядом, характерным для фанатически увлеченного человека. На сей раз Дерман захватил с собой букет пармских фиалок и возложил их на столик у стеклянного колпака, закрывавшего посмертную маску Пушкина. Казалось, Онегина это тронуло. Разго-

вор оживился. Онегин начал рассказывать... Если бы Дерман пробыл с Онегиным дольше и успел бы больше услышать и записать, мы располагали бы сейчас уникальной книгой — мемуарами одного из самых выдающихся коллекционеров мира. Но он успел сохранить нам только несколько отрывочных рассказов, затерявшихся ныне на страницах журнала сорокалетней давности...

Однажды, зайдя к букинисту, Онегин среди книжного хлама обнаружил первое издание «Руслана и Людмилы». Хотя такой экземпляр у него уже был, он взял его и, придя домой, не рассматривая, положил в папку для переплетчика. По возвращении переплетенной книги, Онегин, как-то, разглядывая ее, увидел на полях карандашные пометки. Пригляделся и вдруг «как ударило в голову. Мать пресвятая богородица! Да ведь Пушкина рука!.. И что же ты наделал, дуралей! Половину пометок переплетчик срезал». Ошеломленный, бросился Онегин к переплетчику. Перерыл все бумажные обрезки. Да где тут... Ничего не нашел. «Вот ведь чудо какое случилось, сама к тебе от Пушкина книга пришла и где? В Париже. А ты взял да испакостил...»

Образованный и ненавязчивый гость определенно понравился Онегину; он предложил ему чай, который сам же и приготовил. Со своей стороны Дерман внимательно присматривался к хозяину.

«Хотели бы вы услышать, как читал стихи Пушкин? — спросил вдруг Онегин. — Ровесники и друзья поэта мне читали. Хотите? Ну, так назовите мне любимое стихотворение». После небольшой заминки Дерман назвал «Заклинание». Онегин снял с полки томик Пушкина. Перелистал и показал Дерману свою пометку на полях книги против этого стихотворения. Там написано было одно слово: «Чудо». Затем он предложил гостю перейти в другую комнату, и сам стал у стола, на котором лежала маска Пушкина. Помолчал, и вдруг начал читать, закрыв лицо обеими руками. Закончив, он некоторое время стоял неподвижно, потом неожиданно оторвал руки от лица и коротко засмеялся. «Засмеялся, но из глаз его катились слезы», — писал Дерман. — «Могли ли бы вы поверить, что это самое „Заклинание“ было любимейшим стихотворением Фридриха Ницше?» — спросил вдруг Онегин и, не ожидая ответа, принес нотный автограф Ницше, написавшего к этому стихотворению музыку. Автограф передала в музей Онегина сестра философа.

Встречался ли Онегин с Дантесом, промелькнула у Дермана мысль, но вопроса об этом он не задал. А между тем, такая встреча состоялась...

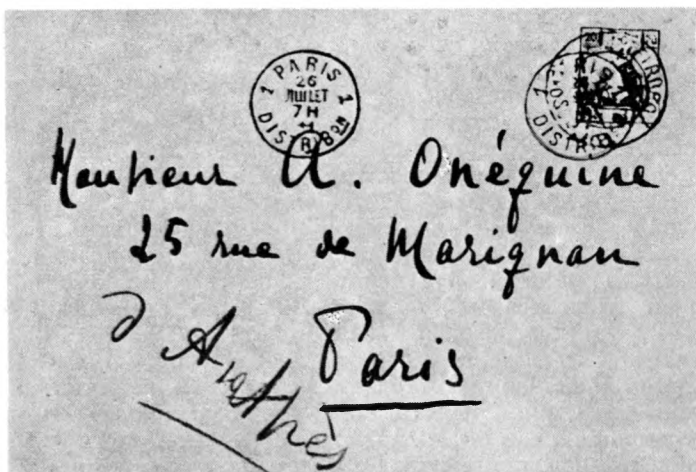
Онегин рассказал о ней в 1912 году в Париже на собрании русских эмигрантов, посвященном 75-летию со дня смерти Пушкина, где он выступал после А. В. Луначарского.

Это было, рассказывал Онегин, в 1887 году, в 50-ю годовщину со дня смерти Пушкина. За пятьдесят лет до этого в морозный день на окраине Петербурга, близ Комендантской дачи раздался роковой выстрел Дантеса, прервавший жизнь великого русского поэта. Дантес еще жив. Ему 75 лет. Онегин решает встретиться с ним. Каков он сейчас? Сможет ли Дантес без трепета и содрогания посмотреть в глаза преданному служителю памяти Пушкина? Пройти к Дантесу нелегко. Родные стараются не допускать к нему незнакомых людей. Онегину удастся договориться о встрече.

Сама история, кажется, карала убийцу Пушкина. Его младшая дочь Леония-Шарлотта, одаренная девушка, самостоятельно изучившая русский язык, прочла Пушкина, и поэт стал ее кумиром. Тогда она поняла тяжесть вины, лежавшей на ее отце. Она бросила ему в лицо тяжкое обвинение. С этого момента растет ее ненависть к отцу; она старается с ним не встречаться. Переживания оказались слишком тяжелы: с нарушенной психикой она умирает в 1888 году в психиатрической больнице. Сын Дантеса не выражал явно своего отношения к Пушкину и к отцу, но увлечение сестры, разговоры с нею, воспоминание о неожиданной встрече в детстве в Париже с Натальей Николаевной Пушкиной-Ланской, которая прошла не остановившись мимо Дантеса и его сына,—оставили глубокий след. В нем нарастало чувство уважения к личности Пушкина и интерес к его творчеству.

Один вопрос мучил Онегина, вопрос, казавшийся ему психологической загадкой: как Дантес мог решиться совершить свой роковой выстрел? И он задал его. «Мы же дрались на пистолетах,—ответил Дантес,—он мог убить меня».—«Но Пушкин ведь национальная гордость России! Как могла у вас подняться рука на него?»—«Ведь и я пэр Франции, сенатор...»

Онегин поднялся, откланялся и направился к выходу. Это была первая и последняя встреча. Через 8 лет Дантес умер. С детьми Дантеса Онегин встречался и беседовал. Среди материалов архива Онегина найдены адресованные ему три письма сына Дантеса. Два написаны в 1911-м и одно в 1920 году. В письме от 25 июня 1911 года мы читаем следующие строки: «27 или 28 этого месяца я доставлю себе удовольствие посетить Вас, чтобы рассказать новые сведения». О чем они беседовали? Какие новые сведения сообщил создателю музея Пушкина сын его убийцы, подпавший под обаяние личности и поэзии человека, к которому, казалось, должен был бы чувствовать

Конверт письма сына Дантеса к Онегину
от 25 июля 1911 г.

посмертную неприязнь? «Дорогой месье,— писал Дантес Онегину 13 декабря 1920 года.— Будет ли нескромным попросить у Вас фотографию какой-либо рукописи, подписанной г. Пушкиным? Я буду Вам очень обязан, если Вы сможете доставить мне это удовольствие».

...Какой ценностью был бы для нас дневник Онегина! Но дневника он не вел и жил все так же замкнуто. Собирательская деятельность, встречи с теми, от кого можно было получить сведения о Пушкине, лишь ненадолго рассеивали в нем чувство одиночества. В 1912 году его постиг новый удар—едва ли не самый страшный—умер Павел Васильевич Жуковский. Теперь Онегин остался совсем один.

В 1914 году разразилась империалистическая война, а за нею последовала и революция в России. Связи с родиной прервались; пенсия, назначенная Онегину, перестала поступать. Судьба музея тревожит его все более и более. Во избежание каких-либо случайностей он составляет в 1920 году завещание, по которому весь музей, обстановка и весь наличный, на день его смерти, капитал, оставляются Пушкинскому Дому Академии наук СССР.

(Кстати, капитал Онегина после его смерти оказался немалым. На его счету было 600 тысяч франков, что по тому времени было очень крупной суммой.)

В 1922 году по инициативе Л. Б. Красина и А. В. Луначарского Советское правительство заключило с Онегиным новый договор, по которому Онегину, в порядке компенсации за неполученную им пенсию, уплачивается 100 тысяч франков. Музей становится официально собственностью Советского государства. Онегин же оставался его пожизненным хранителем.

Но жизнь его уже подходила к концу. Ему было 77 лет,— и он заботился о том, каким образом собранные им реликвии будут перевезены в Советскую Россию и размещены в Пушкинском Доме. Он составляет подробные указания, как и что следует предпринять, чтобы сохранить в неизменном виде все, что ему удалось собрать.

26 марта 1925 года Александр Федорович Онегин умер. Собранные им сокровища в 1928 году, при соблюдении всех его указаний, были перевезены в Ленинград и ныне хранятся в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР.

Он выполнил свой долг до конца и вписал свое имя в историю русской культуры. И дело, и самая личность его имеют право на наше благодарное внимание и память.

Ленинград

Людмила Гаямова

АПОЛЛИНЕРУ

Вокруг тебя, Гийом, вокруг тебя
Гремели ветви мерзлыми листьями,
И длинными вишневыми устами
Смеялся клоун, плача и скорбя.

Звенел Париж, как золоченый лавр,
Цвели цветы, раскачивались птицы,
И ты спешил с толпой соединиться,
Себя в печальном зеркале узнав.

Вокруг тебя ночной роился шум,
И акробатов розовые тени
На мостовой плясали, как на сцене,
Не думая о смерти, о цене
Летучей жизни, склонной к перемене.

Вокруг тебя, Гийом, вокруг тебя...

По следам
героев книг

РУЛЕВОЙ С «ОЛЕГА» И «АВРОРЫ»

Я смотрю на старую фотографию и невольно удивляюсь портретной схожести этих людей: оба обритые наголо, крупноголовые, кряжистые, с проседью в небольших «боцманских» усах... Алексей Силыч Новиков-Прибой, рядом с ним — Александр Васильевич Магдалинский. Старые моряки-цусимцы. Первый из них — знаменитый писатель-маринист, автор всемирно известной «Цусимы», второй — герой одной из глав этого романа и старейший на Волге капитан, автор двух книг воспоминаний, написанных им по совету друга-писателя.

...Александр Васильевич Магдалинский родился 1 сентября 1881 года в селе Подольском Костромской губернии, расположенном на левом берегу Волги. Село это являлось центром широко известного ювелирного промысла красносельских кустарей, занимавшихся им в осенние и зимние дни, когда Волга пустела и, скованная льдом, лежала под ледяным панцирем безмолвная и покорная. С весны до поздней осени великая русская река давала основную работу и пропитание жителям села, которые плавали матросами и кочегарами на пароходах, ловили рыбу и зажигали бакены на волжских мелководьях.

Летние школьные каникулы Саши проходили в домашних хлопотах, и лишь в немногие свободные часы он вместе со своими сверстниками шел на Волгу к избушке старого бакенщика дедушки Кузьмы, служившего на нижнем Красносельском перекате, и, затаив дыхание, слушал рассказы бывалого волгара о бурлаках и самой матушке-Волге.

Поистине счастливыми для Александра и его друзей были те редкие часы, когда их пускали на остановившийся у берега пароход и позволяли вместе с матросами драить до блеска медные и латунные части корабельной машины. Старательно начищая «медяшку», Александр успевал задать десятки вопросов по устройству машины механикам и был очень доволен,

когда те подробно объясняли ему назначение той или иной ее части.

В 1891 году Александр Магдалинский с похвальным листом окончил четырехлетнюю сельскую школу, но не имея возможности продолжать учебу, вынужден был помогать семье по хозяйству. Однако мысль о капитанском дипломе навязчиво преследовала его и во время работы, и в короткие часы отдыха, когда он, придя на берег Волги и проведив взглядом белоснежный красавец пароход, тяжело опускался в пахучее разнотравье, мечтал о будущих плаваниях...

В семье, видя грустинку в глазах Александра, втайне, на семейном совете, решили послать его в Астрахань, попытаться счастья с помощью старого друга отца по военной службе.

В Астрахани Александр разыскал отцовского знакомого и при его содействии на первых порах устроился матросом на небольшую парусную шхуну «Рыбак». Это было старое и грязное суденышко, которое плавало в северной оконечности Каспийского моря. Экипаж занимался рыбной ловлей и перевозкой грузов. Во время свирепого шторма, длившегося трое суток, жестокая моряна как щепку выбросила шхуну на берег возле форта Александровского и разбила ее о камни.

Полуживой Александр Магдалинский был подобран местными рыбаками и отлеживался у них несколько дней. После долгих мытарств ему удалось устроиться матросом на пароход «Ловец», на котором он и проплавал до конца навигации 1900 года.

Несмотря на жизненные невзгоды, Александр Магдалинский, верный своей мечте, поступает учиться на первый курс мореходных классов в Астрахани, готовивших штурманов и капитанов для Каспийского торгового флота. Курс обучения был двухгодичный. За это время слушатели проходили арифметику, алгебру, геометрию, тригонометрию, географию. Из специальных предметов в «мореходке» изучали лоцию, судостроение и морскую практику, навигацию и астрономию. Заведывал классами отставной капитан второго ранга А. М. Елманов — старый «морской волк» и добрейшей души человек, чем-то напоминавший своим обликом адмирала Нахимова.

В «мореходке» Александр впервые услышал слово «революционер» и вскоре ему показали «живого революционера» — это был математик С. Н. Редькин, сам только недавно окончивший эти же классы. Молодой преподаватель открыто высказывал передовые мысли. Все его уважали как хорошего человека.

И вот наступил долгожданный день, когда 20-летний Александр Магдалинский предстал перед экзаменационной комиссией. Все предметы он сдал на «отлично».

С дипломом штурмана и рекомендательным письмом Елманова Александр плыл на пароходе вверх по Волге, надеясь по пути в Петербург, на Добровольный флот, погостить дома несколько дней. Но в Подольское он прибыл совершенно больным. Пролежав в постели около двух месяцев, получил еще удар: с него взяли подписку о невыезде из села в связи с предстоящим призывом в армию...

Мечты о капитанском кителе рухнули окончательно...

В конце октября 1902 года похудевший и еще не совсем выздоровевший Магдалинский предстал перед призывной комиссией. «Годен!» — было ее заключение.

— В гвардию хочешь? — спросил председатель комиссии.

— Хотелось бы, господин начальник, во флот, — ответил Александр.

— Ну что же, во флот так во флот. Там тоже дурь умеют выбивать, — заключил председатель комиссии.

...Александра Магдалинского зачислили в команду строящегося крейсера «Олег». Ранним утром матросы уходили на крейсер и возвращались в экипаж поздно вечером. Им доставалась самая тяжелая и грязная работа. Здесь Александр впервые познакомился с рабочими, строившими крейсер. От них он впервые услышал о возможной войне с Японией. Рабочие иронически посмеивались во время коротких перекуров, спрашивали матросов:

— А что, служивые, у вас говорит о войне начальство?

Те им отвечали, что начальство с ними не заводит разговоров само, а спрашивать бесполезно — все равно правды не услышишь.

*Квартирмейстер крейсера
«Олег» А. В. Магдалинский.
Фотография 1904 г.*

— А вы трянули бы хорошенько своих благородий, вот они и разговорились бы,—посмеиваясь, говорили рабочие, крепче сжимая в руках инструменты...

В канун Нового года приказом по флотскому экипажу Александру Магдалинскому было присвоено звание квартирмейстера, или, по-армейски,—младшего унтер-офицера. На его фланелевку, погоны бушлата и шинели нашили новые знаки различия—две поперечные желтые полосы.

Жизнь в флотском экипаже текла своим чередом. В короткие часы вечернего досуга матросы собирались в казарме у жарко натопленной дневальными печи и тихо беседовали между собой, делились новостями из писем, полученных от родных и близких, иногда пели. Зачастую песни сменялись разудалыми плясками под гармошку.

Однажды вечером, когда плясуны отделявали лихие коленца «Трепака», неожиданно в самый разгар веселья раздалась зычная команда дежурного офицера:

— Встать! Смирно!

Вмиг все стихло. Все вытянулись, повернув головы к входной двери. Рядом с дежурным офицером стоял вице-адмирал с большой окладистой бородой, расчесанной надвое.

— Здорово, братцы!—приветливо поздоровался он с матросами.

В ответ раздалось оглушительное:

— Здравия желаем, ваше-дитство!

Адмирал присел на кем-то принесенный стул, и тесный кружок матросов образовался вокруг него. Началась неторопливая беседа. Уже прощаясь, он сказал, обращаясь ко всем присутствующим:

— Не забывайте, братцы, никогда, что русские моряки должны не только хорошо петь и плясать, но еще лучше уметь воевать и побеждать. А воевать вам скоро придется. Война с Японией началась. Уверен, что вы оправдаете высокое звание защитников Родины. Надеюсь с вами встретиться на Дальнем Востоке. Прощайте, будущие герои!

Так Магдалинский впервые увидел адмирала Макарова—начальника Кронштадтского порта,—уважаемого и любимого всеми матросами России...

А война с Японией все больше и больше разрасталась. Русские корабли оказались в меньшинстве перед японской военной корабельной армадой, и перевес заметно стал склоняться на сторону противника. Обеспокоенное поражениями на море, царское правительство вынуждено было назначить командующим военно-морскими силами на Тихом океане адмирала Макарова, которого до этого момента держало в

негласной опале. Прибытие на Дальний Восток адмирала О. С. Макарова способствовало успеху русского оружия на море, но трагическая смерть талантливого флотоводца и ученого на подорвавшемся на минах броненосце «Петропавловск» вновь позволила японским военно-морским силам взять перевес...

Царское правительство стало лихорадочно готовить для посылки на Дальний Восток 2-ю Тихоокеанскую эскадру, назначив ее командующим бездарного адмирала З. П. Рожественского.

3 ноября простились с родными берегами. В дальний поход отправились баталер Алексей Новиков на броненосце «Орел» и рулевой крейсера «Олег» квартирмейстер Александр Магдалинский.

Утром 17 ноября крейсерский отряд во главе с «Олегом» под командованием капитана 1-го ранга Добротворского вошел в воды Атлантического океана. Громоздкая русская эскадра, настораживая Европу, медленно плыла, огибая ее западные берега...

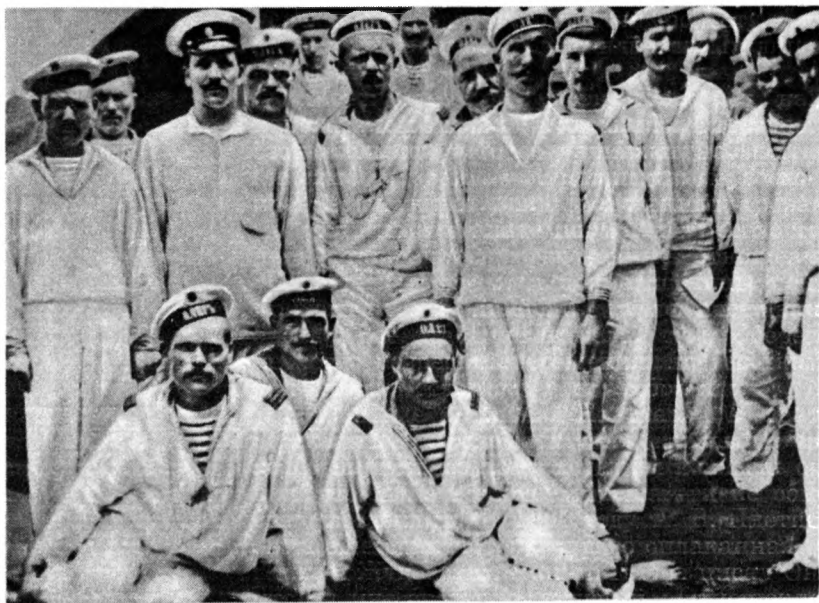
9 декабря эскадра пересекла меридиан Петербурга, находясь в южном полушарии. На подходе к Мадагаскару она вступила в полосу повышенной тропической влажности. Команды кораблей измучены до предела ставшей всем ненавистной погрузкой угля. Сапоги развалились, и многие ходят босиком. У матросов и офицеров появились нарывы на руках, ногах, спине, шее и груди.

На Мадагаскаре, во время длительной стоянки, Александр Магдалинский впервые услышал о будущем авторе «Цусимы». Вот что он рассказывает об этом в своих воспоминаниях: «Нашему судовому писарю как-то удалось побывать на броненосце „Орел“. Там ему рассказали, что у них есть баталер, который помогает матросам писать письма на родину; и пишет так хлестко, что не оторвешься. Фамилия этого баталера была Новиков. Это было заочное знакомство».

На Мадагаскаре эскадру Рожественского настигла весть, что порт-артурской эскадры больше не существует — так русские моряки еще далеко до подхода в район Тихого океана лишились базы и поддержки.

1 января 1905 года после подъема флага на крейсере «Олег» команде зачитали приказ о повышении в звании нижних чинов. Александру Магдалинскому присвоили звание боцманмата — старшего строевого унтер-офицера царского флота. На его погонах появилась третья желтая лычка...

После вести о падении Порт-Артура на кораблях эскадры начался крутой перелом в настроении личного состава: все

*Группа старшин и матросов крейсера «Олег».
В центре группы с боцманской дудкой А. В. Магдалинский*

понимали бессмысленность похода и обреченность свою в предстоящих военных действиях с военно-морскими силами Японии.

Положение усугубили и тревожные вести, проникшие с торговых иностранных судов на русские военные корабли,— о «кровавом воскресении» 9 января в Петербурге. Лица матросов посуровели и кое-кто уже в открытую отказывался выполнять приказания офицеров. Поколебались в своих верноподданных чувствах к царю некоторые офицеры.

26 апреля 1905 года произошла встреча с догнавшей их 3-й эскадрой под командой адмирала Небогатова, состоящей в основном из старых военных кораблей. Утром 1 мая соединенная эскадра под командованием адмирала Рожественского тронулась вперед девятиузловым ходом.

С каждым днем возрастала возможность боевого столкновения с крейсирующими японскими кораблями.

10 мая получили приказ: «Быть ежечасно готовыми к бою!» 12 мая в 9 часов утра, когда эскадра по приказу

адмирала Рожественского легла на курс норд-ост семьдесят градусов, стало ясно, что путь на Владивосток лежит через Цусимский пролив, вместо менее опасного пути по Японскому морю...

Весть об этом встревожила весь экипаж «Олега»: среди офицеров чувствовалась какая-то растерянность, матросы взъерошились и, собираясь группами на палубе, отпускали брань в адрес Рожественского — «бешеного адмирала» (так прозвали его).

Эскадра растянулась на несколько миль. Из многочисленных труб кораблей выбрасываются в небо густые черные клубы дыма. Отряд в составе крейсеров «Олег», «Аврора», «Жемчуг», «Дмитрий Донской» и «Владимир Мономах» под флагом контр-адмирала Энkvиста идет чуть впереди эскадры. Над морем спустилась сырая и темная ночь. Комендоры и гальванеры с минерами дежурят у орудий и торпедных аппаратов. Свободным от вахты членам команды приказано спать не раздеваясь. Воспаленными от бессонных ночей глазами всматривается в темноту ночи рулевой боцманмат Магалинский, крепко сжимая руками колесо штурвала и сверяя маршрут по светящемуся компасу.

14 мая около 10 часов утра в туманных разрывах, в зоне видимости отряда крейсеров, с левого борта появились японские корабли.

Проведя разведку боем, крейсера противника отошли к своим основным силам, и там командиры их доложили командующему японской эскадрой адмиралу Х. Того порядок построения русской эскадры и направление ее движения. Неплохой стратег и дерзкий моряк, не лишенный хитрой осторожности, Того тотчас же передал на вверенные ему корабли приказ о маневре. Он не считал противника слабым.

Крейсеры «Олег» и «Аврора» шли левее основных сил русской эскадры и первыми вошли в соприкосновение с кораблями противника. Русские крейсера, с хорошим ходом и вооружением, ни в какой мере не уступали японским однотипным кораблям.

Александр Магалинский находился во время боя на центральном боевом посту в запасе, готовый в любую минуту взять на себя управление кораблем как рулевой, если будет выведена из строя боевая рубка. Александр с товарищами ждал своей минуты. И она наступила. Вот как об этом рассказывает в главе «Утраченную честь не вернешь» своего романа Цусима А. С. Новиков-Прибой:

«Особенно опасно было положение „Олега“. В его правый борт попал неприятельский снаряд и перебил проволочные

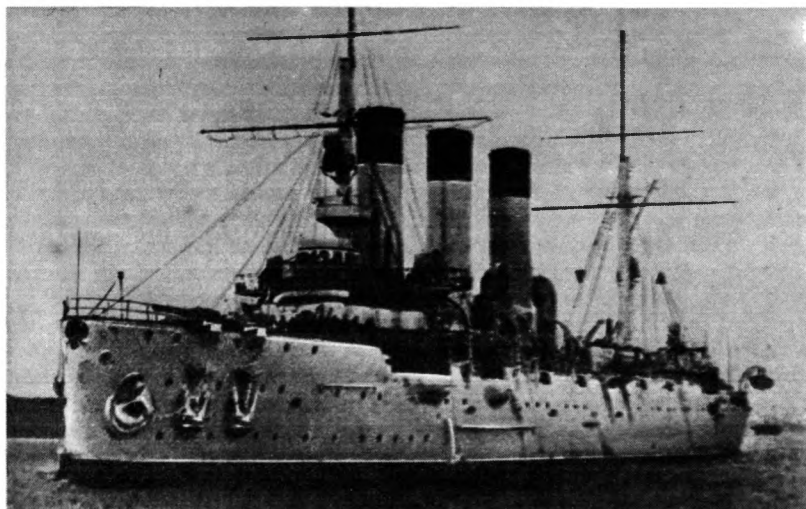
тросы подъемной тележки с боевыми патронами. Она с грохотом рухнула вниз. В патронном погребе начался пожар. Подносчики снарядов с воплями бросились из погреба к выходу. Наверху каждый занят своим делом, никто не подозревал, что крейсер повис над пропастью. Он мог в один момент взлететь на воздух, но его случайно спасли два человека. Рядом с горевшим погребом находился центральный боевой пост. Оттуда сквозь отверстия заклепок, выбитых в переборке, рулевой боцманмат Магдалинский заметил красные отблески. Он застыл от ужаса, понимая, что всем грозит гибель. В следующую секунду, словно подброшенный вихрем, он ринулся в жилую палубу. Как будто ток высокого напряжения сотрясал его руки, державшие шланг. Хрипели стремительные струи воды, направленные на очаг огня. На помощь рулевому боцманмату прибежал из поста гальванер (Курбатов.— Ю. Л.). Не замечая его, Магдалинский с испуганным криком косил водой огненные снопы пожара. Пламя утихало, из люка поднимались клубы пара. „Олег“ был спасен от взрыва и продолжал стрельбу. Вернувшись в центральный пост, Магдалинский сказал гальванеру:

— Значит, живем еще».

До поздней ночи продолжались смертельные схватки двух воюющих эскадр. Разрозненные русские корабли, не получая приказов с флагмана, стали поодиночке пробиваться к Владивостоку, держа курс на север. В довершение всего раненый адмирал Рожественский попал в плен к японцам. Взявший на себя командование адмирал Небогатов, видя бессмысленность продолжения боя и желая сохранить тысячи жизней, отдал приказ о сдаче кораблей. Но не все командиры ему подчинились. Так, миноносец «Грозный» устремился на строй японских кораблей с целью тарана и с боем прорвался во Владивосток, уйдя от преследования нескольких вражеских миноносцев. Крейсеры «Олег», «Аврора» и «Жемчуг» под командованием адмирала Энkvиста пробивались через кольцо вражеских кораблей и укрылись в одном из нейтральных портов на Филиппинах. Корабли нуждались в капитальном ремонте, а американские власти в Маниле не торопились оказывать помощь, под всяческими предлогами задерживали русских моряков. Чужбина... Не думал Александр Магдалинский, что так она горька и постыла, несмотря на всю экзотичность Филиппин.

После заключения мира между Японией и Россией в сентябре 1905 года русские крейсеры получили возможность возвратиться домой.

И вот корабли вышли из Манилы, взяв курс на юг. В Алжире «Олег» и «Аврора» расстались. Для пополнения

*Крейсер «Аврора».
Фото 1904 г.*

экипажа «Авроры» с «Олега» были переведены несколько младших командиров и в их числе рулевой боцманмат Александр Магдалинский. Тепло провожали их друзья, прожившие вместе с ними два года и пережившие Цусиму. «Аврора» увеличила ход, и «Олег» остался позади, в туманной морской дымке...

В конце февраля 1906 года «Аврора» вошла в гавань Либавы. Александр Магдалинский долгими часами морских вахт, сжимая руками штурвал «Авроры», думал о дне возвращения на родную землю, представляя торжество встречи отважных русских моряков с оркестром, но увы... На стенке причала вместо почетного караула стоял усиленный полицейский наряд. Так после долгой разлуки с Родиной моряков, героически сражавшихся в Цусимском бою и томившихся на чужих Филиппинах вдали от России, встретило царское правительство...

Экипаж «Авроры» загнали в казарму. В томительном ожидании медленно потекло время. Магдалинский не мог дожждаться дня, когда его вызовут в канцелярию и вручат документы об окончании действительной службы. А потом домой...

Команда начала роптать. В конце концов морякам выдали новое обмундирование и вручили проездные документы.

Вскоре Александр был в Костроме и попал в объятия встречавшей его матери и меньших братьев. С вокзала его повезли в розвальнях на Еленинскую улицу, где теперь жила мать с двумя сыновьями-школьниками, учившимися в костромских школах. На следующее утро приехал и отец из села. Александр подробно рассказал родным о походе и Цусимском бое, показал Георгиевский крест, полученный им за подвиг на «Олеге».

Немного отдохнув, Александр Магдалинский, с началом навигации весной 1906 года, отправился в Самару для устройства на работу.

Оттуда поплыл в Нижний Новгород, где устроился помощником капитана на пароход «Баранов», принадлежащий купцу Седову. Проплавав на «Баранове» несколько месяцев, Магдалинский послал прошение с просьбой о приеме на работу в общество «Кавказ и Меркурий», правление которого находилось в Петербурге. Вскоре оттуда пришел ответ с приглашением приехать в столицу для переговоров. Не дожидаясь конца навигации и получив расчет с «Баранова», Магдалинский выехал в Петербург, где получил назначение младшим помощником капитана на товарно-пассажирский пароход «Великий князь Владимир» с окладом 40 рублей в месяц, и обязан был явиться по новому месту службы 15 марта 1907 года в Царицын, где будет зимовать пароход.

На «Владимире» Александр Магдалинский плавал уже четвертую навигацию, когда его перевели помощником капитана на новый, только что спущенный на воду—первый на Волге—теплоход «Бородино». Для приемки теплохода он приехал в Коломну, где был построен красавец-корабль. Здесь он получил указания по эксплуатации машин «Бородина» от заводских инженеров и механиков, а затем теплоход под его командой пошел вниз по Оке, к Нижнему, где встал на зимовку. Весной 1912 года «Бородино» вступил на скорую линию Астрахань—Нижний Новгород.

В навигацию 1913 года Александр Васильевич с повышением по службе был переведен на вновь построенный теплоход «Цесаревич Алексей»—старшим помощником капитана. Но вскоре попал на теплоход «Двенадцатый год».

В навигацию 1914 года во время рейсов на линии Енотаевск—Астрахань Магдалинский не раз оказывал помощь политическим ссыльным из захолустного Енотаевска, откуда им был запрещен выезд. Он продавал им билеты третьего класса, а устраивал по возможности в каюты второго

класса, давая им тем самым возможность собраться и поговорить во время рейса без посторонних глаз и ушей. Особенно близко он сошелся с Иваном Степановичем, известным ему под кличкой Степняк. Об этом пронюхал енотаевский жандармский ротмистр, доглядывавший за политическими ссыльными, и донес начальству. Расплата последовала немедленно: Магдалинский был понижен в должности и переведен на другой пароход. Теперь он подолгу не задерживался на кораблях...

После Октября 1917 года, узнав о революционных событиях в Петрограде, Александр Васильевич Магдалинский особенно гордился тем, что исторический выстрел по Зимнему дворцу «Авроры» — корабля, за штурвалом которого он простоял десятки тяжелых морских вахт, — возвестил всему миру о торжестве великого дела освобождения народа.

26 января (8 февраля по новому стилю) 1918 года Владимир Ильич Ленин подписал исторический декрет о национализации флота. Первый пункт декрета гласил: «Объявить общенациональной, неделимой собственностью Советской Республики судоходные предприятия, принадлежащие акционерным обществам, паевым товариществам, торговым домам и единоличным крупным предпринимателям, владеющим морскими и речными судами всех типов, служащими для перевозки грузов и пассажиров со всем движимым и недвижимым имуществом, активом и пассивом таких предприятий».

Александр Васильевич снова стал плавать на торговых и пассажирских судах по Волге и Каме — сначала помощником, а затем и капитаном. Так осуществилась его мечта.

В 1931 году Магдалинский был выдвинут на руководящую работу и назначен заместителем начальника пристани «Кострома».

Однажды он прочитал в газете обращение писателя Новикова-Прибоя к морякам-цусимцам с просьбой прислать свои воспоминания о походе на Дальний Восток и Цусимском сражении. И вновь перед глазами старого моряка встали картины прошлого: рассказы сослуживцев о баталере Алексее Новикове с броненосца «Орел», который был известен всей эскадре тем, что как-то по просьбе одного из своих товарищей написал любовное письмо, а затем это письмо, размноженное под копирку в сотнях экземпляров, пошло гулять по эскадре как образец «любовной лирики...». Неужели это тот самый Новиков? Но ведь прошло столько лет...

Не мешкая, Магдалинский отправил письмо в Москву и через несколько дней получил ответное письмо с анкетой.

Сомнений не было — баталер Новиков стал писателем Новиковым-Прибоем... Так началась их переписка, которая вскоре перешла в личную дружбу, длившуюся более пятнадцати лет.

Первая их встреча состоялась ранней весной 1935 года в Москве, на квартире писателя в Кисловском переулке. Алексей Силыч прочитал Магдалинскому несколько страниц из второй части «Цусимы» о походе крейсерского отряда и, в частности, о крейсере «Олег». После чтения Новиков-Прибой подробно расспросил Александра Васильевича о его личном участии в сражении «Олега» с неприятельскими кораблями, делая на ходу пометки в блокноте. Материал этой беседы он впоследствии включил в очередное переиздание «Цусимы», где Магдалинский был выведен как один из героев книги. Прощаясь, писатель подарил Александру Васильевичу «Цусиму» со своим автографом и пообещал приехать в Кострому в гости.

Силыч сдержал свое слово и с открытием навигации на Волге вместе со своим секретарем Д. Зуевым и писателем А. Перегудовым был проездом в Костроме, следуя на охоту; возвращаясь с нее, побывал у Магдалинского.

В 1936 году Новиков-Прибой вторично приехал в Кострому вместе с Перегудовым. Он осмотрел достопримечательности города, побывал на фабриках и заводах, а потом встретился с представителями городских и общественных организаций, а также с участниками Цусимского сражения. Заглянул и к Магдалинскому, подробно расспрашивал о работе Костромской пристани, о производственных успехах.

В том же году А. В. Магдалинский был переведен на работу в Ярославль. Здесь он сначала работал заместителем начальника пристани, а затем возглавил Ярославский военноморской клуб.

Весной 1937 года вместе со своей женой Зинаидой Сергеевной и сыном Борисом приехал в Ленинград в отпуск. По пути в морской музей он увидел стоявшую ниже моста лейтенанта Шмидта «Аврору». Учащенно забило сердце старого моряка, и он долго стоял с непокрытой головой, отдавая дань уважения боевому кораблю и одновременно памяти погибшим товарищам с «Олега» и «Авроры». Командование крейсера, узнав о приезде бывшего рулевого «Авроры», пригласило ветерана на корабль. 1 мая 1937 года А. В. Магдалинский вместе с семьей подошел к расцвеченной флагами «Авроре», где его встретил дежурный офицер и проводил на крейсер. И вот старый моряк ступил на палубу боевого корабля, который он покинул тридцать с лишним лет назад в Либаве, приведя его в Россию с далеких Филиппин. По внешнему виду это была та же «Аврора», но как резко

А. В. Магдалинский с супругой Зинаидой Сергеевной, 1954 г.

изменилась жизнь на корабле: офицеры и матросы жили одной семьей... До слез растрогала ветерана встреча с командой «Авроры» в Ленинской комнате. Он еще раз убедился в том, что защита Родины поручена верным ее сынам.

Новая встреча Магдалинского и Новикова-Прибоя состоялась в 1937 году на шестидесятилетнем юбилее первого советского писателя-мариниста. Александр Васильевич приветствовал юбиляра от имени делегации ярославцев. В числе гостей были и участники Цусимского сражения — товарищи Алексея Силыча по броненосцу «Орел» штурман Ларионов, боцман Воеводин, сигнальный старшина Зефирков. Здесь Магдалинский познакомился с прославленным советским летчиком В. П. Чкаловым, который глубоко уважал писателя и приехал поздравить его с юбилейной датой. Присутствовал на торжестве и бывший вестовой «бешеного» адмирала Рожественского Пучков, с которым Магдалинский долго беседовал и узнал от него много подробностей о жизни командующего 2-й Тихоокеанской эскадрой, что в дальнейшем пригодилось ему при написании одной из книг своих воспоминаний.

Летом 1938 года А. С. Новиков-Прибой приехал в Ярославль по приглашению общественности города. И снова друзья по вечерам, после встреч писателя с тружениками города, вспоминали былой поход, эпизоды боя...

Предпоследняя встреча двух ветеранов произошла в 1939 году, когда А. В. Магдалинский с группой моряков-цусимцев приехал в столицу по приглашению Наркомата Военно-Морского Флота СССР. Эта встреча была, к сожалению, короткой, но и она оставила в душе Магдалинского глубокий след. Разговор, который произошел между ними, дал ему прилив новых сил на многие годы дальнейшей жизни. Втайне Александр Васильевич уже давно задумал написать свои воспоминания о походе на Дальний Восток крейсерского отряда и участии в Цусимском сражении, о героизме и мужестве своих товарищей-сослуживцев с крейсера «Олег». Алексей Силыч его внимательно выслушал и сказал:

— Прекрасное и большое дело задумал ты, Васильич. Пиши обязательно. Пиши, не стесняясь, обо всем, что сам видел, что слышал от товарищей. Пиши только правду. Чего не было — не выдумывай и не сочиняй. Моя повседневная поддержка и помощь тебе обеспечены. Держи меня только все время в курсе твоей работы. Искренне желаю тебе успеха.

Книга Магдалинского «На морском распутье» вышла из печати в 1945 году, когда А. С. Новикова-Прибоя уже не было в живых. Она сразу же привлекла к себе внимание читателей, и потребовалось второе, а затем и третье издание. Автор пополнял главы книги все новыми и новыми эпизодами. В этом ему активно помогали оставшиеся в живых цусимцы.

В 1953 году вышла в свет вторая книга воспоминаний А. В. Магдалинского — «На Волге». Последние годы жизни, находясь на заслуженном отдыхе, Александр Васильевич продолжал работать над новыми изданиями своих книг. Умер он в 1959 году.

Книги воспоминаний моряка-цусимца, ветерана-волгара встречаются теперь не часто.

Подольск,
Московская область

Маргарита Ломунова

«РАСТЕТ В ВОЛГОГРАДЕ БЕРЕЗКА...»

...В тот год выпал большой снег. И даже в теплые, уже не зимние, дни долго не уходил с давно нехоженных полянок. Проваливаясь по колено в хрусткие лежалые сугробы, мы шли по странному парку. Он был молод, деревья не набрали силу. Возле хрупких стволов темнели таблички: «Погиб в 1942-м ...», «...в 1941-м...», «...43-м...». Маргарита Константиновна подошла к тонкому деревцу, погладила влажную шершавую кожицу. Так вот она какая, ее березка, ставшая песней, вошедшая в книгу...

...есть в Волгограде березка —
увидишь, и сердце замрет.
Ее привезли издалека
в края, где шумят ковыли.
Как трудно она привыкала
к огню волгоградской земли...

Тогда я и услышала от М. Агашиной эту историю.

...Приближалась двадцатая весна Победы. По волгоградскому телевидению выступила Мария Степановна Пластикова. Когда-то ее имя гремело в городе. В первую пятилетку строила Тракторный, вместе с другими женщинами Сталинграда поднимала из руин город. В войну потеряла и мужа, и детей. И вот говорила волгоградцам: «У многих из нас погибли в войну близкие, и родных могилочек не осталось. Приходите в День Победы на Мамаев курган. Посадим деревца в их память...»

9 мая к подножию Мамаева кургана привезли 200 саженцев и столько же лопат. А людей пришлось куда больше. Семьями шли, с малыми детьми. Старики тянулись к кургану, старухи. Вмиг саженцы были расхвачаны. И после шли и ехали — из других городов — посадить деревце в память о тех, кто не вернулся с войны. Поднимались топольки, клены, каштаны... все это были чьи-то дети, братья, отцы... Веснами

собирались здесь близкие, по старинному обычаю крошили под деревьями хлеб...

Каждую неделю Маргарита Константиновна приходила с сынишкой на Мамаев курган. И однажды увидела березку: непривычное в тех краях деревце. Табличка под ней была: «Смертью храбрых погибли в 1941—1943 годах братья Рыкуновы—Иван (1899)—под Москвой, Степан (1907)—под Курском, Василий (1912)—под Ростовом-на-Дону, Сергей (1914)—под Сталинградом».

Вот как были написаны эти стихи. Вскоре композитор Г. Пономаренко переложил их на музыку.

В тот же год Маргарита Агашина через журналистов отыскала хозяина березки—Федора Ивановича Рыкунова, одного из семи братьев Рыкуновых. Дружная, большая была до войны семья. Кто в колхозах трудился, кто на заводе. Пятеро ушли на войну. Четверо погибли в первые два года. В Сталинграде под бомбами погребены их мать, жена и дочь Василия. Ни от кого могил не осталось... А теперь их береза шумит на Мамаевом кургане. Вытянулась, окрепла. И песню о ней поют по всей России.

Строкой этого стихотворения и назвала поэтесса свой сборник, тот, куда впервые вошли строки о волгоградской березке. Скромная голубая обложка... На первой странице гравюра: лицо солдата в каске... Руины Сталинграда... Живая ветвь дерева... Мы входим в мир мужества, суровый, прекрасный и горький мир военных лет...

* * *

Не случайно в книге Маргариты Агашиной «Стихи о моем солдате» стихотворения о возрождающемся из руин городе соседствуют с поэтическими строками, посвященными мужеству защитников Сталинграда, ответственности перед павшими в боях за Родину. И мирное небо, и прекрасный белокаменный город на берегу Волги—завещаны теми, кто отдал здесь свои жизни.

...Старый солдат в скорби замер у братской могилы. Битвы давно отгремели. Раны зарубцевались. Но слезы в глазах солдата. Ведь живой—хоть не раз умирал, друзей хоронил. Здесь, у стен Сталинграда, стоял насмерть.

Что ж ты плачешь, солдат,
у святого костра?
Оттого, что над Волгой
летят облака.

Книги М. Агашиной

Просто больно смотреть —
золотятся поля!
Просто горько белеют
чубы ковыля.

Горит сердце, болят раны. В волгоградских степях еще рвутся старые мины. Но пылает Вечный огонь на волгоградской земле и в вечном карауле на площади павших борцов стоит волгоградский мальчишка —

сын солдата,
сын Сталинграда,
капля его Бессмертия,
искра его Огня.

Эти стихи Маргариты Агашиной волгоградские мальчишки читают, как клятву, перед тем как встать в почетный караул у Вечного огня...

* * *

...Долгие годы этот клочок земли в волгоградских степях стоял заброшенным. Не пахали его, не засевали. Уж больно дик был. Под рыжим бурьяном — видимо-невидимо осколков.

Жестокий бой здесь шел когда-то. Сколько людей полегло... Уж давно война окончилась, а нет-нет и давал знать о себе затаившийся снаряд. Так и звали эту землю в народе — Солдатское поле.

К 30-летию Победы решили распахать его. Дело доверили лучшим комсомольцам ближнего совхоза. Тут вспомнил кто-то из жителей о давнем письме солдата, уроженца здешнего края. Писал он про невиданное сражение в этих местах. Родная степь была разворочена, искорежена. А на срезе окопа — чудом уцелел полевой цветок. До войны дочка приносила такие с полей... И решили: пусть хранит Солдатское поле все, что видел солдат, о чем думал, когда писал письмо. Так встал на Солдатском поле, недалеко от братской могилы, памятник: девочка с полевым букетом.

Вскоре после открытия мемориала поехала туда с группой волгоградских женщин поэтесса Маргарита Агашина. Подъезжают к полю и видят: у солдатской могилы трое мальчуганов стоят. Руки подняли в пионерском салюте. Двое в красных галстуках, третий — мал еще, без галстука, но руку тоже держит.

Спросили детей: откуда? Кто послал?

— Никто, — отвечают. — Сами. Пешком километров десять шли из Волгограда. Хотели посмотреть.

— Вот какие наши дети, — рассказывала Маргарита Константиновна. — Все наше святое — и для них свято.

Подросткам посвятила свою новую книгу поэтесса. Она названа «Детям Волгограда». Книга выстроена так, что перед юным читателем предстает мужественная история родного города-героя: его героическое прошлое, ясный нынешний день. Наши дочери и сыновья, наши внуки не должны забывать, какой ценой заплачено за их жизнь. Новая книга — о верности всему, за что сражались деды и отцы. О памяти. О святой волгоградской земле.

Стихотворения М. Агашиной о женских судьбах, поломанных войной, впервые вошли в книгу для детей среднего и старшего возраста. Наши дети нынче взрослеют рано. Почему же не ведать им, что и простого человеческого счастья — быть женой, матерью — война лишила тысячи наших женщин...

Есть у Маргариты Агашиной маленькая записная книжечка, называется — «Мои женщины».

— Мне везет на интересных, хороших людей, — делится Маргарита Константиновна. — Лет тридцать назад в Сталинграде все знали имя Александрны Максимовны Черкасовой. Это она после работы восстанавливала со своей бригадой Дом Павлова. Весь по кирпичу на себе перетаскали... Та же Мария

Степановна Пластикова. В самое тяжелое время она была рядом с людьми. Стольких обогрела... Ушли сильные годы, и сами отодвинулись эти женщины в сторону. Живут на скромную пенсию: не брали в свое время справок о негромких своих подвигах. Один знакомый поэт сказал как-то о них: «Упустили они свою славу». А они и не держали ее, не думали о ней.

Вот и баба Тоня, героиня одноименного стихотворения,— из тех же женщин.

Всю-то жизнь трудилась, хлопотала,
каждый день — с рассвета до темна.
И на всех любви ее хватало,
обо всех заботилась она.

Баба Тоня... Это не она ли
по ночам, когда ребята спят,
раскроив куски диагонали,
шила гимнастерки для солдат?

Не ее ли теплые ладони
возрождали город Сталинград?

Так повелось на нашей земле: беда приходила — матери, жены, невесты вносили свою, порой и непосильную долю в общее дело. Эта черта народного характера, особо ярко проявлявшаяся в грозное для Родины время, нашла достойное отражение в нашей литературе, начиная со знаменитого «Слова о полку Игореве».

Черты эти присущи и героине М. Агашиной. А наладилась жизнь — она скромно отошла в сторону.

Шьет внучатам кофточки из байки,
моет пол да стряпает обед...
Тихая судьба домохозяйки,
ничего особенного нет.

Разве утратилась, поблекла от того ее нравственная красота?

* * *

...Дороги Маргарите Агашиной в привычку. Едет она на полевой стан, где-нибудь на Кубани. «А кого я вам привезла, девчата!» — издали кричит бригадир. — «Кого?» — «„А где мне взять такую песню“ — вот кого!»

Сколько степных сел за эти годы объездила. Очерки М. Агашиной печатаются в волгоградских газетах. В поездках рождаются новые стихотворные строки о людях, что растят хлеб.

...Июль, парит. Началась жатва. Писательская бригада едет в Чернышковский район. По обеим сторонам дороги

рвется вверх пшеница, звенит на все поле. У края дороги — человек. Растирает в ладони зерно: готово ли?

А вокруг неоглядное поле.
И в пыли, и в мазуте рука.
И его трудовые ладони
тоже зерна того колоска.

Через час — гроза. Толкали застрявшую в грязи машину. В село попали часов в 10 вечера. Кто в такую грязь, темь в клуб пойдет? И легли спать. Вдруг — стучат: «А выступать? Клуб полон»... Когда ночью уже вышли на улицу, подошел, запыхавшись, человек. Из другого села добирался по бездорожью. И здесь же, на крыльце, стал читать Агашиной ее стихи...

— Маргарита Константиновна, а вам не мешает ваша слава? — спросила ее однажды молоденькая девушка из районной газеты.

— Да какая же это слава! Это — любовь, теплота человеческая. Я не знаю, как бы жила без них...

...для меня гораздо
  больше значит,
когда, над строчкой голову склоня,
хоть кто-то вздрогнет,
  кто-нибудь заплачет
и кто-то скажет:

— Это — про меня.

Мне рассказывала работница треста «Волгоградметаллургстрой», как однажды на стройке читала Маргарита Агашина свои стихи. Вдруг загудел панелевоз: обеденный перерыв закончился. «Глуши мотор», — закричали водителю. Вечером отработали этот час. Подошла к Агашиной тогда Нина Ивановна Маслова, обняла, подарила свой мастерок. 16 лет из рук его не выпускала.

— А не жалко? — спросила Маргарита Константиновна.

— Для вас — нет.

«Вы уж напишите, как мы любим ее, — попросила меня Юлия Ивановна Котова. — Стихи ее — такие душевные — про нас они. И сама она — родная. Так у нас с ней получается...»

Спустя много лет я вновь побывала в Волгограде у работниц треста. Провожали на пенсию одну из героинь Маргариты Агашиной. С 43-го на стройке. И стужа, и зной — все ее было... Теперь уже дети тех, кто восстанавливал Сталинград, строят в городе на Волге новые дома. А дружба женщин «Металлургстроя» с поэтессой еще крепче стала. На дверях квартиры Маргариты Константиновны табличка:

«Здесь живет почетный ветеран треста „Волгоградметаллург-строй“ Агашина М. К.»

Ее стихи, ее песни — любимые у работниц.

Крутись, крутись, пластиночка,
веселая грустиночка,
крутись, не дай состариться,
не дай забыть дела.
И чтоб, уйдя на пенсию,
не набирались спеси мы,
и собирались с песнями
у нашего стола...

Напевны стихи Маргариты Агашиной. Близок ей сам строй народной песни. В ее дневнике я набрела на четверостишие, написанное, видимо, как ответ в литературном споре:

Я тоже быть могу рискованной,
покинуть воинство простых
и модной строчкой нерифмованной
усовременить модный стих.

Да и нужно ли? Удивительна судьба многих стихотворений поэтессы. Не раз слышала, как спорили люди: дескать, песни «Что было — то было», «Подари мне платок», — не одним человеком сложены и пели их будто еще наши отцы и деды... И не случайно эти, лучшие ее строки, написаны в Волгограде, городе, над которым и сейчас в летние вечера можно услышать тягуче-тревожные молодые звуки волжских «страданий»...

Сколько писем приносит почтальон без адреса. Просто: «Волгоград. Маргарите Агашиной».

Пишут ей работники одного из саратовских заводов: «Читали „Девичник“. Кто переписывал, кто заучивал. Очередь установилась за книгой... Читая стихи Ваши, хочется крикнуть: „Да это же о нас, женщины! А вот это про меня“».

А это — строки из другого письма: «На моем столе Ваша книга „Не просто женщине живется“. Я ее читаю потихоньку — по одному, по два стихотворения, вечерами. Одно стихотворения хватает, чтобы сжалось сердце...»

Благодарят люди за стихи сердечные. За то, что просто и правдиво умеет сказать о любви — чаще трудной, потому как редко случается на свете любовь легкая... И зовут в гости — в Набережные Челны, в Молдавию, в Заполярье даже...

...Весной женщины Волгограда дарят ей первые цветы.

Роман Белоусов
МУЗА ФЛОБЕРА

Воспользовавшись бытовым эпизодом, изучив и, главным образом, «дополнив» его своим воображением, Флобер написал «историю одного адюльтера».

Профессор Б. Г. Реизов

В то утро Флобер, как обычно, принял ванну и, напевая мотив из «Люции де Ламермур», спустился вниз.

— Твои друзья приедут к завтраку? — спросила мать, сморщив нос от запаха одеколона, исходившего от ее двадцатисемилетнего сына.

— Я жду их с минуты на минуту, — ответил он, глядя в окно с нескрываемым беспокойством. Однако, по правде говоря, опоздание друзей к завтраку мало его трогало. В данную минуту больше занимало то, что до сих пор не появился почтальон Жульен. Эта старая черепаха вечно заставляет ждать. Флоберу не терпелось получить ответ на свое письмо, которое он отправил неделю назад в Париж своей возлюбленной Луизе Коле.

Почтальон все не показывался. Настроение начинало портиться. Хотя бы гости приехали. Обещали быть утром, чтобы позавтракать вместе, после чего Флобер собирался прочитать им свой только что законченный новый роман. Встреча была назначена заранее на сегодня, 12 сентября 1849 года, — для Флобера нынче пробьет час решающего испытания. Впрочем, он уверен в успехе, нисколько не волнуется и с чистой совестью хорошо поработавшего художника представит на суд читателей свое детище.

Наконец послышался шум подъезжающего экипажа. Флобер выбежал к воротам встречать друзей. Горячо обнимает Луи Буйле, своего однокашника по руанскому колледжу, а ныне брата по перу, крепко жмет руку Максиму Дюкану, писателю, с которым в ту пору его связывали узы большой дружбы.

Весело переговариваясь, все трое направляются в дом. По пути Максим Дюкан, поглядывая на хозяина, замечает, что тот еще больше располнел, превратился в этакого увальня-домоседа...

Особенно изменилась жизнь Гюстава с того дня, как руанцы проводили на кладбище гроб с телом его отца — доктора Клеофаса Флобера, главного хирурга центральной городской больницы. Вслед за отцом смерть унесла младшую сестру Гюстава, нежно им любимую Каролину. Подобно своей бабушке по материнской линии, она умерла, родив дочь, которую нарекли ее именем. Племянница росла в их доме и дядя лично занимался ее воспитанием.

С тех пор семья жила в Круассе, небольшом поселке, расположенном на Сене неподалеку от Руана. Большой старинный дом с пристройками и садом — целое поместье времен Людовика XV — был куплен отцом Гюстава незадолго до смерти.

Флобер любил новое обиталище, тем более, что здесь, как уверяли, бывал в свое время автор «Манон Леско». Приятно было сознавать, что в этих стенах, возможно, родились бессмертные строки прославленного романа аббата Прево...

После завтрака, который прошел в обмене остротами, обильно заливаемыми вином, мужчины перешли в кабинет хозяина.

Буйле и Дюкану хорошо знакома его обстановка. На круглом рабочем столе с витыми ножками находится пюпитр, керосиновая лампа и арсенал гусиных перьев, собственноручно зачиненных хозяином: Флобер терпеть не мог новоизобретенных металлических перьев. Тут же, как водится, чернильница в форме лягушки. Пока что из ее чрева не вышло ничего сколько-нибудь значительного, ничего такого, что бы публика и критики признали выдающимся. Может быть, сегодня им предстоит стать свидетелями рождения шедевра... Что ж, послушаем нашего милого Гюстава.

Флобер раскладывает рукопись на столе. «Искушение святого Антония», — произносит он сильным, глухим голосом и продолжает: — «Перед рассветом я становился на молитву, потом шел к реке за водой и возвращался по крутой тропинке с бурдюком на плече, распевая гимны».

До этого, за все три года, пока работал над романом, он не прочел друзьям ни строчки. Больше того, ни словом не обмолвился о содержании своего огромного произведения. «Ты восходил на Востоке — и заключал меня в свои объятия, всю трепещущую от росы, о бог Солнце! Голуби порхали по лазури твоей мантии, наши поцелуи рождали ветерки в листве, и я отдавалась твоей любви, черпая наслаждение в своей слабости...» — читает Флобер.

Невольно Буйле переводит взгляд на гравюру, висящую на стене около книжного шкафа. Это работа Калло «Искушение святого Антония». Он вспоминает, как четыре года назад, вернувшись из Италии, Флобер рассказал ему о впечатлении, которое испытал во дворце Бальби в Генуе перед картиной Брейгеля «Искушение святого Антония». В тот же год, возвратившись в Руан, Флобер приобрел в книжной лавке, в квартале Бовуазон, гравюру Калло. С этого момента, можно считать, начинается творческая история романа Флобера, над которым он будет трудиться, совершенствуя его, еще целых тридцать лет.

«Посреди портика, белым днем, была привязана к колонне нагая женщина, и два солдата бичевали ее ремнями; при каждом ударе тело ее корчилось. Она обернулась, рот ее был открыт, и под длинными волосами, закрывавшими ей лицо, мне померещилось,—там, за столпившимся народом,—Аммонария...»

Чтение длится уже добрых три часа. Слух утомился от долгого напряжения. В какой-то момент голос читающего сливается в один сплошной монотонный звук, слов нет, хотя губы шевелятся, глаза горят и руки жестикулируют.

Какется, что и впрямь перед ними святой Антоний—христианский аскет, известный своей многолетней борьбой с дьяволом. Пустынника искушали многие соблазны и греховные помыслы: мечты о славе, гордыня и честолюбие, вождение плоти, сладострастие и чревоугодие...

«Поистине, нет человека несчастнее меня! Добрые сердца встречаются все реже и реже. Мне уже больше ничего не подают. Моя одежда изношена. У меня нет сандалий, нет даже чашки, ибо я роздал бедным и семье все это свое добро до последнего обола...»

В первый день чтение длилось восемь часов: от полудня до четырех и затем от восьми вечера и до полуночи. И так четыре дня подряд, тридцать два часа. Все это время друзья, не проронив ни слова, молча слушали Флобера, он просил не перебивать его и до окончания чтения не обсуждать с ним написанное.

В перерывах он видел из окна, как его друзья прогуливаются по берегу Сены, обмениваясь впечатлениями.

На четвертые сутки, в полночь, Флобер закончил чтение. Он был так измотан, что предложил перенести вынесение приговора на следующий день.

— Поговорим обо всем завтра утром.

Суждение друзей было столь же единодушным, сколь и жестоко категоричным:

— Мы с Максимом считаем, что вещь не удалась,— прямо заявил Буйле, который, как считал Флобер, обладал тонким и безупречным литературным вкусом.—Лучше всего, Гюстав, бросить рукопись в огонь и забыть о ней...

— Вы шутите,—с трудом произносит Флобер.—Нет, вы шутите, скажите, что это несерьезно. Послушай, Луи, ты ведь это не всерьез?

— Вполне серьезно,—вступает Дюкан.—Ты просто одержим, помешан на словесной мании. Не спорю, что ты умеешь строить фразу. Но все повествование—это сплошной поток фраз, повторы, музыкальных и живописных, но ничего не дающих. Все это смахивает на напыщенную риторику. А сам Антоний? Какой-то глуповатый, ошалевший от изумления. К тому же отсутствие действия и неизменность ситуации... Поверь, Буйле прав, забудь об этом. Хочешь, сожги, хочешь положи в ящик стола. И точка. Лучше поедem с тобой в Египет.

— О, только не сейчас,—бормочет Флобер.

— Нет, именно сейчас, тебе полезно будет уехать. Вернешься, снова примешься за работу. Найди какой-нибудь другой сюжет.

Казалось, Флобер не слышит, что ему говорят. Прижавшись лбом к стеклу окна, он тяжело дышит. Разве можно так судить, думает он. Или они поступают по праву дружбы, доказывая тем самым свою верность? Но кто сказал, что в право дружбы входит и право быть жестоким? Впрочем, это лучше, чем лстивая похвала. Не Шекспир ли говорил о том, что упрек полезен, как прополка поля...

К счастью, Флобер не последовал совету друзей и не бросил рукопись в огонь. В дальнейшем он уберет нагромождения сцен, из-за чего терялась логика композиции, сделает главную мысль более четкой, пожертвует кое-какими деталями, словом, «подсушит стиль», отчего книга только выиграет. И тридцать лет спустя, когда писатель завершит, наконец, свое трудоемкое сочинение, читатели получат шедевр, без которого ныне мировая литература выглядела бы беднее.

* * *

...Весь остаток дня Флобер не мог найти себе места. Ночью не сомкнул глаз. На другое утро друзья, спустившись к завтраку, застали за столом одну мадам Флобер. Она еще не видела сына, говорят, он ушел часа три назад, в направлении Кантлэ.

В прихожей, на столике, нераспечатанным лежало письмо, доставленное накануне из Парижа.

Отложив завтрак, Луи и Максим поспешно отправились вслед за Гюставом.

С холма Кантлё, возвышающегося над Сеной, виден весь Руан, покрытый легкой голубой дымкой, очертания собора, крыши с дымящимися трубами, переплетение улиц и извилистая лента реки. Флобер задумчиво созерцал раскинувшуюся перед ним панораму. Лицо его осунулось — результат бессонной ночи — и казалось постаревшим.

Возвращались назад молча. Внезапно Флобер заговорил об отсутствии у него таланта. Теперь, после того, что услышал, он, право, не знает, о чем писать. Есть у него две-три исторические темы, но он не уверен в них.

— Возьми какой-нибудь обыденный сюжет, будничную историю из буржуазной жизни и изложи ее соответствующим образом.

— Но я не помню ни одного интересного случая, — пожаловался Флобер.

— Почему бы тебе не использовать историю Деламара? — предложил Буйле.

— Кого? — переспросил Флобер.

— Эжена Деламара. Того, что был учеником твоего отца и женился на дочери бленвильского фермера.

— Да, да вспоминаю. Кажется, в прошлом году его жена отравилась мышьяком.

— Ну, конечно, помнишь — эта история наделала столько шума. Муж был разорен, — уточняет Буйле. — Жена покончила с собой, а дочка осталась на попечении бабушки, матери Эжена. Не так давно престарелая мадам Деламар посетила этот дом.

— Она в этом доме?

— Тебя тогда не было, ты путешествовал по Италии. Как-то я пришел навестить твою мать и застал у нее пожилую женщину весьма провинциального вида. Она представилась как мадам Деламар. Говорила, что живет в соседней деревне, очень бедствует, воспитывает сироту внучку. Сюда пришла искать утешения у вдовы знаменитого доктора, у которого когда-то учился ее сын...

— Превосходная мысль, — согласился Флобер. И как бы убеждая самого себя, добавил: — В самом деле, почему бы не попробовать?

Эжен Деламар был трудолюбивым, но посредственным учеником, когда проходил практику у доктора Флобера в центральной руанской больнице. Кажется, он даже не имел диплома врача. Был, по существу, недоучившимся лекарем. Вместе с матерью он обосновался в Ри. Здесь женился на

вдове, которая была старше его, работал в сельской общине. Вскоре стал вдовцом.

Однажды вечером его срочно вызвали к одному фермеру в Бленвиль-Кревоне — тот сломал себе ногу. На пороге дома его встретила девушка лет семнадцати. Это была мадемуазель Дельфина Кутюрье. Она проводила врача к отцу. Перелом оказался несложным. Тем не менее, искусство врача произвело на папашу Кутюрье хорошее впечатление, и он попросил навестить его еще раз.

В августе 1839 года Деламар женился на Дельфине.

Как установили позже, о чем Флобер, возможно, и не знал, родители Дельфины были против брака дочери с молодым вдовцом, который повадился посещать дом папашы Кутюрье, воспользовавшись поначалу его собственным любезным приглашением. Однако дочь думала иначе. По словам ее служанки, Дельфине не терпелось выйти замуж. Между тем отец выпроваживал одного жениха за другим, считая, по тем или иным соображениям, что они недостойны его дочери.

Тогда Дельфина, по словам той же служанки Августины Менаж, пошла на хитрость. Об этом в преклонном возрасте служанка рассказала Ж. Леблан-Метерлинк — актрисе, решившей выступить в роли журналистки и специально побывавшей в Ри. Свой отчет о разысканиях прототипов она опубликовала в книге «Путешествие в страну Госпожи Бовари». Так вот, со слов служанки известно, что Дельфине удалось обмануть родителей и осуществить свое желание. Девушка стала подкладывать под юбку на живот салфетки, имитируя беременность. Уловка подействовала, свадьба состоялась.

Коль скоро упомянута Ж. Леблан-Метерлинк, следует заметить, что о прототипах романа «Госпожа Бовари» существует обширная литература.

Дельфина Деламар

Первым такого рода материалом стал очерк журналиста Жоржа Дюбоса «Подлинная госпожа Бовари», опубликованный в 1890 году в «Руанской газете». В нем автор утверждал, что в городке Ри, названном в романе Ионвилем, во времена Флобера действительно жили прототипы его героев, в том числе и аптекарь Жуан, будто бы рассказавший лично писателю историю Дельфины Деламар.

С тех пор дотошные репортеры и скрупулезные исследователи вдоль и поперек изучили житейское «дело» Дельфины Деламар (Кутюрье), опросили живших еще современников, обшарили архивы, не оставив в покое даже надгробные памятники. Таким образом выявили все сколько-нибудь подходящие совпадения с историей, рассказанной Флобером. Однако так ли уж дословно писатель перевел известные факты на страницы своего произведения?

Известны слова Флобера о том, что художник должен только наблюдать. Иначе говоря, следует лишь констатировать факты, не предлагая решений и выводов, тем более не навязывать своих убеждений, не допускать социальных обобщений. Таково, говоря вкратце, художническое кредо Флобера. Однако на практике писатель приходил в диалектическое противоречие со своими взглядами. И вопреки им создавал образы, по своему социальному обобщению являвшиеся символами современности.

Вернусь, однако, к истории Дельфины Кутюрье, ставшей супругой Эжена Деламара.

Прошло девять лет их совместной семейной жизни. Были ли они счастливы?

Поначалу Дельфине импонировало быть женой, как ей казалось, серьезного медика. Но вскоре она обнаружила, что Деламар весьма посредственный врач, как и человек, скучный и нелюдимый. Правда, жену свою он любил и посему, надо полагать, был счастлив. Что касается ее, то ей жизнь в доме провинциального лекаря очень скоро наскучила. Тусклая и серая жизнь эта стала ей в тягость. И тогда ничто—ни ребенок (Алиса родилась в первый год замужества), ни чтение, ни заботы по хозяйству—не могло принести ей счастья. Ребенка отдали на попечение кормилицы. Молодая мать, как оказалось, отличавшаяся взбалмошным характером и внезапными, подчас необъяснимыми приступами дурного настроения, жила в постоянном беспокойстве. Муж, дочь, служанка, аптекарь Жуан, мещане-соседи, монотонное существование в Ри—все тяготило ее. Она мечтала о другой жизни, об ином общественном положении. Это подтверждали и те, кто знал ее. Дельфина была безудержной мечтательницей, один за другим

она проглатывала романы. Начитавшись Бальзака, Вальтера Скотта и Эжена Сю, «она собирала полную охапку всех цветов со своих клумб, украшала ими свою гостиную, окна, стол. Потом появлялась, бойкая и оживленная, на пороге своего дома и произносила, смеясь:

— Я жду своих гостей.

Жеманясь, она делала реверансы, улыбаясь, приветствовала воображаемых гостей:

— Здравствуйте, принц! Как вы себя чувствуете, герцогиня? Ах, герцог болен? Приедет ли маркиз?..

Потом она прислушивалась к молчанию, озираясь. Кругом было пусто, как в ее душе.

Ее обнаженные руки вздымались к небу. Оцепеневшая, она стонала, зевала от скуки, жаловалась и вдруг раздражалась смехом вперемежку с рыданиями, кружась вихрем по своему саду, среди капусты, земляники и зеленого горошка».

Отвращение ее к мужу росло, теперь Дельфина открыто презирала своего супруга-буржуа. «Деламар не был дурным человеком, но он не был создан для нее — такой красивой, такой деликатной, так хорошо воспитанной...» — изливалась служанка в своей любви к госпоже, которая была такой доброй, такой нежной!.. Дельфина начала тратить деньги на экстравагантные наряды, и скоро муж ее погряз в долгах. Когда ей надоело наряжаться, она стала мечтать о любовниках. Случай не заставил себя долго ждать. Совершив первое грехопадение, она стала менять поклонников, иступленно предаваясь страсти и отчаявшись найти идеал, которого искала. Со временем о ее амурных приключениях будут рассказывать многие свидетели. Прежде всего та же служанка, от которой, по ее словам, госпожа не имела секретов.

Во время поездки в Ри, где Ж. Леблан-Метерлинк собирала материал для своей книги, ей довелось слышать и записывать свидетельства еще живых очевидцев трагедии, разыгравшейся в этом городке. Она узнала, что в те годы в нескольких километрах от Ри поселился в замке Грасьянвиль красивый тридцатилетний холостяк Луи Кампьон. Поговаривали, что до этого он жил в Париже и содержал танцовщицу. Он-то и стал будто бы ее любовником, о котором она мечтала. Утверждали, что именно он послужил прототипом Родольфа Буланже в романе Флобера.

«Родольф? Это тот, который жил в Гашетт. Но он не был единственным. После него был еще Леон, и в то же время брат Леона, — приводит Ж. Леблан-Метерлинк рассказы кумушек из Ри. — А дядя моего мужа? — свидетельствует другая. — Высокий, красивый малый, которого она пыталась соблазнить.

А! Флобер далеко не обо всем рассказал», — с видом человека, посвященного в тайну, как бы упрекала она писателя. Третья вспоминает, как ее мать будто бы выручила однажды Дельфину, когда муж чуть было не застал ее в гроте, в саду, где она находилась и, естественно, не одна.

Не верить всем этим «свидетельствам» нет особых оснований, даже если учесть, что в Ри давно уже существует своего рода «культ» Дельфины Деламар. Тем более нет причин не доверять ее служанке, ее поверенной.

Раз уж я заговорил о «культе» Дельфины и всего, что связано с другими персонажами и местом действия романа Флобера, то замечу, что были найдены прототипы даже горничной, кучера дилижанса, отвозившего Эмму Бовари в Руан, и других второстепенных персонажей. Тщательно искали и, наконец, определили местонахождение дома Эжена Деламара в Ри, аптеки, трактира «Золотой лев», замка «Вобьессар».

В связи с этим вспоминаются слова писателя В. Лидина, побывавшего в Доме-музее Флобера в Круассе. Он писал: «Старая Нормандия в изобилии поставляла ему всех этих аптекарей, ветеринарных врачей и оскудевших дворян, которые стали впоследствии его героями».

...Когда о связи Дельфины с Луи Кампьоном заговорили все кумушки в Ри, старая мадам Деламар попыталась предостеречь сына. Но тот лишь посмеялся над матерью и продолжал восхищаться женой. Впрочем, по другим сведениям, Эжен Деламар внял советам матери и запретил жене выходить из дому. Ему будто бы даже пришлось запереть ее на ключ. Но тут на помощь затворнице, как всегда, пришла ее наперсницаслужанка: она помогла Дельфине выбраться через окно в сад, где та встретилась со своим любовником. «Нужно было видеть, как она обнимала своего возлюбленного...» — повествовала служанка.

Но вот связь с Луи Кампьоном порвалась. Бросив Дельфину, он уехал, как говорили, в Америку. Уехал один, хотя и обещал взять с собой и ее, умолявшую об этом. Дельфина тяжело пережила обман и измену. Однако вскоре утешилась. Стала встречаться с молодым клерком Луи Ботте, работавшим у нотариуса. Но и Ботте ее бросил. Возможно, любовные похождения Дельфины Деламар этим не ограничились и кумушки из Ри были правы. Как прав был и Луи Буйле, и Максим Дюкан, рассказавший впоследствии о жизненном источнике сюжета «Мадам Бовари» и писавший о том, что Дельфина Деламар «гнала за приключениями и не могла насытиться ими». Иначе говоря, по его же словам, «она была

поражена нимфоманией, была жертвой одной из форм тяжелого невроза, который разрушает анемичных женщин».

Запутавшаяся в сетях адюльтера, униженная в собственных глазах, поставившая мужа на грань разорения, вплоть до ареста имущества, Дельфина Деламар отравилась. Случилось это в марте 1848 года. «Она лежала на кровати бледная, с закатывшимися глазами,—спустя годы вспоминала служанка.—Ее уже нельзя было узнать больше... Она не хотела сказать, какой яд она приняла... Все плакали. Тогда ее маленькая дочка стала на колени и умоляла ее сказать, наконец, правду. О! Это было гораздо ужаснее, чем в книге...»

Так казалось служанке—свидетельнице трагедии. Однако для нас очевидно, что неправомерно столь прямолинейное сравнение житейского источника и книги, того, что случилось в глухом провинциальном городке, и того, что происходит на страницах романа. И хотя повествование много вобрало в себя из житейского «дела» Дельфины Деламар и жизнь ее похожа на жизнь героини Флобера, между ними огромная разница. Случай с женой провинциального лекаря—довольно тривиальная история, не больше, чем бытовой эпизод. Писатель дополнил его своим воображением. И тогда в этот случай вместился целый мир.

...Однако мне снова следует вернуться в Круассе и рассказать, что же происходило в доме Флобера после того, как друзья подсказали ему тему для нового романа.

Не трудно представить, что оба они, Буйле и Дюкан, наперебой припоминали подробности событий в Ри. Пересказывая свидетельства других, они уточняли, например, какие висели портьеры на окнах, в какие платья одевалась хозяйка и как она требовала, чтобы слуга обращался к ней в третьем лице. Вспоминали внешность Деламара, какой был у него характер, а также то, что он умер, а может быть, покончил с собой год спустя после того, как в его руках оказались письма жены и он удостоверился в ее изменах.

Сам того не замечая, Флобер все с большим вниманием прислушивался к тому, о чем рассказывали друзья. Однако прежде чем засесть за новый роман, ему надо было, как и условились они с Дюканом, совершить путешествие на Восток.

* * *

«Шекспир и Восток приводили его в экстаз»,—скажет о Флобере его младший современник Анатоль Франс. Великий англичанин, как его называли, «эйвонский лебедь», всегда казался Флоберу колоссом, в реальное существование которого трудно было поверить. Что же касается «вечного Востока», то

он смолоду упивался этим «миражем». Теперь представлялась возможность воочию увидеть чудеса и загадки, города и людей, обычаи и костюмы Востока. И убедиться при встрече с ним в его «подлинности».

С энтузиазмом Флобер включился в сборы, которыми уже был занят Дюкан. Покупали костюмы и снаряжение, подыскивали слугу. Дюкан изучал фотографию, чтобы делать снимки памятников Египта. Флобер запасался блокнотами, куда собирался заносить сведения, полезные для французской торговли, поскольку таково было правительственное задание. В письме к другу юности Флобер так рисовал предстоящую поездку: «Я совершу путешествие по всему Востоку, буду в отъезде пятнадцать — восемнадцать месяцев. Мы поднимемся по Нилу до Фив, а оттуда направимся в Палестину, засим последуют Сирия, Багдад, Бассора, Персия до самого Каспийского моря, Кавказ, Грузия, побережье Малой Азии, Константинополь и Греция, если хватит времени и денег... Я долго колебался — год, целый год боролся я против пожиравшей меня страсти к вольному простору, так что даже похудел...»

Еще ранее было устранено главное препятствие. Мать, убедившись, что поездка ему необходима, согласилась на путешествие. Перед отъездом он отвез мадам Флобер в Ножан-сюр-Сен к родным ее покойного мужа. И вот 29 октября Гюстав трогается в путь. Позади осталось шумное застолье в ресторане «Провинциальные братья», восхитительная Виардо, которую друзья успели посмотреть на сцене Оперы в «Пророке» Мейербера и трудное прощание с Луизой Коле, которая чуть было не устроила Гюставу истерику из-за того, что он покидал ее.

В середине ноября путешественники высадились в Александрии. Затем совершили поездку в Каир, осмотрели его окрестность, всю в мечетях эпохи крестовых походов, и, конечно, знаменитые пирамиды. Побывали внутри этих гробниц-гигантов, поражающих своими размерами. Но еще большее впечатление произвел Сфинкс, находящийся у подножия пирамид и как будто их охраняющий.

Подле него Флобер испытал головокружение, а Дюкан был бледнее бумаги. «Дьявольски странное и мало понятное создание». Не выдержав, они бешено поскакали прочь, не спуская глаз со Сфинкса, а он все рос, рос, подымался из земли. Наконец, отъехав порядочно, они остановили запыхавшихся коней, продолжая смотреть на него. «Потом ярость вновь нами овладела, и почти с той же быстротой мы опять помчались между малыми пирамидами, рассеянными у подножия больших».

Возбужденные и уставшие, они вернулись в отель «Нил». Остаток вечера провели за столом в компании хозяина отеля, бывшего парижского актера Эрнеста Буварэ, довольно милого, но недалекого. На следующее утро путешественники двинулись дальше на юг. Они плыли по великой реке, и залитая туманом нильская долина казалась морем, белым, недвижимым, а пустыня за нею с ее горками — точно другой океан, каждая волна которого превращена в песок.

...Неистово бурлит поток под яростным нубийским солнцем. Грохочет и пенится вода, разбиваясь о черные гранитные скалы. Брызги, словно дождь, хлещут по лицам путешественников, ошеломленных этой буйной красотой. Завороженный Флобер любуется величественным зрелищем. И вдруг кричит, стараясь голосом перекрыть шум воды: «Эврика! Эврика!»

Не разобрав слов, Дюкан бросается к нему. Убедившись, что с другом ничего не произошло, он выговаривает ему:

— Ты свихнулся? Что на тебя нашло?

— Я назову ее Эммой. Эмма Бовари,— улыбаясь, отвечает Флобер.

— Почему не Буварэ? — с раздражением спрашивает Дюкан, этот «интимный враг», как позже назовет своего спутника Флобер.

— Вот именно. А потому, что гостеприимный хозяин отеля «Нил», почтенный господин Буварэ только что превратился в господина Бовари.

Так на широте двадцать четвертой параллели неверная и романтическая супруга врача из Ри обрела свое новое имя.

Ставший свидетелем этого события Максим Дюкан вспоминал: за месяц до того, как они достигли второго нильского порога, в каирском отеле «Нил» Флобер обратил его внимание на стены коридора, сплошь украшенные карикатурами художника Гаварни, вырезанными из журнала «Шаривари». На одной из них была изображена группа мальчишек во дворе школы, на которых были надеты странные шапки яйцевидной формы с тремя круглыми валиками и ромбами из бархата и кроличьего меха, разделенные красной лентой... Флобер, заинтересовавшись необычным головным убором, мысленно водрузил его на голову хозяина отеля Эрнеста Буварэ. Этого оказалось достаточно, чтобы тот превратился в Бовари. Спустя четверть века имя Буварэ снова будет использовано Флобером, когда писатель погрузится в бездонные глубины глупости Бувари и Пекюше.

Уезжая на Восток, Флобер захватил злополучную рукопись «Искушение святого Антония», с которой не мог и не желал

расставаться. Она так и осталась на дне чемодана не извлеченная. Мысли его были заняты другим. В голове начинали жить образы нового романа. Под небом Востока Флобер вспоминает Нормандию, жителей ее городков, среди которых день за днем все явственнее вырисовываются, обретая плоть, две тени—господина и госпожи Бовари. Во время путешествия Флобер много размышляет о будущем романа. Его уже тревожит мысль о том, что же он будет писать, когда вернется домой. Из Константинополя он сообщает Буйле: «С античностью все покончено, со средневековьем покончено тоже. Остается современность».

Когда в начале 1851 года, исколесив земли древних цивилизаций, Флобер и Дюкан вернулись домой, замысел будущего романа был почти готов. Позже так и скажут, что вместе с восточными сувенирами Флобер привез из путешествия «Госпожу Бовари».

В Круассе за это время ничего не изменилось. Так же отчужденно от мира текла жизнь обитателей дома. Неслышно ступала служанка, старый садовник молча поливал цветы в саду. Только Луи Буйле регулярно приезжал по субботам. Зато все заметили, что хозяин, вернувшись, сильно изменился.

В самом деле, за время путешествия Флобер заметно постарел, потолстел. Волосы еще больше поредели, лицо осунулось и стало кирпичным от загара, а брови рыжими, как у бывалого матроса. Заметили в нем и другое—он был в прекрасном настроении. Шумно рассказывал о путешествии, охотно делился впечатлениями, с гордостью показывал маленьких засушенных кайманов, кувшин с мумией священного ибиса, набедренный пояс негритянки-рабыни. Но главная причина его хорошего настроения состояла в том, что его воображение было всецело поглощено будущим романом.

Спустя четыре месяца после возвращения, 20 сентября, Флобер сообщает Луизе Коле: «Вчера вечером начал писать свой роман». Впереди предстояли долгие пять лет напряженно-го, изнуряющего труда.

* * *

Пробило три часа. Скоро утро. Камин погас. Речная прохлада проникает в кабинет. Из окна видно, как под лунным светом серебрится вода в Сене и проплывают силуэты кораблей. Флобер работает при мерцающем свете настольной лампы. Иногда с реки доносятся удары колокола гаврского пакетбота, слышатся голоса матросов: «Держи на окно господина Флобера». Все знали, что в окне этого дома по ночам всегда горит свет, на который и ориентировались речники.

Словно каторжник, прикованный к галере, Флобер трудился за письменным столом.

Ум его загорался, вдохновение пробуждалось, стоило ему лишь увидеть лист белой бумаги. В этот миг начинала кружиться голова, слышались тихие голоса гусиных перьев, во множестве разложенных на старинном бронзовом подносе.

И так изо дня в день, до глубокой ночи! Но и во сне не прекращалась работа, и часто сквозь сон ему слышались реплики его героев.

Работа по ночам, конечно, изнуряет, он понимает это и советует Луизе Коле строго соблюдать режим и не засиживаться допоздна за столом. Сам же обычно пишет ей под утро, когда славис натрудится и можно поболтать со своей Музой, как он любит ее называть. Но и в течение дня Флобер постоянно думает о ней, ждет с нетерпением ее писем на листках синей бумаги. Случается, лично ходит на почту, чтобы скорее получить их.

Какие отношения существовали между писателем и его Музой? И была ли она действительно его вдохновительницей? Скажу сразу: повлияла ли Луиза Коле на создание образа Эммы Бовари — спорили много. Избалованная вниманием (среди ее поклонников были Виктор Кузен, Альфред де Мюссе, Альфред де Виньи, Александр Дюма, Виктор Гюго), она жила в атмосфере литературного Парижа и, казалось, не имела ничего общего с проживающей в провинции героиней Флобера.

И все же некоторые исследователи усматривали известную аналогию между столичной поэтессой, тщеславной, любвеобильной, и сладострастной мечтательницей из романа Флобера.

Луиза Коле

Поэтесса Луиза Коле, «богиня романтиков», как ее называли, крупная белокурая южанка, была на тринадцать лет старше Флобера. Она стала первой и, видимо, единственной настоящей любовью писателя.

Лет за десять до встречи с Луизой Коле он пылал юношеской безответной страстью к Элизе Шлезингер, жене музыкального издателя, в доме которого он бывал. Чувство это оставалось его тайной. Позже о своей невысказанной любви он расскажет в «Записках безумца». В этой же повести автор, верный своему тогдашнему принципу писать о том, что лично чувствовал, изображать непосредственно пережитое, вывел и другую свою знакомую тех лет — Гертруду Колльер. И еще одна женщина, некая Элиза Фуко, оставила след в памяти молодого Флобера. Он встретил ее в Марселе и все кончилось легким флиртом. В романе «Ноябрь» мадам Фуко предстанет в образе куртизанки, воспылавшей страстью к юному поэту. От личных воспоминаний в книге останется немного.

Письма Флобера к Луизе Коле (а их изрядное количество — около трехсот) — бесценная часть эпистолярного наследия писателя. На протяжении восьми лет, пока длились их отношения, Флобер буквально засыпает свою возлюбленную пылкими откровениями. Однако в них не только интимные признания. Щедро делится он своими эстетическими взглядами, размышляет, излагает творческие принципы. Письма эти, в частности, помогают воссоздать творческую историю романа «Госпожа Бовари». Можно сказать, что похождения героини Флобера, мечущейся в тенетах узкого мещанского мирка, разворачиваются на фоне его отношений с Луизой Коле, их любви, вначале подлинно возвышенной (во всяком случае, с его стороны), озаренной взаимными художническими интересами, согретой общим духовным климатом.

Встречаться им доводилось, прямо скажем, не часто. Она жила в Париже, он в Круассе. Их разделяло расстояние в несколько десятков километров. Виделись они обычно в Руане или в Манте, на полпути между Парижем и Руаном, иногда на две-три недели он приезжал в столицу. В Круассе Луиза не должна была появляться, пока жива его мать. Так решил Флобер, и ничто не могло заставить его отменить этот запрет. (Вдова доктора Клеофаса скончалась через пятнадцать лет после того, как Флобер расстался с Луизой Коле.)

Столь редкие встречи и породили интенсивную переписку, благодаря чему мы сегодня располагаем восьмьюстами страницами изумительных писем великого писателя.

Чаще всего они виделись в Манте. Их так и называли — «любовники из Манты». Но и сами они посвятили городку,

дававшему им приют, теплые слова признательности. «Там, долгим поцелуем, за которым следовали бесчисленные другие, мы начали наш любовный союз», — писала Луиза в свойственной ей манере. Она воспевала Мант в стихах «Песня», «Последний жар», «Обожание»... Ничего другого, кроме праздника чувств, Муза не помнила. И в знак благодарности посылала ему стихи о маленьком прелестном городке в роскошной долине Сены.

Мант очаровывает и привлекает. Его пейзажи запечатлел великий Коро.

Они бродили по его улочкам. Навстречу осенний ветер гнал желтеющие листья. Шел дождь. Мимо красивого фонтана, украшенного скульптурами и арабесками, они спешили к укрытию — в гостиницу «Отель де виль».

Незаметно бежали часы. Лишь удары колокола возвращали их на землю, напоминая о времени. Луиза даже описала его в стихах, вестника расставания — прекрасный церковный колокол с ажурными, как кружево, рисунками...

Склонный к анализу, Флобер, между тем, изучает и свое собственное состояние, наблюдает за своей Музой. Не раз, спеша на желанное свидание в Мант, он воображает себя Эммой Бовари, которая вот так же, полная любви и жажды наслаждения, тайком отправлялась в гостиницу на встречу с Леоном, да и сама Луиза представлялась не такой уж далекой от Эммы.

Просыпаясь утром в Круассе после недавнего свидания, он вновь мечтал о Луизе. И его охватывало отчаяние от того, что он не скоро теперь увидит свою Музу.

Ему не терпелось скорей подойти к развязке «Госпожи Бовари», ведь она в конечном счете может привести к развязке и в его личной жизни. Он приедет в Париж и Луиза будет довольна.

А пока, что поделаешь, пора за стол. «Ох, уж эта Бовари, долго я ее буду помнить!»

«Вот именно — мадам Бовари!» — возмущается Луиза. И готова была ревновать даже к ней, к той, которая всегда рядом с ним и которой он уделяет все свое внимание.

Желая успокоить свою пылкую сильфиду, он заверяет, что эта бабенка Бовари с ее выкрутасами ему страшно надоела. Флобер и не заметил, что ведет речь о своей героине, словно о живом существе. Впрочем, не была ли она для него и в самом деле женщиной во плоти?

Работа над романом измотала его до такой степени, что он иногда физически страдает, ощущает боль, от которой почти теряет сознание.

Как назло рукопись подвигалась крайне медленно. Случалось, что за целый день не удавалось написать и полстраницы. Бывало и хуже, с утра и до вечера он слонялся по кабинету, не в состоянии вывести ни одной строчки. И тогда ему казалось, «будто вся катушка размоталась». «От досады, уныния, усталости у меня голова идет кругом! Просидел четыре часа и не мог придумать ни единой фразы. За весь нынешний день не написал ни строчки».

В эти минуты Флобер взывал к своей Музе: «Постарайся навеять на меня вдохновение. В этом товаре я сильно нуждаюсь в данный момент».

Как-то он написал ей, что ночь застала его над страницей, которая отняла у него весь день и еще далеко не была закончена. И он бросил ее, чтобы написать ей, Луизе, письмо. В своем ответе она иронизирует: «Благодарю великодушно, ты щедр, как восточный владыка!»

Луизе не терпелось, чтобы он поскорее закончил этот роман о женщине, незримой тенью вставшей между ними. Ей кажется, что паче всего он бережет свое рабочее время, словно не может расстаться с этой провинциальной буржуазкой Бовари. На ее упреки, что работа мешает их свиданиям, он отделяется шуткой: Пегас чаще идет шагом, чем скачет галопом. Если же говорить серьезно, то «Бовари» подвигается туго: за целую неделю — две страницы! Обещал: увидимся в Манте, когда закончу эпизод, это будет недели через две, не позже.

В следующем письме: «Мне осталось написать страниц шесть или восемь до конца эпизода». Она знала, что на это может уйти и неделя, и две, и все три... Наконец, Флобер сообщает, что дошел до того места, после которого наметил их свидание в Манте. «Как я запоздал!» — сетует он.

Между тем их собственная любовь давно уже топталась на месте. Они стали замечать, что их мысли не сходились, все явственнее дуэт переходил в дуэль. И все раздражительнее становились письма Луизы.

Критик Понтмартен в своих воспоминаниях писал о ней: «Со спорным талантом, с сомнительными умственными способностями, жадная ко всему, что служило разговорам о ней, она охотно сожгла бы десять домов и один храм, чтобы о ней заговорили. Она гордилась своей белокурой красотой и не умела жить экономно».

Луиза Коле делала все с умыслом. Стихи были для нее поводом сообщить читателям о месте своего рождения, о предках, которых она считала знатными, о любовниках, которых имела немало. Она писала статьи, комедии, стихи,

сказки для детей (кстати, своих детей у нее было семеро), вела отдел в журнале «Моды Парижа».

Настоящим ее достоянием была лишь красота. И когда это ее единственное богатство с годами поистратилось и поблекло, она, будучи не в состоянии восполнить его умом, как написала Э. Фрейлих в своей книге о ней, умерла от огорчения и от неумения состариться.

Себялюбивая Луиза не понимала либо не хотела понять, что в работе для Флобера заключалось и горе, и счастье. Злобная химера Искусства сжигала его сердце, терзала душу. Луиза совершала распространенную ошибку—ревновала к творчеству. Возможно, ей хотелось, чтобы перо Флобера чаще выводило ее имя?

Так или иначе, пылкий, необузданный нрав и капризный характер Луизы приводили к частым размолвкам. Наконец, в 1854 году произошел окончательный разрыв.

Спустя несколько лет мадам Коле отомстила Флоберу. Не так, правда, как писателю Альфонсу Карру за его неудачно брошенную фразу в кафе «Риш» о том, что отцом ребенка Луизы Коле был не ее муж, а любовник. На следующий день она явилась к А. Карру и, вынув из сумки кухонный нож, нанесла ему удар, к счастью, не смертельный. Потом этот нож висел в прихожей у А. Карра с надписью: «Нож, всаженный мне в спину мадам Коле».

Месть Луизы Флоберу была не столь жестокой, но достаточно откровенной. В своих романах «История солдата» и «Он» бывшая возлюбленная вывела его в образе равнодушного Леонса, погубившего героиню своей бесчувственностью...

* * *

Однажды, на заре их отношений, Флобер предложил Луизе Коле написать адюльтерный роман и сообщил сюжет, взятый им из действительности. «Изучи хорошенько героев,—советовал он,—восполни воображением то, что в жизни всегда бывает незаконченным, и изобрази все это в хорошей книге». Луиза не стала тогда писать. Теперь, пять лет спустя, он сам воспользовался подлинной историей и сочиняет роман о провинциальном адюльтере. Тема эта оказалась характерной для общественной жизни той поры, и многие писатели обращались к ней. Но Флобер нашел свой подход, прежде всего, отказавшись от поверхностной претенциозной ситуации, обильно сдобренной дешевой морализацией. Его замысел проникал гораздо глубже, проблема представлялась значительно шире. В трагедии провинциального адюльтера писатель увидел явле-

ние социальное. «Думала ли ты когда-нибудь,— спрашивает он Луизу Коле,— сколько женщин имеют любовников и сколько мужчин имеют любовниц?.. Сколько здесь лжи! Сколько ухищрений и сколько измен, сколько слез и сколько тоски! Отсюда то и возникает гротескное и трагическое». Ложь в обществе — порождение его законов и нравов. В этом смысле супружеские измены — проблема скорее трагическая, чем гротескная. Вот вам пример, говорит Флобер, и приводит историю своей знакомой мадам Прадье, жены скульптора. Уличенная в измене и получившая развод, она влачила одинокое, полунищенское существование. Посетив ее (это было в 1845 году), он решил описать подробно то, что узнал и увидел. (Два года спустя эти свои впечатления он отразил в «Записках г-жи Людовики».) Некоторые литературоведы считают, что история мадам Прадье была использована Флобером при работе над «Госпожой Бовари». Вообще роман вобрал в себя многие бытовые эпизоды, которые помогали автору конкретизировать материал. Были установлены и другие современные ему события, личные наблюдения и факты собственной биографии, вошедшие в книгу. Вплоть до таких, как случай с печаткой, которую Эмма Бовари принуждает Родольфа принять от нее в дар. Эту же самую печатку, с той же надписью, подарила Луиза Коле своему упрямому Гюставу. Видимо, в образе Эммы Бовари действительно можно обнаружить отголоски трудных отношений Флобера и Луизы, черты ее характера. Однако под пером писателя, пройдя сквозь его воображение, все это утрачивало биографический смысл.

Главное, на чем он сосредоточит свое внимание,— показать обыденный мир с его скукой и пошлостью. Легче, конечно, изобразить драму — она всегда исключение, а он должен показать правило. Следовательно, не нужно ни чудовищ, ни героев! Ему предстояло пройти между лиризмом и вульгарностью и дать сочетание пошлости и трагизма.

В этом и будет состоять отличие его Эммы Бовари от главного прототипа — Дельфины Деламар. Судьбы обеих весьма схожи, но и далеки друг от друга. Обе живут в мещанской «зловонной среде», в которой, по словам Флобера, ему приходилось «барахтаться» и от которой его чуть ли не физически тошнило. Ежеминутно он должен был влезать в шкуру несимпатичных ему людей, обитателей серого буржуазного мирка. И тем не менее героиня Флобера бесконечно далека от своего прообраза. Казалось, писатель повторил в романе историю Дельфины Деламар достаточно точно, в полном соответствии с подлинным случаем. Но не совсем так. Образ главной героини оказался весьма далек от прототипа. Эмма

Бовари — порождение «зловонной среды», но и ее жертва, убитая ею.

Эмма мечтает об иной жизни, грезит о возвышенной любви, чуждой банальных супружеских отношений. Сама порождение мира пошлости, она тянется к возвышенному. Но ей не суждено вырваться из своего круга, попытки найти настоящую любовь оборачиваются заурядным адюльтером: в любовниках она находит то же, что и в муже, — «пошлость брачного сожительства». Волны ее голубой мечты разбиваются об острые скалы серой действительности.

По словам Сент-Бёва, Флобер сумел дать анализ — глубокий, тонкий, обстоятельный — чувств и поступков своей героини, сумел проникнуть в сердце госпожи Бовари. Ему удалось это потому, что он владел «пером так, как иные — скальпелем». Но и сам Флобер говорил, что, анализируя поступки своей героини, ощущал холод скальпеля, проникающего в его тело. «Сердце, которое я изучал, было мое собственное сердце». Он надеялся, что роман, рождавшийся в муках творчества, станет пределом психологического постижения характера героини, захваченной «поэзией любви». Флобер смел думать, что ему удастся показать трагедию любви в мире мещанства — ведь, если говорить о любви, то это был главный предмет его размышлений в течение всей жизни.

Тем не менее каждая страница давалась ему с невероятным трудом. «Отвратительная работа!» — жалуется он Луизе Коле в моменты творческого застоя. Однако, пережив минуты вдохновения, признается, что любит свою работу яростной и извращенной любовью, как аскет власяницу, раздирающую его тело.

* * *

Толстый позолоченный Будда бесстрастно дремлет в углу комнаты. Он всегда одинаково безразличен и к холодному зимнему ветру, и к затяжному осеннему дождю, и к бушующей за окном реке. Так же спокоен он и перед лицом страстей. И как бы ни был взволнован хозяин кабинета, восточный истукан взирает на него с обычным равнодушием.

А между тем хозяин, действительно, очень возбужден. Лицо его вздулось от бурного прилива крови, шея налилась, лоб побагровел. Вобрав голову в могучие плечи, он уставился на исписанный лист бумаги. Только что отравилась Эмма Бовари. «Она двинулась прямо к третьей полке, схватила синюю банку и, вынув горсть белого порошка, тут же принялась глотать». Флоберу стало тяжелее дышать, грудь стеснило, и он вдруг почувствовал странное сильное недомогание. Не

хватало воздуха, он задыхался. Во рту отчетливо ощущался вкус мышьяка, который только что проглотила Эмма. Прикрыв рот рукой, Флобер едва успел выбежать из кабинета.

«Буржуа и не догадываются, что мы подаем им на стол наши сердца. Род гладиаторов не вымер — каждый художник принадлежит к этому роду. Он развлекает публику своей агонией».

В этот вечер с радостью и облегчением он написал: «„Бовари“ идет *pianissimo*».

Как измучила его эта книга, боже, как он устал, сколько выстрадал! Предложи ему сейчас кто-нибудь начать снова этот проклятый роман, он не согласился бы ни за какие миллионы. В минуту отчаяния он пишет на уголке письма: «Пора кончать с „Бовари“!.. Нет, эта книга — не мое детище, не моя плоть, не мной выношена...»

Пятьдесят три месяца упорного, нечеловеческого труда. Почти пять лет, на протяжении которых он днем и ночью жил с тенью Дельфины Деламар, принявшей облик Эммы Бовари. За это время было исписано тысяча семьсот страниц, чтобы оставить в окончательном варианте около пятисот.

В конце мая 1856 года Флобер отправил рукопись в редакцию «Парижского обозрения». Роман был опубликован и расходился сверх ожиданий автора. «Только женщины, — записывает Флобер в те дни, — смотрят на меня, как на „ужасного человека“. Находят, что я слишком правдив». Однако кое-кто усмотрел в книге нечто иное, более опасное.

Случалось в истории, и не раз, что литературное сочинение и его автор были преследуемы судом. Но, пожалуй, ни в одну еще эпоху не преследовали писателей за их книги так яростно, как во времена Второй империи. Первое, что предпринял Наполеон III, захватив власть, — упразднил закон о свободе печати. Теперь репрессии грозили любому изданию, и прежде всего журналам и газетам, заподозренным в отсутствии политической лояльности.

Полицейские меры принимались и против тех писателей, которые в своих произведениях якобы нарушали правила общественной нравственности.

Оказался на скамье подсудимых и Г. Флобер. Ему инкриминировали оскорбление общественной морали, религии и добрых нравов.

Журнал «Парижское обозрение», занимавший враждебную правительству позицию, уже дважды предупреждался полицией. Теперь представлялся случай разделаться с ним окончательно. Словом, подоплека была явно политическая, а не литературная.

Перед судом 31 января 1857 года предстал высокого роста господин с длинными усами, глубокими залысинами и щеками, покрытыми красными прожилками.

Едва себя сдерживая, весь побагровевший, Флобер слушал обвинительную речь. Временами лицо его становилось бледным, как полотно, и ему казалось, что в зале судят, смешивая с грязью, вовсе не его, а женщину, которую он сотворил силой своего воображения и теперь стоявшую перед судом и вынужденную публично отвечать за свои поступки.

Стиснув вспотевшие пальцы, Флобер изучает рысье лицо прокурора. Про него говорят, что сам он является автором непристойных стишков, которые тайком ходят по рукам. И этот «блуститель» нравственности позволяет таскать за волосы несчастную Бовари, точно распутную женщину, перед всей исправительной полицией, перед публикой!

Между тем в зале продолжали раздаваться слова «грязь и пошлость», «книга, дышащая похотью», «непристойные картины», «поэтизация адюльтера», «чудовищное смешение священного и сладострастного». Последние слова относились к эпизоду смерти героини, в частности, к сцене соборования умирающей.

С торжественным видом прокурор зачитывает: «Священник прочел „Да смилуется“ и „Отпущение“, обмакнул большой палец правой руки в миро и приступил к помазанию». — Нет, вы только послушайте, что пишет автор,— вскричал в ужасе прокурор: «Он умастил ей сперва глаза, еще недавно столь жадные до всяческого земного великолепия; затем ноздри, с упоением вдыхавшие теплый воздух и ароматы любви; затем — уста, откуда исходила ложь, вопли оскорбленной гордости и сладострастные стоны; затем руки — получавшие наслаждение от нежных прикосновений и, наконец, подошвы ног, которые так быстро бежали, когда она жаждала утолить свои желания, и которые никогда уже больше не пройдут по земле».

Кончив цитировать, обвинитель тут же обрушился и на всю реалистическую литературу — не потому, что она изображает страсти, но потому что она делает это без удержу и без меры. «Искусство, лишенное правил,— не искусство. Оно подобно женщине, которая сбрасывает с себя все одежды...»

Наступила очередь защитника. Мэтр Сенар (в прошлом председатель Национального собрания и министр внутренних дел) поднялся со своего места. В успехе он не сомневается, хотя это будет и нелегко. Но он знает, как нанести удар.

Его речь длилась четыре часа. Один за другим опытный адвокат разбил аргументы обвинения. Прежде всего он нарисовал портрет автора. Господин Гюстав Флобер — человек серьез-

ного нрава, а отнюдь не тот, каким хотел его представить обвинитель, надергавший в разных местах книги пятнадцать или двадцать строк, будто бы свидетельствующих о том, что автор тяготеет к сладострастным картинам. В «Госпоже Бовари», продолжал защитник, описывается супружеская измена, но ведь она — источник непрестанных мук, сожалений и угрызений совести для героини. Что касается так называемых непристойностей, то адвокат предложил судьям заглянуть в книги Монтескье и Руссо, где легко обнаружить отрывки гораздо более вольные, нежели в романе господина Флобера. Стало быть, следует запретить и их...

Наконец, мэтр Сенар приступает к изложению своего главного аргумента, который должен начисто опровергнуть обвинение. Неожиданно для всех он извлек из кармана небольшую тоненькую книжечку и потряс ею перед всеми.

— Послушайте,— торжественно восклицает он,— послушайте, что говорит сама церковь.

Блестящий ход. Молодец дядюшка Сенар! Флобер сразу узнал эту книжку: это был тот самый «Требник», которым он пользовался для описания сцены соборования умирающей Эммы.

Прокурор явно растерян. Делая вид, что не замечает его замешательства, Сенар приводит цитаты, от которых доводы обвинения рассыпаются в прах. Получалось, что описание соборования в романе является лишь смягченным воспроизведением того, что сказано в «Требнике».

— Эта книга,— небрежно замечает Сенар,— была напечатана в Мане Шарлем Моннуае в 1851 году и называется «Историческое, догматическое, нравственное, литургическое и каноническое объяснение катехизиса, содержащее советы на научные возражения против религии». Ее автор — господин аббат Амбруаз Гийуа, кюре Нотр-Дам дю Пре...

Через неделю, седьмого февраля, суд вынес решение.

Председатель Дюбарль унылым голосом зачитывал: «...принимая во внимание, что произведение, судя по всему, потребовало от писателя долгого и тщательного труда... что отмеченные отрывки, хотя и заслуживают всяческого порицания, занимают весьма небольшое место по сравнению с размерами произведения в целом... принимая во внимание...», — Флобер не слышал продолжения. Это была победа.

Покидая здание суда, Флобер сказал Жюлю Сенару:

— Никогда еще я не понимал так отчетливо, как сегодня, что в это самое мгновение моя бедная Эмма страдает и плачет в двадцати французских селениях одновременно...

В начале 1857 года издатель Мишель Леви выпустил роман «Госпожа Бовари» отдельным изданием тиражом в 15 тысяч экземпляров. Открывалась книга словами признательности Жюлю Сенару, которому Флобер был обязан выходом ее в свет. В приложении были помещены постановление суда и речи прокурора и защитника, которые во время суда записал стенограф, приглашенный Флобером с оплатой по шестьдесят франков за час.

Несмотря на одержанную в суде победу, Флобер испытывал смертельную усталость. «Я так разбит физически и морально после всего этого, что не в состоянии ни шевельнуть ногой, ни держать в руке пера».

Надо было возвращаться в Круассе, жить там, как прежде, и постараться натянуть новые струны на его бедную лиру, которую забросали грязью... И что бы ни судачили обыватели, как бы ни реагировали присяжные критики, сколько бы ни клевали «охранители нравственности», его дело — дробить камни, подобно рабочему, упрямо, со склоненной головой, с бьющимся сердцем. Его дело — писать, не разводя теорий, не заботясь о составе красок, о размерах холста, о долговечности своих творений, писать «изо дня в день, — как скажет о нем Анатоль Франс, — принося жизнь свою в жертву литературе».

Владимир Британишский

КОММЕНТАРИЙ

Культура — длинный ряд зеркал.
Но как составить комментарий,
чтоб космос (а не планетарий)
в забытых смыслах замерцал?

Чтоб мой предшественник предстал
всей мощью мудрых полушарий,
чтоб, черный, серый или карий,
но зрячий! — глаз его сверкал.

Как памятник его труду,
за камнем камень я кладу.
Культура — это пирамида:
не индивида торжество
и не бессмертье для него,
но шанс для сохранения вида.

Резцом

и кистью

«МЕДНЫЙ ВСАДНИК» АЛЕКСАНДРА БЕНУА

Перефразировав мудрые слова Федора Достоевского: все мы вышли из гоголевской «Шинели» — не один художник-иллюстратор отечественной книги мог бы сказать о себе, что он вышел из рисунков Александра Бенуа к «Медному всаднику» Пушкина. И в этом не было бы преувеличения. Рисунки эти давно стали классикой, а сам Бенуа признан лучшим иллюстратором «солнца русской поэзии».

В феврале 1930 года в письме к сыну, в котором художник перечислил основные факты своей жизни для итальянской энциклопедии, А. Н. Бенуа счел необходимым сообщить: «Моя первая иллюстрированная книга „Медный всадник“ Пушкина появилась в „Мире искусства“ в 1904 г. и вновь издана в 1923 г.».

Прошло тридцать лет. В запасе оставалась только одна неделя жизни. Вновь художник обратился к горячо любимому «Медному всаднику». В письме к искусствоведу А. Н. Савинову от 2 февраля 1960 года (Бенуа умер 10 февраля) он дает исключительно ценный и подробный комментарий к истории иллюстрирования поэмы. Этой теме почти полностью посвящено его последнее письмо на родину...

В богатой и разносторонней творческой биографии художника книжная графика занимала далеко не последнее место. Он рассматривал ее как искусство такого же уровня, как монументальная или станковая живопись. Художник-график, по мнению Бенуа, не только комментирует писателя, но и выражает свое отношение к художественному произведению, к его эпохе и к современности. В письме к Е. Лансере он говорит, что бывают такие художники-графики, в искусстве которых не увидишь их личного отношения к жизни, к произведению, но зато — масса грации, внешнего такта, вкуса. «Но бывают и такие иллюстраторы, которые на страницах книги пишут свои прозорливые комментарии или которые

слагают рядом с поэзией текста свои собственные поэмы... и, таким образом, рождаются два художественных произведения вместо одного, получается в одном переплете две книги двух авторов, отнюдь не мешающие друг другу, но и не выполняющие одна по отношению к другой служебной роли».

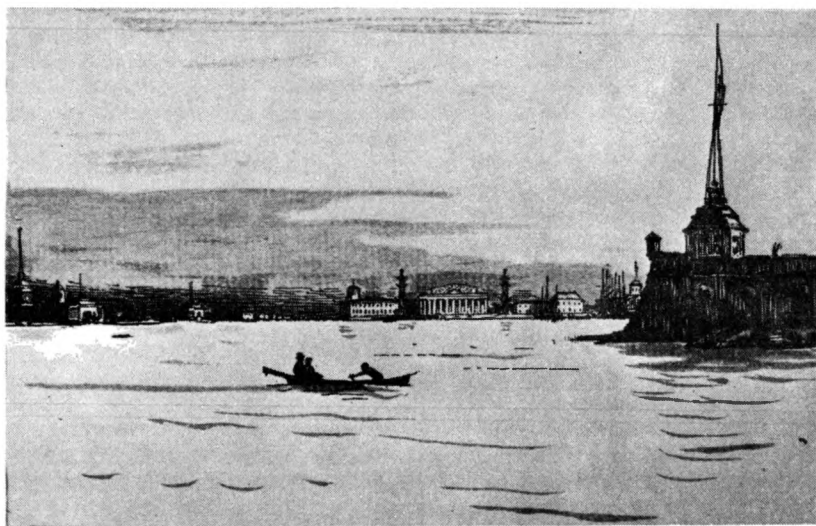
Сюита рисунков к «Медному всаднику» стала вдохновенной поэмой Александра Бенуа.

Формальным поводом для работы над этой темой послужил заказ Клуба любителей русских изящных изданий выполнить иллюстрации к одному из произведений русской литературы. Выбор сделал сам Бенуа — «Медный всадник» Пушкина. Выбор был не случаен. В письме к А. Н. Савинову Бенуа признавался, что с самых юных лет, когда он только впервые познакомился с сочинениями Пушкина, «...именно эта поэма особенно пленяла, трогала и волновала своей смесью реального с фантастическим».

Художник находится в полном расцвете творческих сил, он хочет высказаться во всю мощь отпущенного ему таланта.

Работа над рисунками к пушкинской поэме увлекает Бенуа, часть из них он делает в Риме, а завершает работу в Петербурге.

Заказ был выполнен в срок, но с заказчиком произошел конфликт. Иллюстрации к поэме не понравились руководителям Клуба любителей русских изящных изданий. Бенуа

были поставлены следующие условия: они напечатают только 13 экземпляров поэмы с полной сюитой рисунков. Остальные книги выйдут в свет только с теми иллюстрациями, которые им пришлось по вкусу. Анна Петровна Остроумова-Лебедева в своем дневнике записала: «На днях я узнала, что у Бенуа с Верещагиным вышла неприятность по поводу заказа Бенуа иллюстраций к „Медному всаднику“. Все это общество состоит как будто из страшных дураков».

Вполне естественно, что такие условия не удовлетворили Александра Бенуа. Так, по вине Верещагина и других руководителей Кружка, не состоялось очень интересное издание поэмы Пушкина.

Иллюстрации к «Медному всаднику» приобрел Сергей Павлович Дягилев, редактор-издатель журнала «Мир искусства». Он обладал тонким художественным чутьем, хорошим вкусом и ко всему этому — неиссякаемым запасом энергии. Все, что было высокоталантливого в искусстве, находило у него поддержку.

И за что бы он ни брался — будь то выставка портретов в Таврическом дворце или русские сезоны оперы и балета в Париже — все было грандиозно, талантливо, было открытием, становилось значительным событием. Его вли-

яние на судьбы русского искусства начала века трудно переоценить. Даже такой сдержанный и замкнутый человек, как Серов, и тот, по воспоминаниям М. Нестерова, считал Дягилева «лучезарным солнцем и без этого солнца жизнь была ему не в жизнь».

Рисунки Бенуа увидели свет в первом номере «Мира искусства» за 1904 год. Между временем конфликта с Кружком и журнальной публикацией прошло полтора месяца. Времени для должной подготовки публикации не было. А. А. Сидоров допускал, что к моменту ссоры уже были готовы клише рисунков планируемой книги, которые, по всей вероятности, и были использованы в журнале.

Вообще говоря, представители «Мира искусства» исключительно глубоко и всесторонне изучали мировой уровень оформления и издания книг, были большими знатоками этого дела. Сам Александр Бенуа в статье «Задачи графики» писал о том, что художник, занятый оформлением книги, должен обращать свое внимание на основные требования красоты, а именно на выработку формата, качество, поверхность и цвет бумаги, размещение текста на странице, распределение и соотношение заполненных и пустых пространств, на шрифт, пагинацию, обрез... Но, к сожалению, именно эти требования и не были соблюдены в журнальной публикации рисунков к «Медному всаднику» — из-за спешки.

Если учесть, что клише готовились для формата альманехов пушкинской эпохи, то не удивительно, что многие рисунки просто потонули на такой огромной площади. Не было соблюдено и строго выверенное, логически обоснованное их размещение. Таким образом, возможности художественного воздействия рисунков были ослаблены. И тем не менее выход в свет иллюстраций Александра Бенуа к «Медному всаднику» стал событием не только в мире книжной графики, но и всей культурной жизни России.

После названия поэмы журнал давал фронтиспис к ней: величественный Медный всадник на фоне тяжелого свинцово-серого петербургского неба, усеянного разорванными мятущимися тучами. Ксилографию для фронтисписа в 4 доски готовила ставшая в то время уже знаменитым художником-гравером А. П. Остроумова-Лебедева.

Рисунки шли вместе с текстом поэмы, но два из них были вынесены на отдельные листы. Первый (он как бы олицетворял первую сюжетную линию поэмы) посвящен Петербургу. Художник смотрит на свой любимый город со стороны Троицкого моста, перед ним открывается классически строгая красота северной столицы. В левом углу рисунка — шпиль Адмирал-

тейства, в центре — стрелка Васильевского острова, неповторимый архитектурный ансамбль Биржи с ростральными колоннами.

В правом углу — Петропавловская крепость. Сверху — спокойное безоблачное небо, внизу — необъятная, полноводная, величественная гладь Невы, одиноко плывущая по ней лодка с гребцами.

Другой рисунок листа (и вторая сюжетная линия) передает трагедию героя поэмы, его кошмар: преследующий Медный всадник. Окраина города, ночь, сквозь тучи светит луна. От домов, освещенных зыбким лунным светом, ложатся глубокие темные тени. В правой части рисунка — скачущий Медный всадник. В левой части композиции — маленькая, жалкая, загнанная фигурка Евгения. Все выглядит реально и фантастично.

Остальные рисунки к поэме, как уже говорилось, были размещены вместе с ее текстом. Большинство из них — в верхней части листа, напоминающей фриз здания. Своими изобразительными средствами они предвосхищают содержание строф поэмы, расширяют границы воздействия ее на читателя-зрителя. Концовки выполняют ту же роль — дополнить зрительным образом заключительные строки глав.

Все рисунки исполнены тушью, очень лаконичны и выразительны, освобождены от мелочных подробностей. Некоторые из них создают иллюзию неоконченности. Это особенно

относится к изображениям разбушевавшейся стихии. Таким приемом передавалось ощущение зыбкости, неустойчивости, постоянно изменяющихся событий. Читатель как бы сам становился соучастником происходящего, создавалась возможность сопереживать, домысливать, фантазировать.

Из 33 рисунков 29 подкрашены акварелью, что создает впечатление цветных гравюр. (Художник и его друзья по «Миру искусства» в это время очень увлекались гравюрой, находились под сильным впечатлением искусства Остроумовой-Лебедевой.) Подцветка сделана очень мягко, тонко, ее тона — серовато-зеленый, серовато-желтый, серовато-голубой.

Она усиливает настроение от иллюстраций, создает им неуловимый музыкальный фон, дает возможность глубже проникнуть в содержание и стиль поэмы.

Приступая к «Медному всаднику», Бенуа принял очень важное и принципиальное решение — дать подстрочное иллюстрирование поэмы. При таком подходе создаются не отдельные, не связанные между собой рисунки, а исполняется единая сюита иллюстраций, как бы кинематографическая лента их, положенная на стихотворный текст.

В таком двуединстве мы и воспринимаем теперь «Медного всадника» Пушкина и Бенуа. Точно так же, как стихи гениального поэта к Анне Керн — в двуединстве с музыкой на эти стихи Михаила Глинки.

Бенуа, как никому из художников, удалось проникнуть в поэтический мир великого Пушкина и передать егообрази-

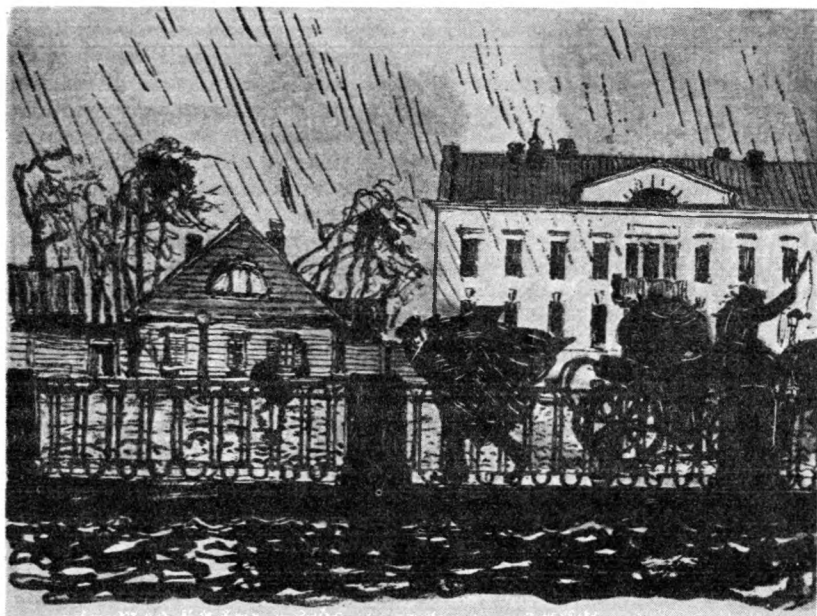

тельными средствами. В то же время рисунки к поэме были не только «прозорливыми комментариями», но и отражали дух эпохи, в которой жил и творил сам художник,— эпохи больших социальных потрясений, приближающейся революции...

Современники восприняли композицию Бенуа к «Медному всаднику» как новое, веское слово в изобразительном искусстве. В марте 1904 года Игорь Грабарь писал ему, что эти рисунки «...так хороши, что я от новизны впечатления все еще не могу прийти в себя. Чертовски передана эпоха Пушкина...

Они страшно современны, и это важно». Позже, в 1927 году, в статье о Бенуа для первого издания БСЭ Грабарь подчеркнул, что рисунки к «Медному всаднику», исполненные художником в 1903 году,— «лучшее, что сделано им в области графики». Остроумова-Лебедева их оценила как непревзойденные образцы графического искусства. Бакст их назвал «настоящим перлом в русском искусстве».

В наше время исключительно высокую оценку им дал известный искусствовед, непревзойденный знаток книжной графики А. А. Сидоров. По его мнению, главным событием с

начала и до конца существования журнала «Мир искусства» явился январский номер журнала за 1904 год с иллюстрациями Бенуа к «Медному всаднику».

Эти иллюстрации сразу же стали программными и на многие годы определили пути развития отечественной книжной графики.

После первой журнальной публикации рисунков А. Бенуа Дягилев предполагал напечатать их в отдельном издании с поэмой Пушкина «Медный всадник». Но вскоре право на их выпуск в свет перешло к издательству М. О. Вольф. В 3-м томе собрания сочинений А. С. Пушкина в издательстве «Брокгауз и Ефрон» (1909) были воспроизведены 2 рисунка из журнальной публикации с надписью: «Из подготовляемого к печати роскошного издания „Медного всадника“ т-ва М. О. Вольф».

В этом же томе был помещен еще один рисунок к «Медному всаднику» — из коллекции известного собирателя, стоявшего близко к руководству «Мира искусства», князя Аргутинского-Долгорукова. Этот рисунок, представляющий со-

бой один из вариантов иллюстраций Бенуа к поэме Пушкина, никогда больше не публиковался.

Только в 1912 году в неполном, сокращенном варианте, сюита рисунков Бенуа вышла в свет с текстом поэмы в издании «Петербургского общества грамотности». Художник еще долгие годы продолжал работать над иллюстрациями к «Медному всаднику». Тому были разные причины. Александру Бенуа была дорога эта тема, он был очень привязан к ней. В то же время другие издательства просили его выполнить иллюстрации к пушкинской поэме, и он вновь брался за любимую работу. Так, в 1905 году Комиссия народных изданий при Экспедиции заготовления государственных бумаг заказала ему исполнить иллюстрации к «Медному всаднику». Рисунки эти были выполнены в Версале, в том же году, но света так и не увидели.

Прошло десять лет, и Бенуа в третий раз получает заказ на иллюстрирование поэмы «Медный всадник» — от Комиссии художественных изданий при обществе святой Евгении Красного Креста. Новая серия рисунков была выполнена художником летом 1916 года в Крыму. Но и эти иллюстрации не увидели света.

С первых дней Октября Бенуа — активный участник охраны памятников искусства, художественной жизни Петрограда. Своеобразным подтверждением его деятельного участия в строительстве новой жизни служит оценка Зинаиды Гиппиус, сразу же и вполне определенно занявшей резко враждебную позицию. 11 января 1918 года она помечает в своем

дневнике (имея в виду тех, кого, по ее мнению, следовало бы в первую очередь уничтожить после контрреволюционного переворота): «Для памяти хочу записать, за упокой интеллигентов-перебежчиков... Запишу их за чертой, как бы в примечании, а не в тексте, и не по алфавиту, а как они там на той или другой службе у большевиков выяснились». Под чертой в дневнике идет список. Вторым стоит Александр Блок, последним, двадцать вторым — Вс. Мейерхольд. Александр Бенуа занял семнадцатое место. Рядом с его фамилией — запись: «Изв. художник, из необщественников: с момента революции стал писать подозрительные статьи, пятнающие его, водится с Луначарским...»

Наряду с огромной работой в Эрмитаже, где он заведует картинной галереей, и в театре, Бенуа занимается живописью и продолжает трудиться над композициями к «Медному всаднику». В 1923 году поэма с его иллюстрациями выходит в бывшей типографии Голине и Вильборг тиражом 1000 пронумерованных экземпляров. Издание это, весьма достойное, было осуществлено Комитетом популяризации художественных изданий. Размер книги был большой, иллюстрации размещены вместе с текстом идеально, печать рисунков безукоризненна. Однако художник по-своему расценил результат. В письме к А. Н. Савинову за неделю до смерти он вспоминал об этом так:

«...Я решил в другом нашем издательстве выпустить ту же серию композиций уже в гораздо большем формате. Захотелось развернуться, кое-что исправить, уточнить; иным композициям это послужило в пользу, другим — скорее во вред».

Таким образом, мнения самого Александра Бенуа, а также Игоря Грабаря, А. П. Остроумовой-Лебедевой, Л. Бакста и других деятелей отечественного искусства и культуры полностью отрицают утверждение некоторых искусствоведов о том, что рисунки к «Медному всаднику» 1903 года были «всею лишь подступом к теме» и что позже художник оставит далеко позади свое «первое прочтение „петербургской повести“».

Именно с этих рисунков и начинается небывалый расцвет русской книжной графики. Без иллюстраций к «Медному всаднику» 1903 года наше отечественное искусство не имело бы рисунков Д. Кардовского к «Горю от ума» Грибоедова (1913), иллюстраций Е. Лансере к «Хаджи-Мурату» Льва Толстого (1916), многих других работ художников-графиков русской книги.

ИЗДАТЕЛЬСКИЕ МАРКИ НАЧАЛА ВЕКА

Общеизвестно, что конец XIX — начало XX века — время расцвета русской книжной графики. Литература, посвященная этому вопросу, практически необозрима. Однако такая малозаметная, но существенная для всех интересующихся книгой область, как издательская марка, почти не исследована. Кажется, кроме статей Э. Ф. Голлербаха в журнале «Советский коллекционер» и В. В. Воинова в каталоге выставки, посвященной десятилетию советской графики, почти ничего опубликовано не было. Правда, в 1924 году В. В. Воиновым была подготовлена книга «Русские издательские марки». Был даже выполнен М. Кирнарским макет и все оформление. Однако книга в свет не вышла. А между тем знакомство с издательскими марками представляет несомненный интерес. В период, о котором идет речь, эти графические миниатюры часто выполнялись крупными художниками, и иногда они являют собой подлинные шедевры. Конечно, далеко не все марки представляют художественную ценность, но все они интересны как образцы полиграфического искусства своей эпохи.

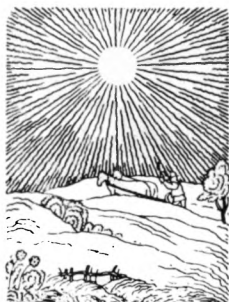
В помещенном ниже небольшом собрании представлены лишь некоторые из огромного числа русских и советских издательских марок. Одни, безусловно, знакомы многим, хотя, вероятно, авторы их мало кому известны. Большинство же принадлежит забытым и малотиражным издательствам, книги которых давно стали редкостью. Отобраны марки работы ведущих графиков той эпохи. Часть авторов (Чехонин, Добужинский, Митрохин, Головин, Анненков) широко известны во многих областях искусства, другие (Лео, Грузенберг, Арнштам) в основном работали в области книжной графики.

Надо сказать, что атрибуция марок представляет известную трудность из-за отсутствия на многих из них подписи автора. Кроме того, издательские марки редко рассматрива-

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ААКНОСТЬ“

лись как самостоятельные произведения искусства, почти не экспонировались на выставках, а значит, и не входили в каталоги. Так, из 200 марок, бывших в моем распоряжении, я сумел определить авторов лишь 70 работ.

Надеюсь, что эта более чем скромная публикация привлечет внимание любителей книги к издательским маркам — этим незаметным, но важным «опознавательным знакам книжного моря».

Ленинград

«Комитет популяризации художественных изданий» (Л. С. Хижинский)

«Грядущий день» (М. В. Добужинский)

«Венок»

«Алконост» (Ю. П. Анненков)

«Аквилон» (М. В. Добужинский)

«Светлана»

«Мусажет»

«Круг» (Ю. П. Анненков)

«Картонный домик» (А. Я. Головин)

«Академия художеств» (П. А. Шиллинговский)

«Былое» (В. П. Белкин)

«Странствующий энтузиаст» (М. В. Добужинский)

«Колос»

«Шиповник» (М. В. Добужинский)

«Новая Москва» (С. Грузенберг)

«Атений» (А. Н. Лео)

«Фелана» (М. В. Добужинский)

«Никитинские субботники» (Н. Н. Купреянов)

«Ars Aeterna»

«И. Кнебель» (Е. Е. Лансере)

«Среди коллекционеров»

«Лукоморье» (Л. С. Бакст)

«Эпоха» (М. В. Добужинский)

«Имажинисты»

Анатолий Скворцов

ТОМИК ПУШКИНА

Застыл парнишка у порога,
У ног — сутулый вещмешок.
Ты все ли взял себе в дорогу,
Взгляни, браток, еще разок.
Скользят глаза по старым стенам,
Что твой слышали детский крик,
И время тает постепенно
За мигом — миг,
За мигом — миг.
Тебе совсем чуть-чуть отпущено, —
Все сразу станет позади.
...И он зеленый томик Пушкина
Смущенно прячет на груди.
А вихри мчались по России
В густом дыхании свинца,
И снег, и грязь теперь месили
Ботинки юного бойца.
Ловил он запах медуницы
Среди тротиловых паров,
От напряжения пухли лица
В госпиталях у докторов.
Боец шагал в дыму сражений,
Где под ногами тлен и прах.
«Я помню чудное мгновенье...» —
Шептали губы у костра.

Книжный

развал

ПРИ ЖИЗНИ ВОЛОШИНА

Если не считать гимназической публикации 1895 года в Феодосии, М. А. Волошин начал печататься в 1903 году (альманах «Северные цветы», журнал «Новый путь»). Однако только в 1910-м, когда его уже хорошо знали по журнальным и газетным выступлениям, поэт издает свой первый сборник. Книга вышла 27 февраля в Москве, в издательстве С. А. Соколова «Гриф», тиражом 1200 экземпляров, и называлась просто: «Стихотворения. 1900—1910». Обложку сделал художник А. Арнштам, фронтиспис и заставки — К. Ф. Богаевский. Выход книги был отмечен в хронике журнала «Золотое руно», в газетах «Голос Москвы», «Столичная молва» и «Утро России».

«Теперь впервые можно составить себе отчетливое представление о поэтических достижениях М. Волошина», — писал в журнале «Аполлон» Михаил Кузмин, отмечавший у автора «большое мастерство, не похожее на приемы других художников». В. Я. Брюсов в «Русской мысли» вторил: «М. Волошин... пишет лишь тогда, когда ему есть что сказать или показать читателю нового, такого, что еще не было сказано или испробовано в русской поэзии». Положительные отзывы о сборнике дали В. М. Волькенштейн («Современный мир»), Вяч. Иванов («Аполлон»), Вяч. Полонский («Всеобщий ежемесячник»).

Ругательную реплику поместил в «Новом времени» некто, скрывшийся за псевдонимом «А. Б-ъ»...

В 1913 году, в начале марта, в домашнем издательстве М. И. Цветаевой «Оле-Лукойе» была отпечатана книга Волошина «О Репине» (65 страниц). В начале ее приведена волошинская статья из газеты «Утро России» — «О смысле катастрофы, постигшей картину Репина» (речь шла о картине «Иван Грозный и сын его Иван»). Далее, в главе «Психология лжи», описывался диспут о картине, устроенный обществом художников «Бубновый валет» в Политехническом музее,

Обложка сборника М. Волошина, оформленная М. В. Добужинским

и — «во что все превратилось в восприятии печати и публики»... Отзывы об этой книжке появились в журналах «Вестник Европы», «Заветы», «Русское богатство», «Вестник воспитания», в «Московской газете».

В 1914 году Волошин выпустил сразу три книги.

Одна из них — «Лики творчества. Том 1» — собрала наиболее значительные его статьи о французской культуре: литературе, театре, эстетике. Получился том в 380 страниц; рецензенты отмечали знание автором современной французской литературы, большой вкус, умение выбрать самое типичное («Русская мысль», «Современник», «Утро России»). Максимилиан Александрович планиро-

вал еще три тома: о русской литературе, живописи и театре — но они не осуществились. (Сейчас издательство «Наука» готовит в серии «Литературные памятники» объемистый том «Лики творчества», включающий статьи из всех четырех книг.)

Две другие — также прозаические — книги были переводными. Одна — сборник рассказов Анри де Ренье «Маркиз д'Амеркёр» — вышла в московском издательстве «Альциона». (Отклики на нее появились в журнале «Северные записки», в «Русских ведомостях» и «Утре России».) Вторая — «Боги и люди» Поля де Сен Виктора — была напечатана издательством М. и С. Сабашниковых в серии «Страны, века и народы». Это был сборник эссе прославленного французского стилиста (прозванного «Дон-Жуаном фразы») в 478 страниц на самые разнообразные исторические, литературные и культурные темы: о Венере Милосской, египетских мумиях, об Атилле, Диане де Пуатье, о Дон-Кихоте и Манон Леско... На эту книгу отозвались рецензенты «Речи», «России», «Русского богатства» и «Русских ведомостей». «В первый раз Сен Виктор появляется на русском языке, — констатировал А. Дживелегов в «Русских ведомостях». — Его образы пьянят. Его картины ослепляют»... О качестве перевода Волошина писательница Р. М. Гольдов-

ская (Хин) отзывалась так: «„Боги и люди“—так же хорошо, как у P. de Saint Victor. Удивительное мастерство!»

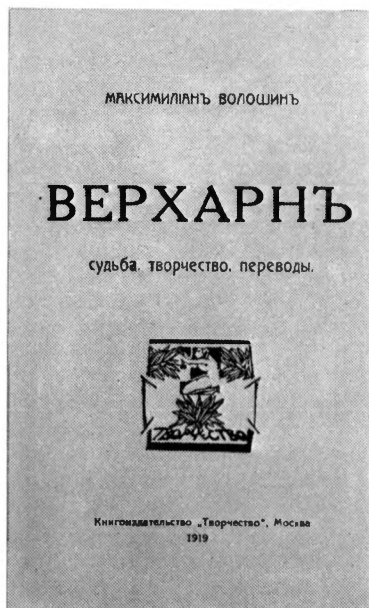
В 1916 году выходит второй стихотворный сборник Волошина, посвященный событиям первой мировой войны и названный им по латыни: «Anno Mundi Ardentis 1915» («Год пылающего мира»). Выпустило его издательство поэта М. О. Цетлина «Зёрна» в Москве тиражом 500 экземпляров. Обложку нарисовал Лев Бакст. О книге одобрительно отзывались Ю. Айхенвальд («Речь»), В. Брюсов («Русская мысль»), В. Жирмунский («Биржевые ведомости»), Г. Иванов («Аполлон»), К. Липскеров («Русские ведомости»). «Книга М. Волошина — одна из немногих книг о войне, которые читаешь без досады, без чувства оскорбления, но с волнением», — писал В. Брюсов. Отмечая эмоциональную силу новых стихов Волошина, Георгий Иванов считал, что «со страниц „Anno Mundi Ardentis“ впервые явственно прозвучал голос Волошина-поэта»...

1918 год ознаменовался для Волошина выходом в Москве, в издательстве С. А. Абрамова «Творчество», сборника его избранных стихотворений «Иверни». Тираж составил 12 000 экземпляров, часть его была отпечатана на бумаге верже. По поводу этой книги М. С. Шагинян писала: «М. Волошин... принадлежит к редкому типу поэтов — умному... В нем всегда мастер преобладает над импровизатором». (Цитирую по вырезке из неустановленной одесской газеты.) Г. А. Шенгели считал, что «Иверни» «выявляет весь рост и все завершения волошинского мирозерцания и рисует нам его поэтом космической пышности» (журнал «Парус», Харьков).

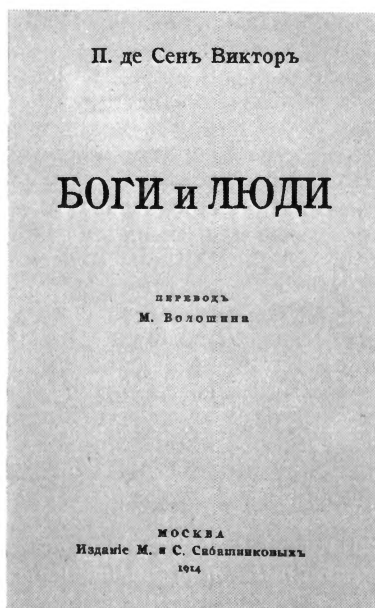
В «Творчестве» же в 1919 году вышла книжка Волошина «Верхарн (Судьба. Творчество. Переводы)», включившая 18 переводов стихотворений и поэм знаменитого бельгийского поэта. Летом того же года она была выпущена в Одессе

М. Волошин. «Anno Mundi Ardentis». Титульный лист работы Л. С. Бакста

*Титульный лист книги
М. Волошина «Верхарн»*

*Титульный лист книги
Поля де Сен Виктор, 1914 г.*

издательством «Омфалос». Это издательство, руководимое поэтом и искусствоведом Вениамином Бабаджаном, готовило к печати также волошинские переводы стихов Анри де Ренье, его стихи 1911—1914 годов, а также переиздание «Стихотворений» 1910 года. Но эти три книжки (анонсированные, например, «Одесским листком»), так и не появились.

В Харькове в том же 1919 году—еще в январе, при Советской власти—был издан сборник Волошина «Демоны глухонемые». Он вышел под маркой издательства «Камена» тиражом 1500 экземпляров. Рисунки для издания выполнил сам автор; на обложке был воспроизведен прекрасный портрет Волошина работы художника А. К. Шервашидзе. Некоторые из стихов этого сборника критики причисляли к «лучшим достижениям современности», ставя их рядом с «Двенадцатью» и «Скифами» А. А. Блока (М. С. Шагинян, В. Г. Шершеневич).

Сам Волошин был крайне недоволен исполнением этого сборника. Дело в том, что за выпуск его первоначально взялся харьковский поэт П. Б. Краснов, намеревавшийся дать высокохудожественное издание. Волошин сделал для книги фронтиспис, заставки, надписи, оговорил их размещение и все построение книги. Между тем Краснов неожиданно перепродал издание некоему Л. К. Берману, который, не зная автора, совершенно игнорировал его указания. «Клише сделаны безграмотно и грязно,—писал Волошин издателю.—Обложка ужасна. Печать небрежна (разбивка строк!!)». «Если б книжка была без претензий на артистичность—куда ни шло, а тут получается полное неприличие благодаря претенциозности»,—жаловался поэт Л. П. Гроссману 18 сентября...

Весной 1919 года Волошин хотел переиздать «Демонов глухонемых» в Одессе, заключив договор об этом с издателем Е. И. Рузером. «Потребность во втором издании громадна,—писал он ему,—т. к. оно почти никуда, кроме Харькова, не попало». Однако шла гражданская война, с бумагой было плохо (пытаясь достать ее, Рузер ездил... в Константинополь!)—и эта книжка так и не вышла. В 1976 году в Москве были обнаружены гранки этого издания, тогда же приобретенные Домом-музеем М. А. Волошина.

Переиздание «Демонов глухонемых» осуществилось в сентябре 1923 года в Берлине (как известно, у Советской России были тогда издательские отношения с Германией), в «Книгоиздательстве писателей». Под этой же маркой вышло другое издание Волошина—с произвольным названием «Стихи о терроре» (тиражом 2500 экземпляров). Протестуя против этого самовольного издания, Максимилиан Александрович писал в начале 1924 года: «С моего ведома и разрешения были опубликованы только те мои стихи, которые шли через руки В. Вересаева (а в 21 г.—и С. Парнок), все остальные, как в России, так и за границей, печатались и печатаются без моего ведома, разрешения, описки, лицами, мне не известными, и в искаженных текстах»...

Так же без ведома Волошина вышел в 1923 году сборник его стихов—«Усобица». Он был выпущен польским издательством «Живое слово»—и поэт так и не узнал о его существовании. Известный справочник А. Тарасенкова «Русские поэты XX века» указывает, что в этой (исключительно редкой!) книжке—60 страниц, в то время как их всего 24. К сожалению, А. Тарасенков допускает и другие ошибки в отношении М. А. Волошина: приписывает ему сборник «Чайка и Саломея» (принадлежащий перу киевского поэта-сатирика Михаила Волошина); называет среди вышедших сборник «Стихи»

Сборник «Иверни» М. Волошина, изданный художественной библиотечкой «Творчество»

Госиздата,— действительно, планировавшийся, но не осуществленный.

В связи с этим можно упомянуть и о других невышедших книгах поэта. В конце 1906 года им была подготовлена книга стихов «Звезда-полынь», включавшая 30 стихотворений. Она должна была выйти в петербургском издательстве «Оры», но размолвка с руководившим издательством Вячеславом Ивановым помешала ее выходу в свет. В Доме-музее Волошина сохранилась верстка этой неизданной книжки, которая могла бы стать первым волошинским сборником...

Дружеские отношения с М. В. Сабашниковым стимулировали работу Волошина для издательства братьев Сабашниковых. В 1913—1914

годах он готовил для него монографию «Дух готики»: выписывал и штудировал исследования по средневековой архитектуре, делал выписки и заметки. В Пушкинском Доме в Ленинграде хранятся его наброски к этой книге: «О происхождении слова готика», «Исторические границы готики», «Зерцало природы, знания, морали», «Век энциклопедий», «Символизм готики». Книжка уже объявлялась в списках готовящихся изданий М. и С. Сабашниковых, Волошин еще возвращался к ней в 1916 году,—но так и не закончил...

В 1919 году Волошин составил книгу стихов «Неопалимая купина» (1914—1919), которую затем несколько раз пополнял. В 1920 году он подготовил к печати книгу «Пламена», переданную через художника А. К. Шервашидзе И. Д. Сытину. В ответ на запрос Госиздата (от 27 октября 1922 года) Волошин, среди других, предложил для издания книгу «Киммерийские сумерки»: альбом со своими стихами и пейзажами К. Ф. Богаевского. Все эти издания не были осуществлены—так же, как книга лирики 1910—1914 годов «Дантов лес», на которую был подписан договор с М. В. Сабашниковым. Харь-

ковское издательство «Истоки» анонсировало в 1923 году книгу стихов Волошина «Legis armorum que genii» («Демоны закона и оружия») — поэтический цикл, окончательно названный «Путями Каина».

Неудачно сложилась судьба монографии Волошина о В. И. Сурикове, законченной им в сентябре 1916 года. Она создавалась по договору с И. Н. Кнебелем (австрийцем по национальности), издательство которого в период первой мировой войны было разгромлено во время одной из «патриотических» манифестаций (погибли, в частности, клише к волошинской книге). Записи бесед Волошина с Суриковым, опубликованные первоначально в журнале «Аполлон» (1916, № 6—7), до сих пор служат бесценным материалом для всех биографов великого русского художника. Вся же монография, в 103 страницы машинописи, с интереснейшим анализом суриковских картин, так пока и хранится под спудом...

Хотелось бы сказать несколько слов еще об одном неосуществившемся издании Волошина, которое готовилось уже после его смерти. Томик его избранных стихотворений взялось выпустить в малой серии «Библиотеки поэта» издательство «Советский писатель». Договор с М. С. Володиной, вдовой поэта, был подписан летом 1940 года. Вступительную статью написал В. А. Рождественский, текстологическую часть и комментирование взял на себя ныне здравствующий А. Г. Островский. В рукописи (по его сообщению) было около 14 авторских листов. Война помешала завершению работы — а в сентябре 1941 года рукопись погибла от фашистской бомбы, попавшей в издательство...

Таким образом, всего при жизни М. А. Волошина из печати вышло 13 его книг: девять стихотворных и четыре прозаических. Изданные мизерными тиражами, все они в настоящее время представляют библиографическую редкость.

*Планерское,
Крымская область*

СТАРИННЫЕ ПУТЕВОДИТЕЛИ

Просматривая «Опыт российской библиографии» В. С. Сопикова и справочник Ю. Ю. Битовта «Редкие русские книги и летучие издания XVIII века», я обнаружил упоминание о 4 путеводителях, изданных в то время. Некоторые из них помечены как редкие. Первый вышел в Петербурге в 1779 году. Это «Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга от начала заведения его с 1703 по 1751 год, сочиненное г. Богдановым со многими изображениями первых зданий, а ныне дополненное и изданное надворным советником, правящим должность директора над новороссийскими училищами Вольного российского собрания, при императорском Московском университете, и Санкт-петербургского Вольного экономического общества членом Васильем Рубаном».

Издатель первого русского путеводителя — прозаик, поэт и переводчик В. Г. Рубан — фигура весьма колоритная. Он учился в Киевской и Московской духовных академиях, окончил одним из первых Московский университет, где его товарищами были Д. И. Фонвизин и И. Ф. Богданович. Литературную деятельность начал переводами, еще будучи студентом. Сотрудничал в журналах, пытался сам их издавать. Однако далекие от жизни журналы «Ни то, ни се», «Трудолюбивый муравей», сборник «Старина и новизна», в которых принимал участие М. М. Херасков и даже впервые выступил в печати Г. Р. Державин, не пользовались успехом. Неудачи не поколебали решимости Рубана продолжать литературную работу.

В 1774 году Рубан стал секретарем Г. А. Потемкина и пребывал в этой должности почти 18 лет. В одном из стихотворных посланий он писал: «Я из сенатских взят к нему секретарей, правителем его был письменных идей... зрел милости его и гневны иногда, но гневны мне его не принесли вреда».

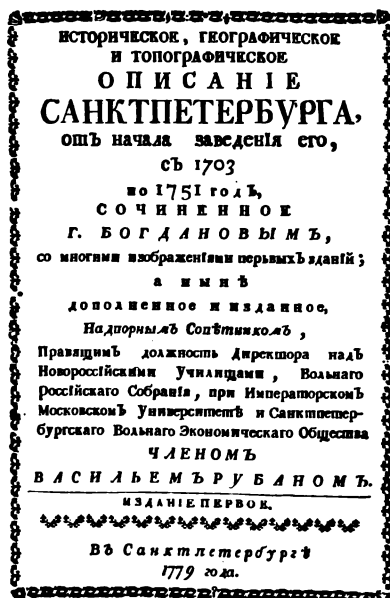
Близость к фавориту императрицы усилила сервилизм творчества Рубана, искавшего влиятельных покровителей и направлявшего им стихотворные послания и оды по любому поводу. Его перу принадлежит, например, ода на привитие оспы императрице Екатерине II... Но литературный заработок Рубана не был постоянным, гонорар он нередко получал «натурой». Известно, что поэт благодарил покровителей за шубу, манжеты, бутылку меда, нюхательный табак, полученные от них. А как рассчитался заказчик за написанную Рубаном эпитафию, явствует из «Щета забранных в зачет надгробия вещей»: «Вы ласковы ко мне бывали всякий час, фунт чаю получил от вашего я сына, и в ангел мой сукна для фраку три аршина, да вашей фабрики иглол двадцать шесть—вот безуронная вам вся до нитки смета, чем своего снабдить изволили поэта».

Нужда постоянно сопутствовала Рубану. Все попытки получить в старости пенсию рухнули: стихотворные прошения поэта не помогли. В одном из них он сетовал: «Шестой же от роду имею лет десяток—и в жалованье весь мой состоит достаток, да разве мне своей деревней счесть Парнас, скотины же один, но ветхий уж Пегас». Однако претензии Рубана на Парнас оспаривали многие современники: репутация «шинельного» поэта была невысока, и он не раз подвергался язвительным насмешкам. По иронии судьбы именно бездарный поэт Д. И. Хвостов—мишень для острот своего поколения,—посетив могилу Рубана, подвел своеобразный итог его литературной деятельности: «Здесь Рубан погребен; он для писанья жил, надгробописец быв, надгробну заслужил».

Однако заслуги Рубана как издателя несомненны. Он выпустил ряд ценных книг, в том числе первые русские путеводители. Точность, тщательную документированность «Описания Санкт-Петербурга» отмечали многие исследователи. Оно было издано на средства Г. А. Потемкина и посвящено Екатерине II.

«Описание» было выпущено в двух вариантах. Особенно большую редкость составляет издание, содержащее 84 таблицы с 112 изображениями и портретом Петра I, гравированным Челноковым. В мои руки попал 2-й вариант—без иллюстраций. При первом взгляде на объемистый том, содержащий более 500 страниц на плотной бумаге, в тяжелом переплете, трудно представить, что это путеводитель. Лишь указатель говорит о его назначении.

В «Предуведомлении», которое открывает книгу, Рубан сообщает, что издает ее «для удовольствия соотчичей и чужестранцев, желающих иметь о сем знаменитом граде

*Первый российский путеводитель,
выпущенный В. Рубаном*

сведение...» и выражает надежду заслужить, как и автор, «от любящих Отечество похвалу».

Представляя автора — «русского трудолюбца», — издатель сообщает, что А. Богданов был «библиотечарским помощником и архивариусом» при библиотеке Академии наук, а также известным автором трех книг.

Первый русский путеводитель имел такой план: «1) Древность сего места и какая о нем знатная история, 2) когда и каких ради причин град сей построен, 3) о прежнем его строении и о его великолепии... 4) когда оный в цветущее состояние приходить начал, 5) знатные места и урочища, от чего звание себе получили, 6) некоторыя строения, какой знатной истории подлежат, 7) воды, реки, каналы и польза, от них происходящая, 8) жители, 9) державные императоры, царствовавшие здесь, 10) уставы и

законы их, триумфы о победах и приездах разных послов, 11) церковное строение и прочее сему подобное, что все обстоятельно описано...»

Таким образом, «Описание Санкт-Петербурга» — путеводитель универсального типа, рассказывающий о городе как политическом центре страны, об его истории, географическом положении, природно-климатических условиях, архитектуре, достопримечательностях.

Излагая кратко историю основания Петербурга, автор говорит, что «место, на котором построен град сей», — исконно русские земли, где была одержана в XIII веке победа войск Александра Ярославича (Невского) над шведами. Но позже «шведская корона чрез генерала Якова де ла Гардия в 1609-м году похитила провинции... Корелу и сию Ижерскую землю с прочими городами...». После освобождения этих земель «изпод шведского насильственного ига», Петр «отворил свободные

врата в Балтийское море». Избрав «удобнейший из всех протчих... небольшой островок... посреди большой Невы лежащий, благоизволил на оном острове заложить крепость... мая 16 дня 1703 года, которую и наименовал Санкт-Петербургом... Ныне сей град... день ото дня в наибольшую славу и красоту происходит... по немногих летах великолепием своим с Версалию, крепостным строением с Дюнкирхеном сравнится, а коммерциею своею Амстердам превзойдет».

Как известно, для быстрого строительства новой столицы Петр мобилизовал все ресурсы страны. О жестоких наказаниях, которым подвергались те, кто строил и защищал Петербург, читатель узнает из беспристрастного свидетельства: «При... гауптвахте была площадь, именуемая плясовая, на коей поставлена была деревянная лошадь с острою спиною, на которую сажали за штраф солдат на несколько часов сидеть, и при том еще столб вкопан был деревянный, а около его поставлены были спицы острые, а в верьху того столба была цепь, и когда ково станут штрафовать, то во оную цепь руки его замкнут и на тех спицах оный штрафованный должен несколько времени стоять».

Среди «знатнейших строений» путеводитель отмечает «первой деревянной дом или дворец» Петра, «который и поныне стоит на Санкт-Петербургском острове, построен в 1703-м году. Сей дворец его величества состоит в небольших хоромцах брусчатых, по сторонам по одной светелке, а посередине сенцы, в длину не более десяти сажень, а в ширину три сажени, на верьху кровли поставлена мортира, а по концам кровли лежат по одной бомбе с горящим пламенем, расписаны по кирпичному образцу и внутри обиты холстом. Огорожен сей императорский дом (для охранения в предбудущие роды) каменным шатром, то есть обставлен каменными столбами с перемычками и сверху покрыт черепицею и сия вещь великого удивления предбудущим родам достойна!». Совершая прогулку по современному Ленинграду, каждый может убедиться, насколько бережно и тщательно, следуя описаниям того времени, советские реставраторы восстановили первоначальный облик этого примечательного здания, как, впрочем, и летнего дворца Петра, тоже упомянутого в путеводителе.

Путеводитель содержит обширный справочный раздел, в котором приведены данные о рынках, торговых и сенных рядах, госпиталях, манежах, «извозицых притонах», мельницах, пороховых, кирпичных, полотняных, стекольных и других заводах, постоялых дворах, богадельнях.

Читатель может узнать, что с первых «лет главная аптека была в крепости у бастиона... но она главная аптека каменная на Адмиралтейской стороне неподалеку старого почтового двора построена в 1722-м году, где и ныне находится».

Интересующимся развлечениями сообщается, что «с перва комедиянтской дом был на том месте неподалеку, где потом была канцелярия главной полиции. Потом для отправления комедий и опер сделан был театр в зимнем ее императорского величества доме, потом построили нарочно особый комедиянтский дом».

Мы узнаем: «Зверовый двор (зверинец.— Ю. А.) был в 1711 году на том месте, где ныне гавань, или пристань у старого почтового двора против Троицкой пристани, и тут стоял перьвый слон с протчими зверьми».

В главе «Антиквитеты, или Древности при сем царствующем месте», представляющей особый интерес, отмечается, что «на Санкт-Петербургской стороне у Кронверка огороженная засохлая сосна. Опрочь сей сосны еще другие две были... Оные сосны государь Петр Великий оставил для ведения древности предкам, чтоб знали, что сие место было прежде пустое».

В числе «антиквитетов» упоминаются «батареи, которые строены были от российских войск по берегу Невы реки по взятии Шлюссельбурга... Шведская крепость Канцы, которая взята была в 1703 году, оная вид и поныне явственно зрится на Малой Охте... Крепость Ижерская... и Кронштатской канал Петром великим яко чрезвычайная вещь в пользу и славу сделанный».

Читатель узнает о «вещах достопамятных»: «ботике корабельном» Петра, его «платье строевом», шляпе, «которая на Полтавской баталии пулею пробита», обуви, восковом портрете, хранящихся в кунсткамере. Она «началась собиратися с 1714 году... в большую силу и величество всяких любопытных вещей приумножена, так что никаких протчих просвещенных держав собраниям редкостей не уступает». Следует перечисление этих редкостей: большой готторпский глобус, математические инструменты, модели, корабельные машины, сферы, зрительные трубки, «скелеты человеческие, кита-рыбы и других, кости слоновые, львовы и протчих зверей... всякие анатомические изъявления и всяких родов рыбы и гады».

Для сведения читателей в книге помещен календарь праздничных и торжественных дней, обычно отмечавшихся фейерверками. «От начала России до времен Петра Великого

не токмо видали потешные огни, но ниже слышали о них... Для оных побед и для всенародных торжеств повелел Петр I делать оные фейерверки—то есть огневидные забавы, в которых изобразуются всякие исторические фигуры, приличные тех торжеств действия представляющие». Не рассматривая содержания остальных разделов и глав книги, уже можно судить о разнообразии и богатстве информации, которая оказывалась в распоряжении читателя.

Успех издания окрылил В. Рубана. В 1782 году он выпускает (тоже в Петербурге) первый путеводитель-справочник по Москве. Это—небольшая по объему книга (всего 159 страниц) в толстом кожаном переплете с изящной орнаментальной оправой и надписью на корешке, тисненными золотом. Пространное название в духе времени дает точное представление о ее содержании: «Описание императорского столичного города Москвы, содержащее в себе звание городских ворот, каменных и деревянных мостов, больших улиц и переулков, монастырей, церквей, дворцов, присутственных и других казенных мест, число обывательских дворов и покоев, рядов, рынков, фабрик, заводов, кладбищ, дорог, застав, число извозчиков и прочая, собранное в 1775 году и изданное в свет для удовольствия общества издателем Описания Санкт-Петербурга... В. Г. Рубаном». Рекомендую себя таким образом, он стремится подчеркнуть издательский приоритет в этой области.

Первый московский путеводитель-справочник имел прежде всего утилитарное значение. Его содержание ограничено преимущественно топографией Москвы и статистическими сведениями. В отличие от автора «Описания Санкт-Петербурга» А. Богданова, много работавшего над историческими, в том числе и архивными источниками, В. Рубан свел к минимуму описание города и даже не пытался в какой-либо степени осветить его историю.

ОПИСАНИЕ
ИМПЕРАТОРСКАГО, СТО-
ЛИЧНАГО ГОРОДА
МОСКВЫ,
СОДЕРЖАЩЕЕ В СЕБѢ
ЗВАНІЕ

Государскихъ Воротъ, каменныхъ и деревян-
ныхъ Мостовъ большихъ Улицъ и Переу-
лковъ Монастырей, Церквей, Дворцовъ, при-
судственныхъ и другихъ казенныхъ мѣстъ,
число обывательскихъ Дворовъ и Покоевъ
Рядовъ и Рынковъ Фабрикъ, Заводовъ
и прочая.

Собранное и изданное въ СВѢТѢ,
АЛА
УДОВОЛЬСТВІЯ ОБЩЕСТВА,

Издательемъ
Описавша Санктпетербурга,
Г. Н. С. В. Г. РУБАНОМЪ.

Печатано при Артиллерійскомъ и Инженерномъ
Шляхескомъ Кадетскомъ Корпусѣ у Соде-
ржателя Типографіи Х. Ф. Клевина.

въ Санктпетербургѣ
МДСССЛХХІІ

*Первый путеводитель по Москве,
изданный В. Рубаном*

В числе источников, которыми пользовался, Рубан указывает «книгу, содержащую описание моровой язвы, бывшей в Москве, печатанную в 1775 году», «Роспись московских церквей» (1778) и план Москвы, «учиненный архитектором Мичуриным и напечатанный в 1739 году».

Материал о Москве излагается на основе административного деления города на 14 полицейских частей, что и определяет структуру путеводителя. Из книги можно почерпнуть не только много чрезвычайно интересных топографических и статистических данных, но и любопытные подробности московской жизни. «Кратчайшие, но явнейшие описания частей города» позволяют восстановить облик улиц и площадей Москвы того времени. «От Воскресенских или Курятных ворот по левую сторону, где денежной двор, а по правую Университетская типография и книжная лавка, что в старину Аптекарский приказ, или Истерия была; между Кремлем, соборною Казанския Богородицы церквою, и между рядами купеческими до Лобного места, что против Спасских ворот, называется Красная площадь».

«Ведомость о знатнейших фабриках, находящихся в Москве» дает представление о развитии промышленности в те годы. Так, из нее можно узнать, что «большой сукошный каменный двор у Каменного мосту на берегу Москвы реки во П части принадлежит Илье Докучаеву с товарищи, а станов там 140». «На 18 суконных фабриках станов 551. При них приписных обоего пола людей—6785 душ». Любопытно замечание автора путеводителя: «Ныне в рассуждении данной свободы каждому, не требуя ниоткуда дозволения, заводить у себя в домах фабрики и рукоделия всякого рода, число фабрик в Москве так велико, что по множеству и обстоятельных известий собрать трудно».

О границах территории города свидетельствует помещенная в путеводителе «Роспись главным и малым заставам, которые около Москвы находятся вместо ворот по последнему Камер-Коллежскому валу, с показанием, какие к оным пришли дороги и из каких мест по тем дорогам в Москву приезжают».

Вслед за первыми путеводителями по Петербургу и Москве появляются новые. В 1794 году выходит в свет «Описание российского императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного. Сочинение И. Г. Георги». Новый путеводитель значительно превышает предыдущие по объему (757 страниц) и выпускается в 2-х томах. Одетые в прочные кожаные переплеты с тисненным золотом орнаментом и изображением цветов на кореш-

ке, эти книги по формату и оформлению почти не отличаются от лучших изданий, стоявших на полках русских библиофилов того времени. К 1-му тому приложен выполненный в цвете план Петербурга, датированный 1793 годом, и его «истолкование». Автор сообщает, что во время 16-летнего пребывания в Петербурге «всевозможное прилагал старание... собирать, читать, осматривать и выспрашивать обо всем», «ведая пользу топографического описания» города. В числе источников он упоминает и путеводитель В. Рубана. Впервые книга Георги вышла в 1791 году на немецком языке. Готовя перевод путеводителя на русский язык (который осуществил П. Безак), Георги расширил и дополнил материал с учетом нового контингента читателей: «Я при первом издании преимущественно взирал на здесь живущих и в других государствах находящихся чужестранных, при сем же издании более старался удовлетворить российскую публику».

В предисловии автор впервые отмечает специфику и трудности работы над путеводителем: сложность отражения развивающейся жизни города и быстрое устаревание материала. «Хотя я всевозможное прилагал старание продолжать известия о всех предметах до отдачи рукописи в типографию, однако же сие не всегда возможно было. Многие вещи здесь подвержены столь частым переменам, что даже во время напечатания... многие приключились перемены».

Подобно «Описанию Санкт-Петербурга», изданному В. Рубаном, путеводитель Георги — универсального типа. Составлен он так, чтобы облегчить читателю прежде всего осмотр города. Книга призвана «содержать истинное изображение всего того, о чем в рассуждении места полезно иметь сведение, служить верным обозрением и заменять путеводителя при собственном осматривании и наблюдении достопамятностей, отменностей и прочего». В ней 15 разделов-«отделений», которые в

ОПИСАНИЕ
РОССІЙСКО - ИМПЕРАТОРСКАГО
СТОЛИЧНАГО ГОРОДА
**САНКТ-
ПЕТЕРБУРГА**
и
ДОСТОПАМЯТНОСТЕЙ
ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ОНАГО.

Сочиненіе

И. Г. Георги.

Врачебная науки Доктора, Россійско-Императорской и Королевской Прусской Академіи наукъ, Римско-Императорской Академіи Испытателей естества, Курфиртскаго Майнцаго, Санктпетербургскаго Вольнаго Экономическаго и Берлинскаго Общества испытателей естества, Члена.

СЪ ПЛАНОМЪ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
При ИМПЕРАТОРСКОМЪ Шляхетномъ Сухо-
путномъ Кадетскомъ Корпусѣ,
1794 года.

*Описание Петербурга,
подготовленное И. Г. Георги*

свою очередь разбиты на 55 глав. Некоторые разделы содержат совершенно новый материал: «Подробнейшее описание каждой части города», «О мерах», «О весах», «О нынешнем образе жизни». Приводится богатый материал о Петербурге как «главном магазине торговли Российской Империи». Книга снабжена справочным аппаратом — «Росписью именам и названиям вещей».

Перелистывая страницы путеводителя, современный читатель может обнаружить множество метких зарисовок жизни города, его архитектурного облика. «Улицы суть вообще широки, но ширина оных разнствует от 6 до 15 сажень... Знатнейшие и прекраснейшие площади суть Дворцовая... Петровская и Исакиевская, обе нерегулярные, и Царицын луг у летних садов... На Васильевском острове у Стрелки находится большая нерегулярная, еще немощеная, отчасти болотистая площадь, окруженная зданиями Академии наук и государственных коллегий, биржею и таможенными амбарами... Дворцовая площадь перед Зимним дворцом окружена построенными императрицею в 1788 году тремя домами на подобие амфитеатра. На оной сделаны две беседки с загородками и скамьями из дикого камня под железною кровлею, в которых зимою раскладывается огонь для кучеров, стоящих на улице во время съезда при дворце. На сей площади сменяется гвардия, вступающая на караул, и при великих торжествах даются здесь народу жареные быки и фонтаны с вином. В торжественные дни от гвардии и протчих команд производятся на оной поздравления музыкою и барабанным боем».

«Освещение главнейших улиц предписано было Петром Великим уже в 1723 году; мало помалу начали также освещать и прочие улицы. Для сего имеются по оным деревянные голубою и белою краской выкрашенные столбы, из коих каждый на железном пруте поддерживает шарообразный фонарь, опускаемый на блоке для чищения и наливания масла. Иждевения на сии фонари, коих числом есть 3400, и на конопляное масло для них потребное составляют ежегодно 17 000 рублей». Автор рисует широкую динамичную панораму города: «Взору представляется гавань и рукавы прекрасной Невы и на оной корабли, стоящие на якорях или плывущие, мосты... многочисленные дворцы, церкви с позлащенными куполами и башнями, знатные и малые дома, площади и улицы, наполненные людьми и каретами, лес, паствы... Возле самых великолепных зданий и садов находятся во многих местах деревянные хижинки и огородные, пустынные земли. Однако ж еще более поражает зрителя то, что самые сии места, явившие таковую разнообразность предметов, чрез

несколько месяцев переменяя изображают совершенно другой вид и кажутся внезапно преображенными».

Путеводитель содержит главы о художниках, музыкантах и «сочинителях», живших в столице. Среди них упоминаются Г. Р. Державин, «сочинитель разных сатирических писаний и некоторых комедий» И. А. Крылов и даже «Рубан Василий — коллежский советник. От него Описание Санкт-Петербурга, многие мелкие сочинения, также издатель разных книг».

Отличительная особенность путеводителя Георги — описание подробностей и характерных черт столичного образа жизни, бытового уклада петербуржцев, увиденных глазами иностранца, правда, длительное время жившего в России.

«Гостеприимство, — отмечает путеводитель, — есть отличная нравственная склонность санкт-петербургских жителей всех классов». Сообщая, что «первые российские обыватели города были солдаты и работники», автор характеризует и быт людей состоятельных, отмечая «страсть к чинам», «склонность к сластолюбивой жизни и роскоши...». «Карточная игра есть наупотребительнейшее упражнение обоего пола во время зимних вечеров. В некоторых домах, наиболее при домашних торжествах, занимаются оною гости даже и до обеда... Вкус к убранствам, хорошему столу и шуму есть причиною, что тихие душевные забавы не удовлетворяют и следовательно не употребительны, а от многого безрассудного чтения рождаются поверхностные разговоры и распри».

Среди «древних всеобщих российских обычаев» выделяется посещение бань, которые подробнейшим образом и описываются.

Живо даны в путеводителе картины праздников, разнообразных торжеств, балов, «маскарадов и публичных забав» и зрелищ. «Спуск военного корабля можно почесть одним из великолепнейших зрелищ, для чего полиция и рассылает о том повестки во все дома». Он «происходит с музыкой на оном, при радостном крике матросов и пушечном громе с валов и яхт, последние поднимают в то же мгновение с беспримерной скоростью множество разноцветных флагов, так что после того едва снасти видеть можно. Новый корабль, дошед до середины Невы, становится на якорь...».

«К публичным увеселениям принадлежит также бег в санях на Неве... Собираются сюда молодые люди всякого звания с их санками и бегунами, увеселяются приобучением лошадей своих к беганию или бьются также в заклад между собою». Повествуется, что «плясание и танцевание...

весьма употребительное увеселение у людей всякого звания...».

Специальные главы посвящены «клобам» (клубам), местам прогулок, театральным представлениям.

В главе «О народных увеселениях», автор отмечает, что «обоего пола люди поют при всех упражнении, где рот их не занимается, даже при наитруднейших работах». Упоминаются горы, качели, игральница, «при коих арлекин или дурак всегда бывает», травля медведей при Егерском дворе. «Медведи привязываются на длинные веревки и... зрители травят на оных иные, за небольшое вознаграждение, собак своих».

Увлеченный красотой и величием северной столицы, Георги приходит к выводу, что «положение к северу, большая смесь разноплеменных жителей, совершеннейшая свобода при соблюдении законов жить по своим обычаям и благорассмотрению и многие другие причины производят во нраве санкт-петербургских жителей вообще и в образе жизни нечто особенное и от других столиц отличающееся».

Десять лет спустя после выхода первого «Описания Москвы» на прилавках книжных лавок появился «Путеводитель к древностям и достопамяностям московским, руководствующий любопытствующего по четырем частям сея столицы к дее-место-описательному познанию всех заслуживающих примечание мест и зданий, как то: соборов, монастырей, церквей, государственных и частных заведений, как старых, так и новых с надписей и из других достоверных источников собранный и для удобнейшего оных приисквания азбучною росписью умноженный». Книга, впервые названная «путеводителем», была напечатана в Москве в 1792 году в университетской типографии у В. Окоркова.

Путеводитель был издан анонимно. Однако В. Н. Рогожин, комментируя в начале века «Опыт российской библиографии» В. С. Сопикова, установил, на основе изучения архивных документов московской цензуры, что его автором был Лев Максимович. По всей вероятности, это составитель известного «Географического словаря Российского государства» и издатель «Русской Правды», «Судебника царя Ивана Васильевича», «Уложения царя Алексея Михайловича» и других исторических документов.

Книга выпущена в 2-х компактных томах, каждый из которых содержит по 2 части. Кожаный переплет с золотым тиснением стал уже традиционным для такого рода изданий, но формат выбран более удобный—портативный. В то же время иллюстрации, планы и схемы отсутствуют.

Восполняя пробел в «Описании» Рубана, путеводитель снабжен кратким историческим вступлением. Связывая исто-

рию Москвы с историей княжеских династий, автор приписывает ее основание Олегу — «опекуну Игоревому», который, якобы, в 882 году построил «близ Москвы-реки на речке Неглинной городок, который достался после во владение суздальскому вельможе Кучке...». В 1147 году великий князь Юрий — сын Мономаха, убив Кучку, «завладел оными местами и возобновил сей город или лучше сказать построил вновь на том же месте». Династическую историю Москвы путеводитель завершает княжением Юрия Даниловича в начале XIV века. Стремление автора начинать историю города ранее его летописного упоминания (1147) получает подтверждение в открытиях советских археологов последнего времени.

Значение этого «Путеводителя» как исторического источника возрастает благодаря тому, что в нем воспроизведены дословные тексты памятных досок города и эпитафий на могильных плитах в церквях и монастырях, где были захоронены многие выдающиеся люди России. (Особенно интересна стихотворная эпитафия на могиле Симеона Полоцкого.) Для любителей книги может представить интерес памятная доска в печатном дворе на Никольской улице, «где есть древних рукописей и печатных разноязычных книг библиотека». Текст ее гласил: «Сделана бысть сия палата на дворе над воротами книгопечатного тиснения лето 7153 (1645) месяца июня в 30 день».

Следуя административному делению города на части и кварталы, «Путеводитель» отмечает главные улицы, количество переулков, обывательских домов, фабрик, но, по существу, все его внимание сфокусировано, как уже отмечалось, на описании памятных мест и достопримечательностей города. О том, что автор осуществляет это с предельной добросовестностью, говорят дополнения и уточнения к 1-му тому, составившие более трети его объема. Можно сказать, что это первый специализированный путеводитель, рассчитанный на осмотр достопримечательностей города.

Родоначалники особого литературного «жанра», представленного у нас в стране сегодня миллионными тиражами, эти издания могут составить гордость любой коллекции библиофилов. Им принадлежит важное место в истории русской книги.

РУКОЮ БУНИНА

ДОЛГОЖДАННОЕ ПРИОБРЕТЕНИЕ

Мой добрый знакомый, журналист из «Огонька» Саша Басманов как-то сообщил:

— Я знаю женщину, у которой находятся пять книг с дарственными надписями Бунина. И адресованы они Дмитрию Муромцеву, брату жены писателя!

Известие это унесло мой покой. Ведь речь шла о ранних автографах, ценимых собирателями особенно высоко. И. А. Бунин, как удалось уточнить, надписал тома, вышедшие в «Книгоиздательстве писателей в Москве» в 1910—1915 годах. Они являлись, по сути, первым собранием сочинений Бунина...

Печальные опыты прошлого говорили мне, что подобные редкости в наши дни долго не залеживаются.

Время шло, а дело не двигалось. То Басманов был в командировке, то женщина отдыхала на курорте. Извелся я. А тут вскоре еще одно тревожное обстоятельство проявилось. Хозяйка автографов для лучшей коммерции решила пустить книги в продажу в розницу, по одной. Но книги представляли особую ценность именно своей подборкой.

...И вот, наконец, солнечным майским полднем мы свернули с Бутырского вала в поросший молодой, но буйной зеленью двор. Поднялись по лестнице блочного дома. Дверь открыла солидного сложения дама. Выложила на стол пять пропыленных томиков в изящных когда-то любительских переплетах — кожа на корешках облупилась и потрескалась...

Уже дома, подклеив, очистив, промазав кремом и доведя до блеска переплет, я залюбовался вновь засиявшим глубоким золотым тиснением. Каждый корешок украшал суперэкслибрис того, кто шесть с половиной десятилетий назад с такой трогательной заботой переплел книги — «Д. М.», то есть Дмитрий Муромцев.

И вот теперь, когда книги встали на полку рядом со своими братьями по подборке — другими изданиями с автографами и пометками Бунина, пора сказать несколько слов об отношении Ивана Алексеевича к своему шурину, о котором мы знаем пока не очень много.

...Москва, ноябрь 1906 года. В один из субботних дней в особнячке Муромцевых на Поварской собралась большая компания. Вместе с писателем Борисом Зайцевым и его женой Верой пришел эlegantный, легкий телом и движениями Иван Бунин. Это был его первый визит в семью, с которой ему предстояло породниться. Именно Верочке Муромцевой судьба отмерила счастливую и трудную долю — почти половину столетия прожить с великим русским писателем, быть его другом, женой, опекать как мать, ревновать, вместе с ним сорить деньгами, а в конце жизни пешком ходить больной по ненастному Парижу и экономить даже на лекарствах, потому что на счету было каждое су...

Но в тот далекий день было все безоблачно и счастливо. Обедали за длинным столом, спорили о стихах. Бунин попросил рассказы Чехова и читал их мастерски. Слушатели от души смеялись. Среди них был и Дмитрий Муромцев.

В марте 1907 года Иван Алексеевич и Вера Муромцева решили связать свои жизни. У писателя не был официально расторгнут предыдущий брак. Мать Веры пришлось уговаривать. «С ней объяснялись братья, и они убедили ее. Братья меня очень любили, считая, что все, что я делаю, правильно. Я была старшая, и у них был ко мне пиетет», — вспоминала Вера Николаевна¹.

...В суровое время, в начале апреля 1941 года, когда немецкие фашисты разгуливали по оккупированной Франции, Иван Алексеевич в память о прекрасной поре любви и молодости, в память о совместной с Дмитрием Муромцевым поездке к его дяде — отставному генералу Алексею Алексеевичу Муромцеву — написал один из своих шедевров — рассказ «Натали». И разве мог не повлиять на художественное воображение писателя его молодой шурин, когда Бунин повествовал о человеке, впервые надевшем студенческий картуз, о его чистой душе и первой большой любви!

У меня хранятся страницы авторской рукописи «Натали». Это один из черновых вариантов, имеющий разночтения с опубликованным текстом. Увлекательнейшее занятие — вчитываться в эти строки, перечеркнутые и заново вписанные, наблюдать величайшую тайну — ход творческой мысли великого писателя. К примеру, в черновике место смерти героини не Женевское озеро, а Кларенс. И указаны дата и место заверше-

ния работы над рассказом — «4. IV. 41. Приморские Альпы».

К тому времени Дмитрия Николаевича уже не было в живых. А в те далекие годы, когда он близко познакомился с Иваном Алексеевичем, Дмитрий только еще стал студентом юридического факультета Московского университета, который ему предстояло благополучно закончить.

Об этом напоминает одна из надписей на нашей книге. На томе, озаглавленном «„Перевал“ и другие рассказы», Бунин начертил: «С днем рождения, судия праведный, Соломон Николаевич. Ив. Бунин. 6 мая 1912 г.» (Шутливый намек на предполагающуюся мудрость молодого юриста.)

Еще раньше, в 1910 году, на книге «Деревня» Иван Алексеевич написал: «Дорогому Дмитрию Николаевичу Муромцеву искренне любящий его Ив. Бунин». Дарственные надписи на остальных трех книгах лаконичны, но теплы, говорят о действительно добром отношении писателя к брату жены — пустых комплиментов Бунин не терпел.

«Я ПЕРЕПЛЕЛ БЫ В КОЖУ СЕРДЦА»

Рассказ «Натали» Бунин включил в сборник «Темные аллеи». У меня хранится уникальный экземпляр, выпшедший в Париже в 1946 году. Иван Алексеевич сделал надпись, адресованную своей хорошей знакомой З. А. Шаховской: «Эту книгу (самую лучшую из всех моих прочих) я переплел бы для Вас, Зинаида Алексеевна, в кожу моего сердца! Ив. Бунин. P. S. Впрочем, извините: я украл эту надпись,— это Горький так надписал одну из своих книг актрисе Книппер-Чеховой! 29. 3. 1950. Париж».

Писатель не случайно вспомнил Горького, которого любил в молодые годы. Еще в декабре 1910 года Бунин в интервью корреспонденту «Одесских новостей» заявил: «...все толки об упадке якобы таланта Горького следует, по-моему, считать вздорными, не имеющими под собой никаких оснований. Лично я продолжаю считать, что очень крупный художественный талант Горького остается на прежней высоте... Алексей Максимович, по-моему, один из очень немногих в нынешней русской беллетристике, делающих настоящее и большое дело»².

Это была отповедь буржуазной критике, объявившей поход против пролетарского писателя.

Что касается Горького, то он высоко ценил творчество Бунина. Об этом, в частности, свидетельствуют его письма Ивану Алексеевичу от 24 февраля и 29 августа 1916 года, в

которых Горький называет Бунина первейшим мастером русской литературы.

В хранящихся у меня письмах жены Бунина Веры Николаевны советскому писателю Н. П. Смирнову есть воспоминания о встречах ее мужа с Алексеем Максимовичем. Так, 13 января 1960 года она пишет: «Горький говорил мне: „Нам всем нужно учиться у Ивана Алексеевича“. И далее: «А знаете, о какой собаке написаны стихи „Вздыхая, ты свернулась“? Это было на Капри, у Горьких. У них была сибирская белая собака, забыла, какой породы, и она всегда лежала у ног кого-нибудь, иногда у ног Ивана Алексеевича — это было в 1909 году, март — апрель. Мы тогда жили так — неделю на Капри, затем, оставив свои вещи в гостинице, отправлялись в Сицилию, затем опять неделю проводили на этом чудесном острове с Горьким».

Писательские симпатии и антипатии Бунина и Горького зачастую совпадали. Так, оба резко критически относились к творчеству З. Н. Гиппиус. В моем собрании находится сборник стихов Гиппиус «Сияния». Вышел он в Париже в 1938 году. Тираж — 200 экземпляров. Бунин внимательно прочитал книгу. Она хранит пометки, характеризующие его скептическое отношение к поэтессе. На странице 31 напечатано стихотворение «Когда я воскрес из мертвых...». Иван Алексеевич сделал под ним карандашную запись: «И все, всюду мошенничество загадочностью, будто бы какими-то великими и высокими тайнами, печальми!»

На странице 36 поэт подводит итог прочитанному: «На старости лет (Гиппиус шел семидесятый год. — В. Л.) писать такие жульнические глупости!»

Кстати, он любил оставлять на книгах своего рода мини-

Сборник И. А. Бунина
«Темные аллеи»

атюрные рецензии. У меня хранится письмо от 19 мая 1967 года писателя Юрия Терапиано, долгие годы знавшего Ивана Алексеевича. Он отмечает: «В эмигрантской литературе поэзия Бунина признанием не пользовалась — и это очень обижало Бунина. Он сделал немало едких, порой просто ругательных пометок на полях сборников зарубежных поэтов, которые он получал всегда с самыми почтительнейшими надписями. И на З. Гиппиус сердился за то, что она его поэзию называла описательством».

Но особый интерес представляют, разумеется, те пометки, которые Бунин оставил в тексте собственных книг. Вспомним прекрасное раннее стихотворение «Дедушка в молодости» («Вот этот дом, сто лет тому назад, был полон предками моими...»). На экземпляре из моего собрания к заголовку добавлено рукой автора лишь одно слово — «мой». И сразу все стихотворение приобретает личное, автобиографичное звучание.

ИНТЕРВЬЮ У САМОГО СЕБЯ

Ко мне в гости заехал большой книголюб, поклонник творчества Бунина, спортивный комментатор Центрального телевидения, заслуженный мастер спорта Владимир Маслаченко. (О его собирательских пристрастиях мне довелось уже рассказывать на страницах «Книжного обозрения».)

Он обратил внимание на две лежавшие на столе рукописи Ивана Алексеевича. Внимательно прочитав их, Владимир Никитович воскликнул: «Какая яркая автобиография, сколько юмора и горькой правды в этих строках!..»

Это решило судьбу рукописных заметок Бунина. Мне подумалось: может, и читателям «Альманаха библиофила» они будут интересны?

Обе заметки называются одинаково — «У И. А. Бунина». Написанные в своеобразной манере — в форме автоинтервью, — они предназначались для опубликования в печати. Их цель — подогреть интерес публики к предполагавшимся литературным вечерам, приуроченным к дням рождения Бунина. Привожу текст у нас не публиковавшегося «автоинтервью», написанного осенью 1948 года к празднованию 78-летия писателя:

«У И. А. Бунина.

Иван Алексеевич встретил как всегда приветливо и на вопрос, как он себя чувствует теперь, после тяжелой болезни, перенесенной им в конце лета, ответил бодро:

- Ref. en y lac
cuerpo y no se
my y

Ивант

кк Ванда

4

--Ничего, теперь, слава Богу, поправился. А то совсем было помиралъ

и очень досадовало, думал: сколько еще ~~интересного~~ интересного будет ~~в~~
впереди, — конгрессы, забастовки, войны, — а ты померешь и ничего не
будешь знать, потому что в Сан-Франциско ~~ли~~ Буа всегда все мирно,
спокойно, ~~рад~~ ^{теперь} ~~нать~~ ^{люди} соседи не разговорчивы... ~~как~~ ^{как} видите,
опять затыкал ~~в~~ вечер. Давно ли, кажется, была моя вечерь прошло-
годняя. ~~А теперь уже опять...~~ ^{Вот уже опять...}

Невольно вспомнишь мудрую строчку поэтессы Приам-
новой: "Наше быстро время воду возить!"

— Ничего, теперь, слава богу, поправился. А то совсем было помирал и очень досадовал, думал: сколько еще интересного будет впереди—конгрессы, забастовки, войны,—а ты помрешь и ничего не будешь знать, потому что в Сент Женеvьев дю Буа всегда все мирно, спокойно, радио нет, соседи-покойники не разговорчивы... Теперь, как видите, опять затеял вечер. Давно ли, кажется, был мой вечер прошлогодний, а вот уже опять октябрь и день моего рождения! Невольно вспомнишь мудрую строчку поэтессы Присмановой: „Зачем так быстро время воду возит!“

— Вы, И. А., будете читать свои литературные воспоминания?

263

ем дивятся такой моей расточительности: „Подумайте, ухлопал в каких-нибудь 15 лет чуть не миллион!“ — говорят они, забывая, что ведь я, так сказать, потомственный мот, будучи родом из дворян, которые, как известно, все промотали свои „Вишневые сады“, — не промотал один только „Дядя Ваня“, за что и обещано было ему „небо в алмазах“...

— А к какому именно периоду вашей писательской жизни, И. А., относятся воспоминания, которыми вы хотите поделиться с вашими будущими слушателями?

— О, ко всем периодам. Начиная с моей мирной юности и кончая теми годами, когда „Буревестник, черной молнии подобный“ зареял уже не над „седой пучиной моря“, а над Невой и Москва-рекой. Наша судьба, вообще, уже давно была связана с птицами, как справедливо сказал когда-то один из ложных мудрецов Дон-Аминадо. Вспомните-ка, в самом деле, каким страшным успехом пользовались у нас „Соколы и Вороны“, „Песнь о Соколе“, альбатросы, кречеты, „Синяя Птица“, „Умиравший лебедь“, „Дикая утка“ — „Чайка“, „Чайка“! Вообще я о многом буду говорить, — между прочим и о пьесах Чехова и о Художественном Театре.

...О чем еще? Этого я вам пока не скажу...

С улыбкой, остроумно написано и «самоинтервью» 1947 года. (Написано оно на обороте рукописи «Натали».) Однако сквозь этот смех то и дело проступают слезы... Причины тому — нелегкая жизнь за рубежом. Дело дошло до того, что Бунин был вынужден продавать книги из своей рабочей библиотеки. Что касается литературных вечеров в Париже, то они имели, как правило, коммерческую или благотворительную цель. Среди их устроителей зачастую была В. Н. Бунина.

Итак, рассказывает Иван Бунин:

«Мы застали И. А. в его кабинете за письменным столом, в халате, в очках, с пером в руке...

— Bonjour, maitre!* Маленькое интервью... в связи с вашим вечером 26 октября... Но мы, кажется, помешали, — вы пишете? Простите пожалуйста...

И. А. притворяется сердитым:

— Метр, метр! Сам Анатоль Франс сердился на это слово: „Maitre de guoi?“** И когда меня называют метром, мне хочется сказать плохой каламбур: „Я уже так стар и будто бы так знаменит, что пора меня называть километром“. Но к делу. О чем вы хотите беседовать со мной?

* Добрый день, мэтр!

** Мэтр чего?

— Прежде всего о том, как вы поживаете, как ваше здоровье, чем порадуете нас на вечере, что сейчас пишете?..

— Как поживаю! Горе только рака красит, говорит пословица. Знаете ли вы чьи-то чудесные стихи:

Какое самообладание
У лошадей простого звания,
Не обращающих внимания
На трудности существования!

Но где ж мне взять самообладания? Я лошадь не совсем простого звания, а главное, довольно старая и потому трудности существования, которых, как вы знаете, у многих немало, а у меня особенно, переносу с некоторым отвращением и даже обидой: по своим летам и по тому, сколько я пахал на литературной „ниве“, мог бы жить немного лучше. И уже давно не пишу ничего, кроме просьб господину сборщику налогов о рассрочке их для меня. Я и прежде почти ничего не писал в Париже, уезжал для этого на юг, а теперь куда и на какие средства поедешь? Вот и сижу в этой квартирке, в тесноте и уж если не в холоде, то в довольно неприятной прохладе, а порой и на пище св. Антония: доктор советует есть, например, печенку, а эта печенка, которую прежде покупали для кошек, стоит теперь 950 франков кило!

— А можно узнать, что именно вы будете читать на своем вечере?

— Точно никогда не знаю чуть не до последней минуты. Выбор чтения на эстраде—дело трудное. Читая с эстрады даже что-нибудь прекрасное, но не „ударное“, знаешь, что через четверть часа тебя уже не слушают, начинают думать о чем-нибудь своем, смотреть на твои ботинки под столом... Это не музыка, хотя был у меня однажды интересный разговор на эту тему с Р[ахманиновым]. Я ему: „Вам хорошо—музыка даже на собак действует!“ А он мне в ответ: „Да, Ванюша, больше всего на собак!“ Так вот все колеблешься: что читать, чтобы не думали о своем, не смотрели на ботинки? Я не червонец, чтобы всем нравиться, как говорил мой отец, я не честолюбив... Но я самолюбив и совестлив—заставлять людей скучать не люблю... Так что одно имею в виду для вечера: не заставить скучать.

— А вы, И. А., очень волнуетесь, читая на своих вечерах? Ведь все на эстраде, на сцене волнуются...

У И. А. Бункина ^{его} ~~Указ. нет~~ ¹
Мы гостим И. А. в ~~физ. инст.~~
записки на столы, в салат,
в огнях, в перо в рук...

- Вот жалею, тайне! Маленькие интервью...
Вы связались с вашими вчерашними 26 октября...
Но нет, кажется помню, - вы знаете
те? Простите пожалуйста...

и. д. представляется следующим:

— Мейстер, мейстер! Самые лучшие друзья
сидели на его словах: «Майстер де
дуй?» и когда мейстер поговаривал
и это, мейстер хотел сказать пух-
каламбур: ~~пух~~ «Я уже так же стар
и будто бы так же знаменит, что по
моему называю Километром». Но
кх Нюлу. ~~Я уже так же знаменит, что по~~
делывать со мной?

- Придете всег о јам, како ви
подиравате, како ваме здравље,
живићте порадујете нас на висту,
што сега пишете...?

— Какое родительство! Знаете ли, что вы
узнаете себя, какое самоопределение (счастье)
У каждого из вас свое звание, да?

✓ Топе мањко рака крапуње,
улепуни њиховуца.

— Еще бы! Я юношей видел в „Гамлете“ знаменитого в ту пору на весь мир Росси и в антракте получил разрешение войти к нему в уборную: он полулежал в кресле с обнаженной грудью, белый как полотно, весь в огромных каплях пота...

Видел, тоже в уборной, знаменитого Ленского из Московского Малого театра в совершенно таком же положении, как Росси... Видел за кулисами Ермолову—имел честь не раз выступать с ней на благотвор[ительных] литературных вечерах: если бы вы знали, что делалось с ней перед выходом! Руки трясутся, пьет то валерьяновые, то гофмановские капли, поминутно крестится... Кстати сказать, читала она очень плохо—как почти все акт[еры] и актрисы...

— Как! Ермолова!

— Да, да, Ермолова. А что до меня, то, представьте, я—исключение: и за кулисами, и на эстраде спокоен. „Не нравится—не слушай!“ В молодости я на эстраде краснел, бормотал—больше всего от мысли, что ровно никому не нужно мое чтение,—и даже от какой-то злобы на публику. Совсем молодым я однажды был участником литературно-муз[ыкального] вечера в огромнейшей зале в П[етербурге]—и знаете, вместе с кем? Вы не поверите! с самим Мазини, к[оторый], хотя был уже далеко не молод, но был еще в великой славе и чудесно пел неап[олитанские] песни! И вот, вылетел я на эстр[аду] после него,—вы понимаете, что это такое: после него?—и подбежал к самому краю э[страды], глянул—и уже совсем обмер: на шаг от меня сидит широкоплеч[ий], с шир[оким] перелом[анным] носом сам Витте и крокодилом глядит на меня! Я забормотал, как в бреду, облился горяч[им] и холодным потом—и стрелой назад, за кулисы... А теперь я, пожалуй, не смутился бы даже под взглядом... ну, придумайте сами, под чьим взглядом...”

(Текст этой заметки по не совсем точной копии и потому содержащей некоторые разночтения в сравнении с оригиналом, находящимся в нашем распоряжении, был впервые опубликован исследователем творчества И. А. Бунина А. К. Бабореко в 1976 году в журнале «Наука и жизнь», № 6.)

Вообще, юбилеи Ивана Алексеевича в послевоенное время были скромны. Одна из причин—травля Бунина реакционными эмигрантскими кругами за его лояльность к Советской России. 13 мая 1959 года Вера Николаевна писала Н. П. Смирнову (письмо находится в моем собрании): эмигрантская газета «травила Бунина, даже в день его 80-летия в ней появилась возмутительная статья, несмотря на то, что он месяц назад вышел из клиники после тяжелой операции».

А как все же прошло празднование 80-летия Бунина в Париже? Вера Николаевна сообщает: «Юбилей был скромный, на дому. Иван Алексеевич сидел в кресле, одетый в синий халат — юбилейный подарок одного из друзей. Были, конечно, делегации от парижских эмигрантских учреждений, были друзья, знакомые. В общем, за день перебивало человек двести... В этот день был заснят фильм. Он теперь в Америке».

К нашему огорчению, в США оказался не только фильм. После смерти Веры Николаевны, весной 1961 года, наследником бунинского архива стал писатель Л. Ф. Зуров, тридцать лет проживший в их семье. Зуров почти весь архив продал на Запад. Потеря невосполнимая!..

Вот почему нам так дороги вновь открываемые рукописные материалы И. А. Бунина, книги с его автографами, все свидетельства его зарубежных друзей и знакомых.

Один из таких важных документов — письма в Москву писателя Виктора Мамченко (они находятся в моем собрании). Гражданин СССР, он долгие годы провел во Франции, близко знал Ивана Алексеевича. Вот что писал он 29 июня 1964 года (публикуется впервые):

«Здесь (в Париже.— В. Л.) нет ни одного писателя (живого или уже умершего), в дневнике которого не было бы записей о нем, о Бунине... Суждения современников о Бунине противоречивы и загромождены, как авгиевы конюшни, потому что Бунин не был ангелом, а был исключительно талантливым писателем и поэтом. Ведь вот мне приходилось встречать его веселящимся... где-нибудь в кафе на Монпарнасе, но я его встречал и на пустынных улицах вдоль дымных заводов, одинокого, светлого, трагичного, корректного и ласкового».

В изучении жизни и творчества великого писателя мелочей не может быть. Каждый новый факт — вещь бесценная...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Лит. наследство. М., 1973, т. 84, ч. 2, с. 179.

² Там же, ч. 1, с. 368.

ВЕНОК НА ПАМЯТНИК ПУШКИНУ

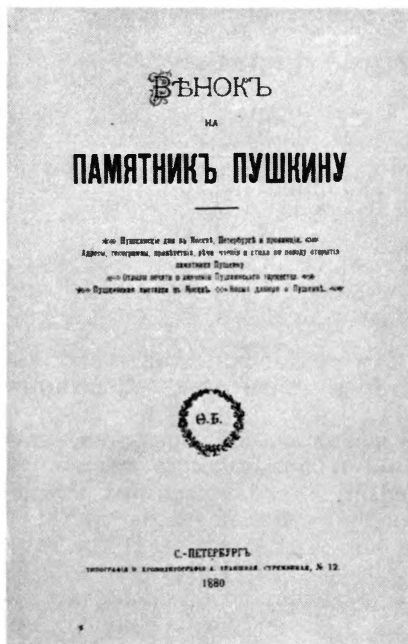
6 (18) июня 1880 года в центре Москвы, на Тверском бульваре был торжественно открыт памятник Александру Сергеевичу Пушкину.

Его открытие вылилось во всенародный праздник, прошедший «по всей Руси великой» и получивший отклик во многих странах Европы. Атмосферу этого праздника национальной культуры хорошо передает редкая ныне книга с емким и точным названием «Венок на памятник Пушкину», хранящаяся в нашем семейном собрании. Изданная в 1880 году по следам событий, она представляет собой большой (354 страницы) сборник, отпечатанный в Петербурге в типографии и хромолитографии А. Траншеля.

Во вступительной статье «Памяти А. С. Пушкина» составитель отмечает главное значение события: «День торжественного открытия памятника Александру Сергеевичу Пушкину — народное русское торжество, праздничный день русского общества и особенно русской литературы. Только со времени незабвенного поэта русская литература сблизилась с жизнью и стала необходимою принадлежностью и потребностью общества. С именем Пушкина связан не только пышный расцвет русской поэзии, но и торжество русской общественной мысли... В нем начало нашего литературного совершенствования, им открывается история нашего общественного развития».

Скромно уведомив читателя, что описание торжеств по случаю открытия памятника великому поэту является лишь слабым воспроизведением событий, составитель начинает повествование.

Итак, 5 июня, накануне открытия памятника, в зале Московской городской думы состоялось заседание Комитета по сооружению монумента, на котором присутствовали все четверо детей великого поэта: Мария, Наталья, Александр и Григорий Пушкины; оно было посвящено приему 106 «депутаций»

Титульный лист книги
«Венок на памятник Пушкину»

от разных учреждений и обществ, прибывших в Москву на торжества.

В заключение член Комитета академик Я. К. Грот рассказал об истории сооружения памятника.

6 июня утром было пасмурно, шел небольшой дождь. Но за полчаса до начала торжеств прояснилось. По всей Страстной площади, заполненной народом, виднелись разноцветные флаги, на которых золотыми буквами начертаны наименования организаций, приславших делегации на праздник. Вокруг памятника красовалась гирлянда из зелени, на которой были укреплены белые щиты, также обрамленные зеленью, с названиями наиболее известных произведений А. С. Пушкина. Правее памятника соорудили эстраду, покрытую красным сукном, на которой должна была произойти цере-

мония передачи монумента городскому управлению Москвы.

Торжества сопровождал оркестр и хор, которыми дирижировал Н. Г. Рубинштейн. В 12 часов 20 минут, когда сняты были веревки с парусинной пелены, окутывавшей памятник, и она заколебалась под ветром, вся площадь замерла в ожидании. И вот пелена падает сперва к ногам статуи поэта, потом с пьедестала... Как живой предстал перед собравшимися столь знакомый по портретам и бюстам дорогой, родной образ поэта. Трудно передать впечатление, овладевшее тогда всеми... За первой минутой общего оцепенения громкое «ура» огласило площадь. У одного из сыновей поэта лились слезы. И, действительно, редко кому суждено испытать такие минуты!

Когда овация несколько смолкла, был зачитан акт о передаче памятника в ведение города Москвы. Со словами благодарности от имени москвичей выступил городской голова Сергей Михайлович Третьяков, один из создателей знаменитой

Третьяковской галереи, который обещал свято хранить памятник. Началось возложение венков. Первый венок к подножию монумента возложил старший сын поэта А. А. Пушкин. «Моментально часть пьедестала и все подножие вокруг памятника были покрыты массою венков. Образовалась целая гора...»

Во время торжественной церемонии А. М. Опекушин стоял возле памятника. Он был потрясен выражением всеобщего восторга и благодарности. Эти минуты были для него самой большой наградой и остались в памяти на всю жизнь.

На открытии памятника присутствовали И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, А. Н. Островский, А. Ф. Писемский, Г. И. Успенский, Д. Ф. Григорович, И. С. Аксаков, видный юрист и общественный деятель А. Ф. Кони и другие выдающиеся деятели русской культуры. Интересные зарисовки торжества сделали Н. П. Чехов (брат писателя) и архитектор И. С. Богомоллов — автор пьедестала памятника.

В 14 часов состоялся торжественный акт в большом зале Московского университета. С речами о творчестве А. С. Пушкина выступили ректор университета Н. С. Тихонравов, профессор В. О. Ключевский и Н. А. Стороженко.

Затем для делегаций, прибывших на торжество, в Благородном собрании был организован обед. Главными гостями стали дети и внуки поэта. Взволнованную речь о Пушкине произнес И. С. Аксаков, а профессор М. М. Ковалевский предложил тост за русскую литературу.

Литературно-музыкальный и драматический вечер, устроенный Обществом любителей российской словесности в переполненном зале Благородного собрания, завершил этот день. Выступали известные вокалисты и драматические актеры. Музыкальной частью руководил Н. Г. Рубинштейн, под управлением которого оркестр исполнил несколько увертюр, в том числе из «Руслана и Людмилы» и «Русалки». Из писателей выступили И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, А. Ф. Писемский, А. Н. Островский, Д. Ф. Григорович и другие. Особенно горячо приветствовали собравшиеся И. С. Тургенева. Его вызывали семь раз.

На следующий день 7 июня в 13 часов в большом зале Благородного собрания открылось заседание Общества любителей российской словесности, членом которого с 1830 года состоял А. С. Пушкин. С речами выступили председатель Общества С. А. Юрьев, гость из Франции профессор Луи Лежер, который говорил по-русски и был тепло встречен слушателями.

Затем секретарь Общества зачитал многочисленные телеграммы и письма, полученные по случаю юбилея, в том числе

из ряда стран Европы. Так, на имя Ивана Сергеевича Тургенева пришли письма от Виктора Гюго, от немецкого писателя Бертольда Ауэрбаха, от английского поэта Теннисона. Свои стихи на открытие памятника А. С. Пушкину прочел Я. П. Полонский.

На кафедру поднялся И. С. Тургенев. Его речь была посвящена национальному и мировому значению творчества А. С. Пушкина, который сделал, по словам Тургенева, очень много — «...ему одному пришлось исполнить две работы: установить язык и создать литературу».

Заседание завершилось выступлением А. Ф. Писемского об исторической достоверности прозы А. С. Пушкина.

В тот же день состоялся «парадный складчинный обед», устроенный Обществом любителей российской словесности, на котором прекрасные слова о месте А. С. Пушкина в русской литературе сказал А. Н. Островский: «Наша литература обязана ему своим умственным ростом... Он завещал нам искренность, самобытность, завещал каждому русскому писателю быть русским... Нынче на нашей улице праздник!»

...Вечером А. М. Опекушин вновь пришел на Тверской бульвар к своему Пушкину и долго стоял возле него. Здесь скульптора встретил Иван Сергеевич Тургенев. Он обнял Опекушина. Вместе гуляли они по бульвару. Один из лучших вариантов статуи Пушкина скульптор преподнес Тургеневу, который был очень взволнован приятным для него подарком.

Последний день пушкинских торжеств в Москве, 8 июня, ознаменовался речью Ф. М. Достоевского на втором торжественном заседании Общества любителей российской словесности. Эта речь хорошо известна и вошла в историю русской литературы. Потом о ней горячо спорили. Не всё в этой речи приняла передовая русская интеллигенция и революционно настроенная молодежь. Но это было потом. А в тот памятный день речь Ф. М. Достоевского потрясла слушателей. Вот свидетельство очевидца: «Передать речь Достоевского невозможно: глубже и блистательнее ее нельзя себе ничего представить; форма в ней так слита с содержанием, что никакой ответ не даст и приблизительного понятия об ее силе. К тому же она и произнесена была неподражаемо хорошо. Когда Достоевский кончил, вся зала духовно была у ног его. Он победил, растрогал, увлек, примирил. Он доставил минуту счастья и наслаждения душе и эстетике. За эту-то минуту и не знали, как благодарить его. У мужчин были слезы на глазах, дамы рыдали от волнения, стон и гром оглашали воздух. Группа словесников обнимала высокодаровитого писателя, а несколько молодых девушек спешили к нему с лавровым венком и

увенчали его тут же, на эстраде среди дошедших до своего апогея оваций... Человеческое слово не может претендовать на большую силу».

Венок этот Федор Михайлович возложил к памятнику любимому поэту.

Потрясенный речью Ф. М. Достоевского, И. С. Аксаков, собиравшийся осветить ту же тему, хотел значительно сократить свое выступление, но слушатели потребовали этого не делать.

Было принято предложение писателя А. А. Потехина (от имени присутствующих литераторов) достойно завершить московское торжество началом всенародной подписки на памятник Н. В. Гоголю: «Да будет Москва пантеоном русской литературы, да воздвигнется памятник Гоголю в центре России, Москве!» В несколько минут листы для подписки на памятник Н. В. Гоголю были заполнены...

В тот же вечер в Благородном собрании состоялся последний литературно-музыкальный концерт, на котором И. С. Тургеневу опять устроили «шумные овации» и поднесли такой же венок, каким утром был увенчан Ф. М. Достоевский.

В течение праздничных дней была открыта выставка, организованная Обществом любителей российской словесности, на которой экспонировались автографы поэта, некоторые его вещи, портреты А. С. Пушкина, его друзей и знакомых. Выставка помещалась в Дворянском собрании и занимала всего две комнаты. Однако, по свидетельству составителя сборника, «отличалась полнотой и ценностью». Все экспонаты выставки описаны в книге, указаны их владельцы.

Так завершились четырехдневные пушкинские торжества в Москве.

Однако сборник содержит много других чрезвычайно интересных материалов. В нем описан пушкинский день 6 июня в Петербурге, напечатано письмо И. А. Гончарова о влиянии А. С. Пушкина на его творчество, подробно изложены материалы о чествовании памяти великого поэта в провинции, в том числе в местах, где он жил. Большой раздел посвящен отзывам печати об открытии памятника и подведению итогов пушкинского праздника. Опубликовано много стихов, посвященных поэту. Есть ряд интересных материалов об А. С. Пушкине: о родословной поэта, отрывок из воспоминаний о нем Л. Обера, описание места дуэли, история болезни А. С. Пушкина и другие.

И в заключение — немного о составителе сборника. Имя его, зашифрованное в виде букв Ф. Б., — Федор Ильич Булгаков (1852—1908). Известно, что в 1880—1892 годах он

сотрудничал в таких периодических изданиях, как «Исторический вестник», «Новое время», «Новь», имел также псевдонимы Ф. и Фита. Булгаков был составителем двухтомной «Художественной энциклопедии» (1886—1887), подготовил двухтомник «Наши художники на академических выставках последнего 25-летия...» (1889—1890). Его перу принадлежит том «Иллюстрированной истории книгопечатания и типографского искусства» (1889), монография «Павел Андреевич Федотов и его произведения художественные и литературные» (1893). Все перечисленные книги отпечатаны в Петербурге в типографии А. С. Суворина. В петербургском издании Г. Ф. Пантелеева в 1894—1895 годах под редакцией Ф. И. Булгакова вышло собрание сочинений У. Теккерея в 12-ти томах и первые четыре тома из 11-томного собрания сочинений Брет-Гарта (1896—1899). Как издатель Ф. И. Булгаков выпустил в 1905 году в переводе с латинского «Амура и Психею» Апулея.

Таким образом, сборник «Венок на памятник Пушкину» стал первой крупной и интересной работой этого литератора.

Наши

публикации

МОЙ ТРУД МНОГОЛЕТНИЙ...

О моей матери и ее последней книге

Как назвать эту рукопись? Воспоминаниями? Поскольку автор обращается к минувшим годам собственной жизни, ей, казалось бы, могло подойти такое наименование. Но менее всего — в привычном смысле слова: ведь все сосредоточено здесь лишь вокруг научных интересов, так или иначе связано с ними. Видимо, в самом жанре книги, главы которой поочередно посвящены изучению Вяземского, Пушкина, Лермонтова, Белинского, Достоевского, сконцентрировались черты, неотъемлемые от облика автора. Это — отношение к своему призванию и самому процессу труда как к главной цели жизни и, вместе с тем, постоянное стремление делиться накопленным опытом, передавать его окружающим и, прежде всего, молодым специалистам в близкой области научной деятельности.

Вера Степановна Нечаева не принадлежала к представителям «потомственной интеллигенции». Отец ее, выходец из тверских крестьян, служил счетоводом на железной дороге, все родственники по материнской линии были мало причастны к культурной жизни. Без преувеличения можно сказать, что высокой образованностью, приобщением к научной деятельности моя мать прежде всего была обязана самой себе: она обладала природными способностями, неуклонной тягой к познанию, твердой волей, целеустремленностью, трудолюбием. С ранних лет она восхищалась архитектурой и изобразительным искусством, с большим вкусом рисовала сама, писала стихи, любила музыку и, конечно, с детства упивалась произведениями художественной литературы. Одновременно проявлялась и ее тяга к конкретности и точности, систематичности и логике мышления. Всем этим задаткам дано было отчетливо проявиться в ее последующей деятельности. В высокой степени обладала она тем, что так необходимо исследователю литературы (как и других областей искусства): восприимчивостью к прекрасному, эстетическим чутьем и, одновременно, — склонностью к научной достоверности, обобщениям на основе изучения конкретных исторических фактов.

Факты для историка — это прежде всего документы. Именно с ними было связано страстное увлечение моей матери архивными поисками. Сама она любила рассказывать о том, как открытие очередной папки или «дела» не раз становилось для нее началом нового исследования, от содержимого же других так часто зависело подтверждение или крушение складывавшихся научных концепций. Безусловно, опыт архивной работы вызвал и серьезное изучение ею теоретических основ текстологической науки. Вместе с тем именно тяга к вещественной подлинности привела — параллельно с исследовательской работой — к идее создания первого музея Ф. М. Достоевского, реализации которой она отдала так много сил и времени, а также к активному участию в организации Всесоюзной Пушкинской выставки.

Несколько слов собственно об этой книге, фрагменты из которой публикует «Альманах библиофила», и о тех, кому она предназначена.

Думаю, круг читателей ее будет широк и многообразен. Для молодых ученых-филологов или тех, кто только еще готовится ими стать, она может послужить наглядным примером научно-исследовательской работы в ее реальном жизненном контексте. Не обремененная научной терминологией и рассмотрением узкоспециальных проблем, она будет полезной для знакомства с особенностями профессии филолога, послужив, тем самым, популяризации этой отрасли науки. Книга содержит богатый фактический материал, который не может не заинтересовать всех знающих и любящих русскую литературу. Здесь и ряд проблем (изложенных в сжато-концентрированной и вместе с тем вполне доступной форме), связанных с жизнью и творчеством замечательных представителей отечественной словесности, и встречи с крупными литературными деятелями прошлого, и живые портреты потомков Ф. М. Достоевского. Наконец, и в чисто историческом плане книга является интересным документом. Наряду со многими фактами из летописи советского литературоведения, в ней получила отражение широкая панорама событий, включающая первую мировую войну, обе революции 1917 года и Великую Отечественную войну. Хотя автор не ставил перед собой цели подробного освещения этих грандиозных событий, многие страницы книги ярко рисуют, как воспринимались они одним из представителей той интеллигенции, что формировалась сразу же вслед за установлением Советской власти вместе со всем дальнейшим ходом развития нашего общества. Весь путь ученого представляется на редкость целостным и гармоничным, освещенным ясно поставленной целью, воплощение которой, думается, внесло немалый вклад в историю русской литературы и советское литературоведение.

Д. Благой (Нечаев)

ВСЕСОЮЗНАЯ ПУШКИНСКАЯ ВЫСТАВКА

Если мои многократные обращения в историко-литературной работе к творчеству и биографии Пушкина (как опубликованные, так и неопубликованные) все же не сделали меня «пушкинисткой», а все время перемежались исследованиями, связанными с Вяземским, Лермонтовым, Белинским и Достоевским, то все же было время, когда я полностью погрузилась в жизнь, творчество Пушкина и литературу о нем. Это были 1936—1937 годы—годы подготовки и открытия Всесоюзной Пушкинской выставки, в связи со столетием со дня его гибели. Выставка, организованная по постановлению Совнаркома Союза ССР в здании Государственного Исторического музея в Москве, возглавлялась и готовилась Всесоюзным Пушкинским комитетом, ответственным секретарем которого была Елена Федоровна Розмирович—директор Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. В Комитет вошли видные историки, литературоведы и искусствоведы и, конечно, пушкинисты. Масштаб работ Комитета был грандиозен: разработать план Выставки, соответствующий великому значению отмечаемого события и выявить и получить для выставки

все материалы, которые действовали бы полноте показа разработанного плана. Тем самым, речь шла о многих десятках государственных учреждений и общественных организаций, хранящих нужные материалы, а также об обращении к частным лицам, имеющим возможность представить на выставке принадлежащие им экспонаты.

Возглавляя Музей Достоевского, бывший в те годы филиалом Библиотеки имени Ленина, я входила в число сотрудников Библиотеки и не раз беседовала с Е. Ф. Розмирович. Должна отметить ее внимание к моей работе, служебной и литературной, приглашение соединить работу в Музее Достоевского с работой в Отделе рукописей Библиотеки и очень ценимые мною ее общественно-политические советы и мнения. Это было мое первое личное общение с заслуженным членом партии, связанным с ее руководящими деятелями и старыми кадрами. Очевидно, еще не зная о предполагавшейся Всесоюзной Пушкинской выставке, я разработала для Музея план специальной экспозиции и брошюры «Достоевский и Пушкин» и обратилась к Е. Ф. Розмирович с просьбой утвердить план этой работы. Результат был неожиданный: Елена Федоровна, знавшая о моем музейном и архивном опыте, знакомстве с соответствующими учреждениями и их сотрудниками, а также мои интересы в области пушкинской эпохи, предложила мне временно оставить Музей Достоевского и целиком переключиться на работу, связанную с подготовкой Всесоюзной Пушкинской выставки. Разумеется, мои скромные планы померкли рядом с проектом поистине беспримерного размаха: то, что было задумано создать в Москве, едва ли раньше осуществлялось не только у нас, но и за рубежом. Я дала согласие, и, вероятно, с весны 1936 года начались подготовительные работы, которые первоначально протекали в помещениях Библиотеки имени Ленина, но с осени развернулись во втором этаже Исторического музея, специально ос-

В. С. Нечаева

**Пригласительный билет
на открытие Всесоюзной Пушкинской выставки**

вобожденном и художественно оформленном для этой цели.

Мне трудно вспомнить и перечислить, чем я занималась этот год, кроме участия в заседаниях Всесоюзного Пушкинского комитета. Конечно, главным образом это были связи (почтовые и личные) с рядом лиц, учреждений и организаций, у которых мы получали для Выставки будущие экспонаты, рассеянные по разным городам Союза, но преимущественно сосредоточенные в Москве и Ленинграде. Могу лишь отметить, что все мы, связанные общей работой по подготовке Выставки, самозабвенно отдавались этому делу. Так, в зиму 1936—1937 годов, отработав обычный день, мы к восьми вечера вновь собирались на Выставке и продолжали работу часов до двенадцати ночи. К счастью, Елена Федоровна послала за мною машину, что было для тех лет редким удобством.

Чтобы лучше оценить всю значительность такого общественного историко-литературного явления, каким была организация Всесоюзной Пушкинской выставки на двадцатом году существования Советского государства, стоит напомнить ее цели, изложенные на первой странице тогда же изданного «Путеводителя»:

«1. Показать жизнь великого поэта, его борьбу с самодержавием и гибель в этой борьбе. Показать общественную биографию А. С. Пушкина на фоне крепостнической России его эпохи, в обстановке общеевропейской и российской реакции, в связи с движением декабристов и европейским революционным движением того времени.

2. Показать А. С. Пушкина — создателя русского литературного языка и родоначальника новой русской литературы, обогатившего человечество бессмертными произведениями художественного слова.

3. Показать судьбу литературно-художественного наследства А. С. Пушкина в царской России. Вскрыть политику царского правительства, фальсифицировавшего политический и литературный облик Пушкина, державшего его сочинения под опекой невежественной цензуры и зажимавшего их распространение.

4. Показать А. С. Пушкина — великого поэта народов Союза Советских Социалистических Республик».

Выставка разместилась в семнадцати залах. В первых одиннадцати был собран изобразительный материал (преимущественно современный поэту), все его подлинные портреты, портреты окружавших его людей — друзей и врагов, а также картины, гравюры, рисунки, запечатлевшие все связанные с именем Пушкина места и исторические события его времени. Политическая жизнь России и Европы органически сливалась в экспозиции с личной жизнью поэта: широко демонстрировались экспонаты, связанные с декабрьским восстанием, французской революцией, народными волнениями. Особое внимание привлекал одиннадцатый зал — «Гибель Пушкина», где после материалов, характеризующих издание Пушкиным «Современника» и круг участвовавших в нем лиц, было обильно представлено петербургское общество 1836 года, а в нем большая группа врагов Пушкина, способствовавших его гибели. Как и в других залах, здесь находился ряд документальных материалов, которые, как подлинные свидетели трагедии, неотразимо действовали на зрителя: анонимное письмо, полученное Пушкиным, письма Пушкина к Геккерену, условия дуэли, написанные рукой Данзаса, последнее письмо Пушкина, дознание полицейского врача, военно-судное дело о дуэли Пушкина, «Дело о перевозе мертвого тела поэта А. С. Пушкина из С.-Петербурга в Псковскую губернию Опочецкого уезда в сопровождении жандармского офицера», распоряжение правительства о недопущении торжественных похорон Пушкина, статья о его смерти и т. д.

Вторая цель выставки — показать Пушкина «родоначальником новой русской литературы» — достигалась в тех же одиннадцати залах показом подлинных рукописей поэта, фотокопиями отдельных их мест и страниц, помогающих анализу творческой работы Пушкина. Хотя автографы произведений сопровождали показ каждого периода жизни и творчества поэта — с юношеских лет до смерти — особенно привле-

калось внимание к их изучению в седьмом зале, который назывался: «Пушкин в Болдине в 1830 году. Творческая лаборатория Пушкина». В «Путеводителе» работа организаторов этого зала (главным образом, С. М. Бонди и В. В. Виноградова) была отражена лишь в перечне тем, которые в нем демонстрировались, но даже сам этот перечень чрезвычайно внушителен и свидетельствует о широте поставленных задач:

«Рукописи Пушкина. Статистические данные о рукописях Пушкина. Типы пушкинских рукописей; записная тетрадь, альбом, листки, письма. Почерк Пушкина (таблица). Пометки Пушкина в тетрадях.

Работа Пушкина над своими произведениями. Планы произведений. Черновики. Беловые рукописи. Работа над художественным текстом. Работа над нехудожественным текстом. Работа над языком и стилем произведений».

Особый раздел был посвящен теме: «Рукописи Пушкина и цензура».

Конечно, все разделы жизни и творчества Пушкина были насыщены демонстрацией редких книг, его прижизненных публикаций и изданий, книг им читанных или на него влиявших — русских и иностранных, XVIII и первой половины XIX века.

Экспозиция двенадцатого зала — «Пушкин и мировая литература» — целиком была построена на сведениях о распространении произведений Пушкина за границей, переводах его сочинений на иностранные языки и изучении пушкинского наследия в разных странах.

Острой политической направленностью отличалась экспозиция тринадцатого зала — «Судьба литературного наследия Пушкина в царской России», для которой богатый материал давали многочисленные цензурные «дела» в связи с различными изданиями, а также заграничные публикации «нелегальных» его стихотворений. Была отражена литературно-политическая борьба вокруг его наследия и вместе с тем показаны заслуги первых пушкинovedов, а также высказывания о Пушкине русских классиков XIX и начала XX века. Бывшая по преимуществу книжной, экспозиция перемежалась прекрасными произведениями изобразительного искусства на пушкинские темы.

Залы 14—17 раскрывали издания, изучение и восприятие Пушкина в первые десятилетия существования Советской страны; в них были поставлены темы: «Пушкин и народы СССР», «Пушкин и советская литература», «Пушкин и советский читатель». Пятнадцатый зал был специально посвящен

«Бесы». Лаковая роспись палехского художника М. П. Вакурова

отражению произведений Пушкина в творчестве советских детей; семнадцатый назывался «Пушкин в советском изобразительном искусстве» (живопись, графика, скульптура, прикладное искусство); что же касается шестнадцатого зала — «Пушкин в музыке, театре и кино», то в нем были объединены произведения как дореволюционного, так и советского периодов.

Когда экспозиция всех залов более или менее оформилась, остро встал вопрос о ее показе будущим посетителям, а в связи с этим — о подготовке экскурсоводов и составлении хотя бы краткого путеводителя. К решению первой задачи я отношения не имела, но ко второй была привлечена вплотную. Предполагая в дальнейшем издать полный путеводитель с точным перечнем экспонатов и указанием порядка их осмотра, а позднее — даже каталог с научным описанием всех экспонатов, к открытию Выставки решено было срочно выпустить перечень экспонатов, указывающий лишь их тематические группы и расположение по залам.

Краткую характеристику материалов каждого зала составляли его организаторы и сотрудники,—т. е. группы разных специалистов, работавших на выставке. Этот материал должен был быть очень сжато объединен в единую книгу, которая помогла бы массовому посетителю воспринять и оценить собранные сокровища. Ответственным редактором «Краткого путеводителя по выставке» был И. К. Луппол, назначенный ее директором. Работа же по его практическому составлению и, тем самым, значительная доля ответственности пала на меня: на последней странице книжки было обозначено «редактор В. С. Нечаева». Сложность задачи была велика: кроме исключительного разнообразия описанного материала весь он состоял из сотен фамилий, инициалов, хронологических дат и наименований, и это легко могло вести к ошибкам и опечаткам. Кроме того, для составления были даны кратчайшие сроки, что отражено в следующих датах: сдано в набор 5 февраля, а подписано к печати 14 февраля 1937 года— между тем, в книге 8,5 печатных листов и свыше 30 иллюстраций!

Вскоре после открытия Выставки последовала организованная поездка ее руководителей и основных участников в специальном вагоне из Москвы в Михайловское, на могилу Пушкина, а оттуда в Ленинград, где было торжественное заседание в театре и спектакль «Борис Годунов».

С весны 1937 года начались массовые экскурсии на Выставку—ее рабочая жизнь, требовавшая от секретаря уже не научно-творческой, а административно-организационной деятельности. Для этого я мало подходила, и должность секретаря меня стала тяготить. Не помню как, но я постаралась освободиться от своего почетного звания и вернулась к работе в Музее Достоевского и Отделе рукописей Ленинской библиотеки.

В конце 1937 года я, конечно, не могла и подумать, что вновь соприкоснусь с драгоценным наследием Пушкина. Между тем, это произошло в 1946—1947 годах. Я не была в курсе того, как «свертывалась» Выставка, лишь знала, что в 1946 году рукописи Пушкина, собранные на ней, после войны вернулись из эвакуации и хранились в Москве в Архиве А. М. Горького в помещении Института мировой литературы АН СССР. Заведовала архивом Горького Е. Ф. Розмирович, в ее ведении находились ждавшие отправки в Ленинград рукописи Пушкина. При моем переходе из ЦГАЛИ в ИМЛИ, которому очень помогла Е. Ф. Розмирович, она поручила мне временно взять на себя ведение рукописями Пушкина и в случае необходимости выдавать их для исследовательской работы.

Эти месяцы соприкосновения с великим наследием Пушкина в архивном сейфе старинного особняка, как и месяцы собирания и описания сокровищ Выставки за десять лет перед тем, не только составили особую эпоху в моей духовной жизни, но сделали чем-то недостойно мелким мои попытки что-либо писать, печатать в связи с Пушкиным, не входя целиком и полностью в сферу его «притяжения». Драгоценной памятью о 1936—1937 и 1946—1947 годах—времени моего вовлечения в это «притяжение»—я и закончу рассказ о своей Пушкиниане.

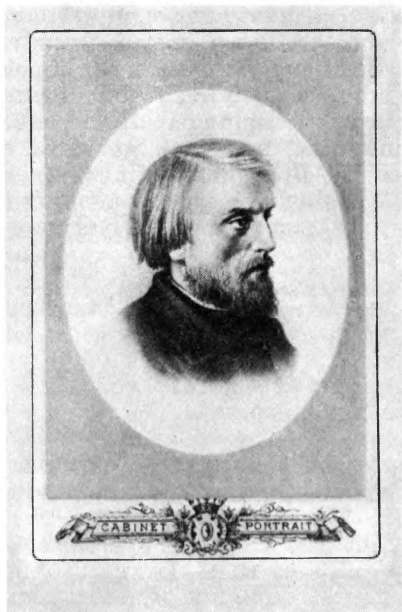
ВИССАРИОН ГРИГОРЬЕВИЧ БЕЛИНСКИЙ

От первых архивных разысканий—к созданию четырёхтомной монографии

В 1930-х годах мои литературные интересы, научная работа и даже служебная деятельность делились между двумя темами: «Пушкин, Вяземский» и «Молодой Достоевский».

Работая над первой темой, я довольно хорошо представляла себе начало XIX века, 20-е и 30-е годы не только по историческим сочинениям, но и по мемуарной и эпистолярной литературе той эпохи. Я уже вжилась в основные идеи, нравы, быт этого времени, знала десятки людей, семей—по преимуществу из круга столичного крупнопоместного дворянства. Совсем иным было мое знакомство с 1840-ми годами. Относиться к ним с особым уважением учил нас еще в гимназии В. И. Стражев, вдохновенно говоривший о кружке Станкевича, роли Грановского, о значении философии Шеллинга и Гегеля, о славянофилах и западниках и, конечно (хотя и без особенного пыла и без всякой связи с революционной демократией),—о трибуне Белинском. Говорилось много о гуманизме, о понимании искусства и общественном значении литературы. На Высших курсах все это получило более «академические» формы, все, что требовалось, было прочитано, сдано на «отлично», но оставляло совершенно равнодушной. Белинского и литературу о нем я читала скорее по обязанности, но никакой «атмосферы» 40-х годов не ощущала, погруженная в работу над Вяземским и «дней Александровых прекрасное начало».

Но уже с находкой мною фельетонов Достоевского «Петербургская летопись» (1847), сороковые годы встали передо мной как совсем новая реальность, отнюдь не похожая на мир Остафьева, Михайловского, декабристов. Не «грибоедовскую

В. Г. Белинский.

Фото, принадлежавшее В. Нечаевой

Москву», не «Петербург Дантеса», а нечто лично мне близкое, понятное ощутила я в маленьких чиновниках «с амбицией», мечтателях ранних повестей Достоевского. Изучая их психологию, я не могла не прийти к Белинскому, но если Достоевский, их автор, был мне понятен в своем развитии уже с самых ранних лет, то его связь с Белинским, значение для него последнего оставались для меня совершенно неясными — опять-таки потому, что Белинского я в то время ощущала «книжно», как «литературного вождя». А мне всегда нужен был прежде всего человек.

Так как в конце 1930-х годов я работала («по совместительству» с руководством Музеем Достоевского) в Отделе рукописей Ленинской библиотеки как заместитель

его заведующего, я стала искать материалы, которые меня приблизили бы к Белинскому-человеку, дали бы мне возможность самой ощутить те черты и свойства его, о которых так много писали специалисты-ученые.

В это время в мои руки попал документ, который в сущности на много лет вперед решил мою дальнейшую судьбу литературоведа. Это была поступившая в Отдел рукописей (из архива Московского университета) цензурная рукопись драмы молодого Белинского «Дмитрий Калинин». В ней с исключительной силой воплотился образ моего будущего «героя» в его юные годы, образ, который он сам так охарактеризовал в письме тех лет к родным: «В этом сочинении со всем жаром сердца, пламенеющего любовью к истине, со всем негодованием души, ненавидящей несправедливость, и в картине довольно живой и верной представил тиранство людей, присвоивших себе гибельное и несправедливое право мучить себе подобных». Я тщательно изучала рукопись, на впечатления от которой откликнулась в небольшой статье. Лишь десять лет

спустя я напечатала свое исследование об этом первом творческом труде Белинского. Тогда же я вся погрузилась в изучение исторических и биографических источников.

Две мысли сопровождали меня, когда я входила в жизнь и судьбу моего нового героя и его творчество.

Как много общего, казалось бы, в условиях детских лет Достоевского и Белинского! Штаб-лекари — отцы, выходцы из духовного звания; оба не только лекари, но и чиновники, несущие официальную ответственность за свою медицинскую деятельность, связанную с простым народом; оба с тяжелым характером и далеко не безупречной нравственностью; оба гнетут подростков-сыновей деспотизмом, который соседствует с жалобами на бедность, неудачи, обиды. А рядом — богатые родственники, совсем иной быт: помещики Владыкины у Белинских, купцы Куманины у Достоевских. Кругом — мелкочиновничья мещанская окраина Москвы (Божедомка, Марьяна роща) и уездный Чембар, а за ними та же нищая крепостная Русь с ее зарайским Даровым и многочисленными пензенскими селами и деревнями. Так растут два гениальных юноши, из которых один лишь на десять лет старше другого. Но один начинает свой путь с Дмитрия Калинина, а другой вступает в русскую литературу с Макаром Деушкиным и Голядкиным. Почему?

Другая мысль. Как в сущности мало известно о раннем периоде жизни Белинского. Откуда взялся этот будущий «в мире боец», сразу заявивший себя обличением и протестом. Что-то важное, главное у Пыпина не раскрыто, хотя и опубликованы воспоминания о детских годах Виссариона.

В период этих моих раздумий в Отдел рукописей поступила пачка писем к Белинскому — явно часть его личного архива. Это были письма родных и друзей его ранней молодости. Как попали эти письма к лицу, их продавшему (не потомку и не родственнику великого критика), мне не было известно, но они до какой-то степени давали материал для ответа на одолевавшие меня вопросы. Я жадно копировала эти документы, чтобы дома разобраться в их содержании и в связи с ним почувствовать окружение молодого Белинского. Белинский становился мне дорог, нужен уже не как важнейший персонаж в биографии раннего Достоевского, не как признанный вождь русской литературы 40-х годов, а как изумительный человек, неповторимая личность.

...Приближался июнь 1941 года. По приглашению А. Б. Гольденвейзера (хорошо мне знакомого через родных М. О. Гершензона, женатого на его сестре) я с десятилетним

сыном, учеником Центральной музыкальной школы при Московской консерватории, переехала на дачу в поселок Николина гора под Москвой. Здесь в чудесное воскресное утро 22 июня мы по радио узнали о войне; приехавший же вскоре на машине Александр Борисович сообщил о первой реакции в Москве на это событие. Никого из близких мне не предстояло провожать на фронт, но глубоко памятное по 1914 году тяжелое, гнетущее чувство войны, омрачившее мою раннюю молодость, вновь с удвоенной силой охватило меня. Вернулись в Москву. Надо было собирать сына в эвакуацию с его школой в Пензу.

В июле мы напряженно трудились в Отделе рукописей: отбирали и составляли списки, упаковывали и отправляли в эвакуацию наиболее ценные материалы. Начинали работу в 8 утра. После ночных бомбежек улица по моему пути с Арбата в Ленинскую библиотеку была усыпана осколками стекла и зенитных снарядов. Работали в основном в тоннеле под новым зданием Библиотеки, а кончали около пяти часов, с расчетом до первой воздушной тревоги успеть добраться домой. Первые звуки сирены обычно заставляли меня в ванной, куда я спешила после пыли и зноя рабочего дня. Бомбоубежище находилось в котельной нашего дома, где собирались жильцы из соседних домов. Я старалась избегать этого тягостного пребывания в набитом подвале, хотя вокруг нашего Арбата было немало сильных взрывов, когда сотрясался дом и распахивались незапертые двери и окна.

К концу июля работа по эвакуации ценных рукописей была закончена. Из Пензы я получала тревожные сведения, что ЦМШ, возможно, будет направлена куда-то далее, но куда и когда, не было известно. Я решила соединиться с сыном и, когда в Ленинской библиотеке был предложен эвакуационный маршрут через Пензу, попала в этот эшелон и 1 августа покинула Москву. С невыразимой тоской прощалась я с родным городом, глядя на темные подмосковные поселки и станции...

В Пензе был Педагогический институт, где я надеялась получить работу и где меня, действительно, быстро оформили доцентом по новой русской литературе.

Думала ли я, что еду в места Белинского, что это сыграет немалую роль в моей дальнейшей жизни? Конечно, нет, хотя и взяла с собой книги Пыпина, Ляцкого, свои выписки, копии и некоторые общие пособия по русской литературе XIX века как подспорье в предстоящей педагогической деятельности. Научные интересы как-то отошли, померкли перед реальной действительностью... Но вот с первым веянием весны 1942 года во

мне пробудился интерес к городу, который до сих пор я как-то не замечала, а теперь вспомнила все, что уже знала о нем в связи с работой над Белинским. Вот здание гимназии, где учился Виссарион, вот, несомненно, дома, сохранившиеся с начала XIX века, центральная улица, бывшая Дворянская, базар, на котором рядом с русскими крестьянами много татар и мордвы. Вот Публичная библиотека, которая отметила в 1898 году пятидесятилетие со дня смерти Белинского. И все настойчивее становилось стремление найти Пензенский областной архив, проникнуть в него.

Архив, который я искала, помещался в бывшей церкви, каменном здании XVII—XVIII веков. В нем отапливались лишь рабочие комнаты, а в хранилище стоял лютый холод даже в весенние дни. На стеллажах помещались бесчисленные архивные «дела», крепко связанные веревками в пачки. Познакомившись с начальником архива Василием Ивановичем Ермолаевым, я встретила с его стороны приветливое, внимательное отношение. Молодой, историк по образованию, он сразу понял владевшую мною страсть добраться до «корней» биографии Белинского через архивы, через обращение к историческим документам эпохи. Он предложил изучить описи фондов, наметить нужный материал и постепенно знакомиться с ним. Одновременно он попросил меня помочь архиву в срочном текущем деле: к предстоящему 25-летию Советской власти надо было литературно отредактировать очерк о ее становлении и укреплении в Пензенской области. Конечно, я это охотно сделала — причем с пользой для себя, так как ближе узнала край, с которым меня связала война.

Год проработала я в архиве, перебирая кипу за кипой покрытых архивной пылью бумаг полуторавековой давности. Самым тяжелым было развязывать окаменевшие от мороза веревочные узлы и таскать эти ледяные сокровища из хранилищ в рабочую комнату, где уже забывались все трудности: каждое новое «дело» все яснее раскрывало передо мной корни и почву, вырастившие будущего «в мире бойца».

Начала я с материалов гимназии. Искать, читать, копировать и только где-то подспудно позволить себе думать или, точнее, «засекать» в памяти главное, чтобы после в Москве вникать, осмысливать и что-то строить на этой основе. Но некоторые находки вдруг сразу же озаряли эти будущие пути в работе: Дмитрий Карижин, «воспитанник г-д Радищевых», был одноклассником Белинского! Скоро я знала по сохранившимся материалам состав учителей, учебные программы, оценки успехов Виссариона, его товарищей по классу, их успеваемость, содержание библиотеки гимназии. Я изучила

материалы, связанные с Лажечниковым, открытием Чембарского училища, где Белинский начал свое школьное образование, с М. М. Поповым, любимым педагогом Виссариона. От гимназии естественно было перейти к театральным увлечениям гимназистов, материалам крепостного театра Гладкова, о котором я знала еще по письмам Вяземского 1820-х годов (времен его поездок в Пензу и Саратов). Круг названных материалов имел самую непосредственную, «осязаемую» связь с моим героем, но ответа на основной вопрос — «почему?» — он все же не давал. И я решила «копнуть поглубже», пойти по линии отца, начать даже с деда, священника села Бельни. И вот передо мной непривычные архивные фонды Пензенской духовной консистории, «клировые ведомости», «ревизские сказки ведомства Нижне-Ломовского духовного правления Керенска и Чембара с их округами» за 1800—1830 годы.

Слежу по ним с половины XVIII века за судьбой рода Никифора Трифоновича, его братьев и сестер, сыновей и дочерей, племянников и внуков. Их много десятков, они рассеяны во всех этих «округах»: и в причтах церквей, и в избах ясных крестьян, и среди судейских и почтовых чиновников, и в богатых помещичьих хоромах. Последних были единицы. Десятки, как писалось в ведомостях, «упражнялись в хлебопашестве», мало отличались образом жизни от крестьянства. Главную же массу составляли священники, дьяконы, дьячки, пономари и просвирни с многодетными семьями, густо заселявшие церковные приходы в селах, окружавших Чембар.

В памяти вставала уничтожающая характеристика, которую дал Белинский русскому духовенству за год до смерти в письме к Гоголю. Конечно, он хорошо знал этот слой по многочисленной родне, которая постоянно бывала в их чембарском доме, гостила у них. Недаром в одной из статей у него вырвались такие слова: «В провинциальной глуши принцип родства так силен, что там скорее решатся десять лет сряду не играть в преферанс, чем показать холодность к родственнику в семьдесят седьмом колене. Будь он плут отъявленный и человек с самой дурной репутацией, но если он вам родственник, он, от роду не видав вас, не только лезет своими губами к вашему лицу, но и селится в вашем доме, с семьею, с дворней, и заставляет вас втайне проклинать судьбу, которая дала вам возможность иметь собственный дом...» Начинаешь особенно ценить и смелость отца Белинского, юношей порвавшего с родственным кланом, покинувшего Тамбовскую семинарию для поступления в Петербурге в Медико-хирургическую акаде-

мию, окончившего ее, ставшего флотским врачом и принявшего участие в войне с Наполеоном.

Узнать что-либо по материалам Облархива об отце критика — Г. Н. Белинском, значило прежде всего обратиться к фонду Чембарского уездного суда, с «делами» которого были тесно связаны служебные обязанности штаб-лекаря. Это были «дела», раскрывшие мне до ужаса конкретно, наглядно, осязаемо то, что было книжно усвоено еще на гимназической скамье, на уроках истории и литературы. Все это сопровождалось тогда осуждающими эпитетами, связывалось с «Антоном-Горемыкой» и «Записками охотника», а позднее с программами декабристов и революционных демократов, но оставалось вне личных эмоциональных представлений, переживаний. А между тем, документы рисовали крепостное право во всей его звериной сущности, без всяких научно-отвлеченных политических и экономических определений его значения и истории, без «литературного» оформления. Именно этот общественный уклад определял настрой жизни, окружавшей Виссариона с детских лет. В дворянских гнездах, плотным кольцом окружавших Чембар, шла постоянная глухая борьба — одних за возможность вести легкую сытую жизнь, других — за право жить, пользуясь плодами своего труда. Скрытая борьба прорывалась наружу грозными взрывами, и тогда в Чембарском уездном суде, в Пензенской уголовной палате начинались дела о запоротых крестьянах, о сожженных усадьбах и убитых помещиках. Одну за другой извлекала я эти страшные бумаги, где канцелярски бесстрастно излагались детали происшедшего и сплошь и рядом заканчивались не суровым приговором изуверам-помещикам, но сомнительной формулой — «оставить под подозрением».

Имена Мосоловых, княгини Кугушевой, дворян Полдомасовых, помещика Карпова и многих других, проходившие в уголовных делах, о которых говорилось выше, встречались в переписке родственников Белинского, были им хорошо известны. А к самим «делам» имел непосредственное отношение П. П. Иванов, секретарь уездного суда, родственник Григория Никифоровича; последний же как уездный штаб-лекарь давал свои заключения и медицинские свидетельства (семьи П. П. Иванова и Г. Н. Белинского связывало не только родство, но и многолетняя дружба).

Лишь потом, в Москве я смогла вполне осмыслить, в какое тяжелое положение ставили лекаря эти «освидетельствования» пострадавших, как они влияли на его взаимоотношения с помещиками-крепостниками, ломали характер и могли вызывать в его сыне ненависть к людям, «присвоившим себе

гибельное несправедливое право мучить себе подобных». А пока здесь, в стенах старой каменной церкви, я впивалась в пыльные жесткие листы толстых «дел», забыв о прямой цели своего исследования, вся захваченная ожившей для меня историей в страшных, но тем не менее закономерных ее проявлениях. Я исписывала лист за листом, лишь смутно представляя, как и для чего могут послужить эти выписки. Но что они не только «послужат» будущему исследованию, но и станут фундаментом его — в это я твердо уверовала сразу.

От уголовных дел Чембарского и Пензенского судов потянулись нити к другим архивным фондам, особенно Пензенской казенной палаты, фонду, отражающему всю экономику губернии, ту базу, на которую опиралось хозяйство обоих враждующих классов, а также Пензенского депутатского собрания, где были сосредоточены все сведения о местном дворянстве. Папка выписок наполнялась, я стала уже ориентироваться в несложной экономике Чембарского уезда, в его населении по «ревизским сказкам», «клировым ведомостям», в его административном аппарате и составе ведущей дворянской верхушки. Конечно, лишь после, читая мемуарную, эпистолярную и научную литературу, относящуюся к истории Пензенской области первой половины XIX века, я могла полностью оценить свои выписки и иногда жалеть о чем-то недосмотренном и упущенном.

После первого полугодия работы в архиве все настойчивее становилось желание своими глазами посмотреть «место действия» описываемых в документах событий, то есть Чембар — пусть таким, каким он стал через сто лет после жизни Белинского. Такую возможность я получила благодаря В. И. Ермолаеву, оформившему мне командировку от Облархива. Опуская подробности этого памятного для меня путешествия, состоявшегося в знаменательные дни Сталинградской битвы, путешествия, во время которого мне довелось побывать у гробницы Лермонтова в Тарханах, а на обратном пути бдительные школьники даже приняли меня за немецкую парашютистку (перед этим действительно были получены сведения о немецком парашютном десанте), опишу лишь главные чембарские впечатления, имевшие прямое отношение к моей работе.

Чембар, который я увидела своими глазами, как мне показалось, внешне мало отличался от описаний начала прошлого века. Вот широкие, прорезанные по плану екатерининских времен улицы, которые вспоминал Белинский, удивлявшийся узким, кривым улицам Москвы; вот и плетни вдоль некоторых владений; вот большая покрытая травой базарная

площадь, на которой стоят какие-то возы и идет торговля. Наконец, вот и дом чембарского штаб-лекаря — еще не музей, но и не частный дом. Мне его показывают, и я стараюсь догадаться, где и что здесь когда-то было. Но никого, заинтересованного столетним прошлым этого дома, я здесь не встретила и должна была сама додумывать, а вернее, воображать былое. Обхожу все владение, что-то записываю, черчу...

На другой день по совету заведующего музеем в Тарханах отправляюсь разыскивать его мать Марию Ивановну Храмову и застаю ее дома. В памяти осталась подвижная художавая женщина лет семидесяти, с черными глазами и приветливой речью. Быстро разговорились, и я вдруг начинаю ощущать перед собой феномен: оказывается, эта женщина никогда не видела железной дороги и вообще из своего Чембарского уезда не выезжала. Вместе с тем ее, очевидно, с детских лет интересовало прошлое этой земли. Живя девочкой у неграмотной старухи Измайловой, она запоминала как собственные многочисленные впечатления, так и слышанные местные предания — еще со времен Пугачева. Измайлова хорошо знала семью штаб-лекаря Белинского, дружила с его женой, и Мария Ивановна Храмова передавала мне слышанные от Измайловой рассказы. В ответ на мои попытки записывать слышанное, она сказала, что у нее уже все записано ею самой, и передала мне тетрадку, где крупным почерком, но довольно грамотно, живым языком (ее язык мне напомнил язык М. И. Белинской в ее письмах к сыну Виссариону) были закреплены эти сведения о чембарской жизни почти столетней давности. Позднее я частично использовала эти записки в своем первом томе биографии Белинского.

Зима 1942—1943 годов была заполнена уже налаженной работой. Я занималась с группой малышей и подтягивала отстающих из старших учащихся ЦМШ, вела три курса по истории искусств в художественном училище, готовясь к лекциям по многим источникам, — учила, учась сама, — и, конечно, по мере возможности продолжала копаться в Облархиве. Здесь я чувствовала себя уже более подготовленной, целенаправленной. Последнее, видимо, было связано и с общим подъемом в борьбе против захватчиков-фашистов в период битвы под Сталинградом и после разгрома там врага. В это незабываемое время я особенно энергично стала искать в архивных делах следы прежних схваток нашего народа с угнетателями. Я не углублялась в эпоху Степана Разина и Пугачева, но вот события 1812 года постоянно мелькали в документах и привлекали к себе мое внимание. В. И. Ермолаев готовил свою книжку «Пензенский край и Отечественная

война 1812 года». Думаю, что именно он обратил мое внимание на находившееся в фонде архивной комиссии (дело № 430) письмо пензенца А. П. Вельяшева к отцу (из Рыбинска в Пензу) тотчас после занятия Наполеоном Москвы. Я подготовила его текст к печати, и 4 октября 1942 года оно было опубликовано полностью в местной газете.

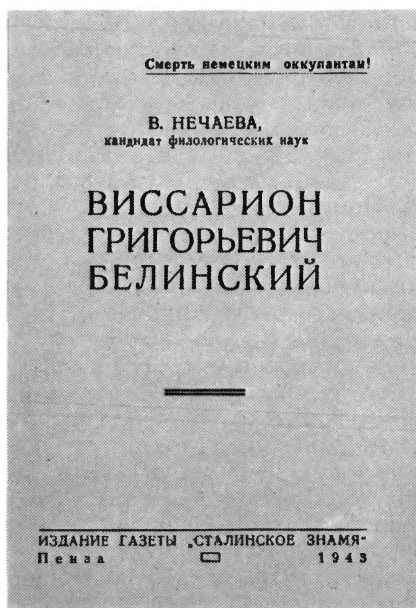
Письмо проникнуто твердой уверенностью в неминуемой победе русских над врагом: «Если меры будут приняты, если русские используют имеющиеся возможности, то Бонапарт со всей челядью своею пропал совершенно, несмотря на то, что он уже в Москве». Вельяшев просил отца благословить его на защиту отечества: «Если предопределено умереть, то по крайней мере умереть должно с честью, а носить имя излишнего тунеядца или предателя своего отечества (ибо всякий, кто теперь остается невооруженным и не поспешит на поле брани, не может избежать сего нареkania) не сносно. Лучше не жить, чем быть спокойным зрителем несчастий, угнетающих государство...» Вельяшев поставил себе целью организовать особый корпус для партизанских действий в тылу врага. Он напоминал о времени Минина и Пожарского и значении Поволжья в спасении России: «Составим из всей России единую душу, одно тело вооруженное, пусть кровожадный неприятель наш по трупам нашим идет внутрь государства, и если бог во гневе своем определил пасть России, то пусть обрящет сей Бонапарт вместо изобилия — голод, вместо палат — пустыни, вместо народа — трупы. О, никакая земная сила не победит Россию, если все соединятся. Поклянемся быть верными отечеству и благословясь станем все».

После письма Вельяшева пензенская областная газета поместила мою статью о И. И. Лажечникове, участнике походов 1812 года, авторе «Ледяного дома» — романа о немецком тиране Бироне, терзавшем Россию. К 95-летию со дня смерти Белинского в газете была помещена моя статья о Белинском. Эту же статью газета издала в «Библиотечке агитатора и пропагандиста» в серии «Замечательные люди нашего края». Крохотная книжечка в 16 страниц кажется мне сейчас зерном, которому предстояло разрастись в мою четырехтомную монографию. Заканчивая эту книжку, я писала: «Имя Белинского является для нас не только именем великого основателя русской критики, но именем великого патриота и борца за светлое будущее своей страны. Мы гордимся им, и в своей гордости соединяем его имя с теми из его „внуков и правнуков“, которые, унаследовав его беззаветную любовь к своей родине, достойно продолжают его дело борьбы за свободу, честь и независимость в рядах героической Красной Армии».

В начале июня 1943 года я уезжала с сыном в Москву. Я везла с собой драгоценные выписки из архивных дел — основу будущего моего труда, его идею, общую концепцию, нечто вроде плана первой книги биографии Белинского. Но до начала работы над нею по договору с местным издательством я должна была написать две брошюры: о Белинском и о Лажечникове. В связи с приближением столетия со дня смерти Белинского Пензенское областное издательство обратилось ко мне также с просьбой написать уже более обширную книгу о школьных годах Белинского, и в 1948 году в этом издательстве вышла моя книжка «Юность Белинского», основанная на пензенском материале и до некоторой степени предвосхищавшая несколько глав из первого тома моей монографии. В областной газете появилась также моя статья «Чембар в прошлом», а в местном альманахе — статья «Белинский в гимназии».

В ноябре 1946 года я стала старшим научным сотрудником Института мировой литературы. Надо признаться, что одной из причин моего стремления в Институт была мысль не только о научном росте, но и надежда на защиту докторской диссертации.

Плохо представляя себе требования, которые предъявляются к тематике подобных научных работ, я много думала о выборе темы, решив, что она должна иметь и общетеоретическое, и методологическое значение. Так как мои интересы и предыдущая деятельность были прочно связаны с работой над архивными источниками, уяснением их роли для исследователей в плане установления текста, авторства, времени творчества и т. д., а также с проблемами их хранения, публикации и пр., я набрасывала планы такой работы, хотя и не очень

*Брошюра о Белинском,
выпущенная в годы
Великой Отечественной войны*

отчетливо представляла ее конкретное содержание и основные положения. Поэтому решила посоветоваться с таким опытным профессором, как Н. Л. Бродский, и, договорившись по телефону, отправилась к нему в Замоскворечье. Этот визит (весной 1947 года) привел к столь неожиданным результатам, что остался для меня незабываемым.

Центром нашего разговора сразу стал мой рассказ о работе в Пензе над Белинским, о новых найденных материалах, о плане книги, в которой я хотела, базируясь на ряде подлинных архивных документов, а также «раскопанных» в Москве печатных мемуарах и письмах современников, конкретно показать связь мировоззрения позднего Белинского с переживаниями и наблюдениями его детских и юношеских лет (крепостное право, 1812 год, восстание декабристов). Когда я после этого рассказа обратилась к Николаю Леонтьевичу с просьбой о совете, за которым пришла, касающемся темы докторской диссертации, то он удивленно сказал: «Что же вам искать и выбирать, когда докторская у вас почти готова!» Должна признать, что такое решение проблемы явилось для меня совершенно неожиданным. Я ни разу не задумывалась, что мой «роман» о Белинском (я действительно изучала его эпоху, «лепила» его образ, рисовала его окружение — как бы создавая роман) мог претендовать на роль докторской диссертации. Но, поверив в такую возможность, я с еще большим жаром отдалась этой работе, и к началу 1948 года она была закончена, принята Институтом к защите, намеченной в конце июня этого года. Моими оппонентами выразили согласие быть М. В. Нечкина, Н. Л. Бродский и А. Г. Цейтлин.

Еще до этой знаменательной для меня даты, в связи с большим общественным событием — столетней годовщиной со дня смерти Белинского, я была включена в группу ученых и писателей, направленных в Пензу и Чембар для участия в местных торжествах. Комфорт в поезде, праздничное оживление и встреча в Пензе, общее внимание — все это так контрастировало с моим первым приездом в Пензу в августе 1941 года, когда в набитом людьми и вещами вагоне я покидала темную Москву для чужого нового города, где было пережито столько тяжелых, незабываемых дней...

В Москве меня ждали прекрасные отзывы всех трех оппонентов, и защита прошла «единогласно».

Ученый совет ИМЛИ постановил утвердить мою диссертацию к печати, и во второй половине 1949 года в издательстве АН СССР она вышла отдельной книгой под названием: «В. Г. Белинский. Начало жизненного пути и литературной

деятельности. 1811—1830». Ее издательскими редакторами были Н. И. Игнатова и А. Т. Лифшиц, которых я вспоминаю с благодарностью, как добрых помощников в ответственной работе над моим первым большим печатным трудом. Книгу с похвалой упомянул в одной из статей А. А. Фадеев, она вызвала положительные отзывы не только литературоведов, но и философов, историков. 2 февраля 1950 года книга была удостоена премии имени Белинского Академии наук СССР.

Прежде чем расстаться с воспоминаниями о пензенско-чембарской работе над первым томом моего исследования, мне хочется упомянуть еще об одном несколько неожиданном для меня самой «итоге» этого памятного периода. Образ юноши Белинского, вся жизнь крепостной России 1820—1830-х годов, ожившая для меня в архивных документах, не только не покидали меня вместе с окончанием книги, но все ярче вставали в памяти и воображении. Вспоминались десятки эпизодов, которые просились на бумагу, но не могли войти в докторскую диссертацию.

Случилось так, что в 1948—1950 годах, закончив свои временные обязанности хранителя рукописей Пушкина (в связи с их отправкой в Ленинград), по просьбе заведующей Архивом Горького Е. Ф. Розмирович я взяла на себя работу над текстами пьесы Горького «Мещане». Драматургическая форма произведений Горького, с которой я точно сроднилась за эти годы работы, одновременно еще совсем свежая память о Чембаре и Пензе, постоянная мысль о Белинском-студенте, о котором мне предстояло писать второй том, привели к неожиданному результату: я стала писать пьесу о Белинском — авторе «Дмитрия Калинина». Пьесу «Юность Белинского» в четырех действиях и семи картинах я написала, не думая ни о печатании ее, ни о постановке, а только потому, что не могла не написать: так ясно видела и ощущала я действующие лица, обстановку и, главное,— динамику событий и основную мысль. Пьеса определяла не только мировоззрение Белинского-студента, но и его будущий путь бойца и трибуна. Это был мой ответ, глубоко осознанный и реально воплощенный, на давно вставший вопрос: «Почему?»

Второй том исследования о Белинском должен был охватить его жизнь и творчество 1830—1836 годов — пребывание в университете и участие в журналах «Телескоп» и «Молва». Работа над ним заняла у меня 1949—1954 годы. Это время, а также следующее десятилетие были в моей долгой жизни наиболее насыщенны трудами как научно-исследовательского, так и общественного и организационного характера. Одновременно с продолжением работы над Белинским внимания

требовали мои исследования, посвященные Вяземскому, Достоевскому и Горькому. К этим же годам относится и мое руководство сектором текстологии в ИМЛИ, подготовка к печати и редактирование коллективных текстологических изданий.

По постановлению Совета Министров СССР от 10 декабря 1947 года было предпринято издание полного Собрания сочинений Белинского в двенадцати томах, порученное Институту русской литературы в Ленинграде. После юбилея 1948 года была избрана редколлегия из восьми человек, в число которых была включена и я, главным же редактором стал Н. Ф. Бельчиков. Подготовкой первого, наиболее близкого мне по содержанию тома был занят В. С. Спиридонов, но второй том, охватывающий статьи Белинского с 1836 по 1838 годы, был отдан мне. Работа над ним, так же как участие в заседаниях редколлегии всего издания, где с привлечением специалистов горячо обсуждались принципы издания, проблемы атрибуции, комментирования и т. д., благотворно влияли на решение задачи, стоявшей передо мной во второй книге исследования: осветить вхождение Белинского в журнальную жизнь, осознать ее значение для него и вклад, который он внес в нее уже в эти ранние годы.

Центром моих научных интересов во второй книге монографии было не столько пребывание Белинского в университете, сколько его сотрудничество в журналах Надеждина «Телескоп» и «Молва». Изучая их, я испытывала нечто схожее с разбором пачек архивных дел в Пензенском облархиве, чему содействовало почти невероятное событие: на время я стала счастливой обладательницей, собственницей этих журналов.

Меня нашел некий молодой человек, очевидно, хорошо знавший и о моей вышедшей книге о Белинском, и о получении мною премии. Я же никогда его не видела и, конечно, была поражена предложением купить полный комплект журналов Надеждина «Телескоп» и «Молва» за все время их издания. Такого полного комплекта не было даже в Отделе редкой книги Ленинской библиотеки. Книги в оформлении 1830-х годов — частично в кожаных, частично в картонных переплетах, с гравированными виньетками и картинками мод — были в хорошем состоянии, мало зачитаны и только вверху титульного листа каждой были аккуратно вырезаны записи — вероятно, с именем бывшего владельца.

Цена была большая, но в ближайшие годы мне предстояло изучить эти несколько десятков книг от корешка до корешка, постоянно чувствуя «рядом с собой» изучаемую эпоху. Моя премия позволяла мне выплатить нужную сумму, и я стала

обладательницей сокровища, которое теперь находится в Отделе редкой книги Ленинской библиотеки.

Возможность изучать журналы Надеждина у себя дома, сопоставлять и сравнивать статьи разных лет, возвращаться к прочитанному и проверять себя—все это делало особенно увлекательным и плодотворным штудирование моего бесценного приобретения. Благодаря ему я смогла написать особую главу о переводах Белинского с французского, которыми он начал свою журнальную деятельность.

Еще большее значение собственный комплект журналов имел для работы над главой: «Белинский—сотрудник и редактор „Телескопа“ и „Молвы“ в 1835 году». Штудирова номера, выпущенные, т. е. составленные и отредактированные Белинским в период отсутствия Надеждина, я имела возможность очень высоко оценить их содержание и роль Белинского-редактора.

После «Телескопа» и «Молвы» для меня было особенно привлекательным изучение «Московского наблюдателя». Несмотря на идеалистические философские концепции сотрудников журнала, на тезис «примирения с действительностью», я ощутила в этом издании тот же демократизм и проповедь просветительства, которые были характерны для работы Белинского в «Телескопе» и «Молве» и на которые исследователи, увлеченные анализом статей Белинского в «Отечественных записках» и «Современнике», обращали мало внимания.

Готовя третий том исследования о Белинском, я не только прокомментировала все его статьи в «Московском наблюдателе», но и обнаружила еще одну, которая не была замечена ранее. Это—относящаяся к 1838 году «Журнальная заметка» по поводу переводов Шекспира, задевавшая перевод Н. А. Полевого.

В одной из глав новой книги мне удалось использовать материалы о лечении Белинского в июне—августе 1837 года в Пятигорске, копии которых мне были переданы старшим научным сотрудником Музея Лермонтова в Тарханах С. И. Недумовым. Ценность этих копий тем более велика, что Пятигорский городской архив, откуда они были выписаны, не сохранился. Анализируя воспоминания Сатина о знакомстве Белинского и Лермонтова, я вступила в полемику с точкой зрения на те же воспоминания Н. Л. Бродского, совершенно иначе воспринимая отраженную в них встречу двух исключительных людей.

Третий том я закончила выходом Белинского на «большую дорогу», по которой ему предстояло пройти далее славный путь и стать бойцом за коренное переустройство общества, за

раскрепощение человеческой личности, возглавить с каждым годом растущий отряд революционно-демократической молодежи и возбудить жестокую ненависть в реакционных политических и литературных кругах. «Я снова вышел на большую дорогу,— писал он,— и с нее уже не собьет меня и сам „Москвитянин“...»

Хотя третий том исследования вышел в 1961 году — период наиболее энергичной работы моей в секторе текстологии, я, не отрываясь от своего героя, принялась собирать все, что было уже заготовлено к четвертому тому, охватывающему последние шесть лет жизни Белинского (1842—1848), планировать состав и содержание этой заключительной книги.

В первой главе, рассказе о поездке Белинского из Петербурга в Москву в декабре 1841 года, мною приведен ряд аргументов, доказывающих, что он заезжал по дороге в Новгород к Герцену вместе с Боткиным, а на обратном пути к Герцену не заезжал — противное утверждали Оксман, Путинцев и другие исследователи. В первой же главе я установила день и место, когда и где Гоголь передал Белинскому рукопись «Мертвых душ» для доставки ее кн. Одоевскому в Петербург перед самым отъездом критика из Москвы.

С большим увлечением писала я главу «Путешествие Белинского по России в 1846 году». В ней есть ряд новых сведений, на основе которых можно сделать очень важные выводы: во-первых, о популярности сочинений Белинского среди русской провинциальной интеллигенции; во-вторых, о широких возможностях Белинского в этом путешествии познакомиться с социально-экономическим состоянием разных общественных групп в ряде областей России. Работая над этой главой, я точно совершала путешествие вместе с Щепкиным и Белинским, знакомилась с картами тех губерний, следила по местным провинциальным газетам тех дней за погодой, по ряду мемуаров и опубликованных переписок — за условиями, в которых совершалось путешествие, где, когда и с кем встречались путешественники в дороге и городах, как проводили время, какое производили впечатление, как сами относились ко всему окружающему и т. д. В результате удалось ввести в круг знакомств Белинского десятки новых имен, полнее раскрыть или исправить бывшие ранее в печати сведения.

Любопытно, что немалую роль сыграла эта глава и для изучения деятельности Щепкина. За три года до выхода в свет моего последнего тома я напечатала статью о путешествии Белинского в сборнике «Белинский и современность», и один из оттисков послала одесскому театроведу А. А. Грину, работавшему над диссертацией о Щепкине на Украине. В адресо-

ванном мне письме (от 12 октября 1964 года) он говорил о ее «театроведческом» значении: «Ваша работа дополняет биографию Щепкина в театроведческом аспекте. Возьмите любую книгу о Щепкине и вы увидите, что каждая страдает тем же недостатком: поездка великого критика с Щепкиным нигде не освещена». Соглашаясь со мной, что эта поездка убедила Белинского в том, что он является «далеко от обеих столиц — властителем дум молодежи, передовых военных, моряков, чиновников, учителей и ученых и что по его „нотам“ пишут провинциальные, в частности, театральные критики», А. А. Грин, отмечая удачное воспроизведение общественной жизни провинции, добавлял: «На этом фоне особенно рельефно выступают люди и события»...

Наиболее ответственной главой моей четвертой книги, да и всей работы, должна была стать глава: «Поездка в Зальцбрунн. Письмо к Гоголю». Думать о ней, готовиться я начала рано, но скоро убедилась, что хотя об этом письме, его значении и месте в русской революционной литературе написаны сотни страниц, — о том, в каком окружении, в каких условиях и под воздействием каких впечатлений оно создавалось, не было почти ничего сказано, и никто не ставил перед собой задачу ответить на подобные вопросы. А между тем письма самого Белинского этого месяца свидетельствуют, что его духовная жизнь была полна многих значительных, сложных, глубоко пережитых им впечатлений. Если материал, посвященный путешествию по России в 1846 году, я могла постепенно накапливать, сидя за книгами и газетами в Ленинской библиотеке, то где и как искать ту жизненную действительность, которая определяла сознание Белинского летом 1847 года?

Я знала, что бывший Зальцбрунн стал теперь курортом Щавно-Здруй в дружественной социалистической Польше, которую я уже два раза посетила — один раз с туристической группой, проехав всю страну с севера на юг и с востока на запад; другой раз, в связи с командировкой от Комитета славистов, пожила в Варшаве. От варшавских друзей я узнала, что в Щавно просто попасть из Вроцлава (бывшего Бреславля), а во Вроцлав из Варшавы тоже путь не далекий. Появилась настоятельная потребность побывать там, в тех местах, но как получить командировку? Будучи с 1935 года членом Союза советских писателей, я решила обратиться к его руководству с «личной» просьбой: пошла на прием к Георгию Мокеевичу Маркову, рассказала о моей работе по Белинскому и увлеченно говорила о необходимости самой видеть Зальцбрунн, поработать в местной библиотеке, прежде чем

писать об истории «Письма Белинского к Гоголю». Говорила я и о необходимости найти дом, в котором жили Белинский, Тургенев и Анненков, и о желательности отметить его мемориальной доской.

Г. М. Марков очень сочувственно выслушал мои доводы, сказал, что командировку я получу, и что будет прекрасно, если польская общественность и местные правительственные организации примут участие в этом общем культурно-политическом деле. 1 октября 1964 года я выехала в Варшаву. Меня поселили в Доме писателя, в комнате на четвертом этаже, с прекрасным видом на Вислу и город из одного окна и на стоящего на колонне Зигмунта с крестом — из другого. Дом, построенный по рисункам Каналетто, был разбомблен во время войны, а теперь восстановлен по прежним планам и, как говорят, стал еще краше. В следующие два дня я побывала на архитектурной выставке картин и рисунков XVII—XIX веков (Каналетто из Дрезденской галереи и из Эрмитажа, а также работы польских художников), встретилась со знакомыми польскими литературоведами Голиньским и Валицким, бродила по паркам, а вечером смотрела польский спектакль по «Преступлению и наказанию» Достоевского.

Пятого октября я выехала во Вроцлав, три дня пребывания в котором остались незабываемыми: готические костелы XIII—XIV веков, ратуша, весь изумительный облик города и реки Одры звали к осмотру, к радости познания нового для меня мира, его истории и красоты. Но поначалу я позволила себе лишь дойти пешком до университетской библиотеки, где надеялась углубиться в жизнь Зальцбрунна XIX века, и не ошиблась: приветливо встреченная заведующей библиотекой Я. Пельиной и специалисткой по истории Силезии М. Бурбянкой (последняя окончила гимназию в Риге), я быстро погрузилась в силезские журналы и газеты первой половины XIX века, путеводители по Зальцбрунну и ряд других изданий — по большей части на немецком языке. Передо мной открылось общественно-политическое состояние этого края два года спустя после известного восстания силезских ткачей, репрессии, нищета населения и богатство промышленников и крупных землевладельцев. Я как бы получила отправную точку для позднейшего изучения (уже в Москве) настроений этих лет в той среде, что окружала Белинского в Зальцбрунне. Здесь же я приобрела и много сведений о самом Зальцбрунне, его истории, докторе Цемплине и других, у которых лечился Белинский, о публике, посещавшей курорт. Все это чрезвычайно помогло в написании задуманной мною главы, и я особенно благодарна руководству библиотеки, которое, чтобы облегчить

мне задачу и не заставлял ездить два раза в день в библиотеку, разрешило брать на вечер в гостиницу нужные для работы книги.

Все же, кроме плодотворнейшей работы в библиотеке, я побывала в знаменитом хранилище рукописей Оссолинеуме, где мне показали манускрипты, начиная с XII века, и автографы польских писателей — Мицкевича, Словацкого, Жеромского, Сенкевича и других. Тут находились и дела судебного следствия 1846 года, связанного с Мирославским, о котором положительно упоминал в письмах Белинский. На прощанье я получила в подарок три тома каталога Оссолинеума.

Состоялось и мое знакомство с вроцлавскими членами Польского Союза писателей, организовавшего мою беседу с писательской молодежью Вроцлава, которая просила о встрече со мною. В полной уверенности, что речь пойдет о Щавно-Здруе и пребывании там Белинского, я дала согласие. Но молодежь, зная, что я автор работ о Достоевском и организатор его Музея, настойчиво просила меня рассказать и о Музее, и о родственниках писателя, и вообще о моей работе по Достоевскому. Около двух часов я рассказывала о том, что делается в нашей стране по изучению Достоевского, отвечала на десятки вопросов, и, конечно, рассказала о цели моей поездки в Зальцбрунн. Слушали и проводили меня прекрасно.

Сообщение о поисках и находке А. Шиперского сразу облегчило мою задачу, а М. Якубец помог попасть в Щавно-Здруй и увидеться с нужными людьми. По пути мы заехали на ул. Сенкевича, и я осмотрела «Мариенхоф», где жили Белинский и его друзья. Дом прекрасно сохранился таким, каким он был, вероятно, и более ста лет назад: переплет и скобы дверей, полувинтовая лестница, маленькие низкие комнаты и окна. Я побывала в нижнем и втором этажах, обошла вокруг дом, возле которого рос большой, старый каштан.

В Вальбихе в техникуме нас ждал А. Шиперский и приглашенный для перевода математик Л. Левицкий. Там же были представители райисполкома и горкома ПОРП. У нас состоялось нечто вроде небольшого заседания, на котором я рассказывала польским друзьям по письмам Белинского о его жизни в Зальцбрунне, его отзывах о населении, о врачах, его лечивших, и, главное, о значении написанного здесь «Письма к Гоголю». Прочитанное во Вроцлавской библиотеке мне очень помогло охарактеризовать окружение Белинского в Зальцбрунне, общую социально-политическую атмосферу в Силезии в 1847 году.

Поляки высоко оценили инициативу Союза советских писателей — отметить это место в память о происшедшем здесь

историческом для России событии. Они заявили, что отремонтируют дом, подготовят памятную доску и будут рады совместно отпраздновать ее открытие. Мы обсуждали текст и, установив его, согласовали также день открытия доски — 15 июля, приурочив его к дате, имеющейся на ряде копий письма Белинского к Гоголю.

Сведения о пребывании Белинского, Анненкова и Тургенева в Зальцбрунне, которыми я поделилась с присутствующими, были для них новы и интересны. Особенно это касалось доктора Цемплина, значение которого высоко оценивалось раньше немцами, предполагавшими даже поставить ему в Зальцбрунне памятник. Выписки, сделанные мною из старинных путеводителей во Вроцлаве, а главное — суждения о нем в письмах Белинского, как о типичном немецком «филистере», к тому же корыстолюбивом и нечистом на руку карьеристе, разрушили его идеализированный облик.

Из Валбжиха мы с А. Шиперским вернулись в Щавно-Здруй, еще раз осмотрели «Мариенхоф» и направились к директору курорта Завицкому. Он предложил поставить памятную доску в парке на специальном камне, и, таким образом, сделать ее заметнее, виднее для посетителей курорта. Я же настаивала на помещении доски на доме, которая спасет его от возможных будущих перестроек и разрушения. Директор согласился и с местом, и с временем открытия доски и просил прислать от Института мировой литературы АН СССР соответствующее обращение.

Обратно ехали в машине вдвоем с водителем. Он показал мне кладбище советских воинов, павших при освобождении Вроцлава. Сошли с машины, прошли вдоль рядов могил. Темнело, шел дождь. Даты жизни в огромном большинстве говорили о двадцатилетних героях, лежавших здесь...

В Щавно-Здруе шла интенсивная работа по ремонту и реставрации дома Белинского и озеленению участка. Согласно нашей договоренности, 12 июля 1965 года я вновь выехала из Москвы в Польшу и вечером следующего дня была уже во Вроцлаве, где меня встретили М. Якубец и другие члены Общества польско-советской дружбы.

Незабываемые дни! Вот я еду на машине в Щавно-Здруй, где любезный директор курорта Завицкий встречает меня с цветами и предоставляет удобный номер в гостинице. Прекрасная погода, обилие зелени и цветов в парке вокруг санатория создают впечатление торжественного праздника, которому предстоит состояться на следующий день. 15 июля в 11 часов утра идем к дому Белинского, куда уже тянутся отрядами вереницы детей в разноцветных галстуках, сходятся

местная молодежь, отдыхающая на курорте, и толпы жителей. Вот дом — свежевыкрашенный, на цветущей чистой улице, с закрытой полотном доской между окон нижнего этажа. Алеют советские и польские флаги, играет оркестр шахтеров в своеобразных парадных костюмах. После торжественных речей снимают полотно, закрывавшее доску. На сером ее мраморе высечен на польском языке текст: «В этом доме жил в 1847 году в связи с лечением Виссарион Белинский, русский философ, мыслитель, общественный деятель, ведущий представитель революционной демократии первой половины XIX века. Здесь он написал известное „Письмо к Гоголю“».

Оркестр исполняет «Интернационал», после чего все пространство перед доской украшается многочисленными букетами и гирляндами цветов, возлагаемыми делегациями, группами молодежи и школьников. Праздничный день заканчивается симфоническим концертом в честь великого критика в городском театре.

Вернувшись в Москву, я опубликовала краткие сведения о своей работе во Вроцлаве и о празднестве в Щавно-Здруе, а в 1965—1966 годах завершила, наконец, свой многолетний труд, издав в 1967 году четвертый его том.

За двадцатипятилетие моей работы над Белинским я пережила немало радостных, праздничных дней: это и защита докторской диссертации, и получение премии имени Белинского Академии наук СССР, и участие в открытии мемориальной доски на доме Белинского в Щавно-Здруе, наконец — выход в свет каждого из четырех томов и чтение полутора десятков серьезных, хороших рецензий на них. Но глубже, чем эти яркие воспоминания, в памяти отложились долгие, иногда трудные, но бесконечно дорогие часы поиска, изучения и обобщения нужных материалов: работа в Пензенском облархиве, погружение в русскую журналистику 1830—1840-х годов, обращение к французской и немецкой прессе прошлого века. А главное — постоянное общение с моим героем, следование по пути гения мысли и, в то же время, человека исключительной душевной честности и благородства.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аблесимов А. О. 88
 Абрамов С. А. 241
 Аввакум 15
 Агашина М. К. 187—193
 Адриан, митрополит 19
 Азанчевский М. П. 17
 Азиоли Б. 143, 153
 Акрит 14
 Аксаков И. С. 271, 273
 Аксенов С. Н. 143, 145, 150, 151, 153
 Александр II 157
 Александр III 161
 Александров А. П. 27
 Александров Н. И. 144, 149
 Александров Ю. Н. 246
 Алексеев М. П. 94
 Алябьев А. В. 84
 Амартол Г. 14
 Амбарцумян В. А. 27
 Анненков Ю. П. 232, 235
 Анненков П. В. 302
 Аристотель 14
 Ариштам А. М. 239
 Артоболевский И. И. 27
 Афромеев А. М. 148
 Ахматова А. А. 17

 Бабкин Д. С. 99
 Бабореко А. К. 267
 Байрон Дж. Г. 106, 107
 Бакст Л. С. 228, 231, 235, 241
 Балакирев М. А. 144
 Бальзак О. де 201
 Бальмонт К. Д. 69, 71, 113
 Барбюс А. 51
 Барсов Е. В. 115
 Батюшков К. Н. 123
 Белинский В. Г. 61, 67, 130, 131, 277, 278, 285—306
 Белкин В. П. 235
 Беллин Э. Ф. 66
 Белов А. Ф. 27
 Белоусов Р. С. 194
 Белый А. 17
 Бенуа А. Н. 17, 221—231
 Берков П. Н. 141
 Бетховен Л. ван 155, 165
 Биллингтон Дж. 19
 Благой Д. Д. 278

 Блок А. А. 107, 116, 231, 242
 Блок Ж.-П. 51
 Богаевский К. Ф. 239, 244
 Богданов А. 246, 248, 251
 Богданович И. Ф. 246
 Богомолов И. С. 271
 Богословский П. С. 90, 99
 Бонди С. М. 282
 Бонч-Бруевич В. Д. 64
 Бородин А. П. 116, 118
 Ботеро Дж. 19
 Брежнев Л. И. 20, 21, 30
 Брейгель П. 196
 Бродский Н. Л. 296, 299
 Бромлей Ю. В. 27
 Брыль М. Н. 74
 Брюллов А. П. 160
 Брюсов В. Я. 155, 239, 241
 Буало Н. 110
 Буйле Л. 194, 195, 197, 198, 202, 203, 206
 Букина Л. В. 32, 42
 Булгаков Ф. И. 274
 Бунин И. А. 69, 155, 258—268
 Быховский Б. Е. 27

 Вавилов С. И. 26
 Вагнер И. Л. 92, 93
 Васнецов В. М. 116
 Введенский Б. А. 27
 Вельтман А. Ф. 113
 Венгеров С. А. 155
 Вересаев В. В. 69, 243
 Веселовский А. Н. 155, 162, 163
 Ветров А. А. 144
 Виардо П. 133, 204
 Виноградов В. В. 282
 Виньи А. де 207
 Владимир, князь 14
 Владимир Мономах 14
 Воинов В. В. 232
 Волкенштейн Л. А. 71
 Волошин М. А. 155, 239—245
 Волошина М. С. 245
 Вольтер 127
 Воронцов А. Р. 81, 84, 86, 90—93, 96, 97
 Вуль Б. М. 27
 Высотский М. Т. 144, 145, 149, 150, 152, 153

Вяземский П. А. 17, 123, 137, 277,
278, 285, 298

Гайдар А. П. 34

Гаямова Л. 170

Гейне Г. 68, 107

Гельд И. де 142, 143, 147

Георги И. Г. 89, 96, 252—256

Гербель Н. В. 104, 113

Герман И. Ф. 93

Геродот 14, 127

Герцен А. И. 61, 67, 300

Гете И. В. 155

Гильденштедт И. А. 93

Гиляров М. С. 27

Гиппиус З. Н. 230, 261, 262

Глинка М. И. 116, 151, 227

Глушко В. П. 27

Глушков В. М. 27

Гмелин С. Г. 89, 93

Гнедич Н. И. 128

Гоголь Н. В. 60, 67, 76, 116, 155,
273, 290, 300, 304

Головин А. Я. 232, 235

Гольденвейзер А. Б. 287, 288

Гольдовская Р. М. 240

Гомер 14, 127

Гончаров И. А. 273

Горький А. М. 37, 68—71, 155, 260,
261, 284, 297, 298

Грабарь И. Э. 228, 231

Греч Н. И. 123

Григорович Д. Ф. 271

Григорьев А. А. 104, 107, 144, 145,
149, 153

Громыко А. А. 26

Гроссман Л. П. 243

Грот Я. К. 136—139, 270

Грузенберг С. Н. 232, 235

Гюго В. 68, 104, 207, 272

Даниил Заточник 11

Дантес Л.-Ш. 167

Деламар Д. 198—203, 212, 214

Дельвиг А. А. 17, 149

Демин А. С. 119

Демокрит 14

Демосфен 14

Державин Г. Р. 76, 246, 255

Дерман А. Б. 164—166

Джонсон Б. 106

Дионисий, иконописец 13

Дирак П. 28

Дмитриев И. И. 128

Дмитрий (Донской), князь 114

Добужинский М. В. 232, 235, 240

Должиков П. П. 74—77

Донской Я. Е. 72

Достоевский Ф. М. 61, 67, 221,
271—273, 277, 278, 285—287,
298, 302, 303

Дрюбс Ж. 200

Джукан М. 194—198, 202—205

Дюма А. 207

Дягилев С. П. 223, 225, 229

Еврипид 14

Екатерина II 88, 89, 247

Есенин С. А. 113, 116, 307

Ефросиния Суздальская 13

Жирмунский В. М. 241

Жуков Д. А. 111

Жуков Е. М. 27

Жуковский В. А. 17, 107, 113, 115,
116, 137, 155—158, 160

Жуковский П. В. 156—162, 168

Заболоцкий Н. А. 113

Заушкевич Г. В. 232

Заяицкий С. С. 145, 149, 151, 152

Здобнов Н. В. 76

Зенон 14

Зиновьев В. Н. 89

Злочевский Г. Д. 269

Зубов Ф. Е. 17

Зуров Л. Ф. 268

Ибсен Г. 68

Иван Грозный 119

Иванов Вяч. И. 239, 244

Иванов Г. В. 241

Игнатий Смолянин 89

Игорь, князь Новгород-Северский
110, 111, 114, 116

Изотов М. 118

Иларион 14

Имшенецкий А. А. 27

Иноземцев Н. Н. 27

Ишлинский А. Ю. 27

Кабачник М. И. 27

Казин В. В. 111, 112

Калесник С. В. 27

Карамзин Н. М. 123

Карр А. 211

Кедров Б. М. 27

Кеннан Д. 69

Керн А. П. 227

Кириллин В. А. 27

Китс Д. 106

Климент Смолятич 14

- Ключевский В. О. 271
 Кнебель И. Н. 245
 Кнунянц И. Л. 27
 Кобзев И. И. 108, 117
 Ковалев К. П. 7, 100
 Козинцев Г. М. 17
 Козьма Индигоплов 14
 Коковцев В. Н. 163, 164
 Коле Л. 194, 204, 206—213
 Колери Л. де 17
 Коломенкина А. М. 65
 Кони А. Ф. 71, 271
 Константинов Ф. Б. 27
 Корнильев В. Я. 88
 Корнильев Д. В. 84, 85, 88
 Коро К. 209
 Короленко В. Г. 59—72
 Короленко С. В. 59—61, 64, 69, 72
 Короленко Ю. Г. 60
 Кост Н. 146
 Коцюбинский М. М. 69, 70
 Краевский А. А. 137
 Красин Л. Б. 169
 Крылов А. П. 126, 127
 Крылов И. А. 123—141, 160, 255
 Ксенофонт 14
 Кузен В. 207
 Кузмин М. А. 239
 Купреянов Н. Н. 235
 Куприн А. И. 69, 70
 Купченко В. П. 239
 Кутузов А. М. 86
 Кучум, хан 91
 Кушенов-Дмитриевский Д. 142, 143
 Кухельбекер В. К. 140
- Лавров В. В. 258
 Лансере Е. Е. 221, 231, 235
 Ларин А. Я. 142, 153
 Лафонтен Ж. 127
 Леблан-Метерлинк Ж. 199, 201
 Ленин В. И. 26, 36, 37, 45, 48, 51, 57, 119, 148, 183
 Лео А. Н. 232, 235
 Лепехин И. И. 89, 96
 Лермонтов М. Ю. 76, 107, 116, 142, 149, 153, 155, 277, 278, 292
 Лессепс Ж. В. 92
 Лидин В. Г. 141, 202
 Лист Ф. 17, 155
 Лихачев Д. С. 7, 8, 10, 15, 16, 19, 113
 Лобанов М. Е. 128
 Логвин Ю. Н. 173
 Ломоносов М. В. 76, 96
 Ломунова М. Н. 187
- Луначарский А. В. 51, 167, 169, 231
 Лунина Л. 78
- Магдалинский А. В. 173—186
 Магидсон С. М. 123
 Майков А. Н. 113
 Макаров Н. П. 145—147, 152, 153
 Макаров О. С. 176, 177
 Максим Грек 15, 18
 Максимович Л. 256
 Малала И. 14
 Малишевский А. Г. 64
 Малышев В. И. 18
 Мамин-Сибиряк Д. Н. 69, 70
 Марков Г. М. 301, 302
 Маркс К. 114, 118
 Матвеев А. А. 89
 Маяковский В. В. 116
 Мейерхольд В. Э. 231
 Митропан П. А. 59, 72
 Михаловский Д. Л. 104
 Михня П. Б. 119
 Мицкевич А. 303
 Мишле Ж. 60
 Модзалевский Б. Л. 164
 Монтексье Ш. Л. де 216
 Мор Т. 18
 Морков В. И. 144, 146, 151, 153
 Мороз Д. П. 221
 Морозов Н. А. 71
 Морозова Т. Г. 59, 72
 Мстислав Галицкий 114
 Муромцев Д. Н. 258—260
 Муромцева-Булгина В. Н. 259, 261, 264, 267, 268
 Мусин-Пушкин А. И. 15
 Мусин-Пушкин П. И. 17
 Мюссе А. де 207
- Надеждин Н. И. 298
 Нацагдорж Д. 38, 41
 Некрасов Н. А. 99
 Немирович-Данченко В. И. 105
 Нестеров М. В. 225
 Нечаева В. С. 277, 279, 284, 286
 Никитин А. 7
 Николай I 123, 138
 Николай II 163
 Нил Сорский 18
 Ницше Ф. 155, 166
 Новиков-Прибой А. С. 173, 177, 179, 183—186
- Одоевский В. Ф. 137, 139
 Оленин А. Н. 123—125, 128, 131
 Оленина В. А. 131

- Онегин А. Ф. 154—169
 Опекушин А. М. 271, 272
 Осетров Е. И. 112
 Осокин В. Н. 72, 111, 117, 118
 Остен-Сакен Ф. Р. 135—137, 140, 141
 Островский А. Г. 245
 Островский А. Н. 116, 271, 272
 Островский Н. А. 33
 Остроумова-Лебедева А. П. 223, 225, 227, 228, 231
 Отто А. Ф. см. Онегин А. Ф.
 Павел I 98
 Палей А. Р. 73
 Паллас П. С. 89, 96
 Панаев И. И. 99
 Панас Мирный 69
 Парнок С. Я. 243
 Пастернак Б. Л. 100—102, 104—107
 Патон Б. Е. 27
 Пахомий Логофет 15
 Петр I 249—251, 254
 Пиль И. А. 97
 Писарев Д. И. 61, 67
 Писемский А. Ф. 271, 272
 Пифагор 14
 Платон 14
 Платонов А. П. 11
 Плевако Ф. Н. 68
 Плетнев П. А. 136—141, 158
 Плетнева А. В. 158, 159, 161, 162
 Плутарх 14
 Погодин М. П. 123
 Полевой Н. А. 299
 Полинг Л. 28
 Полонский В. П. 239
 Полонский И. А. 131, 135, 140, 141
 Полонский Я. П. 272
 Потехин А. А. 273
 Потемкин Г. А. 246, 247
 Прищепенко В. Н. 112, 118
 Прохоров А. М. 20, 21, 27, 30
 Прохоров Ю. В. 27
 Придом С. 69
 Пугачев Е. И. 81, 82, 89, 293
 Путковский М. И. 84
 Пушкин А. А. 269, 271
 Пушкин А. С. 11, 76, 106, 115, 136, 137, 139, 149, 150, 154—156, 158—161, 163—168, 221—223, 227—230, 269—273, 277—285, 297
 Пушкин Г. А. 269
 Пушин И. И. 140
 Радищев А. Н. 81—99
 Радищев М. Н. 83
 Радищев П. А. 83, 84, 92, 99
 Радищева Е. А. 83
 Разгон Л. Э. 45
 Ралей У. 106
 Рахманинов С. В. 265
 Ревин А. И. 27
 Резанов А. П. 84
 Рейзов Б. Г. 194
 Ренье А. де 240, 242
 Рерих Н. К. 116, 155
 Римский-Корсаков Н. А. 144
 Рождественский В. А. 245
 Рождественский З. П. 177—180
 Розанов И. Н. 57
 Розмирович Е. Ф. 278—280, 284, 297
 Роллан Р. 51
 Ростовцев Я. И. 130, 133—135, 137, 138, 140, 141
 Ростопчина Е. П. 159, 160
 Ротач П. П. 59
 Рубакин А. Н. 45—58
 Рубакин Н. А. 45—58
 Рубан В. Г. 246—248, 251—253, 255, 257
 Рубановская Е. В. 83, 92, 98
 Рубинштейн Н. Г. 270, 271
 Румянцев А. М. 27
 Русанов В. А. 143, 145—152
 Руссо Ж. Ж. 127, 216
 Рыбаков Б. А. 27, 116
 Рылеев К. Ф. 116
 Рыленков Н. И. 113
 Сабашников М. В. 240, 244, 245
 Сабашников С. В. 240, 244
 Савельев К. С. 133
 Савинов А. Н. 221, 222, 231
 Салтыков-Щедрин М. Е. 61, 67
 Саложников А. П. 129, 130
 Сапунов Б. В. 14
 Саренко В. С. 144, 153
 Сафоний Рязанец 114
 Свинын П. П. 143
 Семашко Н. А. 51
 Семенников В. П. 99
 Сен Виктор П. де 240—242
 Сенар Ж. 215—217
 Сенкевич Г. 303
 Сент-Бёв Ш. О. 213
 Серафимович А. С. 69, 70
 Серов В. А. 225
 Сиборг Г. 28
 Сидоров А. А. 225, 228

- Симеон Полоцкий 7, 15, 257
 Сихра А. О. 144, 145, 149—153
 Скворцов А. М. 236
 Сковорода Г. С. 11
 Скотт В. 201
 Словацкий Ю. 101, 102, 104, 107, 303
 Смирдин А. Ф. 129—131
 Смирнов В. И. 27
 Смирнов Л. В. 218
 Смирнов Н. П. 261, 267
 Смирнов-Сокольский Н. П. 56, 141
 Смирнова-Россет А. О. 159
 Соколов С. А. 239
 Соколовский М. Д. 151, 153
 Сопиков В. С. 246, 256
 Стасова Е. Д. 51
 Стахович М. А. 144, 145, 153
 Стеллецкий В. И. 112
 Степанов А. Г. 113, 117
 Стерн Л. 89
 Столпянский П. Н. 142, 152
 Суинберн А. Ч. 106
 Сумароков П. П. 84
 Суриков В. И. 245
 Сытин И. Д. 244
 Сю Э. 201
- Тарасенков А. К. 57, 243
 Татищев В. Н. 16, 89
 Телешов Н. 68—71
 Тихон Задонский 67
 Тихонравов Н. С. 271
 Толстой А. К. 17, 68, 69, 155, 165
 Толстой Л. Н. 11, 48, 60, 61, 67, 68, 70, 105, 155, 165, 231
 Травников С. Н. 99
 Трапезников В. А. 27
 Третьяков С. М. 271
 Тудэв Л. 32, 33, 35
 Тургенев И. С. 61, 67, 155, 158—160, 165, 271—273, 302—304
- Успенский Г. И. 61, 67, 68, 271
 Утков В. Г. 81, 99
- Фаворский В. А. 116
 Фадеев А. А. 297
 Фальк И. П. 93
 Фаминцын А. С. 142, 147
 Федин К. А. 100, 103, 104
 Федоров Е. К. 27
 Федоров И., первопечатник 25
 Флобер Г. 105, 194—217
 Фонвизин Д. И. 76, 89, 246
 Франс А. 155, 165, 203, 217, 265
- Хвостов Д. И. 123, 247
 Херасков М. М. 246
 Хижинский Л. С. 235
 Хлебников В. В. 116
 Храповицкий А. В. 89
 Храпченко М. Б. 27, 101
- Цветаева М. И. 239
 Цетлин М. О. 241
 Циммерман Ф. М. 144, 145, 153
- Чагин П. И. 100—107
 Чайковский П. И. 17
 Черкашенин М. М. 84
 Челищев П. И. 89
 Черняк К. И. 154
 Чернышевский Н. Г. 63
 Чехов А. П. 60, 69, 155, 259, 264
 Чивилихин В. А. 111
 Чкалов В. П. 185
 Чуванов М. И. 129, 132, 135, 136, 141
- Шагинян М. С. 241, 242
 Шаликов П. И. 128
 Шаляпин Ф. И. 155
 Шаховская З. А. 260
 Шаховский А. А. 128
 Шевченко Т. Г. 118
 Шекспир У. 100, 102—106, 197, 203, 299
 Шелли П. Б. 106
 Шенгели Г. А. 241
 Шервашидзе А. К. 242, 244
 Шершеневич В. Г. 242
 Шипков А. С. 123
 Шмидт О. Ю. 26
 Шолом-Алейхем 69, 71
 Штеенбек М. 28
 Штелин Я. 147, 153
- Эберс Г. 68
 Эзоп 127, 128
 Энгельгардт Е. А. 136, 137, 139—141
 Энгельгардт Н. А. 145
 Эпикур 14
- Югов А. К. 113
 Юрьев С. А. 271
- Языков Н. М. 116
 Якубович П. Ф. 70
 Ярослав Мудрый 14
 Яснов М. Д. 120
 Яхонтов В. Н. 104

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

ЛИХАЧЕВ ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ

Академик. Выдающийся исследователь древнерусской культуры. Писатель, литературовед. Родился в 1906 году. Автор книг «„Слово о полку Игореве“ и культура его времени», «Поэтика древнерусской литературы», «Человек в литературе Древней Руси» и многих других. Лауреат премии имени братьев Кирилла и Мефодия Болгарской Академии наук.

ПРОХОРОВ АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ

Академик. 1916 года рождения. Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Нобелевской премий, автор многочисленных трудов в области физики.

ТУДЭВ ЛОДОНГИЙН

Родился в 1935 году. Известный монгольский писатель, переводчик. Член Президиума Великого Народного Хурала, Первый секретарь ЦК Революционного союза молодежи МНР, председатель Общества книголюбов Монголии. На родном языке вышли его книги «Горный поток», «Кочевье и оседлость», «Открывая мир» и др. Сборники «Счастье», «Вершина», роман «Первый год Республики» опубликованы в СССР на русском языке.

РАЗГОН ЛЕВ ЭММАНУИЛОВИЧ

Прозаик и критик. Родился в 1908 году. Автор книг «Под шифром „Рб“», «Волшебство популяризатора», «Живой голос науки» и ряда критико-биографических очерков о творчестве детских и юношеских писателей.

РОТАЧ ПЕТР ПЕТРОВИЧ

1925 года рождения. Литературовед. Преподает в Полтавском инженерно-строительном институте. Перу исследователя принадлежат биобиблиографический словарь «Литературная Полтавщина», статьи о русско-украинских литературных связях.

БРЫЛЬ МИХАИЛ НАУМОВИЧ

Журналист. Много лет работал в украинских газетах «Социалистическая культура», «Друг читателя». Собранные автором материалы о книге, книжной торговле публиковались издательством «Книга», украинскими издательствами «Политиздат», «Реклама». Родился в 1910 году.

УТКОВ ВИКТОР ГРИГОРЬЕВИЧ

Писатель. 1912 года рождения. Заслуженный работник культуры РСФСР. Перу исследователя принадлежат книги «Люди. Судьбы. События», «Книги и судьбы», «Дороги „Конька-Горбунка“», сборники повестей и рассказов.

КОВАЛЕВ КОНСТАНТИН ПЕТРОВИЧ

Журналист. Родился в 1955 году. Автор ряда очерков о истории Москвы, древнерусских городов, об охране окружающей среды, о музыкальной культуре.

КОБЗЕВ ИГОРЬ ИВАНОВИЧ

Поэт. Очеркист. Автор сборников стихотворений «Витязи», «Гусляры», «Радонежье» и многих других. Организатор и председатель Совета общественного музея «Слова о полку Игореве». Родился в 1924 году.

МАГИДСОН СВЕТЛАНА МАРКОВНА

Критик, литературовед. Автор ряда искусствоведческих работ, книги о советских писателях «Знакомы ли вам их имена?», составитель 3-томной антологии лирики поэтов мира «Песнь любви».

ЛАРИН АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВИЧ

Кандидат химических наук. Музыковед. Руководит студией гитаристов при Академии наук СССР. Родился в 1919 году.

ЧЕРНЯК КОНСТАНТИН ИСААКОВИЧ

Кандидат технических наук. 1905 года рождения. Работает над темами: «Пушкинский Петербург», «А. Ф. Онегин и его окружение».

ЛОГВИН ЮРИЙ НИКИФОРОВИЧ

Журналист. Родился в 1938 году. Автор очерков, посвященных героям Великой Отечественной войны, охране природы, прототипам литературных героев.

ЛОМУНОВА МАРГАРИТА НИКОЛАЕВНА

Критик. Автор статей, очерков о жизни и творчестве русских советских писателей. Работы публиковались в журналах «Знамя», «Москва», «Молодая гвардия», в центральных газетах.

БЕЛОУСОВ РОМАН СЕРГЕЕВИЧ

• Прозаик. Родился в 1927 году. Перу писателя принадлежат книги «В тысячах иероглифов», «Тайна Иппокрены», «Из родословной героев книг», «О чем умолчали книги».

МОРОЗ ДМИТРИЙ ПАВЛОВИЧ

Преподаватель философии Минского политехнического института. Автор ряда статей в журналах «В мире книг», «Русская литература», «Белоруссия» и др., посвященных русской культуре конца XIX — начала XX вв. Родился в 1922 году.

ЗАУШКЕВИЧ ГЕОРГИЙ ВСЕВОЛОДОВИЧ

Инженер-конструктор. 1927 года рождения. Работает над изучением деятельности русских издательств начала XX века.

КУПЧЕНКО ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ

Заведующий Домом-музеем М. А. Волошина в Коктебеле. Родился в 1938 году. Автор многочисленных работ, посвященных жизни и творчеству М. А. Волошина, публикаций произведений русских советских писателей.

АЛЕКСАНДРОВ ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ

Родился в 1921 году. Автор книг «Силуэты Москвы», «Музыка в камне», работ по истории Москвы, публикаций краеведческих материалов. В издательстве «Московский рабочий» готовится к выпуску его работа по истории русских путеводителей.

ЛАВРОВ ВАЛЕНТИН ВИКТОРОВИЧ

Журналист. Его перу принадлежат публикации документов, связанных с творчеством известных писателей нашей страны, статьи на библиофильские темы. Родился в 1935 году.

ЗЛОЧЕВСКИЙ ГАРОЛЬД ДАВИДОВИЧ

Кандидат технических наук. 1936 года рождения. Публикует на страницах массовой печати статьи о редких изданиях, посвященных истории Москвы.

SUMMARY

Dmitry LIKHACHEV

A bridge into the future

An academician, an expert in the field of history of Russian literature meditates upon the significance of the cultural heritage of the past for the present; tells about the new findings of the old Russian manuscripts and books, which fill up the collection of Pushkinsky Dom (The Institute of Russian Literature).

Alexander PROKHOROV

The universal code of knowledge

A famous Soviet physicist, Lenin and Nobel prizes laureate, academician, being also an editor-in-chief of the Soviet encyclopaedia, describes the way it's third edition was prepared.

Lodonguin TOUDEV

A kind mind and a generous soul

A well-known Mongolian prose-writer, the leader of the Revolutionary Youth Union of Mongolia tells the story of his own literary way, speaks on the books that formed his personality as a writer, recounts the deeds of Mongolian book-lovers.

Lev RAZGON

Junior Roubackin

The story tells of father and son Roubackin, distinguished bibliophiles, writers, scholars.

P. ROTATCH

From Korolenko's books

Unfortunately, the private library of the prominent Russian writer couldn't be preserved as a whole—its greater part was lost during the World War II. The article describes that collection partly restored by the scientists of the Korolenko's museum in Poltava-town.

M. BRYIL

The first in Kiev

The drug-store for souls—that was the name, given by a bookseller Pavel Dolgickov to the first public library in Kiev, that had been founded by him.

Victor UTKOV**An unwritten book by Radischev**

Alexander Radischev, the great Russian writer and revolutionary on his way to the Siberian exile attentively observed the life of villages and towns he met. His records are of historical and literary interest even today. They could have formed a book but...

Konstantin KOVALEV**With Shakespeare on his mind**

Being evacuated to Tataria during the World War II, a well-known Russian poet Boris Pasternak worked hard translating Shakespeare's "Romeo and Juliet". His letters belonging to this period are published in the article. They were addressed to P. I. Chagin—a distinguished Soviet publisher.

Igor KOBZEV**A one book museum**

Poet and the director of a public museum of "Slovo o polku Igoreve" ("The Igor tale") describes the research and propagandistic work of enthusiastic connoisseurs of the great literary monument to the Old Russian culture.

Swetlana MAGIDSON**The last riddle by Krylov**

The last will of the great fabler was to unpack some sacks full of books that were lying at the storehouse. The volumes of his fables were sent to Krylov's friends as a kind of invitation to his funeral.

A. LARYN**Guitar in Russia**

This is a review of literature on seven-string guitar since the beginning of the 19th century up to our days. Some of the books described here became a rarity long ago.

K. CHERNJAK**Onegin's house in Paris**

Alexander Fedorovitch Onegin (Otto) collected a unique museum devoted to Pushkin in Paris. The article tells about the priceless treasures of the collection and the selfless research work that was carried out by Onegin all his life through. According to his will the museum came to the Soviet Russia.

Yury LOGVIN**Helmsman from "The Oleg" and "The Aurora"**

The fascinating and full of danger lifeway of one of the characters of the Novickov-Priboy's novel "Tsusima"—a Russian sailor Alexander Magdalinsky—is described in the article.

Margarita LOMUNOVA**"A birch-tree grows in Volgograd..."**

The main theme of Margarita Agashina's poetical work is heroic Stalingrad, its defenders, and people who were restoring it from the ruins and are building it nowadays.

Roman BELOUSOV**The Muse of Flaubert**

Enigmatic and wilful Madame Bovary had a real prototype. But another woman also helped Flaubert to draw this character...

Dmitry MOROZ

"The bronze horseman" by Alexander Benua

An outstanding Russian artist Alexander Benua created a suite of illustrations to the great Pushkin's poem. Now we can't conceive of images of the poem without his pictures.

G. ZAUSHKEWICH

Publishing firms' marks of the beginning of the century

There are given interesting examples of Russian publishing firms signs.

VL KUPCHENKO

In Voloshin's lifetime

The story of the books published in the lifetime of the well-known Russian poet is told here.

Yury ALEXANDROV

The old guide-books

The first Russian printed guide-books appeared in the 18th century. They contain a lot of colourful details of Moscow and Sanct-Petersbourg life of that time.

Valentin LAVROV

By Bunin's hand

The fascinating story of searches of the autographs, among which are dedications on the books and two self interviews by Bunin.

G. ZLOCHEVSKY

Garland to the Pushkin's Monument

Unveiling of the memorial to the great Russian poet in Moscow (1880) became the grandiose event in the culture life of the country. The most prominent writers, artists, public men took part in it. This was described in the book, published the same year.

Vera NECHAEVA

My work through many years...

Some fragments from the autobiographical book of the distinguished Soviet literary critic.

СОДЕРЖАНИЕ

КНИГА И ЖИЗНЬ

<i>Дмитрий Лихачев. Мост в будущее. Беседу вел Константин Ковалев</i>	7
<i>Александр Прохоров. Универсальный свод знаний. Беседу вел Александр Шахматов</i>	20
<i>Лодонгийн Тудэв. Добрый ум и щедрая душа. Беседу вела Людмила Букина</i>	32

БИБЛИОТЕКИ И БИБЛИОФИЛЫ

<i>Лев Разгон. Младший Рубакин</i>	45
<i>П. Ротач. Из книг В. Г. Короленко</i>	59
<i>М. Брыль. Первая в Киеве</i>	74

ПОИСКИ И НАХОДКИ

<i>Виктор Утков. Ненаписанная книга Радищева</i>	81
<i>Константин Ковалев. За шекспировской строкой</i>	100
<i>Игорь Кобзев. Музей великой книги</i>	108

ДЕЛА МИНУВШИЕ

<i>Светлана Магидсон. Последняя загадка Крылова</i>	123
<i>А. Ларин. Гитара в России</i>	142
<i>К. Черняк. В парижском домике Онегина</i>	154

ПО СЛЕДАМ ГЕРОЕВ КНИГ

<i>Юрий Логвин. Рулевой с «Олега» и «Авроры»</i>	173
<i>Маргарита Ломунова. «Растет в Волгограде березка...»</i>	187
<i>Роман Белоусов. Муза Флобера</i>	194

РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ

Дмитрий Мороз. «Медный всадник» Александра Бенуа	221
Г. Заушкевич. Издательские марки начала века	232

КНИЖНЫЙ РАЗВАЛ

Вл. Купченко. При жизни Волошина	239
Ю. Александров. Старинные путеводители	246
Вал. Лавров. Рукою Бунина	258
Г. Злочевский. Венок на памятник Пушкину	269

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Вера Нечаева. Мой труд многолетний... Предисловие Д. Благого (Нечаева)	277
---	-----

В ПОЭТИЧЕСКОЙ РУБРИКЕ

Людмила Букина. «Кожура абажура оранжевым светом полна...»	42
А. Р. Палей. Наши книги	73
Людмила Лунина. Страница	78
Паул Михня. Слово	119
Людмила Гаямова. Аполлинеру	170
Владимир Британишский. Комментарий	218
Анатолий Скворцов. Томик Пушкина	236
Именной указатель	306
Коротко об авторах	311
Резюме на английском языке	315

АЛЬМАНАХ БИБЛИОФИЛА

Выпуск одиннадцатый

Н. К.

Редактор ВСК

К. П. Ковалев

Редактор издательства

М. Я. Фильштейн

Художественный редактор

Н. Д. Карандашов

Технический редактор

Г. Б. Андреева

Корректор

Н. Ю. Семенова

Сдано в набор 3.02.81. Подписано в печать 22.09.81. А11299.

Формат 60×84/16 Бум. офсетная

Гарнитура школьная. Офсетная печать

Усл. печ. л. 18,60. Усл. кр.-отт. 37,66. Уч.-изд. л. 17,65.

Тираж 50 000 экз. Заказ 2494. Изд. № 3342. Цена 1 р. 10 к.

Издательство «Книга», Москва, К-9, ул. Неждановой 8/10.

Ордена Октябрьской Революции

и ордена Трудового Красного Знамени

Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова

Союзполиграфпрома Государственного комитета СССР

по делам издательства, полиграфии и книжной торговли

Москва, М-54, Валуевская, 28.